ГЛАВНѢЙШІЯ СОБЫТІЯ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

ЦЕРКОВНОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ.

СБОРНИКЪ ДЛЯ НАРОДНАГО И ШКОЛЬНАГО ЧТЕНІЯ.

Составилъ **А. Поповъ.**

ТОМЪ VI. — VII

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Товарищество типо-литографіи **Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ.**
Марьина роща, соб. домъ.

„Приходская Библіотека".

I. Отдѣлъ церковный.

		коп.
1.	**Псалтирь съ толкованіемъ**, для народнаго чтенія. Т. I. Шестопсалміе и богослужебные часы.	30
2.	Томъ II. Каѳизмы первая, вторая и третья.	30
3.	**Ученіе отцовъ Церкви православной о вѣрѣ и жизни христіанской.** Сост. проф. В. Пѣвницкій. Томъ I.	30
4.	**Тоже.** Томъ II.	30
5.	**Святыя мѣста и святыни на Востокѣ и въ Россіи.** Состав. П. Петрушевскій. Томъ I. Съ 11 рисун. и картою. . .	40
6.	**Тоже.** Томъ II.	30
7.	**Тоже.** Томъ III.	30
8.	**Святые отцы Церкви**, ихъ жизнь и писанія. Томъ I. . .	30
9.	**Тоже.** Томъ II.	30
10.	**Преподобный Сергій Радонежскій чудотворецъ.** Съ рисун.	30
11.	**Святитель Христовъ Стефанъ Пермскій**, съ 15 рис. и картою.	20
12.	**Бесѣды пастыря.** Прот. І. Наумовича. Томъ I. Съ портретомъ автора	30
13.	**Тоже.** Томъ II.	30
14.	**Свѣточи христіанства.** Сочин. прот. М. И. Хитрова. . .	30
15.	**Св. благовѣрный великій князь Александръ Ярославовичъ Невскій.** Прот. М. И. Хитрова	40
16.	**Годъ православн. христіанина.** Часть 1-я и 2-я. Прот. М. И. Хитрова	50

II. Отдѣлъ историческій.

17.	**Главнѣйшія событія русской исторіи.** Сост. А. Поповъ. Томъ I: Отъ начала русской исторіи до нашествія татаръ (862—1224).	30
18.	Томъ II: Отъ нашествія татаръ до Іоанна III Васильевича (1224—1462).	30
19.	Томъ III: Отъ вступленія на престолъ Іоанна III до кончины Ѳеодора Іоанновича (1462—1598)	30
20.	Томъ IV: Смутное время. Первые цари изъ дома Романовыхъ: Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ (1598—1678)	30
21.	Томъ V. Петръ Великій. Съ портр. Петра Великаго и 11-ю рисун.	30
22.	Томъ VI. Достопамятные дѣятели Петровскаго времени.	30
23.	Томъ VII. Ближайшіе преемники Петра Великаго . . .	30
24.	**Подвижники и страдальцы за вѣру православную и землю святорусскую.** Сост. свящ. М. Едлинскій. Томъ I. . . .	30
25.	**Тоже.** Томъ II	30
26.	**Тоже.** Томъ III	30
27.	**Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность.** Сост. проф. И. И. Малышевскій. Томъ I.	30
28.	**Тоже.** Томъ II.	30

Г 74/308
9 65/131

ГЛАВНѢЙШІЯ СОБЫТІЯ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

ЦЕРКОВНОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ.

СБОРНИКЪ ДЛЯ НАРОДНАГО И ШКОЛЬНАГО ЧТЕНІЯ.

Составилъ **А. Поповъ.**

6-7

ТОМЪ VI.

§1
1/233/16

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Товарищество типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ.
Марьина роща, соб. домъ.

1905.

РУМЯНЦЕВСКІЙ МУЗЕЙ * БИБЛІОТЕКА

Достопамятные дѣятели Петровскаго времени.

а) Свѣтскіе государственные дѣятели.

Великое дѣло преобразованія Россіи совершено было императоромъ Петромъ I не единолично, но при сотрудничествѣ ближайшихъ его помощниковъ. Они являлись усердными исполнителями мудрыхъ предначертаній и державной воли своего монарха. Въ царствованіе Петра Великаго на разныхъ поприщахъ государственной службы—военномъ, морскомъ, гражданскомъ—въ Россіи выдвинулось столь много замѣчательныхъ дѣятелей, сколько не встрѣчается ни въ одно изъ послѣдующихъ царствованій. Откуда же и какъ появились вокругъ великаго преобразователя эти даровитые люди? Среди сотрудниковъ царя мы встрѣчаемъ лицъ далеко не одинаковаго происхожденія. Одни изъ нихъ были изъ знаменитыхъ фамилій, другіе невысокаго рода, многіе изъ нихъ—природные русскіе люди, иные изъ выходцевъ иностранныхъ. Всѣ они были замѣчены и возвышены самимъ Петромъ за ихъ способности и труды на пользу Россіи.

Петръ Великій отличался удивительнымъ умѣньемъ угадывать въ людяхъ таланты и отыскивать исполнителей своихъ плановъ. Умныхъ и дѣятельныхъ людей онъ находилъ среди всякихъ званій, состояній и народностей: нѣкоторыхъ изъ нихъ нашелъ онъ въ старинныхъ русскихъ фамиліяхъ боярскихъ, иныхъ среди знатныхъ

Дозволено цензурою. Москва, 11 апрѣля 1905 г.

2007041532

иностранцевъ, появившихся при его дворѣ, нѣкоторыхъ вывелъ изъ самыхъ низшихъ слоевъ русскаго простонародья, немногихъ—даже изъ чужеземной черни. Еще прежде, чѣмъ Петръ Великій достигъ зрѣлаго возраста, когда испытанный умъ его могъ отыскивать вполнѣ подходящихъ людей, счастливая случайность иногда благопріятствовала ему: нечаянно встрѣчалъ онъ юныхъ помощниковъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи знаменитыми по своимъ высокимъ дарованіямъ. Онъ рѣдко ошибался въ нихъ; они же въ немъ никогда. Большинство изъ нихъ соотвѣтствовало его ожиданіямъ, и онъ быстро возвышалъ ихъ и щедро награждалъ. Мало того, что онъ умѣлъ выбирать хорошихъ людей, онъ умѣлъ ихъ привязать къ себѣ, умѣлъ сберечь ихъ для себя и отечества. Своими мудрыми наставленіями, отеческими внушеніями, наконецъ, примѣромъ своей неустанной дѣятельности и необычайно-высокой личности, Петръ сильно привязывалъ къ себѣ ближайшихъ своихъ сотрудниковъ. Глубокое религіозное чувство монарха и сознаніе обязанностей къ Богу, постоянно возвышавшее духъ его въ бѣдахъ и несчастіяхъ, ободряло и его сподвижниковъ; необыкновенное величіе государя, соединенное въ немъ съ сознаніемъ ничтожества всѣхъ умовъ человѣческихъ, не позволявшимъ заноситься въ счастіи, возвышало нравственно и его сотрудниковъ; строгое требованіе правды и неуклоннаго исполненіе обязанностей, умѣнье выслушивать возраженія самыя рѣзкія и чрезвычайная общительность, простота, благодушіе,— всѣ эти качества государя привлекали къ нему сердца лучшихъ людей, имѣвшихъ случай сблизиться съ нимъ. Вотъ какъ объяснялъ великій государь Неплюеву, вѣрному слугѣ своему, взглядъ свой на службу государственную: „Я вамъ отъ Бога приставникъ, а должность моя смотрѣть того, чтобы недостойному не дать, а у

достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь,—не мнѣ, а больше себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худъ,—такъ я истецъ, ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобы злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать; служи вѣрою и правдою! Вначалѣ Богъ, а по Немъ и я долженъ буду не оставлять тебя".

Необычайно благодѣтельны были подобныя внушенія мудраго царя въ отношеніи къ его сотрудникамъ: они укрѣпляли въ душѣ ихъ прочныя основы истиннаго достоинства и неложнаго счастья. И кто помнилъ мудрыя наставленія государя и руководился его примѣромъ, тотъ до конца жизни, и по смерти Петра, сохранилъ свое достоинство и былъ счастливъ; эти лучшіе „птенцы Петра Великаго" не обольстились призраками ложнаго счастія и жертвовали всегда личными выгодами для блага общаго, для счастія Россіи. Потому-то они не поколебались и среди самыхъ трудныхъ испытаній жизни. Къ сожалѣнію, не всѣ изъ сотрудниковъ мудраго государя постоянно слѣдовали его завѣтамъ; нѣкоторые изъ возвышенныхъ царемъ вельможъ, послѣ его смерти, а иные еще и при жизни его, пренебрегли мудрыми его совѣтами, увлеклись честолюбивыми мечтами и страстью корыстолюбія; вознесенные на непривычную высоту, они не умѣли на ней удержаться, поколебались и погубили себя.

---

1) Князь А. Д. Меншиковъ.

Александръ Даниловичъ Меншиковъ происходилъ изъ простолюдиновъ: отецъ его былъ нѣкоторое время придворнымъ конюхомъ. Такъ какъ придворные конюхи при Петрѣ получили особое значеніе, именно изъ нихъ преимущественно сформировались потѣшные полки, Преображенскій и Семеновскій, то нисколько не уди-

вительно, что бывшій придворный конюхъ дослужился въ гвардіи до званія капрала. О годѣ и мѣстѣ рожденія Меншикова мы не имѣемъ совершенно точныхъ свѣдѣній: по однимъ извѣстіямъ, онъ родился въ 1673 году и былъ на полтора года моложе Петра Великаго; по другимъ даннымъ, онъ былъ года на два старше государя. Мѣстомъ рожденія Меншикова считаютъ то Московскую губернію, то Владимирскую, то Вологодскую. Въ дѣтствѣ Меншиковъ не получилъ никакого образованія, былъ почти безграмотенъ и только по навыку нѣсколько выучился нѣмецкому языку, живя въ Нѣмецкой слободѣ. Такъ какъ отецъ Меншикова былъ бѣденъ, то вполнѣ вѣроятно преданіе о томъ, что еще мальчикомъ онъ отданъ былъ въ обученіе пирожнику и въ дѣтствѣ продавалъ пирожки. Какимъ-нибудь промысломъ нужно же было этому бѣдняку зарабатывать себѣ хлѣбъ. Преданіе это подтверждается разсказомъ Нартова, царскаго токаря, проведшаго при особѣ государя двѣнадцать лѣтъ и впослѣдствіи назначеннаго членомъ Академіи наукъ. Нартовъ, въ качествѣ очевидца, разсказываетъ, что, когда Меншиковъ былъ уже приближеннымъ Петра, царь, разсердившись на своего любимца, сказалъ ему: „Знаешь ли ты, что я разомъ поворочу тебя въ прежнее состояніе? Тотчасъ же бери свой кузовъ съ пирогами, скитайся по лагерю и кричи: „пироги подовые!“ какъ дѣлывалъ прежде. Вонъ!“ Разгнѣванный государь, послѣ этихъ словъ, вытолкалъ Меншикова изъ комнаты. Тотъ обратился къ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ съ просьбой заступиться за него предъ государемъ. Государыня, зная нравъ своего супруга, постаралась развеселить его; виновный же, чтобы доказать свое повиновеніе, подхватилъ на улицѣ у пирожника кузовъ, повѣсилъ на себя и вернулся во дворецъ. Когда успокоившійся государь уви-

далъ въ такомъ видѣ своего любимца, онъ расхохотался и сказалъ: „Слушай, Александръ, перестань бездѣльничать, или будешь хуже пирожника“. Почуявъ прощеніе, Меншиковъ пошелъ за императрицей и продолжалъ кричать: „пироги подовые!“ Между тѣмъ государь вслѣдъ ему смѣялся и говорилъ: „Помни, Александръ!“ „Помню, Ваше Величество, и не забуду! Пироги подовые!“—продолжалъ любимецъ царя.

Чѣмъ же могъ первоначально обратить на себя вниманіе бѣдный продавецъ пирожковъ? Какъ онъ удостоился милостей и благоволенія государя? Бойкій и красивый мальчикъ обыкновенно предлагалъ свой товаръ съ остроумными прибаутками и разными шутками. Этимъ онъ и привлекъ на себя вниманіе сначала Лефорта. Лефортъ взялъ его къ себѣ въ услуженіе. Царь бывалъ часто и запросто у Лефорта и постоянно видѣлъ у него смышленаго и проворнаго мальчика-слугу. Хозяинъ не могъ нахвалиться расторопностью, исполнительностью и преданностью юнаго своего прислужника. Петръ сразу оцѣнилъ достоинства Меншикова и пожелалъ взять его къ себѣ въ денщики. Затѣмъ Меншиковъ зачисленъ былъ въ потѣшные и поступилъ бомбардиромъ въ Преображенскій полкъ, при самомъ его учрежденіи (1693 г.).

Денщики Петра Великаго были самые приближенные къ нему люди; государь давалъ имъ самыя разнообразныя порученія, для исполненія которыхъ требовалось большое умѣнье и строгая исполнительность. Смышленый и ловкій юноша, исполняя разныя царскія порученія, незамѣтно пріобрѣталъ довѣріе государя, такъ какъ Петръ имѣлъ полную возможность на дѣлѣ узнать достоинства своего вѣрнаго слуги. Благоволеніе государя къ Меншикову постепенно возрастало по мѣрѣ того, какъ Петръ убѣждался въ разносторонних споо-

собностяхъ его. Необычайно сообразительный, безпредѣльно преданный слуга съ полуслова угадывалъ волю царя и приводилъ ее въ исполненіе столь быстро, сколь и умѣло. Въ отвѣтахъ своихъ государю онъ былъ находчивъ, въ сужденіяхъ основателенъ и въ дѣйствіяхъ расторопенъ. Все это очень нравилось Петру, потому что такихъ именно помощниковъ онъ себѣ и искалъ. Вскорѣ государь не могъ обходиться безъ любимца своего денщика и требовалъ, чтобы тотъ находился при немъ безотлучно. Въ Азовскомъ походѣ Петръ и Меншиковъ жили въ одной палаткѣ, раздѣляя всѣ тягости военной службы; во время путешествія за границу— оба были неразлучны и съ одинаковою ревностью занимались самообразованіемъ. Вмѣстѣ съ царемъ Меншиковъ обучался въ Голландіи корабельному мастерству, въ которомъ оказалъ большіе успѣхи, и въ одинъ и тотъ же день корабельный мастеръ выдалъ имъ обоимъ свидѣтельства на званіе корабельнаго плотника. Оба путешествовали въ Англіи и оттуда возвратились въ Россію.

Нужно думать, что Меншиковъ значительно развился и образовался во время заграничнаго путешествія. Тамъ, на западѣ Европы, онъ незамѣтно прошелъ хорошую школу подъ руководствомъ Петра, который бралъ его всюду и въ мастерскія, и въ музеи, и на придворныя празднества. Молодой человѣкъ, богато одаренный отъ природы, по необходимости, долженъ былъ не только ко всему приглядываться и прислушиваться, но и все усвоять, все обдумывать, чтобы впослѣдствіи въ состояніи понимать требованія великаго преобразователя и исполнять важныя и трудныя его порученія. Какъ человѣкъ, не принадлежавшій къ прежней родословной знати, Меншиковъ не былъ приверженцемъ старины и со всею искренностью увле-

кался западнымъ просвѣщеніемъ; онъ вполнѣ раздѣлялъ всѣ мысли и намѣренія государя относительно преобразованія Россіи по западно-европейскому образцу. Это чистосердечное и горячее сочувствіе Меншикова великимъ замысламъ Петра еще болѣе послужило къ тѣсному союзу царя съ вѣрнымъ слугою.

По возвращеніи изъ-за границы Меншиковъ занялъ уже выдающееся положеніе при дворѣ и получилъ особое значеніе въ глазахъ государя. Онъ смѣло приводилъ въ исполненіе всѣ распоряженія преобразователя; способствуя скорѣйшей перемѣнѣ внѣшняго вида слугъ государевыхъ, онъ обрѣзывалъ у нихъ бороды и наряжалъ ихъ въ нѣмецкое платье; въ его домѣ по иноземнымъ образцамъ шьютъ кафтаны для придворныхъ и прислуги царя и приготовляютъ знамена для Семеновскаго полка. Съ изумительнымъ самоотверженіемъ Меншиковъ расправлялся и съ врагами царя— возмутившимися стрѣльцами: многихъ изъ нихъ онъ собственноручно предалъ заслуженной казни. Образцовый и исполнительный денщикъ, со смѣтливостью истинно русскаго человѣка, быстро и безпрекословно исполнялъ всѣ приказанія преобразователя, не гнушаясь никакою работою и строго исполняя свой долгъ.

Неудивительно послѣ этого, что благоволеніе царя къ умному и преданному слугѣ перешло въ чувство самой искренней дружбы. Пользуясь добрымъ расположеніемъ къ себѣ государя, Меншиковъ постепенно пріобрѣталъ все большее и большее вліяніе на него. Царь охотно выслушивалъ его умные совѣты и соглашался съ его взглядами и сужденіями. Меншиковъ, пользуясь своею близостью къ царю, не разъ сдерживалъ гнѣвъ Петра и вліялъ умиротворяющимъ образомъ на его душу. Такъ, въ 1698 году, по возвращеніи изъ-за границы, онъ сумѣлъ удержать разгнѣваннаго государя на пиру у

Лефорта отъ жестокой расправы съ боярпномъ Шеннымъ. Шеинъ подвергся было этой расправѣ за неправильное производство офицеровъ во время отсутствія государя за границей, и царь при этомъ ужасно разгнѣвался на Зотова и князя Ромодановскаго, заступившихся за виновпаго. Петръ, всегда охотно признававшій свои ошибки, конечно, долженъ былъ чувствовать благодарность въ отношенін къ своему вѣрпому слугѣ, вовремя удержавшему его отъ поступка, въ которомъ послѣ и самъ бы раскаялся. Услуга Меншикова была тѣмъ дороже, что, вмѣшавшись въ дѣйствія раздраженнаго государя, опъ могъ и самъ поплатиться за неумѣстное посредничество. Дѣйствительно, Меншиковъ иногда прямо жертвовалъ собою и подвергался гнѣву Петра, обращаясь къ нему съ совѣтами, не всегда умѣстными.

Меншиковъ, несмотря па всѣ заслуги, долго числился только сержантомъ Преображенскаго полка и, можетъ-быть, попрежнему оставался бы только денщикомъ государя, если бы не обнаружились его таланты на болѣе широкомъ поприщѣ — военномъ.

До тѣхъ же поръ, по званію денщика, онъ былъ только любимый слуга царя, вѣрный его „Алексаша“. Царь поручилъ ему, между прочимъ, завѣдывать и своимъ домашнимъ хозяйствомъ. Отъ 1700 года сохранилось слѣдующее дружеское письмо Петра къ Меншикову: „Мейнъ Герценкинъ (дитя моего сердца)! Вели вычистить вездѣ и починить. Также вели въ спальной сдѣлать полъ липовый, да и въ другихъ вели новые полы передѣлать... Также вели сдѣлать вновь погребъ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ ботъ стоитъ, или гдѣ старая баня. Также и во всемъ осмотри и прикажи... За симъ передаю васъ въ сохраненіе всѣхъ хранителя Бога“. Петръ обращается, какъ видимъ, къ Меншп-

кову съ отечески-нѣжнымъ привѣтствіемъ: „дитя моего сердца“; точно предугадывалъ прозорливый монархъ въ своемъ слугѣ самаго умнаго и нужнаго сотрудника, точно предвидѣлъ въ немъ будущаго совѣтника и исполнителя самыхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ. Но до того времени, пока надежды Петра еще не подтвердились, онъ не возвышалъ своего любимца безъ особыхъ заслугъ. Мало того, онъ старался быть даже сдержаннымъ въ милостяхъ по отношенію къ Меншикову. Однажды, когда кто-то изъ придворныхъ ходатайствовалъ передъ царемъ, чтобы онъ возвелъ своего любимца въ дворянское достоинство и далъ ему званіе стольника, Петръ отвѣчалъ, что Александръ уже и безъ того присвоиваетъ себѣ почести, на которыя не имѣетъ права, и что надобно уменьшать въ немъ честолюбіе, а не увеличивать его. Очевидно, что великій государь ждалъ еще впереди важныхъ заслугъ своего даровитаго любимца, чтобы наградить ихъ истинно по-царски. Время это скоро наступило.

Когда Россія вступила въ долговременную и тяжкую борьбу съ опаснымъ сосѣдомъ, Карломъ XII, тогда представилась возможность и всѣмъ истиннымъ приверженцамъ Петра доказать на дѣлѣ свою любовь и усердіе къ царю и отечеству. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Швеціи, начались и важнѣйшіе подвиги Меншикова, сопровождавшіеся быстрымъ его возвышеніемъ. Когда „шведъ“, по выраженію Петра, „увязъ въ Польшѣ“, войска наши, подъ предводительствомъ Бориса Петровича Шереметева, быстро стали завоевывать крѣпости и города въ Ингріи и Лифляндіи. Въ этихъ походахъ самъ царь, въ званіи бомбардирскаго капитана, и вѣрный слуга его, Меншиковъ, уже произведенный въ поручики послѣ нарвскаго сраженія, приняли самое дѣятельное участіе. При усердномъ со-

дѣйствіи ихъ, въ 1702 году, увѣнчался успѣхомъ штурмъ крѣпости Нотебурга, которую Петръ переименовалъ въ Шлиссельбургъ. Такъ какъ Меншиковъ во время приступа выказалъ особенную храбрость, то и назначенъ былъ комендантомъ завоеванной крѣпости. Въ слѣдующемъ году Меншиковъ участвовалъ во взятіи Нієншанца и потомъ вмѣстѣ съ царемъ одержалъ побѣду надъ шведами въ устьяхъ Невы. За этотъ первый, небывалый доселѣ успѣхъ въ морской битвѣ адмиралъ Головинъ обоихъ побѣдителей пожаловалъ орденомъ святого Андрея Первозваннаго. Когда, вслѣдъ за тѣмъ, основанъ былъ Петербургъ и заложена была Петропавловская крѣпость, Меншиковъ ранѣе другихъ сотрудниковъ Петра выстроилъ порученную ему часть ея, которая названа была его именемъ. Едва началъ застраиваться Петербургъ, какъ тотчасъ построенъ былъ на Петербургской сторонѣ и домъ Меншикова, противъ „домика Петра Великаго“; онъ получилъ названіе Посольскаго двора, потому что въ немъ происходилъ пріемъ иноземныхъ пословъ. Вслѣдъ за тѣмъ Меншиковъ назначенъ былъ первымъ губернаторомъ новаго города, и на него возложена была чрезвычайно отвѣтственная обязанность по части устройства Петербурга и защиты всего завоеваннаго побережья. Благодаря уму и распорядительности новаго начальника края, Петербургъ быстро началъ обстраиваться; укрѣплены были Кронштотъ и Кронштадтъ, для Финскаго залива построены были въ Лодейномъ полѣ военныя суда.

Первый губернаторъ новой столицы сразу обнаружилъ чрезвычайныя дарованія и достигъ блестящихъ успѣховъ на своемъ трудномъ поприщѣ.

Убѣдившись на дѣлѣ въ исполненіи своихъ надеждъ относительно Меншикова, государь облекъ чрезвычайнымъ довѣріемъ „дитя своего сердца“. Отличая его

самыми ласковыми наименованіями: „мое сердце“, „любезнѣйшій мой товарищъ“, „мой любезнѣйшій другъ“, государь, наконецъ, удостоилъ его высокаго названія „мой братъ“. Особое благоволеніе царя къ Меншикову замѣчено было и за границей: австрійскій императоръ Леопольдъ, изъ угожденія Петру, милостиво возвелъ Меншикова въ достоинство графа Римской имперіи; это была выдающаяся награда, которой ранѣе удостоенъ былъ только генералиссимусъ и великій адмиралъ Головинъ.

Между тѣмъ Великая Сѣверная война продолжалась и дала возможность Меншикову проявить еще въ большемъ блескѣ свои военныя дарованія. Въ 1705—1706 годахъ, въ званіи начальника кавалеріи, Меншиковъ дѣйствовалъ чрезвычайно умно и успѣшно въ Литвѣ; потомъ особенно отличился онъ въ битвѣ при Калишѣ, гдѣ разбилъ на голову тридцатитысячный шведскій отрядъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи только кавалерійскія войска, Меншиковъ возмѣстилъ недостатокъ пѣхоты тѣмъ, что приказалъ спѣшиться двумъ драгунскимъ полкамъ и самъ со шпагою въ рукѣ смѣло повелъ ихъ противъ непріятеля. Даровитый вождь, за свою распорядительность и личную храбрость, сначала удостоенъ былъ цѣнныхъ подарковъ и потомъ возведенъ въ званіе князя Римской имперіи; 30 же мая 1707 года, Петръ, празднуя день своего рожденія, возвелъ побѣдителя въ достоинство князя Ижорской земли съ титуломъ „свѣтлѣйшаго“ и подарилъ ему въ вѣчное потомственное владѣніе города — Ямбургъ и Копорье.

Высокія военныя дарованія Меншикова особенно выразились въ чрезвычайной прозорливости его относительно будущихъ дѣйствій Карла XII, послѣ вторженія короля въ предѣлы нашего отечества. Между

тѣмъ какъ самъ Петръ и всѣ военные были увѣрены, что Карлъ пойдетъ на Петербургъ или Москву, одинъ только Меншиковъ утверждалъ, что король долженъ двинуться въ Малороссію, и, еще ранѣе вступленія туда Карла, посовѣтовалъ Петру укрѣпить Кіевъ. Послѣдующія обстоятельства войны подтвердили соображенія Меншикова. Побѣда надъ шведами при Лѣсной одержана была Петромъ также при участіи Меншикова. Особенно важную услугу царю оказалъ Меншиковъ послѣ измѣны Мазепы, завладѣвши столицею гетмановъ, Батуриномъ. Богатые продовольственные магазины этого города не достались шведамъ, и населеніе его удержано было въ повиновеніи царю. Шведы послѣ этого оказались въ безвыходномъ положеніи: они были отрѣзаны отъ своей родины и въ то же время лишены всякой помощи въ Малороссіи.

Наконецъ, въ полномъ блескѣ проявились военные таланты Меншикова подъ Полтавой. Отступая къ этому городу предъ надвигавшимся врагомъ, Меншиковъ поспѣшилъ истребить и предать огню все, что встрѣчалъ на своемъ пути, чтобы лишить шведовъ продовольствія и съѣстныхъ припасовъ. Затѣмъ, когда Карлъ обложилъ Полтаву, желая принудить ее къ сдачѣ, Меншиковъ оказалъ осажденному городу безцѣнную услугу. Искусно отвлекши вниманіе Карла отъ города внезапнымъ нападеніемъ на шведскій отрядъ съ одной стороны, онъ въ то же время направилъ въ городъ 1200 человѣкъ войска съ другой стороны. Этотъ значительный отрядъ, благополучно вступивъ въ городъ, сильно подкрѣпилъ осажденныхъ. Полтавскій гарнизонъ могъ послѣ этого выдерживать и отражать удары нападавшихъ шведовъ съ новою силою. Наконецъ, въ достопамятный день 27-го іюня Меншиковъ, командуя лѣвымъ крыломъ русскаго войска, проявилъ такую

примѣрную распорядительность и храбрость, что, послѣ Петра, его можно считать главнѣйшимъ виновникомъ пораженія врага.

Вмѣстѣ съ самоотверженнымъ царемъ онъ безстрашно носился по полю битвы, дѣйствовалъ и распоряжался подъ градомъ пуль и не замѣчалъ опасности: въ пылу сраженія подъ нимъ убито было три коня. Когда же побѣда надъ врагомъ была одержана полная, Меншиковъ, по приказанію царя, пустился въ погоню за разбитыми шведскими войсками, настигъ ихъ у Переволочны и взялъ въ плѣнъ 10000-ный отрядъ, предводимый генераломъ Левенгауптомъ. Открыто, предъ лицомъ всего войска, царь-побѣдитель засвидѣтельствовалъ особое уваженіе къ чрезвычайнымъ заслугамъ своего главнаго сподвижника и наградилъ его съ царскою щедростью: возвелъ въ чинъ фельдмаршала и пожаловалъ двумя городами—Почепомъ и Ямполемъ.

Быстро и невѣроятно высоко поднялся теперь Меншиковъ, но справедливость требуетъ добавить, что онъ награжденъ былъ по заслугамъ. Петръ возвысилъ его не какъ своего любимца, но какъ самаго умнаго, усерднаго и вѣрнаго своего слугу.

Царь особенно высоко цѣнилъ въ Меншиковѣ самостоятельность и самодѣятельность его ума. Всѣ другіе сподвижники Петра были больше простыми исполнителями всѣхъ его распоряженій; одинъ только Меншиковъ имѣлъ важное преимущество предъ ними. Мало того, что онъ вполнѣ искренно сочувствовалъ всѣмъ преобразованіямъ Петра, совершенно ясно понималъ ихъ смыслъ и значеніе, но онъ весьма нерѣдко, помимо прямыхъ указаній Петра, являлся совершенно самостоятельнымъ дѣятелемъ въ духѣ и направленіи великаго преобразователя. За эту особую черту царь особенно и возвышалъ Меншикова. Только низкіе за-

вистники или явные враги Россіи, могли не признавать великихъ заслугъ этого безроднаго человѣка, возвышеннаго монархомъ на недосягаемую высоту, но безпристрастный судья невольно долженъ съ особымъ почтеніемъ остановиться и преклониться предъ его многочисленными заслугами. Даже и наружность князя, какъ бы въ соотвѣтствіе съ выдающимися его талантами, была очень внушительна. Онъ отличался высокимъ ростомъ, былъ стройно сложенъ, худощавъ и обладалъ очень пріятными чертами лица; изъ-подъ густыхъ бровей смотрѣли проницательные и необыкновенно живые глаза: высокій лобъ обнаруживалъ богатыя умственныя способности и выдающійся подбородокъ свидѣтельствовалъ о настойчивомъ и твердомъ характерѣ. И по внѣшнимъ пріемамъ Меншиковъ былъ привлекателенъ: онъ вполнѣ походилъ на европейца, вполнѣ усвоилъ внѣшній лоскъ образованія, былъ любезенъ и привѣтливъ съ людьми, признававшими его первенство, и величественно надмененъ съ тѣми, которые не хотѣли предъ нимъ смириться. Въ семейномъ своемъ быту Меншиковъ также походилъ вполнѣ на европейца: въ домѣ его была роскошная и изящная обстановка и прекрасный столъ. Когда нужно было на славу угостить и съ блескомъ принять какого-либо иноземца знатнаго, государь всегда поручалъ это дѣло своему незамѣнимому любимцу. И свѣтлѣйшій князь, дѣйствительно, съ честью принималъ въ своемъ домѣ и на славу угощалъ царскихъ гостей. Такимъ образомъ, роскошный домъ Меншикова на Васильевскомъ островѣ съ многочисленной прислугой и великолѣпной обстановкой служилъ и для цѣлей государственныхъ: въ немъ принимались царскіе гости, праздновались новыя побѣды, взятіе городовъ и крѣпостей, бракосоче-

таніе Анны Іоанновны съ герцогомъ Курляндскимъ, и совершались тому подобныя торжества.

Богатства Меншикова, нажитыя имъ, позволяли ему дѣлать огромные расходы: въ теченіе трехъ лѣтъ, 1709, 1710 и 1711-го, онъ издержалъ только на свое личное содержаніе слишкомъ 45.000 рублей.

Но среди пировъ и увеселеній продолжалась и трудовая жизнь Меншикова. Когда, въ 1711 году, Петръ отправился въ Прутскій походъ, Петербургъ оставленъ былъ на полное его попеченіе. Затѣмъ, въ 1712 году, Меншиковъ повелъ русскія войска въ Померанію, перешелъ въ Голштинію, одержалъ рядъ побѣдъ надъ шведами и возвратился черезъ Польшу въ 1714 году съ арміей въ Петербургъ. Во все это время продолжалъ онъ завѣдывать новою столицею и ввѣреннымъ ему краемъ и безъ замедленія рѣшалъ всѣ дѣла. Но недостаточно сказать, что Меншиковъ былъ только военачальникъ и петербургскій губернаторъ, онъ былъ въ то же время первый и лучшій совѣтникъ Петра во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ. Тѣмъ именно онъ и отличался отъ остальныхъ сподвижниковъ великаго царя, что каждый изъ нихъ имѣлъ свой опредѣленный кругъ дѣятельности, зналъ одну только часть дѣлъ, Меншиковъ же принималъ участіе въ управленіи рѣшительно всѣмъ государствомъ.

Послѣ даннаго очерка столь даровитой личности Меншикова и обзора столь полезной дѣятельности его, невольно возникаетъ вопросъ: чего бы только недоставало этому человѣку для полнаго счастія? Но у него были свои недостатки, и притомъ весьма крупные, послужившіе источникомъ его несчастій и даже паденія. Весьма быстрое и необычайное возвышеніе пробудило въ душѣ его тѣ страсти, которыя уже давно и глубоко въ ней таплись—крайнее честолюбіе и ненасытное ко-

рыстолюбіе. Пока онъ былъ въ скромномъ и невысокомъ званіи слуги царскаго, дотолѣ не имѣлъ случая проявить во всей силѣ этихъ дурныхъ, темныхъ влеченій своего сердца; но, вознесшись на высоту, онъ сразу подчинился имъ и тѣмъ крайне унизилъ себя. Не получивъ въ лѣтахъ юныхъ должнаго нравственнаго воспитанія, онъ и въ зрѣлыхъ годахъ не ощутилъ въ душѣ своей никакой нравственной сдержки противъ сильныхъ своихъ страстей и началъ рабски служить имъ. Любимцу Петра недоставало той высоконравственной черты, которая такъ ярко свѣтитъ во всемъ характерѣ и во всѣхъ дѣйствіяхъ великаго царя—самоотверженнаго и безкорыстнаго служенія отечеству. Служеніе Петра было проявленіемъ только самой чистой и безграничной любви государя къ своему народу, къ своей родинѣ. Сильный умъ и твердая воля Меншикова, правда, дѣйствовали тоже въ полномъ согласіи съ планами государя; но, при всей преданности преобразовательнымъ стремленіямъ и задачамъ Петра, любимецъ царскій служилъ царю и отечеству не изъ одинхъ чистыхъ и безкорыстныхъ побужденій: высшимъ и главнѣйшимъ побужденіемъ всѣхъ его дѣйствій была все-таки личная выгода, послѣднимъ душевнымъ двигателемъ у Меншикова служила жажда почестей и богатствъ. И если честолюбіе его до извѣстной степени было удовлетворено тѣми отличіями, которыхъ удостоилъ его государь; то корыстолюбіе Меншикова не знало предѣловъ.

Долго Петръ не подозрѣвалъ въ своемъ любимцѣ страсти къ незаконной наживѣ, лихоимства, взяточничества и расхищенія казенныхъ денегъ. Онъ ничего не зналъ о незаконныхъ дѣйствіяхъ Меншикова въ этомъ родѣ, потому что никто изъ обиженныхъ князем или знавшихъ о его преступленіяхъ не смѣлъ

жаловаться на него. Царь не могъ допустить мысли, чтобы облагодѣтельствованный и щедро награжденный имъ любимецъ позволялъ себѣ обманывать его; чтобы человѣкъ, оказавшій столько крупныхъ услугъ государству, въ то же время могъ вредить его интересамъ. Но мало-по-малу у Петра раскрылись глаза на своего любимца, и онъ пришелъ къ крайне печальному выводу, что тотъ не стоитъ на должной, подобающей ему, нравственной высотѣ. Это открытіе причинило тяжкій ударъ чувствительному сердцу Петра. Сначала старался онъ дѣйствовать дружескими увѣщаніями и отеческими наставленіями на своего любимца, потомъ перешелъ къ болѣе строгимъ напоминаніямъ и рѣзкимъ угрозамъ, наконецъ, вынужденъ былъ прибѣгнуть къ наказаніямъ болѣе чувствительнымъ. Впервые негодованіе Петра противъ любимца было возбуждено поведеніемъ Меншикова въ Польшѣ. Отправляясь въ Прутскій походъ, въ 1711 году, и проѣзжая черезъ Польшу, Петръ узналъ о нѣкоторыхъ незаконныхъ дѣйствіяхъ Меншикова, между прочимъ, о самовольномъ захватѣ имѣнія Чашники. „Николи-бъ я того отъ васъ не чаялъ“, писалъ къ нему царь: „зѣло прошу, чтобы вы такими малыми прибытки не потеряли своей славы и кредиту. Прошу васъ не оскорбиться о томъ, ибо первая брань лучше послѣдней“. Дружеское увѣщаніе, однако, не подѣйствовало, и, возвратясь изъ похода, Петръ узналъ о новыхъ продѣлкахъ князя; тогда царь началъ внимательнѣе слѣдить за его дѣйствіями и строже къ нему относиться. Отправляя Меншикова въ Померанію, царь рѣзко выговаривалъ ему за его проступки и требовалъ строго, чтобы князь велъ себя честно: „ты мнѣ представляешь плутовъ честными людьми, а честныхъ людей плутами. Говорю тебѣ въ послѣдній разъ: перемѣни поведеніе, если не хочешь большой бѣды. Теперь ты

пойдешь въ Померанію, не мечтай, что ты тамъ будешь вести себя, какъ въ Польшѣ. Ты мнѣ отвѣчаешь головой при малѣйшей жалобѣ на тебя". Такъ какъ Меншиковъ не исправлялся, то отношенія между друзьями значительно измѣнились, князь въ значительной степени утратилъ довѣріе царя. Холодность Петра, обнаружившееся злорадство враговъ Меншикова и страхъ предъ царской опалой подѣйствовали на здоровье князя столь сильно, что въ маѣ 1714 года онъ опасно заболѣлъ. Хотя онъ и поправился, благодаря своей крѣпкой натурѣ, но не радостно было его выздоровленіе. Злоупотребленія его все болѣе и болѣе обнаруживались, и государь все рѣзче проявлялъ свое на него неудовольствіе. Въ концѣ 1714 года Петръ, пріѣхавши къ нему на семейный праздникъ, осыпалъ его, въ присутствіи многихъ гостей, рѣзкими упреками за его поведеніе и за дѣятельность его пособниковъ, говоря, что всѣ они обогатились отъ грабежей въ короткое время, тогда какъ казенные доходы все уменьшаются. По поводу неоднократныхъ обвиненій Меншикова въ его хищеніяхъ, царь не разъ расправлялся съ нимъ собственноручно, наказывая его своею дубинкою, но и это мало помогало. Тогда государь отдалъ неисправимаго вельможу подъ судъ и приказалъ формально разслѣдовать всѣ его злоупотребленія по денежной части. Меншикову удалось сложить съ себя отвѣтственность за многія злоупотребленія на своихъ подчиненныхъ, которыхъ онъ обвинялъ въ самовольныхъ дѣйствіяхъ, безъ его вѣдома, въ его отсутствіе изъ Петербурга. Память о прежнихъ заслугахъ Меншикова спасла его, и пострадали только его пособники; послѣ того князь опять началъ входить въ милость государя. Да и трудно было государю лишить своей милости такого незамѣнимаго, при всемъ его корыстолюбіи, помощника, какимъ

былъ князь. Все же, и при недостаткахъ своихъ, это былъ самый ревностный исполнитель царской воли, самый надежный человѣкъ, на котораго Петръ могъ оставить свою столицу и все царство, отправляясь за границу. При непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, этотъ вельможа не терялся, не тратилъ время на пустые разговоры и безплодныя сѣтованія, а быстро и рѣшительно дѣйствовалъ, своевременно принималъ всѣ соотвѣтствующія нуждамъ мѣры. Вотъ какъ онъ умно и смѣло распорядился въ отсутствіи за границей государя, въ 1716 году. Адмиралъ Апраксинъ, находясь въ Финляндіи, прислалъ въ Сенатъ отчаянное письмо, донося, что войско его погибаетъ отъ голода и что если ему сейчасъ же не пришлютъ припасовъ, то онъ возвратится въ Петербургъ. Меншиковъ явился въ Сенатъ и сталъ упрекать его въ нерадѣніи; сенаторы оправдывались тѣмъ, что въ казнѣ нѣтъ денегъ, и не рѣшались ничѣмъ помочь вопіющему въ крайней нуждѣ адмиралу. Тогда Меншиковъ осыпалъ сенаторовъ самыми рѣзкими обвиненіями. Раздраженные сенаторы закричали на Меншикова, что онъ не смѣетъ такъ рѣзко говорить въ Сенатѣ, и даже пригрозили посадить его подъ арестъ. Видя, что среди поднявшагося шума дѣло не подвигается нисколько впередъ, Меншиковъ вышелъ изъ Сената и тотчасъ же собственною властью распорядился взять нужныхъ припасовъ изъ купеческихъ магазиновъ на 200.000 рублей и нагрузить ихъ на суда для оправки въ Або. Разсердившіеся сенаторы и самовольно распорядившійся Меншиковъ одновременно послали царю жалобы, обвиняя другъ друга въ неправильной дѣятельности. Разумѣется, Меншиковъ дѣйствовалъ въ описанномъ случаѣ противозаконно, насильственно; но развѣ могъ Петръ осудить его, когда узналъ, что только этимъ самоуправствомъ князь и

спасъ войско, поддержалъ честь русскаго оружія, между тѣмъ какъ сенаторы занимались лишь пустыми разговорами и сѣтованіями на безденежье. Объ этой доблестной заслугѣ Меншикова засвидѣтельствовалъ въ Петербургѣ, передъ лицомъ Петра, и адмиралъ Апраксинъ, заявивши, что „если бъ здѣсь не было свѣтлѣйшаго князя, то въ дѣлахъ могли бы быть великія помѣшательства". Конечно, Петръ простилъ Меншикову проступокъ его. Какъ же было не щадить царю такого вѣрнаго слугу, хотя и обличаемаго въ алчности къ наживѣ? Обличенія эти все продолжались, и, начиная съ 1714 года до самой кончины Петра Великаго, Меншиковъ почти не выходилъ изъ-подъ суда, стараясь оправдаться то въ однихъ, то въ другихъ злоупотребленіяхъ денежными суммами. По приговорамъ суда, нерѣдко приходилось ему признавать себя виновнымъ; тогда онъ, обыкновенно, приносилъ повинную, обѣщалъ государю исправиться, прибѣгалъ къ милосердію монарха и къ заступничеству императрицы. Избавляясь отъ болѣе тяжкихъ наказаній, по милости государя, онъ обыкновенно, принуждаемъ былъ къ уплатѣ большихъ или меньшихъ денежныхъ штрафовъ. Денежныя взысканія съ князя иногда достигали огромной суммы.

Неисправимая и ненасытная алчность Меншикова глубоко огорчала и возмущала Петра. Какъ бы предчувствуя будущее его паденіе, государь сказалъ однажды императрицѣ: „Меншиковъ въ беззаконіи зачатъ и во грѣхѣ родила мать его, и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой; если не исправится, то быть ему безъ головы". Въ послѣдній годъ царствованія Петра еще болѣе пошатнулось положеніе Меншикова. Узнавъ о злоупотребленіяхъ князя въ военной коллегіи, государь лишилъ его въ ней президентства и назначилъ на его мѣсто другое лицо, князя Репнина. Такъ какъ до этого

случая Меншиковъ платился одними денежными взысканіями и штрафами и ни разу не былъ лишаемъ ни одной изъ своихъ должностей, то послѣднее наказаніе, конечно, должно было подѣйствовать на гордаго и властнаго вельможу весьма чувствительно. Быть-можетъ, Меншиковъ заслуживалъ наказанія еще бо́льшаго, но милосердный и мудрый монархъ до конца жизни щадилъ своего любимаго сотрудника и проявлялъ въ отношеніи къ нему необычайное долготерпѣніе. Долготерпѣніе это поддерживалось въ немъ не только заступничествомъ за Меншикова императрицы, не только памятью о прежнихъ необычайно важныхъ заслугахъ князя, но и другими еще соображеніями, чисто государственными. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, Меншиковъ нуженъ былъ Петру каждую данную минуту, какъ единственно усердный слуга и безспорно умный совѣтникъ; царь не могъ разстаться съ этимъ даровитымъ помощникомъ, съ которымъ всю жизнь трудился надъ преобразованіемъ государства. Наконецъ, Петръ долженъ былъ щадить и беречь Меншикова и для будущаго. Петръ зналъ и увѣренъ былъ, что никто по смерти его такъ умѣло и такъ надежно не продолжитъ преобразовательныхъ дѣйствій относительно Россіи, какъ Меншиковъ, несмотря на всѣ противодѣйствія враговъ новаго порядка. Вслѣдствіе этого, Петръ находилъ нужнымъ беречь и щадить вѣрнаго и надежнаго продолжателя своихъ дорогихъ стремленій. Наконецъ, нужно помнить и то, что Меншиковъ былъ не единственный корыстолюбецъ среди дѣятелей своего времени; если хищенія его были замѣтнѣе лихоимства остальныхъ, то это происходило отъ обширныхъ его полномочій; въ сущности же, онъ не лучше и не хуже былъ многихъ корыстолюбцевъ своего времени. Конечно, это вовсе не оправдываетъ Меншикова, но хотя отчасти уясняетъ намъ степень долго-

терпѣнія Петра, который, одинъ неизмѣримо возвышаясь надъ всѣми своими современниками, всю жизнь боролся съ застарѣлымъ недугомъ тогдашняго общества—страстію къ хищеніямъ и наживѣ. Недосягаемо-величавымъ является намъ нравственный образъ Петра въ отношеніи безкорыстія и простоты его жизни. Получая за свою службу жалованье, онъ говорилъ чистосердечно и вполнѣ искренно: „эти деньги собственно мои; я заслужилъ ихъ и могу употреблять ихъ по произволу, но съ государственными доходами поступать надлежитъ осторожно: объ нихъ я долженъ отдать отчетъ Богу“.

2. Графъ Б. П. Шереметевъ.

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, родившійся въ 1652 году, происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи. Имѣя склонность къ военному дѣлу, онъ еще въ молодыхъ годахъ участвовалъ въ походахъ подъ руководствомъ своего отца, боярина Петра Васильевича, а впослѣдствіи и самъ предводительствовалъ частью русскихъ войскъ противъ крымскихъ татаръ. Дѣйствуя наступательно и оборонительно, онъ рано обнаружилъ выдающіяся качества хорошаго воина—отмѣнное мужество и искусство въ ратномъ дѣлѣ. Вскорѣ проявились и другія высокія достоинства Шереметева, бывшія слѣдствіемъ отличныхъ природныхъ его способностей и прекраснаго воспитанія. Пожалованный изъ стольниковъ въ бояре, при восшествіи на престолъ Іоанна и Петра Алексѣевичей, онъ началъ участвовать во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. Не вмѣшиваясь ни въ какіе внутренніе раздоры, онъ проявлялъ во всѣхъ своихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ самую чистосердечную преданность монархамъ, благородство характера и любовь къ правдѣ.

Своими рѣдкими дарованіями онъ много способствовалъ къ заключенію славнаго мира съ польскимъ королемъ и дружественнаго договора съ нѣмецкимъ императоромъ. Выдающіяся достоинства и важныя заслуги Шереметева скоро снискали ему особое благоволеніе государей, которые наградили его титуломъ ближняго боярина; народъ же чувствовалъ къ нему глубокое уваженіе и искреннюю любовь.

Во время перваго похода Петра Великаго къ Азову, Шереметеву поручено было произвести военныя движенія внизъ по Днѣпру, чтобы отвлечь туда часть турецкихъ и татарскихъ силъ. Онъ овладѣлъ прибрежными крѣпостцами, разорилъ ихъ и построилъ новое укрѣпленіе на островѣ Таманп. Сдѣлавъ имя свое извѣстнымъ въ Россіи, Борисъ Петровичъ, будучи уже 45 лѣтъ, испросилъ у государя позволеніе отправиться въ западную Европу для изученія военнаго дѣла и вообще для пріобрѣтенія полезныхъ познаній. Пробывъ за границей съ 1697 года по 1699, онъ возвратился въ Россію вполнѣ просвѣщеннымъ человѣкомъ. Шереметевъ явился къ Петру Великому въ нѣмецкомъ платьѣ, съ мальтійскимъ командорскимъ крестомъ, полученнымъ отъ гроссмейстера ордена, и съ драгоцѣнною шпагою, осыпанною брильянтами, которую подарилъ ему нѣмецкій императоръ Леопольдъ. Съ восторгомъ встрѣтилъ и принялъ его преобразователь Россіи, старавшійся уничтожать въ боярахъ старинные предразсудки и дурные обычаи.

Когда возгорѣлась Великая Сѣверная война, Шереметевъ начальствовалъ нерегулярною конницею подъ Нарвою. Онъ совѣтовалъ главнокомандующему де-Кроа обложить городъ только малою частію войска, а съ остальными итти навстрѣчу непріятелю, ожидать его на выгодной позиціи и дать сраженіе, такъ чтобы вся

армія наша могла дѣйствовать противъ Карла XII. Но предложеніе это не было принято, и де-Кроа, потерпѣвши пораженіе, передался королю. Шереметевъ принужденъ былъ спасаться и отступилъ къ границамъ для прикрытія ихъ отъ нападенія. Цѣня достоинства Шереметева, Петръ Великій назначилъ его главнокомандующимъ русскаго войска, которое дѣйствовало противъ шведовъ въ Лифляндіи. Шереметевъ оправдалъ довѣріе своего государя. Несмотря на холодную погоду и глубокій снѣгъ, онъ рѣшился атаковать шведовъ, которыми командовалъ Шлиппенбахъ. Шведы были разбиты Шереметевымъ при Эрестферѣ, и Шлиппенбахъ долженъ былъ съ остатками своего войска бѣжать. Нарва была отомщена; за этотъ подвигъ Шереметеву посланъ былъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, портретъ царскій, осыпанный брильянтами, и указъ о возведеніи побѣдителя въ генералъ-фельдмаршалы. Потомъ Шереметевъ вторично разбилъ Шлиппенбаха при Гуммельсгофѣ, при чемъ шведы понесли страшныя потери. Съ этихъ поръ гордые шведы начали иначе думать о русскихъ. Опустошивъ всю восточную часть Лифляндіи, Шереметевъ, по приказанію Петра, двинулся для завоеванія невскихъ береговъ. Подъ предводительствомъ Шереметева взяты были нашими войсками Нотербургъ, или Орѣшекъ, переименованный Петромъ въ Шлиссельбургъ, и Канцы, или Нієншанцъ. Эти подвиги совершены имъ при содѣйствіи Меншикова и подъ руководствомъ самого Петра.

Утвердившись при устьяхъ Невы и заложивъ С.-Петербургъ, Петръ направилъ Шереметева въ Эстонію для уничтоженія въ ней припасовъ, столь нужныхъ шведамъ; исполнивъ данное порученіе, Шереметевъ началъ возвращать подъ власть русскаго царя старые города, отнятые у насъ шведами; такъ, покорены были:

Копорье, Ямбургъ, Нарва, Дерптъ, или Юрьевъ, наконецъ, Иванъ-Городъ. Нелегко было пятидесятидвухлѣтнему полководцу быстро и неустанно выполнять одно за другимъ слѣдовавшія распоряженія Петра, который, не давая времени на отдыхъ ни себѣ ни сподвижникамъ своимъ, торопилъ Шереметева какъ можно скорѣе закончить покореніе Балтійскаго прибережья. Среди неустанныхъ трудовъ, фельдмаршалъ иногда невольно чувствовалъ утомленіе, будучи предоставленъ самому себѣ, и простодушно доносилъ Петру: „здоровье мое уже не прежнее и ни отъ кого помощи нѣтъ; легко мнѣ было жить при тебѣ да при Данилычѣ (Меншиковѣ); ничего я за милостію вашей не зналъ“. Для поддержки и ободренія уважаемаго фельдмаршала, Петръ самъ отправился къ нему и помогъ ему закончить покореніе прибалтійскихъ крѣпостей и городовъ.

Когда въ началѣ 1706 года вспыхнулъ бунтъ стрѣльцовъ въ Астрахани, государь отправилъ противъ мятежниковъ вѣрнаго своего полководца, и Шереметевъ усмирилъ возстаніе, предшествовавшее мятежу Булавина. Государь, въ награду за этотъ подвигъ, возвелъ своего фельдмаршала въ потомственное графское достоинство.

Когда Карлъ XII двинулся изъ Польши въ Россію, Петръ Великій собралъ военный совѣтъ для разсужденія о томъ, въ Польшѣ ли дать сраженіе надвигавшемуся врагу, или ожидать его на границахъ. Шереметевъ высказалъ въ совѣтѣ мнѣніе, что вести войну въ Польшѣ неудобно, такъ какъ не вездѣ можно положиться на мѣстное населеніе; но лучше встрѣтить шведовъ на собственныхъ границахъ и, не вступая съ ними въ главное, рѣшительное сраженіе, стараться понемногу обезсиливать ихъ иными средствами: липеніемъ всѣхъ способовъ къ полученію въ пути провіанта и фуража,

нападеніемъ на врага при переправахъ черезъ рѣки и во время похода. Совѣтъ и самъ государь одобрили мнѣніе графа, которое впослѣдствіи и оправдалось на дѣлѣ. Слѣдуя этому плану войны, фельдмаршалъ Шереметевъ наблюдалъ за всѣми движеніями Карла, опустошалъ всѣ мѣста, по которымъ предстояло королю проходить и лишалъ его всякихъ средствъ къ полученію продовольственныхъ припасовъ. Въ достопамятный день 27 іюня 1709 года фельдмаршалъ графъ Шереметевъ предводительствовалъ центромъ русской арміи и подготовленъ былъ къ Полтавскому бою слѣдующими наставленіями монарха: „Поручаю вамъ, господинъ фельдмаршалъ, мою армію и надѣюсь, что въ начальствованіи опою вы поступите по точности предписанія, вамъ даннаго; а въ случаѣ непредвидѣнномъ—какъ искусный полководецъ. Моя же должность надзирать за всѣмъ вашимъ начальствованіемъ и быть готовому на помощь во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ требовать опасность и нужда". Въ Полтавской битвѣ Шереметевъ отличился примѣрною своею храбростью, находясь въ жесточайшемъ огнѣ, и едва не былъ убитъ пулею врага. Въ награду за свою доблесть Шереметевъ, послѣ Полтавской побѣды, надѣленъ былъ многими помѣстьями. Въ слѣдующемъ году Шереметевъ осадилъ Ригу и принудилъ упорнаго генералъ-губернатора ея вступить въ переговоры и подписать договоръ о сдачѣ крѣпости русскимъ. 12 іюня 1710 года фельдмаршалъ вступилъ торжественно въ городъ. Благодарные граждане, за оказанное имъ человѣколюбіе и милосердіе, поднесли Шереметеву два большихъ золотыхъ ключа, нарочно сдѣланные, вѣсомъ въ три фунта, съ соотвѣтственною подписью на латинскомъ языкѣ. Петръ Великій позволилъ графу принять и хранить въ своей фамиліи этотъ даръ, въ память покореннаго города. Во время Прут-

скаго похода, въ 1711 году, армія наша находилась также подъ предводительствомъ Шереметева, а послѣ заключенія мира съ турками онъ повелъ войска за границу—въ Польшу, Померанію и Мекленбургъ и всюду ревностно исполнялъ долгъ своей службы, пока не получилъ отъ государя приказаніе возвратиться, въ 1717 году, въ отечество. Между тѣмъ здоровье шестидесятипятилѣтняго фельдмаршала примѣтнымъ образомъ начало ослабѣвать, такъ что онъ не могъ уже слѣдовать за государемъ въ Петербургъ и въ 1718 году остался въ Москвѣ. Испросивъ позволенія монарха отправиться для лѣченія къ олонецкимъ водамъ, онъ, однако, не получилъ облегченія отъ водяной болѣзни, которою страдалъ. Тщетно лучшіе врачи старались сохранить жизнь благороднаго и заслуженнаго графа: 17 февраля 1719 года онъ скончался на 67-мъ году своей жизни.

Получивъ извѣстіе о чувствительной утратѣ вѣрнаго своего сподвижника, горестный монархъ воздалъ должную честь усопшему: повелѣлъ перевезти тѣло его въ С.-Петербургъ и предать землѣ въ Лазаревской церкви Александро-Невскаго монастыря. Петръ Великій самъ занялся устройствомъ печальной церемоніи; по его распоряженію, гробъ съ тѣломъ фельдмаршала торжественно вынесенъ былъ изъ дома графа, на Фонтанкѣ, въ присутствіи всего Двора, иностранныхъ министровъ и русскихъ генераловъ; за гробомъ шелъ самъ государь. Два гвардейскіе полка, Преображенскій и Семеновскій, участвовали также въ печальномъ шествіи. При опущеніи гроба въ могилу произведена была троекратная пальба.

Достойный сподвижникъ славныхъ дѣлъ великаго преобразователя, графъ Борисъ Петровичъ, былъ одинъ изъ первыхъ полководцевъ своего времени. Съ отличными талантами воина соединялъ онъ и многія другія

высокія качества: былъ весьма благочестивъ, неліцемѣрно и ревностно служилъ престолу и отечеству, строго исполнялъ свои обязанности, былъ благороденъ, храбръ и великодушенъ. Замѣчательною чертою графа было его милосердіе и гостепріимство. Домъ его былъ прибѣжищемъ для всѣхъ бѣдныхъ, неимущихъ; за столъ его, на которомъ не ставилось менѣе 50 приборовъ, даже во время походовъ, садился всякій, званый и незванный, знакомый и незнакомый, только съ однимъ условіемъ—не чиниться передъ хозяиномъ. Обѣды его, приготовлявшіеся наилучшимъ образомъ, никогда не обращались въ шумные пиры, не было за его трапезой ни излишества въ питьѣ вина, ни нескромныхъ бесѣдъ. Самъ государь освобождалъ уважаемаго графа отъ наказанія на придворныхъ пирахъ—осушать кубокъ большого орла. Собиравшееся у графа общество состояло изъ людей самыхъ образованныхъ — Брюса, иностранныхъ министровъ, посланниковъ и ученыхъ, находившихся тогда въ Россіи; несмотря на малое просвѣщеніе того времени, молодые люди считали за честь, если могли попасть на вечернія собранія въ домѣ фельдмаршала. Не было человѣка вѣжливѣе и ласковѣе графа; часто разъѣзжая по Москвѣ, въ сопровожденіи многихъ скороходовъ и домоваго войска, Шереметевъ останавливался на улицѣ и выходилъ изъ кареты, чтобы подать руку старому своему сослуживцу. Послѣдніе годы своей жизни графъ посвятилъ благотворительности: бѣдныя семейства, вдовы и сироты, лишившіеся зрѣнія старики, несчастные и безпомощные —всѣ прибѣгали къ помощи просвѣщеннаго благотворителя и получали отъ него нужное пособіе: однихъ опредѣлялъ онъ къ мѣстамъ, по ихъ способностямъ, другихъ принималъ подъ свое покровительство, для иныхъ являлся вторымъ отцомъ и кормильцемъ. При высокихъ нравственныхъ

качествахъ, графъ отличался и прекрасною наружностію: былъ высокъ ростомъ, имѣлъ видъ привлекательный и обладалъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Петръ Великій чрезвычайно уважалъ графа и называлъ своимъ Боярдомъ и Тюренемъ (имена двухъ знаменитыхъ французскихъ полководцевъ); государь всегда встрѣчалъ и провожалъ его до двери своего рабочаго кабинета; для графа Шереметева, при докладахъ по дѣламъ, Петромъ Великимъ сдѣлано было особое исключеніе изъ общаго правила: между тѣмъ какъ въ рабочій кабинетъ государя всѣ остальные вельможи, не исключая и Меншикова, допускались послѣ особаго о нихъ доклада (даже и государыня Екатерина Алексѣевна подчинялась этому обычаю), графъ Шереметевъ постоянно входилъ къ государю безъ всякаго о немъ доклада; милости этой удостоенъ былъ еще только князь кесарь Ромодановскій. Докладчиками же у государя были комнатныя, приближенныя къ нему лица: механикъ Нартовъ, секретарь Макаровъ, камердинеръ Полубояриновъ и денщики. По смерти графа Шереметева, Петръ Великій имѣлъ намѣреніе увѣковѣчить его память для потомства особымъ, видимымъ для всѣхъ сооруженіемъ—постановкою на его могилѣ монумента, и только смерть монарха воспрепятствовала ему привести эту мысль въ исполненіе.

---

3. Князь М. М. Голицынъ.

Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ происходилъ изъ старинаго и знатнаго рода. Онъ родился въ 1675 году и на двѣнадцатомъ году вступилъ въ гвардейскій Семеновскій полкъ, исправляя, по своему малолѣтству, должность барабанщика. Въ азовскихъ походахъ онъ участвовалъ уже въ офицерскомъ званіи

и при осадѣ крѣпости Азова и Нарвы обнаружилъ храбрость и мужество, при чемъ дважды былъ раненъ въ ногу и однажды въ руку. Еще болѣе проявилась доблесть князя при взятіи Шлиссельбурга. Когда началась жестокая и упорная осада этой крѣпости, Петръ Великій прислалъ нарочнаго къ Голицыну съ приказаніемъ отступить отъ города; но неустрашимый воинъ далъ слѣдующій отвѣтъ посланному: „Скажи Государю, что я теперь принадлежу одному Богу". Послѣ этого онъ повелъ свой отрядъ на приступъ, и городъ былъ взятъ. Въ награду за оказанный подвигъ государь пожаловалъ князю золотую медаль, почетное званіе полковника Семеновскаго полка, три тысячи рублей и около четырехсотъ дворовъ крестьянскихъ въ Корельскомъ уѣздѣ.

Въ 1708 году Голицынъ, уже въ чинѣ генералъ-майора и начальствуя дивизіей, одержалъ побѣду надъ шведами при мѣстечкѣ Добромъ. Государь, узнавъ, что правое крыло непріятельской арміи отдѣлилось на четверть мили отъ главнаго своего корпуса, отрядилъ генерала Флюка и князя Голицына атаковать отставшій отрядъ. Дальній обходъ и трудныя переправы воспрепятствовали Флюку соединиться съ Голицынымъ; между тѣмъ послѣдній, при благопріятствовавшемъ ему туманѣ, обошедши многія рѣчки и болота, смѣло напалъ на многочисленнаго непріятеля со своими 8 баталіонами гренадеръ и успѣлъ нанести шведамъ такое пораженіе, что тѣ обратились въ бѣгство, оставивъ на полѣ битвы до 3000 своихъ убитыми. Карлъ XII двинулся на помощь пораженнымъ, и тогда Голицынъ, въ виду короля и всего его войска, въ порядкѣ возвратился къ русской арміи съ 6 знаменами, отбитыми у непріятеля. Разсказываютъ, будто Карлъ, съ досады, что не поспѣшилъ съ помощью къ своему разбитому отряду,

рвалъ на себѣ волосы и билъ себя по щекамъ. Петръ Великій тогда же возложилъ на своего полководца орденъ святого Андрея Первозваннаго. Участвуя въ пораженіи шведовъ подъ Лѣснымъ, Голицынъ бился съ врагами, какъ левъ; государь былъ очевидцемъ отмѣнной его храбрости, расцѣловалъ его и наградилъ слѣдующимъ чиномъ и своимъ портретомъ, осыпаннымъ брильянтами; сверхъ этого, государь представилъ Голицыну просить, чего онъ только пожелаетъ. Доблестный герой, воспользовавшимъ этимъ случаемъ, обнаружилъ необычайное великодушіе и благородство характера. Желая примириться съ недоброжелателемъ своимъ, княземъ Аникитою Ивановичемъ Репнинымъ, который находился у монарха въ опалѣ, Голицынъ сказалъ царю: „Прими въ прежнюю милость Репнина!“ Петръ Великій, удивленный великодушіемъ Голицына, уважилъ его ходатайство и пожаловалъ ему еще 800 крестьянскихъ дворъ. Въ 1709 году князь Голицынъ покрылъ себя новою славою, принимая дѣятельное участіе въ Полтавской битвѣ съ своими гвардейскими полками; послѣ побѣды надъ шведами, онъ, по распоряженію государя, преслѣдовалъ шведскую армію, настигъ ее подъ Переволочною и, вступивъ въ переговоры съ Левенгауптомъ, потребовалъ, чтобы шведское войско и вожди его сдались военнопленными. Чтобы навести страхъ на непріятеля, онъ употребилъ военную хитрость: въ нѣкоторомъ отдаленіи разставилъ небольшую часть своихъ солдатъ при огромномъ числѣ лошадей, чтобы войско его вмѣстѣ съ этимъ отрядомъ казалось какъ можно больше. Вскорѣ прибылъ Меншиковъ съ подкрѣпленіемъ, и вся шведская армія положила оружіе. Въ награду за эти подвиги князь Голицынъ награжденъ былъ многими деревнями. Съ 1714 по 1721 годъ Голицынъ начальствовалъ нашими войсками въ Финляндіи,

которую и покорилъ до самыхъ границъ Лапландскихъ, проявивши отличное мужество и необыкновенную храбрость. Особенно отличился онъ въ слѣдующихъ воинныхъ подвигахъ. Въ 1714 году, во время отсутствія изъ Финляндіи графа Апраксина, Голицынъ разбилъ шведовъ у города Вазы, при чемъ на мѣстѣ битвы легло болѣе 5000 враговъ. Государь, пожаловавъ побѣдителя чиномъ генералъ-аншефа, удостоилъ его слѣдующимъ лестнымъ письмомъ: „Пріятное ваше письмо чрезъ адъютанта вашего мы получили здѣсь и зѣло оному обрадовались, что Господь Богъ не оставляетъ милости своей и такую великую викторію даровалъ вамъ въ началѣ сего года. Дай, Боже, чтобы сей цвѣтъ былъ доброму миру началомъ! Присемъ поздравляемъ вашей милости повышеніемъ чина за ваше мужество и достойность“. Вслѣдъ за тѣмъ, спрашивая Голицына, гдѣ находятся войска шведскія, государь писалъ къ нему: „Не можете ли ихъ далѣе отбояриться?“ Въ томъ же году Голицынъ участвовалъ въ морскомъ сраженіи Гангудскомъ, когда русскій флотъ, подъ начальствомъ самого Петра, одержалъ блестящую побѣду надъ шведами. Затѣмъ, при островѣ Гренгамѣ, князь Голицынъ столь удачно атаковалъ шведскую эскадру, что заставилъ ее, послѣ отчаянной обороны, сдаться: 104 пушки, воинскіе снаряды, около 500 матросовъ и 37 офицеровъ достались побѣдителю. Государь столь былъ обрадованъ этою побѣдою, что произвелъ майора Шипова, вѣстника побѣды, прямо въ полковники, черезъ чинъ. Голицыну пожалована была также двойная награда — осыпанныя брильянтами шпага и трость „за его воинскій трудъ и добрую команду“. „Правда“, писалъ государь тогда къ Меншикову: „не малая викторія можетъ почесться, потому что при очахъ господъ англичанъ, которые равно шведовъ оборонили, какъ ихъ

земли, такъ и флотъ". Въ самомъ дѣлѣ, гренгамская побѣда, въ іюлѣ 1720 года, одержана была Голицынымъ, несмотря на присутствіе въ Балтійскомъ морѣ англійскаго флота. Въ память гренгамской морской побѣды князя Голицына государь приказалъ выбить особую медаль съ своимъ портретомъ на одной сторонѣ и съ изображеніемъ битвы на другой; медаль была снабжена соотвѣтствующею надписью: „Прилежаніе и храбрость превосходятъ силу".

Князь Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ былъ не только одинъ изъ даровитыхъ полководцевъ, но, подобно графу Шереметеву, отличался и самымъ привлекательнымъ характеромъ среди вельможъ Петра Великаго. За свой умъ, храбрость, искусство и обходительность онъ чрезвычайно любимъ былъ войскомъ; за человѣколюбіе и справедливость его уважали даже побѣжденные имъ враги: жители Финляндіи, покоренные Голицынымъ, называли его благодѣтелемъ и отцомъ за его милосердіе къ несчастнымъ; несмотря на то, что Голицынъ не особенно жаловалъ иностранцевъ, и тѣ не могли безъ восторга говорить объ его умѣ, любезности, храбрости и великодушіи.

Замѣчательны также отношенія князя Михаила Михаиловича къ своему старшему брату. Сенаторъ князь Димитрій Михаиловичъ Голицынъ былъ на 10 лѣтъ старше описываемаго брата-князя. Онъ былъ человѣкъ замѣчательный по своему большому уму и твердому характеру, но отличался при этомъ гордостью и жестокостью. Онъ оскорблялся тѣмъ, что Петръ Великій возвышалъ иногда даровитыхъ людей низкаго происхожденія, которые, по своимъ заслугамъ, имѣли больше силы и вліянія, нежели онъ—родовитый князь; не любилъ онъ и тѣхъ иностранцевъ, которые пріобрѣли силу и значеніе при великомъ преобразователѣ Россіи.

Разсказываютъ, что онъ, какъ старшій въ семьѣ, пользовался особычайнымъ значеніемъ: младшій братъ, Михаилъ Михайловичъ, будучи уже отцомъ многочисленнаго семейства и находясь въ высшихъ чинахъ, не смѣлъ, однакоже, садиться въ присутствіи князя Димитрія Михайловича. Наконецъ, особенною чертою характера князя Михаила была и его благородная справедливость: говорятъ, что предъ битвою, когда непріятель былъ слабѣе его, онъ всегда намѣренно уменьшалъ свое войско, не желая пріобрѣтать побѣды однимъ превосходствомъ своихъ силъ надъ врагомъ.

---

4. Князь Я. Ѳ. Долгорукій.

Съ именемъ Петра Великаго неразлучно имя сенатора князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго, знаменитаго мужествомъ гражданскимъ. Долгорукій, во имя блага народнаго, рѣшался останавливать великаго царя, умѣвшаго сносить величіе подданнаго. Этотъ вѣрный слуга Петра никогда не былъ льстецомъ, говорилъ и дѣйствовалъ съ рѣдкой правдивостью и за то пріобрѣлъ искреннее уваженіе государя.

Князь Я. Ѳ. Долгорукій, родившійся въ 1639 году, получилъ въ домѣ отца своего, окольничаго *) князя Ѳедора Ѳедоровича, наилучшее, по тогдашнему времени, образованіе. Онъ обученъ былъ математикѣ, латинскому языку и богословію. Плодами даннаго ему воспитанія были — приверженность къ вѣрѣ предковъ, пламенная любовь къ отечеству и непарушимая вѣрность государю.

Онъ началъ службу съ 1669 года и во время бур-

---

*) Окольничій, занимая мѣсто воеводы, *смотрилъ окольности*, или границы, и вѣдалъ судъ пограничный, почему часто находился въ перепискѣ съ заграничными начальниками.

наго правленія Софьи явилъ примѣръ твердости духа: отказавшись стать на сторону мятежныхъ стрѣльцовъ, презиралъ угрозы враговъ и нарушителей спокойствія государства поражалъ силою своего слова. Петръ, умѣвшій еще въ юности цѣнить заслуги и достоинство каждаго, полюбилъ Долгорукаго и удостоилъ его своей довѣренности. Зная правоту и безкорыстіе князя, онъ въ 1690 году возвелъ его въ достоинство судьи Московскаго Суднаго Приказа. Наблюдая по этой должности за строгимъ исполненіемъ законовъ, князь являлся въ то же время благодѣтелемъ и защитникомъ слабыхъ, раскрывалъ сокрытыя преступленія, охранялъ собственность каждаго, преслѣдовалъ и каралъ однихъ злодѣевъ. Въ 1696 году онъ сражался подъ знаменами царя и доказалъ, что и въ военномъ дѣлѣ онъ способенъ строго выполнять всѣ данныя ему порученія. Побѣды Долгорукаго ускорили сдачу Азова; въ слѣдующіе годы разбиты были имъ вновь татарскія и турецкія войска. Благоволеніе Петра къ побѣдителю выразилось въ томъ, что князь возведенъ былъ въ достоинство боярина. Въ битвѣ подъ Нарвою князь Долгорукій вѣрою и правдою служилъ Петру, воодушевлялъ неопытное войско своимъ словомъ и примѣромъ, бился съ врагами мужественно, но, при отступленіи лучшихъ нашихъ войскъ послѣ битвы, вѣроломно захваченъ былъ въ плѣнъ. Онъ отведенъ былъ въ числѣ военноплѣнныхъ въ Стокгольмъ и 10 лѣтъ содержался тамъ подъ крѣпкимъ карауломъ. Лишенный вѣроломно свободы, храбрый воинъ сѣтовалъ на потерю времени въ бездѣйствіи, обдумывалъ разные способы къ своему освобожденію изъ плѣна и молилъ Бога о помощи въ своемъ несчастіи. Молитва его была услышана, и Господь помогъ ему избавиться изъ плѣна.

Въ 1711 году, по случаю недостатка въ хлѣбѣ, нѣ-

сколько плѣнныхъ отправлено было моремъ въ Умео. Въ числѣ ихъ находился и Долгорукій. Русскихъ на суднѣ было 49 человѣкъ, шведовъ же менѣе. Это обстоятельство навело Долгорукаго на мысль овладѣть небольшимъ одномачтовымъ непріятельскимъ судномъ и возвратиться въ отечество. Онъ сообщилъ свое намѣреніе товарищамъ, и тѣ охотно взялись содѣйствовать князю. Исполненіе дѣла отложено было до слѣдующей субботы. Сигналомъ должны были послужить слова церковной пѣсни, исполняемой на вечернемъ богослуженіи: „дерзайте убо, дерзайте, людіе Божіи!“ Такъ какъ судно шло греблею, то при первыхъ двухъ словахъ положено было всѣмъ плѣнникамъ бросить весла, при послѣднихъ же словахъ—каждому русскому схватить шведа и расправиться съ нимъ. Въ назначенную минуту русскіе устремились на шведовъ, вовсе этого не ожидавшихъ, обезоружили ихъ и освободились отъ ихъ власти: часть враговъ погибла въ морѣ, другая заключена была подъ палубу. Приставивъ шпагу къ груди шкипера, управлявшаго судномъ, Долгорукій сказалъ: „Если хочешь быть живъ, то вези насъ къ Кронштлоту или Ревелю, но берегись измѣнять!“ Шкиперъ повиновался 70-лѣтнему герою, но не зналъ пути чрезъ Балтійское море. „Мы не имѣли морскихъ картъ“, писалъ Долгорукій къ Меншикову по своемъ освобожденіи: „и то море переѣхали, безъ всякаго вѣдѣнія, подъ управленіемъ древняго кормщика бѣдственно плавающихъ, святителя Николая“.

Благополучно возвратившись въ отечество, 19-го іюня, Долгорукій помышлялъ объ одномъ, какъ бы всеблагій Богъ допустилъ его немедленно видѣть пресвѣтлыя очи милостивѣйшаго царя. Петръ Великій находился тогда за Днѣстромъ и только въ сентябрѣ мѣсяцѣ узналъ о „чудесномъ освобожденіи“ Долгорукаго, какъ самъ онъ

выразился въ письмѣ къ Меншикову. Возвратясь въ Санктъ-Петербургъ къ новому 1712 году, государь, при встрѣчѣ съ Долгорукимъ, обнявъ вѣрнаго подданнаго и неоднократно поцѣловавъ, похвалилъ его рѣшимость и мужество. Заслуженный старецъ не могъ удержаться отъ слезъ при свиданіи съ обожаемымъ монархомъ. Петръ, постоянно чувствительный къ необычайнымъ подвигамъ, также прослезился отъ радости и удивленія предъ лицомъ дивно спасшагося отъ неволи старца-князя. За вынесенную неволю и страданія Долгорукій получилъ тогда нѣсколько деревень, званіе сенатора, и на него возложена была особая должность провѣрять всѣ государственные приходы и расходы. Князь всюду оправдывалъ высокое довѣріе царя, проявляя свое безкорыстіе и правдивость. Но въ особенности обезсмертилъ онъ имя свое замѣчательною дѣятельностью въ Сенатѣ. Вотъ какіе разсказы сохранились о ней.

Однажды въ Петербургѣ оказался недостатокъ въ мукѣ, и городу угрожалъ голодъ; въ Сенатѣ состоялся по этому указъ—собрать по четверику ржи съ крестьянъ, живущихъ въ ближайшихъ къ Петербургу мѣстностяхъ; этотъ указъ былъ одобренъ Петромъ. Въ тотъ день князь Долгорукій не присутствовалъ въ Сенатѣ и не участвовалъ въ обсужденіи дѣла; когда же прислали къ нему изъ Сената для подписи состоявшееся опредѣленіе по этому дѣлу, онъ запечаталъ документъ и тѣмъ пріостановилъ его исполненіе. Когда снова съѣхались всѣ сенаторы въ присутствіе, а вслѣдъ за ними и самъ царь, — открылось, что Долгорукій допустилъ важное преступленіе — запечаталъ одобренный самимъ царемъ указъ. За Долгорукимъ послали, но князя не нашли дома; послали отыскать его въ городѣ и нашли въ церкви. Когда посланный передалъ князю, что его требуютъ въ Сенатъ, старикъ отвѣтилъ ему: „Воздадите Божія Бо-

гови", и остался до конца обѣдни въ храмѣ Божіемъ. Три раза государь посылалъ за нимъ, но Долгорукій явился въ Сенатъ только по окончаніи литургіи. Говорятъ, будто царь кинулся на него съ поднятой рукой, но старикъ спокойно взглянулъ на пылавшее гнѣвомъ лицо государя и сказалъ: „Вотъ грудь моя, но ты будешь Александръ, а я—Клитъ". (Извѣстно, что Александръ Македонскій, въ порывѣ гнѣва, убилъ Клита, предъ тѣмъ спасшаго ему жизнь.) Долгорукій объяснилъ царю, что, не обременяя поборами разоренныхъ уже крестьянъ, можно до прибытія въ столицу ожидаемаго обоза съ хлѣбомъ позаимствовать хлѣба изъ богатыхъ житницъ Меншикова и другихъ вельможъ, не исключая и его самого, Долгорукаго. Выслушавъ это, царь обнялъ князя и исполнилъ по его совѣту.

Въ бытность государя въ Сенатѣ, подписанъ былъ имъ указъ о посылкѣ крестьянъ Новгородской губерніи и Псковской для рытья Ладожскаго канала. Князь Долгорукій въ этотъ день не присутствовалъ и, пришедши на другой день въ Сенатъ, спросилъ: „о чемъ вчера разсуждали". Ему подали подписанный сенаторами документъ, въ который включено было и царское повелѣніе. Долгорукій началъ съ жаромъ говорить, что повелѣніе это противно государственной пользѣ, что объ этомъ слѣдовало бы непремѣнно доложить, какъ можно скорѣе, чтобы не подвергнуть окончательному разоренію и безъ того уже истощенныя губерніи. Тогда, для большаго убѣжденія Долгорукаго, подали ему опредѣленіе, подписанное самимъ государемъ. Усердный сынъ отечества, увлекаемый ревностію, схватилъ и разорвалъ бумагу, освященную собственноручною подписью монарха. Всѣ сенаторы съ ужасомъ вскочили съ своихъ мѣстъ; „Знаешь ли ты, что сдѣлалъ и чему за это подвергаешься?"—спросили они Долгорукаго. „Знаю", съ серд-

цемъ отвѣчалъ старикъ: „и буду отвѣчать предъ Богомъ, государемъ и отечествомъ“. Въ это самое время Петръ Великій вошелъ въ присутствіе Сената, удивился смятенію членовъ и спросилъ: „Отчего происходитъ необычайный шумъ?“ Генералъ-прокуроръ съ трепетомъ подалъ ему опредѣленіе, разорванное Долгорукимъ. „Что побудило тебя къ такому неслыханному преступленію противъ верховной власти?“—спросилъ виновнаго съ сильнымъ негодованіемъ царь. „Не иное что“, отвѣчалъ Долгорукій, „какъ ревность моя къ твоей славѣ и къ благосостоянію твоихъ подданныхъ. Не гнѣвайся на меня, Петръ Алексѣевичъ; я надѣюсь на твое благоразуміе: ты не захочешь разорять свою землю, какъ Карлъ XII разорилъ свою. Ты поторопился дать это повелѣніе и не разсудилъ, въ какомъ состояніи находятся обѣ эти губерніи, потерпѣвшія въ настоящую войну болѣе, нежели всѣ провинціи Россіи. Сколько въ нихъ людей вымерло, сколь великъ въ нихъ нынѣ недостатокъ въ народѣ! Что препятствуетъ тебѣ къ рытью этого канала, необходимо нужнаго для Петербурга, взять работниковъ изъ другихъ провинцій, изъ каждой по нѣсколько? Тѣ провинціи могутъ дать людей несравненно болѣе, нежели эти двѣ безлюдныя почти губерніи, и немного потерпятъ. Сверхъ сего, есть у тебя довольно военноплѣнныхъ шведовъ, которыхъ ты, вмѣсто своихъ подданныхъ, можешь употребить для этой тяжелой работы“.— „Все это хорошо“, произнесъ государь, благосклонно выслушавъ объясненіе Долгорукаго, „но на что же драть подписанное мною опредѣленіе, зная, что такая дерзость нигдѣ не можетъ быть терпима!“ — „Въ этомъ-то я только и виновенъ, государь, что не утерпѣлъ“, отвѣчалъ вѣрный подданный. Подумавъ немного, государь, обратясь къ сенаторамъ сказалъ: „Хотя и дано мною повелѣніе о высылкѣ крестьянъ для рытья Ладожскаго

канала, но я дѣло это еще разсмотрю и потомъ объявлю послѣднюю мою волю". Принятыя имъ мѣры согласовались съ совѣтомъ Долгорукаго. Въ этомъ случаѣ Петръ Великій рѣшительно восторжествовалъ надъ княземъ Яковомъ Долгорукимъ: князь затмилъ похвальный порывъ усердія преступленіемъ неумышленнымъ: государь же въ пылу справедливаго гнѣва явился властителемъ своихъ страстей и строго выполнилъ долгъ правосудія.

И послѣ этого событія Долгорукій продолжалъ говорить царю правду и однажды до такой степени вывелъ его изъ терпѣнія, что Петръ устремился на него съ обнаженнымъ кортикомъ. Долгорукій остановилъ руку государя и сказалъ: „Постой, государь! Честь твоя дороже мнѣ жизни моей. Если ты своими руками умертвишь вѣрнаго подданнаго, и за то только, что онъ осмѣлился тебѣ противорѣчить въ дѣлѣ, которое онъ понималъ иначе, что̀ тогда скажетъ о тебѣ свѣтъ? Если голова моя тебѣ нужна, то не дѣйствуй руками, а вели палачу отсѣчь ее на площади: тогда еще подумаютъ, что я казненъ за какое-нибудь важное преступленіе, и ты останешься безъ порицанія. Судить же меня съ тобою будетъ одинъ Богъ". Государь забылъ свою запальчивость, бросилъ кортикъ на полъ, вышелъ изъ комнаты и потомъ возвратился, чтобы просить прощенія въ своемъ поступкѣ у подданнаго.

Нартовъ разсказываетъ, что его величество, возвратясь изъ Сената, говорилъ генералъ-прокурору графу Ягужинскому: „Князь Яковъ въ Сенатѣ прямой помощникъ: онъ судитъ дѣльно и мнѣ не потакаетъ, безъ краснобайства рѣжетъ правду, не смотря на лицо".

Въ 1717 году Петръ на одномъ пиру разговаривалъ съ вельможами о дѣлахъ своего отца, царя Алексѣя Михайловича. Графъ Мусинъ-Пушкинъ началъ тогда унижать покойнаго государя въ сравненіи съ Петромъ

Великимъ; разбирая царственные труды Алексѣя Михайловича, онъ приписывалъ даже самые знаменитые подвиги его Морозову и другимъ искуснымъ дѣятелямъ того времени. Петръ Великій этимъ огорчился и, вставъ отъ стола, сказалъ: „Ты хулою дѣлъ отца моего и лицемѣрною мнѣ похвальною болѣе меня бранишь, нежели я терпѣть могу“. Потомъ подошелъ къ князю Долгорукому и, вставши у него за стуломъ, сказалъ: „Дядя! я знаю, что ты меня больше всѣхъ бранишь и такъ тяжко спорами досаждаешь, что я часто едва терпѣть могу; но какъ разсужу, то и вижу, что ты меня и государство истинно любишь и правду говоришь; для того я тебя искренно благодарю; нынѣ же тебя спрошу и вѣрю, что о дѣлахъ отца моего и моихъ нелицемѣрно скажешь“.—„Изволь, государь, сѣсть, а я подумаю“, отвѣчалъ Долгорукій. Потомъ, подумавъ немного и разглаживая, по привычкѣ, свои длинные усы, онъ началъ такъ: „Три главныя дѣла государей. Первое—внутренняя расправа и главное дѣло ваше есть правосудіе. Въ семъ отецъ твой болѣе, нежели ты, сдѣлалъ: онъ далъ намъ Уложеніе, по коему и нынѣ мы судимся; но когда и ты о семъ прилежать будешь, то, можетъ-быть, и превзойдешь его; и пора уже тебѣ о томъ подумать. Другое—военныя дѣла. Отецъ твой много чрезъ оныя хвалы удостоился и пользу великую государству принесъ; устроеніемъ регулярныхъ войскъ путь тебѣ показалъ, да по немъ несмысленные разорили почти всѣ его учрежденія, такъ что ты, почитай, все вновь дѣлалъ и въ лучшее состояніе привелъ. Много думая объ этомъ, я еще не знаю, кого болѣе хвалить. Но конецъ войны твоей прямо намъ то покажетъ. Третье—въ устроеніи флота, въ союзахъ и поступкахъ съ иностранцами, ты далеко большую пользу государству и себѣ честь пріобрѣлъ, нежели отецъ твой, и сіе все самъ, надѣюсь, за право

примѣшь. Что жъ разсуждаютъ, якобы государи каковыхъ министровъ, умныхъ или глупыхъ, имѣютъ, таковы и дѣла ихъ; то я противно разумѣю: мудрый государь умѣетъ и мудрыхъ совѣтниковъ избирать и вѣрность ихъ наблюдать; итакъ, у мудраго не могутъ быть глупые министры, понеже онъ о достоинствѣ каждаго можетъ разумѣть и правые совѣты отъ неправыхъ и вредныхъ можетъ различить". Петръ, выслушавъ все терпѣливо, поцѣловалъ Долгорукаго и сказалъ: „Благій рабе и вѣрный! Въ малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю".

Князь Яковъ Долгорукій скончался въ Петербургѣ въ 1720 году на 81-мъ году. Онъ былъ высокъ ростомъ и отличался крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и стройнымъ станомъ. Черные, огненные глаза и большіе усы придавали лицу его видъ мужественный и грозный. Отъ природы онъ былъ чрезвычайно вспыльчивъ. Долгорукій говорилъ о Петрѣ: „онъ горячъ, а я горячѣе его". Съ храбростью соединялъ онъ присутствіе духа, съ подчиненными обращался подружески, не зналъ никакой лести, забывалъ обиды и твердилъ постоянно: „Любить царя— любить отечество; правда — лучшій слуга царю; служить—такъ не картавить, а картавить—такъ не служить!"

---

5. Графъ Ѳ. М. Апраксинъ.

Графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, сынъ стольника Матвѣя Васильевича, родился въ 1661 году. Онъ былъ знатнаго происхожденія и состоялъ въ родствѣ съ царскимъ домомъ: царь Ѳедоръ Алексѣевичъ былъ женатъ на сестрѣ его, Маріѣ Матвѣевнѣ.

Лишившись отца еще въ младенчествѣ, Ѳедоръ Матвѣевичъ впослѣдствіи былъ стольникомъ, потомъ

записанъ былъ въ Семеновскій гвардейскій полкъ; преемственно управлялъ онъ Архангельскомъ, гдѣ состоялъ воеводою, потомъ Азовомъ, гдѣ былъ губернаторомъ. Главная же служба Апраксина началась съ зачисленіемъ его въ Адмиралтейство (съ 1700 года): тогда отправился онъ, по приказанію государя, въ Воронежъ для починки находившагося тамъ флота и для надзора надъ корабельной работой. Апраксинъ завѣдывалъ всѣми адмиралтейскими дѣлами, содѣйствовалъ улучшенію ввѣренной ему части и давалъ полезные совѣты Петру Великому. Апраксинъ завелъ въ Воронежѣ училище, гдѣ драгуны, въ числѣ 90 человѣкъ, обучались арпометикѣ; имъ устроены также въ томъ краю Липскіе желѣзные заводы, гдѣ выливали пушки; значительно позднѣе Апраксинъ сопутствовалъ государю въ Олонецъ и обозрѣвалъ тамош..ie заводы, которые поручены были ему, какъ главному начальнику. По кончинѣ генералъ-адмирала графа Головина, который, впрочемъ, больше завѣдывалъ иностранными сношеніями, въ 1706 году, государь поручилъ Ѳедору Матвѣевичу обревизовать приказы—Оружейный, Монетный и Ямской, запечатавъ деньги, что̀ и было имъ умѣло и своевременно исполнено. Въ слѣдующемъ году Ѳедоръ Матвѣевичъ назначенъ адмираломъ и президентомъ адмиралтейства, потомъ генералъ-адмираломъ. Онъ оправдалъ довѣріе государя и явился вполнѣ достойнымъ монаршаго благоволенія: во время пребыванія государя въ Польшѣ, онъ защищалъ отъ непріятеля всѣ крѣпости, находящіяся въ Ингерманландіи и Ливоніи; узнавши же о намѣреніи шведскаго генерала Любекера напасть на Петербургъ съ 13.000 войска, немедленно оставилъ Нарву, прибылъ въ столицу и, вмѣстѣ съ вице-адмираломъ Крюйсомъ, отразилъ шведовъ съ большимъ для нихъ урономъ. Государь при-

казалъ выбить медаль въ честь побѣдителя и пожаловалъ ему чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и графское достоинство „за вѣрность и храбрость". Послѣ Полтавской побѣды, начались блестящіе подвиги Апраксина въ Финляндіи. Въ 1710 году графъ Апраксинъ осадилъ Выборгъ съ суши и съ моря, нанесъ сильное пораженіе шведамъ и, при малой потерѣ своихъ воиновъ, овладѣлъ городомъ. За эту побѣду онъ награжденъ былъ орденомъ святого Андрея Первозваннаго и золотою шпагою, осыпанною алмазами. Вслѣдъ за тѣмъ Апраксинъ овладѣлъ островами, лежащими предъ Гельсингфорсомъ, поставилъ на нихъ батареи и открылъ свободный путь галерному флоту нашему. Въ началѣ мая 1713 года галерный флотъ, состоявшій изъ 200 судовъ, вышелъ изъ Петербурга въ море, подъ начальствомъ Апраксина; самъ царь начальствовалъ частію флота въ званіи контръ-адмирала; Гельсингфорсъ и главный городъ Финляндіи, Або, были взяты, и шведы отступили во внутреннюю страны. Но Апраксинъ и князь М. М. Голицынъ шли за ними по пятамъ, покорили всю Финляндію и навели страхъ на самую столицу Швеціи—Стокгольмъ. Въ іюлѣ 1719 года Апраксинъ сталъ съ флотомъ своимъ у Стокгольма, между тѣмъ какъ Голицынъ и Лесси, высаженные имъ на шведскій берегъ съ войсками, произвели страшныя опустошенія въ шведскомъ королевствѣ. Этими дѣйствіями Апраксинъ много содѣйствовалъ къ скорѣйшему началу мирныхъ переговоровъ между Россіей и Швеціей. Въ концѣ царствованія Петра Великаго, Апраксинъ вмѣстѣ съ государемъ предпринималъ походъ въ Персію, командуя флотомъ и всѣмъ войскомъ. Апраксинъ недолго жилъ послѣ Петра Великаго: въ 1728 году онъ окончилъ жизнь свою, про-

славленную многими знаменитыми подвигами, на 67-мъ году, въ Москвѣ.

Доблестный сподвижникъ Петра Великаго, Апраксинъ, былъ не только храбрый воинъ, но и сострадательный человѣкъ. Лучшимъ доказательствомъ его доброты можетъ служить его духовное завѣщаніе: онъ приказалъ, по своей смерти, отпустить на волю всѣхъ своихъ дворовыхъ людей съ назначеніемъ имъ двойного годового оклада; еще болѣе свидѣтельствуетъ о милосердіи его та статья завѣщанія, въ которой онъ поручаетъ душеприказчикамъ своимъ „продать по вольной цѣнѣ“ многія вотчины свои „и всѣ вырученныя деньги раздать неимущимъ въ милостыню, употребивъ часть на удовлетвореніе казенныхъ долговъ ихъ и на выкупъ плѣнныхъ“. Графъ былъ вообще ласковъ въ обращеніи и пріятенъ въ обществѣ, особенно же отличался своимъ гостепріимствомъ. Домъ его въ два этажа находился тамъ, гдѣ теперь Зимній дворецъ; большой садъ тянулся по берегу Невы до нынѣшняго Адмиралтейскаго бульвара. Убранство комнатъ въ графскомъ домѣ соотвѣтствовало обширности зданія: вездѣ были видны штофные обои, столы съ насѣчками изъ кости или разноцвѣтнаго дерева, съ вызолоченными ножками, кресла и стулья съ высокими спинками, обитыми рытымъ бархатомъ. Всякій день, въ четыре часа пополудни, ставились у него для полдника столы, лѣтомъ въ аллеяхъ или бесѣдкахъ сада, зимою—въ обширныхъ галлереяхъ дома; столы уставлялись холодными купаньями, сахарными закусками и плодами на серебряныхъ вызолоченныхъ подносахъ; рядомъ съ закусками стояли сосуды съ винами разнаго рода. Апраксинъ, отдохнувши послѣ обѣда, приходилъ въ залу, гдѣ ожидали его собравшіеся гости; при звукахъ духовой музыки, помѣщавшейся въ разныхъ концахъ

сада или въ галлереяхъ, гости садились за столы, и начиналось угощеніе. Одни посѣтители уходили, другіе приходили; слуги перемѣняли кушанья и напитки. Бесѣда продолжалась до 10 часовъ вечера. Хозяинъ отличался особеннымъ искусствомъ угощать гостей и умѣньемъ упрашивать ихъ не отказаться отъ предлагаемыхъ кубковъ и закусокъ. Рѣдко кто уходилъ отъ него не навеселѣ.

По званію генералъ-адмирала, графъ Апраксинъ давалъ великолѣпные обѣды государю, всей семьѣ царской и присутствовавшимъ при закладкѣ и спускѣ кораблей. Иногда устраивалъ онъ морскія празднества, какъ командиръ кронштадтскаго флота. Тогда всѣ снасти судовъ въ Кронштадтѣ украшались разноцвѣтными флагами, слышались пѣсельники, духовая музыка, матросы забавляли пріѣхавшихъ изъ Петербурга гостей искуснымъ бѣганьемъ по веревкамъ, спускались съ мачтъ и показывали свою ловкость въ разнаго рода движеніяхъ и дѣйствіяхъ. Съ наступленіемъ вечера палуба, мачты и всѣ снасти судовъ освѣщались, и гостей ожидалъ богатый ужинъ. При каждомъ тостѣ палили изъ пушекъ, а при послѣднемъ кубкѣ, который поднимался за здоровье и въ честь основателя русскаго флота, раздавался залпъ изъ всѣхъ орудій. Никто изъ гостей не покидалъ хозяина до самаго утра; и только на другой день, при выстрѣлѣ изъ пушки, возвѣщавшей утреннюю зорю, начинали посѣтители разъѣзжаться.

Преданность Апраксина великому преобразователю была безпредѣльна: онъ плакалъ отъ радости, если видѣлся съ монархомъ послѣ долговременной разлуки; впадалъ въ уныніе, если заслуживалъ малѣйшій выговоръ отъ государя. Петръ Великій утѣшалъ вѣрнаго сподвижника и просилъ его, „чтобы онъ поберегалъ

себя и пересталъ печалиться, для того что государство и онъ самъ имѣютъ въ немъ нужду". Выговоры эти были, однакоже, заслужены Апраксинымъ и не дѣлались напрасно; отдавая справедливость способностямъ, мужеству и предпріимчивости графа, одинъ изъ современниковъ его замѣчаетъ, что онъ, „къ сожалѣнію, былъ преданъ корыстолюбію и за то штрафованъ былъ Петромъ Великимъ". Другая непривлекательная черта была въ немъ та, что онъ возставалъ противъ вводимой государемъ новизны и былъ непримиримый врагъ всѣхъ иностранцевъ. Неудовольствіе свое противъ новыхъ порядковъ Апраксинъ выразилъ однажды слѣдующимъ образомъ. По указу государя, велѣно было записывать дворянскихъ дѣтей въ Москвѣ и опредѣлять на Сухареву башню для изученія мореплаванія. Родители, вопреки этому указу, отдали дѣтей своихъ въ Заикоиоспасское училище. Петръ Великій такъ былъ раздраженъ ослушаніемъ бояръ, что въ наказаніе ихъ велѣлъ отправить малолѣтнихъ дворянъ изъ Спасскаго училища въ Петербургъ и тамъ заставилъ ихъ бить сваи по Мойкѣ, гдѣ строились пеньковые амбары. Никакія представленія не могли укротить справедливаго гнѣва монарха. Апраксинъ, зная, что необычайные и великодушные подвиги поражали Петра Великаго, умѣлъ подѣйствовать на государя. Лишь только узналъ онъ о поѣздкѣ Петра на Мойку, къ пеньковымъ амбарамъ, тотчасъ же поспѣшилъ къ трудившимся малолѣтнимъ дворянамъ, снялъ съ себя мундиръ и Андреевскій орденъ и повѣсилъ на шестъ, а самъ принялся заколачивать сваи. Государь, увидѣвъ это, остановился; „Ѳедоръ Матвѣевичъ", сказалъ онъ, „ты адмиралъ и кавалеръ; какъ же ты вбиваешь сваи?" — „Государь", отвѣчалъ Апраксинъ, „здѣсь бьютъ сваи мои племянники и внучата; а я

что за человѣкъ? Какое имѣю въ родѣ преимущество? Кавалеріи и мундиру безчестья я не принесъ; они висятъ на деревѣ". Петръ тогда же велѣлъ отправить малолѣтнихъ дворянъ для ученья въ чужіе края, предварительно простивши вину ихъ родителей.

---

6. Графъ Ѳ. А. Головинъ.

Графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, сынъ боярина Алексѣя Петровича, прославился болѣе на поприщѣ иностранныхъ дѣлъ, нежели на военномъ. Получивъ наилучшее образованіе въ домѣ отца, онъ обогатилъ свой умъ чтеніемъ древнихъ латинскихъ писателей и поэтовъ.

По примѣру знатнѣйшихъ дворянъ, Головинъ началъ службу при царскомъ дворѣ. Алексѣй Михайловичъ, на смертномъ одрѣ, завѣщалъ ему, вмѣстѣ съ Нарышкинымъ, Прозоровскимъ и Головкинымъ, „хранить юнаго Петра, яко зеницу ока". Имѣя попеченіе о безопасности царевича, Головинъ присовѣтовалъ ему укрыться въ Троицкомъ монастырѣ, когда мятежные стрѣльцы покушались лишить Петра престола и жизни.

Въ правленіи царевны Софьи, когда первымъ вельможею въ Россіи былъ князь В. В. Голицынъ, Головинъ, за приверженность къ Петру, удаленъ былъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, изъ столицы. Его отправили посломъ для заключенія мирнаго и пограничнаго договора съ китайскимъ правительствомъ. Головинъ со свитою и отрядомъ стрѣльцовъ выѣхалъ изъ столицы въ началѣ 1686 года и достигъ Сибири въ мартѣ того же года. Въ ноябрѣ слѣдующаго года онъ добрался до Селенгинска и послалъ увѣдомленіе пограничнымъ китайскимъ властямъ о своемъ прибытіи; вмѣстѣ съ этимъ онъ сталъ ожидать отвѣта на свое предложеніе, гдѣ

угодно будетъ богдыхану, т.-е. китайскому императору, назначить мѣсто для съѣзда уполномоченныхъ лицъ съ нашей стороны и китайской. Въ ожиданіи вѣстей изъ Китая, Головинъ построилъ небольшую деревянную крѣпость Удинскъ и, воспользовавшись волненіемъ и непріязненными дѣйствіями противъ насъ нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ, усмирилъ ихъ и привелъ ихъ въ русское подданство. Когда, по рѣшенію богдыхана, уполномоченные, съ обѣихъ сторонъ, съѣхались въ опредѣленное мѣсто, вблизи Нерчинска, въ августѣ 1689 года, — послѣ долгихъ переговоровъ и споровъ, заключенъ былъ съ китайцами первый, такъ называемый Нерчинскій договоръ. По договору, границею между нашими и китайскими владѣніями признаны рѣки Горбица и Аргунь и горный хребетъ до рѣки Уди. Въ то же время установлены правила для взаимныхъ сношеній между жителями пограничныхъ областей—сибирскихъ и китайскихъ. Утвердивъ договоръ печатями и подписями, послы размѣнялись подарками и разстались дружески. Укрѣпивъ Нерчинскъ, усиливъ въ немъ гарнизонъ и приведя въ порядокъ дѣла, Головинъ отправился въ обратный путь и прибылъ въ Тобольскъ въ сентябрѣ 1690 года. По пути онъ занятъ былъ сборомъ податей и сношеніями съ китайскими властями. По возвращеніи въ Москву въ слѣдующемъ году, Головинъ возведенъ былъ въ достоинство боярина и назначенъ намѣстникомъ сибирскимъ. Вскорѣ возгорѣлась война съ турками, и Головинъ принялъ участіе во второмъ походѣ противъ Азова, а потомъ, по взятіи этой крѣпости, участвовалъ въ торжественномъ вступленіи побѣдителей въ Москву.

Когда Петръ Великій отправился въ чужіе края для изученія наукъ и искусствъ въ свитѣ великаго посольства, подъ именемъ Петра Михайлова, первымъ посломъ назначенъ былъ Лефортъ, вторымъ—Головинъ, а третьи-

нмъ—думный дьякъ Возницынъ. Въ Гаагѣ государь пріобрѣлъ богатую четырехмѣстную карету, въ которой обыкновенно и разъѣзжалъ вмѣстѣ съ посольствомъ, при чемъ Лефортъ и Головинъ занимали первыя мѣста, а Петръ и Возницынъ садились противъ нихъ—на второстепенныя мѣста. Вмѣстѣ съ царемъ Головинъ былъ въ Лондонѣ по дѣламъ посольства и обозрѣвалъ парламентъ. Въ Вѣнѣ Ѳедоръ Алексѣевичъ въ короткое время умѣлъ пріобрѣсти особенное благоволеніе нѣмецкаго императора. Вмѣстѣ съ любимцами своими Лефортомъ, Головинымъ и Меншиковымъ государь и возвратился изъ-за границы въ Россію.

Привязанность Петра Великаго къ Ѳедору Алексѣевичу, основанная на уваженіи, примѣтнымъ образомъ все возрастала. Государь приказалъ выбить въ честь его серебряную медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ портрета Головина, на другой—фамильнаго герба его съ надписью: „и совѣтомъ и мужествомъ“. Такого отличія до Головина никто еще не былъ удостоенъ въ Россіи. Учредивъ 8 марта 1699 года орденъ святого апостола Андрея Первозваннаго, Петръ Великій предоставилъ возложить его на себя „впредь до случая“; первымъ же кавалеромъ пожалованъ былъ въ этотъ день ближній боярин Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ. Лефорта уже не было тогда на свѣтѣ: онъ скончался, къ неописанной горести Петра, еще 1 марта того же года. Послѣдовательно затѣмъ Головинъ возведенъ былъ въ достоинство генералъ-адмирала и президента посольскихъ дѣлъ; сверхъ того, онъ завѣдывалъ многими приказами и имѣлъ чрезвычайно много занятій по самымъ разнообразнымъ дѣламъ государственнымъ. Управляя внѣшними дѣлами, флотомъ, отдаленною Сибирью, южною Россіею, многими городами и внутренними сообщеніями въ государствѣ, Ѳедоръ Алексѣевичъ возве-

день былъ въ 1700 году еще въ генералъ-фельдмаршалы. Ставъ во главѣ новообразованной 45.000 арміи, Головинъ выступилъ съ нею къ Нарвѣ, но ходомъ военныхъ дѣйствій подъ крѣпостью не завѣдывалъ, передавъ начальство надъ войскомъ герцогу Кроа. Какъ завѣдывавшій всѣми сношеніями съ иностранными дворами, онъ нуженъ былъ государю и отправился съ нимъ къ Новгороду, для переговоровъ съ послами сосѣднихъ державъ: Турціи, Польши и Даніи. Въ Москвѣ Головинъ заключилъ союзный договоръ съ датскимъ посланникомъ, а въ Биржахъ, на границѣ Россіи, въ присутствіи государя, съ Августомъ II, королемъ польскимъ, противъ шведовъ.

Во время Великой Сѣверной войны, Головинъ участвовалъ въ осадѣ Шлиссельбурга и первый изъ русскихъ вельможъ получилъ графское достоинство; въ слѣдующемъ 1703 году онъ возложилъ, какъ старѣйшій кавалеръ, орденъ св. Андрея Первозваннаго на Петра Великаго и Меншикова, за взятіе ими нѣсколькихъ военныхъ судовъ шведскихъ близъ устья Невы. Во все продолженіе военныхъ дѣйствій противъ Швеціи, Головинъ велъ самыя многосложныя и трудныя сношенія съ союзниками—польскимъ и датскимъ королями и прочими иностранными государями. Въ послѣднихъ числахъ іюня 1706 года государь поѣхалъ въ Кіевъ и приказалъ Головину поспѣшить туда же для совѣщаній; Ѳедоръ Алексѣевичъ немедленно отправился въ дорогу, но занемогъ въ Глуховѣ и чрезъ нѣсколько дней скончался, 2 августа того же года. Узнавъ о смерти графа Головина, Петръ отправилъ слѣдующее письмо къ Апраксину: „Ежели сіе письмо васъ застанетъ въ Москвѣ, то не изволь ѣздить въ Воронежъ; буде же на Воронежѣ, изволь ѣхать къ Москвѣ: ибо, *хотя бы никогда сего къ вамъ не желалъ писать*, однако, воля Всемогущаго на то насъ

понудила: ибо сея недѣли *господинъ адмиралъ и другъ нашъ отъ сего свѣта посченъ смертію въ Глуховѣ:* того ради извольте, которые приказы, кромѣ посольства, опъ вѣдалъ, присмотрѣть, а деньги и прочія вещи запечатать до указу *Сіе возвѣщаетъ печали исполненный Петръ*“.

Графъ Оедоръ Алексѣевичъ Головинъ отличался статною, величавою наружностью, первый изъ русскихъ бояръ обрилъ себѣ бороду, оставивъ только усы, угождая мудрому преобразователю нашему: отличался умомъ просвѣщеннымъ и обширными свѣдѣніями въ дѣлахъ по сношенію съ иноземными дворами; праводушный, безкорыстный и трудолюбивый вельможа пламенно любилъ государя и отечество; старался о благѣ народномъ и дѣятельно помогалъ Петру Великому въ распространеніи наукъ и искусствъ въ Россіи; завелъ изданіе газетъ и календарей; управляя монетнымъ дворомъ, приступилъ къ выплавкѣ серебряной руды, которую самъ отыскалъ близъ Перчиска, увеличилъ выбиваніе серебряной монеты; первые рубли съ грудным изображеніемъ Петра начали чеканиться съ 1704 года; не допускалъ англичанъ вмѣшиваться въ наши торговыя дѣла и покровительствовалъ иностранцамъ, находившимся на русской службѣ, которыхъ многіе вельможи ненавидѣли и преслѣдовали. Одинъ изъ иностранцевъ, ганноверскій резидентъ, или уполномоченный при русскомъ дворѣ, видѣлъ слѣдующую надпись, заимствованную изъ древняго латинскаго писателя Цицерона, на портретѣ Головина: „Кто всею душею, съ ревностію и искусствомъ исполняетъ свою должность, тотъ только способенъ къ дѣламъ великимъ и чрезвычайнымъ“. Надпись эта даетъ намъ прекрасную характеристику графа Головина, лучшаго изъ сотрудниковъ великаго царя.

7. Графъ Г. И. Головкинъ.

Графъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ, сынъ боярина Ивана Семеновича, родился въ 1660 году. По родственнымъ своимъ связямъ съ Нарышкиными, онъ пользовался особымъ благоволеніемъ царицы Натальи Кирилловны, а по должности спальника, постельничаго и управляющаго мастерскою палатою приблизился къ Петру Великому.

Головкинъ сопутствовалъ государю во всѣхъ его походахъ и сражался съ турками и шведами, особенно же отличился своею храбростью въ маѣ 1703 года, когда самъ Петръ произвелъ нападеніе на шведскаго адмирала близъ устья Невы и разбилъ его. Тогда царь возложилъ на Головкина орденъ св. Андрея Первозваннаго. Въ 1706 году, по смерти графа Головина, Гавріилъ Ивановичъ вступилъ въ исправленіе должности перваго министра по дѣламъ посольскимъ. За услуги Россіи, оказанныя Головкинымъ въ бытность при дворѣ польскаго короля Августа II и подъ Полтавою, онъ возведенъ былъ въ званіе государственнаго канцлера 16 іюня 1709 года, а въ слѣдующемъ году даровано ему графское достоинство. Графъ Головкинъ сопутствовалъ Петру Великому въ Прутскомъ походѣ и склонилъ государя къ мирнымъ переговорамъ съ турками. Потомъ онъ назначенъ былъ предсѣдательствующимъ въ комиссіи для изслѣдованія и искорененія злоупотребленій по казеннымъ подрядамъ. По заключеніи мира со Швеціей, въ 1721 году, графъ Головкинъ привѣтствовалъ государя въ Троицкомъ соборѣ и 22-го октября отъ имени Сената, всѣхъ чиновъ и народа просилъ Петра принять титулъ Великаго, Отца отечества и Императора Всероссійскаго. Посвятивъ большую часть своей жизни и силъ на служеніе государю и отечеству по вѣдомству

иностранныхъ дѣлъ, Головкинъ скончался въ С.-Петербургѣ въ 1734 году, на 74-мъ году отъ рожденія и на 27-мъ году канцлерства.

Графъ Головкинъ отличался умомъ образованнымъ, благоразуміемъ примѣрнымъ и чрезвычайною осторожностью; какъ государственный дѣятель, на поприщѣ дипломатическомъ поступалъ искусно и отстаивалъ интересы Россіи мужественно. Онъ былъ преданъ престолу и отечеству, трудился много и помогалъ усердно государю въ его преобразовательной дѣятельности; хотя и придерживался старинныхъ обычаевъ, но не осуждалъ новыхъ, если видѣлъ въ нихъ пользу. Исполняя предначертанія и указанія верховной власти въ сношеніяхъ съ иностранными державами, канцлеръ Головкинъ заключилъ около 50 важныхъ трактатовъ: съ Австріей, Англіей, Даніей, Персіей, Польшей, Турціей, Пруссіей, Франціей, Швеціей, Ганновером, Брауншвейгомъ, Голштиніей и Мекленбургомъ. При всѣхъ этихъ достоинствахъ, въ характерѣ графа была, однакоже, непривлекательная черта — крайняя скупость при большомъ богатствѣ: онъ всегда носилъ одинъ и тотъ же французскій кафтанъ кофейнаго цвѣта, весь истертый, и при высокомъ ростѣ и худощавости мало походилъ по наружности на знатнаго вельможу.

---

8. Баронъ П. П. Шафировъ.

Помощникомъ графа Головкина въ дѣлахъ иноземныхъ былъ Петръ Павловичъ Шафировъ, изъ подъячихъ посольскаго приказа дослужившійся до высокихъ званій вице-канцлера и барона. Онъ происходилъ изъ низшаго сословія, но отличался замѣчательными умственными способностями. Петръ Великій, обладавшій удивительно тонкимъ чутьемъ угадывать таланты въ людяхъ, замѣ-

тилъ его и опредѣлилъ къ дѣлу, наиболѣе соотвѣтствовавшему его способностямъ.

Шафировъ былъ сначала переводчикомъ въ посольскомъ приказѣ, потомъ сопутствовалъ Петру Великому во время перваго путешествія государя по Европѣ; вскорѣ онъ получилъ должность тайнаго секретаря, участвовалъ въ заключеніи договора между Петромъ I и Августомъ II, королемъ польскимъ, а въ 1711 году ему поручено было даже управленіе германскими дѣлами въ посольскомъ приказѣ. Подъ Полтавою Шафировъ находился также при государѣ, какъ нужный и полезный помощникъ Головкина; послѣ Полтавской побѣды пожалованъ званіемъ подканцлера, а въ 1710 году—достоинствомъ барона. Во время Прутскаго похода Шафировъ оказалъ великую услугу Россіи, убѣдивъ верховнаго визиря согласиться на предложенный ему царемъ миръ.

При заключеніи мира, великій визирь потребовалъ, чтобы баронъ и вице-канцлеръ Шафировъ, вмѣстѣ съ сыномъ генералъ-фельдмаршала графа Шереметева, генералъ-майоромъ Михаиломъ Борисовичемъ, остались въ турецкомъ лагерѣ заложниками до исполненія постановленнаго въ трактатѣ; съ согласія государя, Шафировъ и Шереметевъ должны были отправиться, какъ заложники, въ Константинополь, гдѣ и оставались до исполненія трактата. Такъ какъ Шафировъ находился какъ бы въ плѣну, безъ дѣла, то и воспользовался досугомъ, чтобы усовершенствоваться въ италіанскомъ языкѣ. По пропскамъ Карла XII, заложники терпѣли много притѣсненій и страданій, даже посажены были въ Семибашенную крѣпость, какъ узники. Только въ 1714 году, послѣ утвержденія султаномъ мирнаго договора, натерпѣвшись много горя, Шафировъ возвратился въ Петербургъ. Шереметевъ же, раздѣлявшій

съ нимъ злоключенія, въ пути захворалъ и скончался въ Кіевѣ, гдѣ и былъ похороненъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, Шафировъ съ радостію принятъ былъ монархомъ, пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Съ этого времени государь началъ относиться къ Шафирову съ неизмѣннымъ довѣріемъ и, видимо, отличалъ его. Но самое это возвышеніе Шафирова возбудило зависть со стороны его недоброжелателей, и ему стоило огромнаго труда сохранить милость императора. Шафировъ былъ человѣкъ незнатнаго происхожденія и долженъ былъ много трудиться, чтобы его не свергли люди высокопоставленные. Оцѣнивая полезные труды и высокія способности Шафирова, государь поручалъ ему самыя важныя, сложныя и обширныя дѣла. Такъ, въ 1715 году онъ участвовалъ въ составленіи трактата, коимъ опредѣлялись взаимныя дѣйствія Россіи и Даніи противъ шведовъ; во время путешествія государя въ Голландію и Францію, онъ находился при его величествѣ, продолжая дипломатическія сношенія съ иноземными державами. Сверхъ того, Шафировъ назначенъ былъ генералъ-почтмейстеромъ въ Россіи и по этой должности долженъ былъ нести много трудовъ, такъ какъ нужно было еще создавать почтовыя учрежденія въ главныхъ провинціяхъ Россіи.

Къ сожалѣнію, при многихъ своихъ достоинствахъ, Шафировъ не былъ безупреченъ въ отношеніи нравственныхъ правилъ: вспыльчивый и невоздержный на языкъ, онъ часто ссорился съ Меншиковымъ, жестоко попрекалъ за слабости въ присутствіи многихъ лицъ и ядовито злословилъ его; такія перебранки съ любимцемъ Петра происходили почти ежедневно и приводили въ сильное раздраженіе Меншикова. Послѣдній не въ со-

стояніи былъ удержаться отъ гнѣва и затаилъ въ душѣ своей чувство мести; случай отомстить своему недругу вскорѣ представился. Если бы Шафировъ при своей несдержанности былъ вполнѣ безупреченъ по службѣ, быть можетъ, ссора его съ Меншиковымъ и не имѣла бы особенно важныхъ послѣдствій, но такъ какъ вице-канцлеръ допускалъ явное нарушеніе законныхъ требованій по своей службѣ, то скоро и далъ оружіе въ руки своихъ завистниковъ.

Во время похода Петра Великаго въ Персію, въ Москвѣ между Шафировымъ, оберъ-прокуроромъ Сената Скорняковымъ-Писаревымъ и Меншиковымъ произошла страшная ссора, которая повлекла за собою опалу и потомъ паденіе Шафирова. Поводомъ къ ссорѣ послужило межеваніе земель города Почепа, принадлежавшаго Меншикову. Шафировъ донесъ государю, что полковникъ Богданъ Скорняковъ-Писаревъ, братъ оберъ-прокурора, допустилъ пристрастіе въ пользу Меншикова при межеваніи означенныхъ земель и настоялъ, чтобы виновнаго полковника отдали подъ судъ. Желая отомстить за своего брата, оберъ-прокуроръ донесъ Сенату, что Шафировъ позволилъ себѣ употребить свое сенатское вліяніе для того, чтобы брату своему выдать лишнее жалованье при переходѣ изъ одной службы въ другую. Протестъ оберъ-прокурора противъ незаконности дѣйствій Шафирова получилъ силу. Вскорѣ Шафировъ сдѣлалъ новый. еще болѣе крупный поступокъ. Въ Сенатѣ слушалось дѣло о почтѣ, которая находилась подъ его вѣдѣніемъ. По указу государя, когда разбиралось дѣло, касавшееся кого-нибудь изъ сенаторовъ, тотъ долженъ былъ въ это время выйти изъ Сената. Но Шафировъ ослушался Высочайшаго повелѣнія и не хотѣлъ выйти. По возвращеніи Петра Великаго изъ похода, Шафировъ былъ преданъ суду за

ослушаніе царскаго указа, за выдачу лишняго жалованья брату своему и за растрату государевыхъ денегъ на свои расходы во время поѣздки во Францію. Судъ приговорилъ его къ смертной казни, но государь, изъ уваженія къ его прежнимъ заслугамъ, помиловалъ его, замѣнивши казнь ссылкою. По смерти Петра Великаго Шафировъ возвращенъ былъ изъ ссылки и вновь призванъ къ государственной дѣятельности.

---

9. Баронъ Г. І. Ф. Остерманъ.

Поручая первыя мѣста по управленію государствомъ природнымъ русскимъ людямъ, второстепенныя должности государь охотно предоставлялъ иностранцамъ. Отличая искусныхъ и даровитыхъ людей изъ иноземцевъ, Петръ Великій облекалъ ихъ нерѣдко важными полномочіями. Особеннымъ довѣріемъ монарха пользовались трое изъ иноземцевъ, принятыхъ имъ на службу: Остерманъ, Брюсъ и Минихъ.

Генрихъ Іоганнъ Фридрихъ или, какъ его звали въ Россіи, Андрей Ивановичъ Остерманъ былъ сынъ лютеранскаго пастора. Онъ родился въ Вестфаліи и получилъ образованіе въ Іенѣ. Въ 1704 году, вице-адмиралъ Крюйсъ въ Амстердамѣ принялъ его къ себѣ секретаремъ, а черезъ два года Остерманъ научился свободно говорить по-русски, что послужило къ его возвышенію. Петръ Великій, находясь однажды на кораблѣ Крюйса, спросилъ, нѣтъ ли при немъ исправнаго чиновника, который сумѣлъ бы составить нужное письмо. Крюйсъ представилъ государю Остермана, и нѣсколько строкъ, написанныхъ послѣднимъ, обратили на него вниманіе прозорливаго монарха. Петръ Великій перевелъ Остермана въ свою канцелярію. Тогда управлялъ посольскимъ приказомъ Шафировъ, и Остер-

манъ успѣлъ понравиться ему своимъ знаніемъ многихъ иностранныхъ языковъ. Остерманъ принятъ былъ въ означенный приказъ переводчикомъ. Въ 1711 году Остерманъ участвовалъ въ мирныхъ переговорахъ Шафирова съ верховнымъ визиремъ на Прутѣ и пожалованъ званіемъ тайнаго секретаря. Затѣмъ Остерманъ посланъ былъ для переговоровъ къ прусскому двору и за отличные труды и вѣрность назначенъ совѣтникомъ канцеляріи. Обнаруживъ искусство въ переговорахъ съ иностранными дворами, Остерманъ оказалъ много добра своему новому отечеству. Въ 1718 году Петръ Великій отправилъ его вмѣстѣ съ Брюсомъ, полномочнымъ министромъ, на Аландскіе острова для разсужденія объ условіяхъ мира со шведскимъ министромъ Герцемъ. Когда несогласія и ссоры прекѣкли формальное веденіе переговоровъ, Остерманъ свелъ съ нимъ короткое знакомство и такъ приноровился къ его характеру, что сдѣлался другомъ Герца. Пріобрѣтя довѣріе Герца и угождая его честолюбію, Остерманъ обнадежилъ его, что Карлъ XII, по заключеніи мира съ Россіей, при помощи ея, вознаградитъ всѣ свои потери и уступки, сдѣланныя въ пользу Россіи. По представленію Герца, Карлъ скоро согласился на уступку Россіи лучшихъ своихъ провинцій, и мирный договоръ былъ заключенъ. По смерти Карла, договоръ, составленный Остерманомъ, хотя и не былъ приведенъ въ исполненіе, но впослѣдствіи послужилъ основаніемъ для заключенія еще болѣе славнаго договора Ништадтскаго. Выгодными условіями Ништадтскаго мира Россія обязана была всецѣло Остерману. Онъ дѣйствовалъ необыкновенно искусно въ продолженіе всѣхъ переговоровъ со шведами въ Ништадтѣ и, желая ускорить окончаніе дѣла, прибѣгнулъ къ хитрости. 30-го августа, когда Петръ Великій согласенъ уже былъ на нѣкоторыя уступки, онъ объявилъ, что „получилъ отъ мо-

парха съ нарочнымъ повелѣніе постановить миръ въ 24 часа или прервать переговоры". Устрашенные шведы тотчасъ приступили къ заключенію договора, отказавшись отъ многихъ своихъ притязаній. Государь пожаловалъ Остермана за вѣрную службу чиномъ тайнаго совѣтника и баронскимъ достоинствомъ, далъ ему нѣсколько деревень и денежную награду. Доселѣ Остерманъ преклонялся предъ Шафировымъ, но при измѣнившихся обстоятельствахъ, когда самъ значительно возвысился, съ завистью сталъ смотрѣть на своего стараго покровителя. Мало этого, когда Шафировъ поссорился съ Меншиковымъ, Остерманъ сталъ явно на сторону послѣдняго и началъ искать его милостей. Однако же и съ паденіемъ Шафирова онъ не получилъ вицеканцлерства, которое не замѣщалось до самой смерти государя. Остерманъ продолжалъ искусно вести дѣла съ иноземными дворами и продолжалъ сношенія съ ними, подъ начальствомъ и руководствомъ графа Головкина.

Петръ Великій весьма цѣнилъ Остермана, въ послѣдніе годы своей жизни довѣрялъ ему больше всѣхъ и часто говорилъ, что Остерманъ, имъ самимъ обученный, никогда не сдѣлалъ ни одной оплошности при исполненіи своихъ обязанностей. Его проекты на русскомъ языкѣ, которые онъ же потомъ переводилъ для иноземныхъ дворовъ на иностранные языки, всегда оставались безъ измѣненія. Даже и на смертномъ одрѣ Петръ Великій, при которомъ безотлучно находился Остерманъ, отдавалъ должную справедливость уму и прозорливости его, говоря, что онъ лучше другихъ министровъ зналъ истинную пользу Россійскаго государства и былъ для онаго необходимъ; никогда не ошибался въ дипломатическихъ обязанностяхъ. Къ сожалѣнію, съ блестящими умственными способностями Остерманъ соединялъ двоедушіе, притворство, неразборчивость средствъ при до-

стиженіи цѣлей. Онъ былъ крайне недовѣрчивъ и не могъ терпѣть никого ни выше ни подлѣ себя, если тотъ равнялся съ нимъ по уму и дарованіямъ. Онъ настолько владѣлъ своими страстями, что его искусство притворяться можно было назвать фальшивостью. Чтобы произвести возможно большее впечатлѣніе своею рѣчью и тѣмъ достигнуть цѣли, ему ничего не стоило пролить слезы. Когда въ рѣшительную минуту требовалось мнѣніе министровъ, онъ сказывался больнымъ, чтобы уклониться отъ отвѣтственности. Съ послами иностранныхъ дворовъ онъ говорилъ такъ загадочно, что, уходя отъ него, они рѣдко знали болѣе того, чѣмъ при входѣ къ нему. Опасаясь выдать себя, онъ никогда не смотрѣлъ прямо въ глаза тому, съ кѣмъ говорилъ. Всѣ эти недостатки характера Остермана особенно рѣзко обнаружились по смерти Петра Великаго.

---

10. Графъ Я. В. Брюсъ.

Графъ Яковъ Вилимовичъ Брюсъ происходилъ отъ древней благородной шотландской фамиліи. Двое изъ его предковъ, Робертъ и Давидъ, были королями Шотландіи въ началѣ XIV вѣка. Отецъ его выѣхалъ въ Россію, принятъ былъ на службу и умеръ полковникомъ.

Я. В. Брюсъ родился въ Москвѣ въ 1670 годъ. Поступивъ въ военную службу, онъ участвовалъ въ крымскихъ и азовскихъ походахъ, потомъ въ походѣ подъ Нарву. При взятіи Шлиссельбурга и Канцовъ онъ предводительствовалъ артиллеріей. Въ 1704 году Брюсъ назначенъ былъ главнымъ начальникомъ надъ всею артиллеріею и находился при взятіи Нарвы и Ивангорода. Продолжая службу въ Польшѣ, онъ участвовалъ въ сраженіи при Калишѣ; затѣмъ, при Лѣсномъ, коман-

довалъ лѣвымъ крыломъ нашей арміи, и одержалъ полную побѣду надъ шведами. Послѣ Полтавской битвы, во время которой управлялъ артиллеріей, за храбрость пожалованъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Продолжая участвовать въ войнѣ, онъ пожалованъ былъ сенаторомъ и отправленъ первымъ министромъ на Аландскій конгрессъ для заключенія мирнаго договора со шведами. Въ 1721 году Брюсъ получилъ графское достоинство и подписалъ славный Ништадтскій миръ.

Графъ Я. В. Брюсъ, любимый и уважаемый всѣми, извѣстенъ былъ въ Европѣ по своей глубокой учености и отличнымъ свѣдѣніямъ въ физикѣ и математикѣ. Петръ Великій заставлялъ его переводить съ иностранныхъ языковъ, особенно съ англійскаго и нѣмецкаго, разныя книги, полезныя для русскихъ. Брюсъ составилъ краткую геомстрію для употребленія государя, а столѣтній календарь, названный по имени его, Брюсовымъ, изданъ былъ только подъ его надзоромъ; занимался составленіемъ подробной географіи Россіи съ присовокупленіемъ ландкартъ; вступилъ, по приказанію Петра, въ ученую переписку съ славнымъ философомъ Лейбницемъ для изслѣдованія вопроса о происхожденіи русскаго народа; главнымъ же образомъ, Брюсъ привелъ въ лучшій порядокъ и видъ нашу артиллерію. Ему обязаны мы первыми артиллерійскими и инженерными школами, заведенными имъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Кабинетъ Брюса, состоявшій изъ разныхъ механическихъ, астрономическихъ и физическихъ машинъ и инструментовъ, изъ камней, рудъ, древнихъ медалей, монетъ и другихъ рѣдкостей, почитался первымъ въ Россіи по своему достоинству. Брюсъ завѣщалъ его и всю свою библіотеку, мимо родного племянника, Санктпетербургской Академіи Наукъ „на пользу общественную“. Въ нравственномъ отношеніи Брюсъ отличался необыкновенною честностью

и высокими нравственными качествами; къ чести его должно отнести и то, что, пользуясь особеннымъ благоволеніемъ Петра, онъ во всю жизнь свою никого не обидѣлъ, напротивъ, старался пріобрѣсти любовь каждаго и величайшимъ удовольствіемъ считалъ для себя помогать бѣднымъ и отирать слезы несчастнымъ. Петръ Великій высоко цѣнилъ его и совѣтовался съ нимъ касательно наукъ, какъ съ ученѣйшимъ мужемъ въ государствѣ. Брюсъ скончался и погребенъ въ своемъ имѣніи подъ Москвою.

11. Минихъ.

Минихъ родился близъ Ольденбурга въ 1683 году и, подъ надзоромъ отца, получилъ отличное воспитаніе. Отецъ его, завѣдывавшій плотинами въ Ольденбургѣ, заставлялъ сына срисовывать планы, чертежи, изучать плотины и шлюзы, готовя его съ самыхъ молодыхъ лѣтъ въ инженеры. Молодой Минихъ служилъ первоначально въ войскахъ западно-европейскихъ государей и въ Польшѣ дослужился до чина генерала-майора и должности инспектора польскихъ войскъ.

Въ 1721 году Петръ Великій пригласилъ его на русскую службу. Государь, желая прежде удостовѣриться въ опытности принятаго на службу иноземца, поручилъ ему начертить новый планъ для укрѣпленія Кронштадта и обозрѣть крѣпость Рижскую. Минихъ своими трудами заслужилъ одобреніе царя и снискалъ особенное благоволеніе его. Когда Петръ Великій сталъ отличать Миниха, старымъ вельможамъ это казалось обиднымъ; они понять не могли, какъ юный и незаслуженный, по ихъ мнѣнію, иностранецъ, снискалъ милость монарха. „Развѣ вы не видите“, сказалъ имъ однажды съ улыбкою прусскій посланникъ при нашемъ

дворѣ, „что Минихъ постигнулъ духъ Петра!“ Произведенный въ генералъ-лейтенанты, Минихъ въ 1722 году получилъ важное порученіе — облегчить судоходство по Невѣ, которое затруднялось порогами; надлежало уничтожить эти преграды посредствомъ шлюзовъ и проложить путь между обоими берегами Невы отъ Ладожскаго озера до Балтійскаго моря. Тогда же Минихъ осмотрѣлъ, по повелѣнію государя, и заливъ Рогервикскій и начерталъ планъ гавани, получившей впослѣдствіи названіе Балтійскаго порта. Между тѣмъ еще съ 1719 года устраивался каналъ, долженствовавшій соединить Волховъ съ Невою, извѣстный подъ именемъ Ладожскаго. Главный надзоръ за работами порученъ былъ, по представленію Меншикова, генералъ-майору Писареву. Малороссійскіе казаки и калмыки занимались работами поперемѣнно. Возвратясь изъ Персіи, государь съ большимъ неудовольствіемъ узналъ, что каналъ отдѣланъ только на 12 верстъ, удалилъ Писарева и опредѣлилъ вмѣсто него Миниха. Петръ Великій лично удостовѣрился на мѣстѣ, что работа Писарева не имѣла никакой прочности, и одобрилъ планъ его преемника. Въ 1724 году заботливый монархъ снова осматривалъ Ладожскій каналъ, отдѣланный Минихомъ на 4 версты, прокапывалъ вмѣстѣ съ нимъ насыпь лопатами и, къ чрезвычайному удовольствію, удостовѣрился, что она не пропускаетъ воды. Нѣсколько разъ онъ выражалъ Миниху благоволеніе. Проѣздомъ изъ Новгорода въ Петербургъ государь снова осматривалъ каналъ, обѣдалъ у Миниха, пилъ за его здоровье и, пріѣхавъ въ Петербургъ, повторялъ: „труды Миниха излѣчили меня; надѣюсь скоро сѣсть въ Петербургѣ въ Трешкотъ и высадиться въ Москвѣ въ Головинскомъ саду“. Въ Сенатѣ, въ присутствіи Миниха, государь сказалъ: „онъ скоро приведетъ Ладожскій каналъ къ

окончанію; изъ всѣхъ иностранцевъ, бывшихъ на моей службѣ, онъ лучше всѣхъ умѣетъ предпринимать и производить великія дѣла; содѣйствуйте ему во всемъ". Съ этого времени 25.000 человѣкъ употреблено было на работу по устройству канала; но великій монархъ вскорѣ тяжко заболѣлъ и потомъ скончался. Вмѣстѣ съ этимъ и число рабочихъ рукъ значительно уменьшилось при устройствѣ канала.

По смерти государя даровитый Минихъ продолжалъ свою службу Россіи и впослѣдствіи прославился, какъ знаменитый полководецъ.

---

12. Графъ П. И. Ягужинскій.

Графъ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій родился въ 1683 году въ Польшѣ, откуда отецъ его съ семьею и родственниками выѣхалъ въ Россію въ 1687 году, въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны.

Въ 1701 году Петръ Великій случайно увидѣлъ 18-лѣтняго Ягужинскаго и, примѣтивъ въ немъ чрезвычайную остроту ума и живость, принялъ его на службу. Поступивъ въ гвардію, Ягужинскій дослужился до офицерскаго чина, снискалъ милость и довѣріе монарха и пожалованъ былъ денщикомъ государя. Извѣстно, что государь поручалъ своимъ денщикамъ, обыкновенно, важныя дѣла; особенно назначалъ ихъ для разслѣдованія дѣйствій генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и иныхъ высокопоставленныхъ вельможъ. Денщики, подобно курьерамъ, разъѣзжали повсюду, и на вѣрность ихъ Петръ Великій особенно полагался. Получивъ такую должность, Ягужинскій вступилъ на вѣрный путь возвышенія и, дѣйствительно, получилъ званіе генералъ-адъютанта, соотвѣтствовавшее достоин-

ству полковника и камергера. Затѣмъ государь неоднократно посылалъ Ягужинскаго съ порученіями къ датскому королю для переговоровъ о союзныхъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ и бралъ съ собою во время второго путешествія по Европѣ. По возвращеніи въ Россію изъ путешествія, Ягужинскій въ чинѣ генералъ-майора назначенъ былъ съ Брюсомъ и Остерманомъ въ число уполномоченныхъ на Аландскій конгрессъ для совѣщанія со шведами о мирѣ. Но самымъ важнымъ положеніемъ въ государствѣ Ягужинскій сталъ пользоваться послѣ того, какъ Петръ Великій назначилъ его генералъ-прокуроромъ. Передъ походомъ своимъ въ Персію, отправляясь въ Астрахань, государь прибылъ вмѣстѣ съ Ягужинскимъ въ Сенатъ и сказалъ сенаторамъ, представляя имъ генералъ-прокурора: „Вотъ мое око, коимъ я буду все видѣть. Онъ знаетъ мои намѣренія и желанія; что онъ заблагоразсудитъ, то вы и дѣлайте; а хотя бы вамъ показалось, что онъ поступаетъ противно моимъ и государственнымъ выгодамъ, вы, однакожъ, то исполняйте и, увѣдомивъ меня о томъ, ожидайте моего повелѣнія“. Вотъ какую важную должность получилъ Ягужинскій и вотъ какимъ высокимъ довѣріемъ облеченъ былъ отъ своего монарха! Сенаторы: Меншиковъ, Апраксинъ, Головкинъ, Шафировъ, Д. Голицынъ, Толстой, Ушаковъ и Юсуповъ — должны были повиноваться новому генералъ-прокурору, не допуская въ своихъ дѣйствіяхъ ни малѣйшаго нарушенія законовъ. Въ 1724 г., въ день коронованія государемъ своей супруги Екатерины Алексѣевны, Ягужинскій получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго и назначенъ былъ капитаномъ кавалергардской роты, только что учрежденной тогда. Графское достоинство получилъ онъ по смерти Петра Великаго, при вступленіи на престолъ императрицы Екатерины I. Ягужинскій скончался въ 1736 году въ

С.-Петербургѣ и погребенъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ.

Ягужинскій былъ человѣкъ способный и умный; зналъ многіе иностранные языки, любилъ музыку и танцы; нравомъ отличался веселымъ и умѣлъ одушевлять собою общество, въ которомъ присутствовалъ. Съ добрымъ сердцемъ соединялъ онъ пылкость, смѣлость и рѣшительность; въ дружбѣ былъ искренен, противъ враговъ своихъ дѣйствовалъ всегда открыто. По внѣшности онъ былъ представителенъ, отличался пріятнымъ лицомъ и высокимъ ростомъ.

---

13. Графъ П. А. Толстой.

Графъ Петръ Андреевичъ Толстой, сынъ воеводы черниговскаго и окольничаго Андрея Васильевича, въ царствованіе Алексѣя Михайловича служилъ столь-комъ у царицы Натальи Кирилловны. Въ правленіе Іоанна и Петра Толстой былъ сначала сторонникомъ царевны Софьи; но впослѣдствіи раскаялся *). Петръ приблизилъ къ себѣ Толстого за его умъ и способности, давая ему преимущественно разныя тайныя порученія. Петръ опредѣлилъ его прапорщикомъ гвардіи въ Семеновскій полкъ и, когда онъ дослужился до капитанскаго чина, перевелъ въ Преображенскій полкъ. Въ 1702 г. государь отправилъ Толстого чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ къ султану. Въ Константинополѣ предъ войною 1711 г. Толстой посаженъ былъ турками въ Семибашенный замокъ и только въ 1714 г. возвратился благополучно въ Москву. За дипломатиче-

---

*) Избѣжавъ наказанія, Толстой, чтобы угодить царю, отправился въ числѣ молодыхъ людей, посланныхъ учиться, за границу, будучи уже 40 лѣтъ. Потомъ Толстой возвысился при помощи своего родственника и покровителя генералъ-адмирала Апраксина и другихъ вліятельныхъ вельможъ.

скую усердную службу государь возвелъ его въ сенаторы и наградилъ богатыми деревнями. Во время второго путешествія царя по Европѣ, Толстой сопутствовалъ ему и велъ переговоры съ иностранными державами по разнымъ государственнымъ дѣламъ. Впослѣдствіи Толстой былъ предсѣдателемъ тайной канцеляріи, а во время персидскаго похода былъ съ государемъ, продолжая вести переговоры съ восточными и западными державами о международныхъ государственныхъ дѣлахъ. Цѣня заслуги Толстого, Петръ Великій наградилъ его сначала чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденомъ св. Андрея Первозваннаго, а въ день коронованія императрицы Екатерины Алексѣевны пожаловалъ графскимъ достоинствомъ.

Цѣня умственныя способности и дипломатическое искусство Толстого, царь Петръ, однакоже, не совсѣмъ вѣрилъ въ искреннюю преданность его; не могъ онъ забыть и участія Толстого въ стрѣлецкомъ бунтѣ. Разсказываютъ, что не разъ, во время веселыхъ пиршествъ, царь сдергивалъ съ Толстого огромный парикъ, бывшій тогда въ модѣ, и, потрепавъ его по головѣ, приговаривалъ: „голова, голова! какъ бы не такъ умна ты была, давно бы я отрубить тебя велѣлъ“.

По смерти Петра Великаго, по происканъ Меншикова, Толстой сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и скончался.

---

14. Графъ А. А. Матвѣевъ.

Графъ Андрей Артемоновичъ Матвѣевъ былъ сынъ воспитателя царицы Натальи Кирилловны, матери Петра Великаго. Онъ родился въ 1666 году и, будучи 8 лѣтъ, пожалованъ стольникомъ въ день тезоименитства царицы Натальи Кирилловны. Признательная царица при-

няла оспротѣлаго Андрея Артемоновича, по смерти его отца, и взяла подъ свое покровительство. Въ 1691 г. онъ пожалованъ былъ въ воеводы двинскіе, а въ слѣдующемъ году возведенъ въ окольничіе за вѣрную службу его родителя. Въ 1699 году Матвѣевъ былъ опредѣленъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Голландію, затѣмъ велъ переговоры съ Франціей и Англіей. Въ 1712 году онъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника и назначенъ полномочнымъ посломъ при австрійскомъ дворѣ. За свою усердную и вѣрную службу на дипломатическомъ поприщѣ онъ пожалованъ былъ потомъ графскимъ достоинствомъ и званіемъ сенатора, впослѣдствіи же назначенъ президентомъ юстицъ-коллегіи. Графъ Матвѣевъ отличался прекраснымъ образованіемъ и пользовался особымъ довѣріемъ Петра Великаго. По смерти государя, Матвѣевъ жилъ недолго и скончался въ 1728 г. Изъ прочихъ дипломатовъ Петра Великаго извѣстны князья Долгорукіе Григорій Ѳеодоровичъ и Василій Лукичъ, князь Куракинъ и въ концѣ царствованія государя — Волынскій и Бестужевъ. По особенной же преданности и горячей любви къ великому монарху замѣчателенъ П. И. Неплюевъ.

---

15. И. И. Неплюевъ.

Иванъ Ивановичъ Неплюевъ родился въ 1693 году въ Новгородскомъ уѣздѣ; родители его были небогатые помѣщики; онъ остался сиротою, по смерти отца, на 17-мъ году. Въ 1715 году Неплюевъ взятъ былъ на службу и записанъ въ число назначенныхъ обучаться начальнымъ основаніямъ математики. Въ этомъ же году переведенъ былъ Неплюевъ съ своими сверстниками въ школу въ С.-Петербургъ. Въ школѣ всѣхъ обучавшихся

было 300 человѣкъ. Въ слѣдующемъ году, по указу государя, изъ школы выбраны были 20 человѣкъ и отосланы въ Ревель къ флоту; въ числѣ ихъ былъ и Неплюевъ. Въ Ревелѣ они опредѣлены были адмираломъ гардемаринами: чинъ въ морской службѣ, въ который производятся достигшіе въ математическомъ классѣ до навигаціи, или науки мореплаванія. Неплюевъ опредѣленъ былъ на корабль „Архангелъ Михаилъ“. Въ маѣ корабль выступилъ въ походъ въ Копенгагенъ и остановился въ виду этого города въ іюлѣ. Тогда же прибылъ къ Копенгагену и Петръ Великій и, навѣстивъ свой флотъ, пробылъ нѣкоторое время у командира на кораблѣ „Екатерина“. Изъ Копенгагена Неплюевъ отправился на своемъ кораблѣ въ морское плаваніе и объѣхалъ: Гамбургъ, Амстердамъ, Корфу, Венецію и Испанію, послѣ чего возвратился въ С.-Петербургъ.

Въ столицѣ всѣ, бывшіе въ плаваніи, пошли явиться къ генералъ-адмиралу и ко всѣмъ присутствующимъ въ адмиралтейской коллегіи. Въ запискахъ И. И. Неплюева подробно и весьма занимательно описано, какъ онъ былъ принятъ своимъ начальствомъ и какъ былъ представленъ самому государю. Вотъ какъ разсказываетъ самъ онъ объ этомъ важнѣйшемъ событіи изъ своей жизни, случившемся въ 1720 году.

„Всѣ (начальники) насъ приняли весьма ласково, особливо Григорій Петровичъ Чернышевъ, который о вояжѣ (путешествіи) и службѣ нашей внѣ государства подробно и милостиво разспрашивалъ и обнадежилъ насъ своимъ предстательствомъ у его величества, подавъ намъ, какъ отецъ, совѣтъ, чтобы просили генералъ-адмирала быть представлены къ государю, и когда его величество изъ насъ съ кѣмъ говорить изволитъ, то чтобъ мы по истинѣ и безъ робости сказали, кто что знаетъ и сколько кто преуспѣлъ въ наукахъ. За та-

ковую его милость мы всѣ, какъ неимущіе никакого покровительства, а по нашему отлученію отъ отечества не токмо отъ равныхъ намъ возненавидѣны, но и отъ свойственниковъ нашихъ при первомъ случаѣ насмѣшкою и ругательствомъ осмѣяные (за примѣченные въ нихъ европейскіе обычаи), благодарили Григорія Петровича со слезами.

„На завтрѣ пошли мы въ адмиралтейскую коллегію и ожидали прибытія генералъ-адмирала, который, пріѣхавъ и насъ увидя, сказалъ, что онъ объ насъ доложитъ, и когда приказано будетъ, чтобы явились въ коллегію, а нынѣ бъ шли по домамъ. 26-го числа (мая) была ассамблея на почтовомъ дворѣ, на которой генералъ-адмиралъ государю объ насъ докладывалъ, и отъ него получили повелѣніе, чтобы намъ быть представленнымъ завтра въ адмиралтейской коллегіи, почему мы и получили отъ коллегіи приказъ явиться въ 5 часовъ въ коллегію. Не знаю, какъ мои товарищи оное приняли, а я всю ночь не спалъ, готовился какъ на страшный судъ. И по сему приказу собрались мы въ назначенное время въ коллегію, а между тѣмъ присутствующіе съѣзжались, изъ коихъ генералъ адмиралъ, идучи мимо, сказалъ намъ: „Я васъ теперь государю представлю“. А черезъ малое время потомъ пріѣхалъ Григорій Петровичъ Чернышевъ и, остановясь съ нами, говорилъ тоже, что и въ своемъ домѣ, и ласковымъ, милостивымъ симъ разговоромъ убавилъ нашего страха. Наконецъ, и его величество прибыть изволилъ, но не тѣмъ путемъ, которымъ мы его ждали; потому мы и не имѣли счастія путь его видѣть. Въ 7 часовъ впустили насъ въ присутственную палату. Мы его величеству поклонились въ ноги, а прочимъ въ поясъ. Онъ, будучи или немощенъ, или не веселъ, чего я не знаю, изволилъ спросить насъ только, имѣемъ ли мы отъ

командировъ тамошнихъ аттестаты и всѣ ль на галерахъ, или иные и на корабляхъ служили. Получивъ на сіе отвѣтъ, оборотясь къ генералъ-адмиралу, изволилъ сказать слѣдующее: „Я хочу ихъ самъ увидѣть на практикѣ, а нынѣ напишите ихъ во флотъ гардемаринами“. Не успѣлъ послѣдней рѣчи государь еще окончить, какъ великодушный покровитель всѣхъ бѣдныхъ, Григорій Петровичъ, очень громко сказалъ его величеству: „Грѣхъ тебѣ, государь, будетъ: люди, по волѣ твоей бывши отлученные отъ своихъ родственниковъ въ чужихъ краяхъ, и по бѣдности ихъ сносили голодъ и холодъ и учились по возможности, желая угодить тебѣ, и по достоинству своему и въ чужомъ государствѣ были уже гардемаринами, а нынѣ, возвратясь, по твоей же волѣ, и надѣясь за службу и науку получить награжденіе, отсылаются ни съ чѣмъ и будутъ наравнѣ съ тѣми, которые ни нужды такой не видали, ни практики такой не имѣли“. Его величество на сіе изволилъ ему отвѣтствовать: „Я ихъ награжу; пусть только одну кампанію прослужатъ!“ „Но легко ль, государь, гардемаринами служить, — сказалъ Григорій Петровичъ, — такимъ, кои изъ нихъ есть достойны управлять кораблемъ или галерою?“ Государь спросилъ его: „Кто жъ бы такіе были, кто бъ такъ достоинъ?“ Онъ не мало не мѣшкавъ: „Кайсаровъ и Неплюевъ“. Сіи слова наполнили меня благодарностію, радостію и страхомъ, и такъ меня заметало, что я уже послѣ примѣтилъ, что государь, желая, чтобъ насъ двоихъ ему указали, и обоихъ изволилъ пристально осматривать и потомъ, помолчавъ немного, изволилъ приказать записать свой указъ, чтобъ въ коллегіи было въ будущемъ мѣсяцѣ полное собраніе, при которомъ насъ всѣхъ какъ въ навигаціи, такъ и въ прочихъ наукахъ и языкахъ экзаменовать, при чемъ онъ и самъ быть желаетъ,

а потомъ насъ вонъ выслали. Мое попеченіе было первое бѣжать въ домъ Григорія Петровича Чернышева и благодарить его за оказанную мнѣ милость, что я и исполнилъ; а сія милость тѣмъ больше ко мнѣ оказана, что я никакого свойства, ни знакомства съ нимъ не имѣю, и никакого такого у меня не было, кто бъ ему за меня слово замолвилъ. Все сіе значитъ великодушное его сердце и человѣколюбивую его душу. А съ нами разговаривалъ онъ, какъ съ ровными, не допуская насъ и поклониться себѣ. Сіе значитъ его смиренномудріе и что онъ, въ великомъ чинѣ будучи, тѣмъ не гордится, а употребляетъ оный въ пользу и къ показанію милостей къ безпомощнымъ. Пишучи сіе, я мѣшаю благодарныя мои слезы къ нему съ чернилами, да благословитъ его и весь домъ его Господь Богъ изобильными Своими щедротами. Въ ожиданіи означеннаго экзамена упражненіе мое было въ пріуготовленіи себя къ опому.

„30-го іюня присланъ къ намъ отъ коллегіи приказъ явиться 1-го іюля на экзаменъ. Мы, собравшись у коллегіи, дожидались повелѣнія. Въ 8 часовъ государь пріѣхалъ въ одноколкѣ и, мимо идучи, сказалъ намъ: „Здорово, ребята!“ Потомъ черезъ нѣкоторое время, впустили насъ въ ассамблею, и генералъ-адмиралъ приказалъ флагману (начальнику корабля) Зміевичу напередъ разспрашивать порознь, кто что знаетъ о навигаціи. Потомъ, какъ дошла и моя очередь, то государь изволилъ подойти ко мнѣ и, не давъ Зміевичу дѣлать задачи, спросилъ: „Всему ль ты научился, для чего былъ посланъ?“ На что я отвѣтствовалъ: „Всемилостивый государь! прилежалъ я по всей моей возможности, но не могу хвалиться, что всему научился, а болѣе почитаю себя передъ вами рабомъ недостойнымъ, и того ради и прошу, какъ передъ Богомъ,

вашея ко мнѣ щедроты". При сказываніи сихъ словъ я сталъ на колѣни, а государь, оборотивъ руку праву ладонью, далъ поцѣловать и при этомъ изволилъ молвить: „Видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли, а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотя бъ подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству". Я, стоя на колѣняхъ, взялъ самъ его руку и поцѣловалъ оную многократно, а онъ мнѣ сказалъ: „Встань, братецъ, и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ; но не робѣй: буде что знаешь сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи". И, оборотясь къ Зміевичу, приказалъ разспросить меня; а какъ я давалъ отвѣты, то онъ изволилъ сказать Зміевичу: „Разспрашивай о высшихъ знаніяхъ". И по окончаніи всѣхъ разспросовъ тутъ же пожаловалъ меня въ поручики въ морскіе галернаго флота и другого—Кайсарова, а и другихъ также пожаловалъ, но ниже чиномъ. Чрезъ малое потомъ время указалъ государь опредѣлить меня, Неплюева, смотрителемъ и командиромъ надъ строящимися морскими судами; по каковому случаю видѣлъ я государя почти ежедневно. И всякій разъ благоволилъ со мною разговаривать о всякихъ вещахъ и случаяхъ. И отъ флагмановъ Григорія Петровича Чернышева, къ которому я во всякое свободное время хажпвалъ, и отъ Зміевича слыхалъ, что „государь-де тобою, господинъ поручикъ, является доволенъ и изволитъ говорить, что въ этомъ маломъ путь будетъ". Они же мнѣ надавали совѣты, чтобъ я прилежалъ къ своему дѣлу, былъ бы исправенъ: то-де его величество тебя не оставитъ; только будь проворенъ и говори правду и ничего не солги, хотя бы что и худо было; онъ-де больше разсердится, буде что солжешь".

„1721 года, генваря въ первыхъ числахъ, былъ большой обѣдъ для всѣхъ бояръ и для морскихъ и

гвардіи офицеровъ, почему и я тутъ былъ. Мы, отобѣдавъ прежде, изъ-за столовъ встали, и я и со мною нѣсколько человѣкъ вошли въ ту камору, гдѣ государь сидѣлъ еще за столомъ; государь былъ очень веселъ и по малому времени изволилъ начать разговоръ, что ему потребенъ человѣкъ съ итальянскимъ языкомъ— послать въ Царьградъ резидентомъ (уполномоченнымъ). Александръ Гавриловичъ Головкинъ отвѣчалъ, что онъ такого не знаетъ, а Оедоръ Матвѣевичъ говорилъ, что онъ такого знаетъ, и очень достойнаго, но то бѣда, что очень бѣденъ. Государь отвѣчалъ, что бѣдность не бѣда: „Этому помочь можно скоро, но кто тотъ такой?“ Оедоръ Матвѣевичъ сказалъ: „Вотъ онъ за тобою стоитъ“. „Да ихъ стоитъ за мною много“, сказалъ государь. Оедоръ Матвѣевичъ отвѣчалъ: „Твой хваленый, что у галернаго строенія“. Онъ оборотился и, глядѣвъ на меня, изволилъ сказать: „Это правда, Оедоръ Матвѣевичъ, что онъ добръ, но мнѣ хотѣлось его у себя имѣть“. Я поклонился государю, а онъ, подумавъ, изволилъ приказать, чтобъ меня во оную посылку назначить, и при семъ изъ-за стола встали, а меня адмиралъ поздравилъ резидентомъ и, взявъ за руку, повелъ благодарить къ государю. Я упалъ ему, государю, въ ноги и, охватя оныя, цѣловалъ и плакалъ. Онъ изволилъ самъ меня поднять и, взявъ за руку, говорилъ: „не кланяйся, братецъ, я вашъ отъ Бога приставникъ, и должность моя—смотрѣть того, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худо, такъ я истецъ; ибо Богъ того отъ меня за васъ всѣхъ востребуетъ, чтобъ злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать; служи вѣрою и правдою! Вначалѣ Богъ, а при немъ и я долженъ буду не оставлять“. Сіе говоря, оборотясь, изволилъ

молвить: „Кого жъ я возьму на его мѣсто?“ И съ тѣмъ словомъ опустилъ свою руку, а я при семъ цѣловалъ оную; и изволилъ отъ меня отдалиться. Благотворитель мой Григорій Петровичъ меня обнялъ и цѣловалъ отъ радости; а я не могъ ему промолвить ни слова. 25-го генваря изъ коллегіи иностранной присланъ именной указъ, дабы меня изъ адмиралтейской коллегіи прислать въ оную для посылки резидентомъ ко двору султана туркскаго въ Константинополь.

„26-го генваря въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ учиненъ мнѣ, Неплюеву, окладъ резидентскій въ годъ по 3000 рублей; на подъемъ пожаловалъ государь 1000 рублей, а тѣ деньги велѣно принять въ Москвѣ, а инструкція дана изъ этой же коллегіи февраля 26-го числа, котораго дня я имѣлъ отпускную аудіенцію, при коемъ случаѣ его величество изволилъ поступать со мною съ отмѣнною милостію, обнадеживалъ своею государскою милостію и, прощаясь со мною, поцѣловалъ меня въ лобъ и изволилъ сказать послѣднее такое слово. „Прости, братецъ, кому Богъ велитъ видѣться!“ Потомъ былъ я для прощанія у господъ министровъ, которые меня всѣ обнадеживали своею помощію, а я просилъ ихъ о неоставленіи меня, потому что я ихъ министерскихъ дѣлъ не отправлялъ. Былъ я также у всѣхъ нашихъ морскихъ командировъ, они меня также весьма ласково отпустили. Господина Зміевича просилъ я о неоставленіи въ случаяхъ нужныхъ жены моей и деревнюшекъ. Пришедъ къ генералъ-адмиралу прощаться, донесъ ему, что я отъѣжаю и просилъ его о неоставленіи меня по заочности; онъ мнѣ на сіе только сказалъ: „Дуракъ!“ Я, поклонясь его сіятельству, докладывалъ, что не знаю, чѣмъ его прогнѣвалъ, а онъ мнѣ на то отвѣчалъ то же слово: „Дуракъ!“ На что я уже не посмѣлъ ничего

говорить, а онъ, помолчавъ, сказалъ: „Съ чѣмъ ты жену да дѣтей оставляешь? Вѣдь имъ только что, по міру ходить; для чего ты не просилъ государя, чтобъ давать въ твое отсутствіе по окладу твоего чина имъ отъ пасъ жалованья?“ Я ему на то докладывалъ, что того не посмѣлъ, да и не думалъ; а онъ, выслушавъ сіе, закричалъ на меня: „Потому-то ты и дуракъ! Да, добро, помиримся и простимся съ тобой! Коли будешь хорошо служить, такъ государь тебя не оставитъ и наградитъ; онъ и вчера со мною говорилъ; прикажи же женѣ своей, что ежели ей въ чемъ нужда будетъ, чтобъ ко мнѣ за всѣмъ присылала, сколько ей будетъ надобно, я и деньгами ссужать буду“. Я доложилъ на сіе его сіятельству, что я жену намѣренъ отправить въ деревню, ибо здѣсь себя содержать не можно“. „Ну, такъ вели ей ко мнѣ писать“, сказалъ на то генералъ-адмиралъ: „я всякую ей помощь сдѣлаю“. Простясь я съ нимъ, для того жъ пошелъ къ Григорію Петровичу Чернышеву; сей добродѣтельный мужъ прощался со мною, какъ съ кровнымъ, и далъ мнѣ еще отеческое наставленіе, чтобъ я служилъ и отправлялъ дѣло мое съ подлежащею вѣрностію: „А прежде-де отъѣзда твоего сходи къ Остерману и съ нимъ ознакомься: онъ по вашимъ дѣламъ у государя въ отмѣнности; а я-де за тебя уже просилъ, чтобъ онъ тебя любилъ и чтобъ далъ тебѣ наставленіе, какъ тебѣ поступать“.

Въ заключеніе Григорій Петровичъ уступилъ Неплюеву лучшаго своего денщика, ручаясь за вѣрность его, умъ и проворство. Простясь съ своимъ благодѣтелемъ, Неплюевъ былъ у Остермана, который принялъ его также весьма ласково и далъ ему на всякій случай наставленіе.

Въ бытность свою въ Константинополѣ, Неплюевъ не только умѣлъ удержать дружескія сношенія нашего государства съ султаномъ, но еще, при содѣйствіи

французскаго министра, отклонилъ неудовольствія турецкаго правительства, по случаю завоеваній Петра Великаго въ Персіи, и подписалъ съ визиремъ договоръ, которымъ султанъ предоставлялъ русскимъ государямъ всѣ земли, лежащія между Кавказомъ и берегомъ Каспійскаго моря, также провинціи, завоеванныя Петромъ до рѣки Оссы. Признательный монархъ произвелъ тогда Неплюева въ капитаны 1-го ранга, пожаловалъ ему 400 крестьянъ, приказалъ адмиралтейской коллегіи производить женѣ его полное, по морскому чину ея мужа, жалованье и увеличилъ тремя стами рублями годовое содержаніе сына ихъ, который обучался въ Голландіи. Исполнилось предсказаніе графа Апраксина; но радость Неплюева вскорѣ омрачилась печальною вѣстію о кончинѣ облагодѣтельствовавшаго монарха. Нельзя не привести здѣсь слѣдующаго мѣста въ „Запискахъ“ Неплюева, въ которомъ сказывается глубокій и вѣрный взглядъ этого человѣка на значеніе царствованія Петра Великаго, и проявляется его благородное сердце, умѣющее цѣнить благодѣянія монарха.

„1725 года, въ февралѣ мѣсяцѣ, получилъ я плачевное извѣстіе, что отецъ отечества, Петръ императоръ I, отъиде сего свѣта. Я омочилъ ту бумагу слезами, какъ по должности о моемъ государѣ, такъ и по многимъ ему ко мнѣ милостями, и ей-ей не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ. Да иначе бы и мнѣ грѣшно было: сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими, научилъ узнавать, что и мы люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ; а мнѣ собственно, сверхъ вышеписаннаго, былъ государь и отецъ милосердный; да вчинитъ Господь душу его, многотрудившагося о пользѣ общей, съ праведными“.

По смерти Петра Великаго, Неплюевъ вѣрно служилъ Россіи и ея государямъ; тринадцать лѣтъ провелъ онъ на дипломатическомъ поприщѣ въ Константинополѣ, впослѣдствіи принесъ много пользы на поприщѣ внутреннихъ дѣлъ нашего отечества, основалъ Оренбургъ и много сдѣлалъ для благоустройства всего оренбургскаго края. За вѣрную свою службу онъ награжденъ былъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, орденомъ св. Андрея Первозваннаго и званіемъ сенатора. Въ 1773 году онъ скончался въ глубокой старости на 81-мъ году.

---

16. Князь А. И. Репнинъ.

Князь Аникита Ивановичъ Репнинъ занимаетъ почетное мѣсто между полководцами, содѣйствовавшими Петру Великому въ устройствѣ войскъ и въ побѣдахъ надъ врагами отечества. Онъ родился въ 1668 году. Отецъ его, князь Иванъ Борисовичъ, пользовался особеннымъ уваженіемъ мудраго преобразователя Россіи, хотя и придерживался старинныхъ обычаевъ. На 16-мъ году князь Аникита Ивановичъ поступилъ въ придворную службу, пріобрѣлъ любовь и довѣріе юнаго царя и при учрежденіи потѣшной роты назначенъ былъ сперва поручикомъ, а впослѣдствіи подполковникомъ ея. Храня вѣрность государю, Репнинъ оберегалъ его въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, во время мятежа стрѣльцовъ; сопутствовалъ ему въ походахъ подъ Азовъ и участвовалъ во взятіи этого города. Въ 1699 году, въ чинѣ генерала, Репнинъ, по порученію государя, набралъ въ низовыхъ городахъ одиннадцать пѣхотныхъ полковъ, обмундировалъ и обучилъ ихъ; изъ нихъ девять поступили въ его дивизію и, сверхъ того, еще Бутырскій

полкъ, который отличался отъ прочихъ красными мундирами.

Когда возгорѣлась Великая Сѣверная война, Репнинъ въ началѣ ея состоялъ губернаторомъ Новгородской области и занимался въ ней пополненіемъ и устройствомъ войскъ. Потомъ Репнинъ находился при взятіи Шлиссельбурга, Нієншанца и Нарвы. Въ 1708 году случилось печальное происшествіе, памятное въ жизни Репнина. Дивизія его находилась вмѣстѣ съ другими русскими войсками въ Польшѣ. Карлъ XII, близъ мѣстечка Головчина, пользуясь сильнымъ дождемъ и туманомъ, перешелъ почти непроходимое болото и напалъ на дивизію Репнина. Отрѣзавъ ее отъ остальныхъ русскихъ войскъ, король принудилъ ее отступить въ безпорядкѣ къ лѣсу. Репнинъ, охранявшій разныя переправы и мосты и потому ослабленный въ силахъ, хотя на время и сдержалъ напоръ врага, но потомъ принужденъ былъ отступить съ большою потерею силъ, оставивъ шведамъ семь пушекъ. Петръ Великій, недовольный дѣйствіями Репнина, предалъ его военному суду. Онъ приказалъ Меншикову „накрѣпко разыскать виновныхъ, съ перваго до послѣдняго, со всякою правдою, какъ предъ судомъ Божіимъ, учинивъ предъ розыскомъ присягу“. Князь Репнинъ по суду разжалованъ былъ въ солдаты. Вскорѣ, однако, представился ему случай отличиться въ дѣлѣ при Лѣсномъ, въ присутствіи самого государя; послѣ славной побѣды надъ шведами, государь имѣлъ случай наградить среди прочихъ и Репнина. Удостоивъ особыхъ почестей князя Голицына, который предводительствовалъ центромъ нашей арміи и „сражался какъ левъ“, Петръ предоставилъ ему просить еще чего пожелаетъ. „Прости Репнина!“ сказалъ великодушный князь, забывъ вражду свою съ опальнымъ и уважая храбрость его. Пораженный ве-

ликодушіемъ героя. Петръ исполнилъ его просьбу и вновь возвратилъ Репнину чинъ генерала и начальство надъ дивизіей. Въ день знаменитой Полтавской битвы, Репнинъ командовалъ центромъ арміи, состоявшимъ изъ двѣнадцати полковъ, и за мужественные подвиги удостоился ордена св. Андрея Первозваннаго и былъ награжденъ деревнями. Отъ Полтавы князь Репнинъ со ввѣренною ему дивизіей пошелъ въ Лифляндію, участвовалъ въ обложеніи Риги и своими удачными дѣйствіями много содѣйствовалъ къ покоренію ея. Онъ первый вошелъ въ Ригу съ нѣсколькими полками. За военные подвиги онъ пожалованъ былъ тогда званіемъ рижскаго генералъ-губернатора и, послѣ отъѣзда Шереметева, начальствовалъ надъ войсками, расположенными въ окрестностяхъ города. Продолжая, послѣ того, участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ, онъ не оставлялъ поля битвы до заключенія Ништадтскаго мира.

Въ концѣ царствованія Петра Великаго, въ 1724 году, Репнинъ назначенъ былъ, вмѣсто Меншикова, президентомъ военной коллегіи съ сохраненіемъ званія рижскаго генералъ-губернатора, а 7-го мая, въ день коронованія государемъ императрицы Екатерины Алексѣевны, получилъ достоинство генералъ-фельдмаршала. Это предоставленіе Петромъ Великимъ самыхъ важныхъ военныхъ званій князю Репнину показываетъ, что великій императоръ высоко цѣнилъ его умственныя и нравственныя качества. По смерти государя, князь Аникита Ивановичъ жилъ недолго: въ 1726 году онъ скончался на 58-мъ году въ Ригѣ, гдѣ и погребенъ въ православной церкви, находящейся въ крѣпости.

Къ чести князя Аникиты Ивановича, служившаго государю и отечеству безпрерывно 43 года, должно сказать, что онъ терпѣливо и великодушно переносилъ многія непріятности, постигшія его въ многотрудной

жизни, между прочимъ, и суровый приговоръ суда за несчастное дѣло головчинское. Примѣръ его можетъ служить назиданіемъ для всякаго, кого посѣщаютъ въ жизни тяжкія испытанія.

б) Духовные дѣятели-архипастыри Церкви.

Преобразованія Петра Великаго, обнимая всѣ стороны жизни нашего отечества, простирались и на церковную область; поэтому среди сподвижниковъ мудраго государя мы видимъ и духовныхъ дѣятелей, архипастырей нашей Церкви. Они помогали Петру въ дѣлѣ возвышенія религіозно-нравственнаго образованія народа и въ улучшеніи способовъ церковнаго управленія. Помощь свою государю оказывали они разными средствами и способами: одни изъ нихъ разъясняли народу важное значеніе царскихъ преобразованій, другіе подавали самымъ примѣръ совершеннаго повиновенія монарху и усердно помогали Петру своими пожертвованіями на нужды государства; иные заводили и устраивали училища и распространяли въ своихъ епархіяхъ народное образованіе, нѣкоторые разъясняли и опровергали заблужденія раскольниковъ, отступившихъ отъ православія, другіе содѣйствовали государю въ дѣлѣ благоустройства высшаго церковнаго управленія.

Среди такихъ архипастырей мы встрѣчаемъ уроженцевъ обѣихъ половинъ нашего отечества — сѣверо-восточной и юго-западной, великороссовъ и малороссовъ. Такъ, изъ числа великороссійскихъ іерарховъ, сочувствовавшихъ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго и помогавшихъ ему, извѣстны: *Аѳанасій*, архіепископъ холмогорскій, котораго лично зналъ государь и высоко цѣнилъ за его образованіе и ласковое обра-

щеніе съ иностранцами, посѣщавшими архангельскій портъ; *Тихонъ*, митрополитъ казанскій, посылавшій царю большія пожертвованія на нужды государства; *Питиримъ*, епископъ нижегородскій, усердно боровшійся съ расколомъ. Но особенно замѣчательны, по своей дѣятельности и жизни, *Іовъ*, митрополитъ повгородскій, отличавшійся широкою общественною благотворительностію, и святый *Митрофанъ*, епископъ воронежскій, обнаруживший горячую любовь къ государю и отечеству и прославившійся высокими подвигами христіанскаго благочестія и твердой вѣры.

Большая же часть іерарховъ-сотрудниковъ Петра Великаго, усердно помогавшихъ ему, состояла изъ уроженцевъ юго-западной Россіи, такъ какъ прежнее московское духовенство, по скудости своего научнаго образованія, не могло доставить государю нужное число искусныхъ помощниковъ въ дѣлѣ его преобразованій. Поэтому государь возвышалъ преимущественно кіевскихъ ученыхъ, которые впослѣдствіи и стали во главѣ тогдашняго церковнаго управленія. Среди этихъ архипастырей видное мѣсто занимаютъ *Стефанъ Яворскій*, митрополитъ рязанскій, и *Θеофанъ Прокоповичъ*, епископъ псковскій, отличавшіеся даромъ проповѣдничества и, сверхъ того, дѣятельно помогавшіе Петру Великому въ дѣлѣ благоустройства высшаго церковнаго управленія. Особеннаго же прославленія удостоились въ Церкви нашей современные Петру святители-южнороссы: *Димитрій*, митрополитъ ростовскій, и *Иннокентій*, епископъ иркутскій: они много потрудились въ дѣлѣ назиданія своихъ пасомыхъ, вразумляя ихъ и своимъ ученіемъ и высокимъ примѣромъ богоугодной своей жизни.

1. Іовъ, митрополитъ новгородскій.

Іовъ, митрополитъ новгородскій, получилъ постриженіе въ иночество въ обители Троице-Сергіевской и былъ спачала архимандритомъ Богоявленскаго монастыря, а потомъ—настоятелемъ Свято-Троицкаго Сергіева монастыря. Въ 1697 году онъ посвященъ въ санъ митрополита новгородскаго и на этомъ мѣстѣ служенія прославился многими выдающимися чертами своей жизни и дѣятельности: примѣрнымъ повиновеніемъ верховной власти, заботами о нравственно-религіозномъ образованіи своей паствы и широкою общественною благотворительностію. Когда, послѣ нарвскаго сраженія, Петръ Великій повелѣлъ новгородцамъ, безъ различія возраста, пола и званія, дѣлать окопы вокругъ города, и произошелъ отъ сего ропотъ, восьмидесятилѣтній архипастырь первый вышелъ въ простомъ платьѣ, съ лопатою, началъ копать землю, и тѣмъ водворилъ спокойствіе. Затѣмъ, когда правительство начало строго требовать, чтобы на церковныя должности поставлялись непремѣнно учившіеся въ школахъ, то митрополитъ Іовъ позаботился открыть въ своей епархіи училища. Хорошо понимая необходимость образованія для духовенства, Іовъ, при содѣйствіи двухъ ученыхъ грековъ, братьевъ Лихудовъ, завелъ въ Новгородѣ, въ 1706 году, при своемъ архіерейскомъ домѣ два училища: одно—греко-славянское, другое—латинское, для дѣтей всякаго состоянія. Глубоко былъ обрадованъ просвѣтительною дѣятельностію новгородскаго іерарха современникъ его, святитель ростовскій Димитрій, горячій и ревностный поборникъ просвѣщенія. Святый Димитрій такъ привѣтствовалъ Іова въ братскомъ посланіи: „Слыша начавшееся у вашего преосвященства еллино-греческое ученіе тщаніемъ вашимъ архіерейскимъ, трудолюбіемъ же премудрѣйшихъ

учителей Іоаникія и Софронія Лихудіевыхъ, сильно о томъ радуюсь, молю Бога, да содѣйствуетъ преосвященству вашему и пречестнѣйшимъ учителямъ въ томъ благопотребномъ дѣлѣ, ибо что человѣка вразумляетъ, какъ не ученіе? И Христосъ Господь, хотя сотворить учениковъ своихъ учителями всей вселенной, прежде всего отверзъ имъ умъ разумѣть писанія. Уподобляешься Господу своему, когда, желая имѣть людей учительныхъ, разумныхъ паствѣ своей, собралъ не малое число учениковъ и предложилъ имъ то ученіе, которое есть начало и источникъ всему любомудрію, т.-е. еллино-греческій языкъ, которымъ всѣ мудрыя ученія распространились по всѣмъ народамъ". Лихуды надолго утвердили въ Новгородѣ образованіе греко-славянское, которое принято было съ любовію среди мѣстнаго духовенства. Въ то время, какъ ученики въ другихъ епархіяхъ избѣгали славяно латинскихъ школъ, въ новгородской школѣ, напротивъ, всегда было очень большое число учащихся, и уклоненія отъ ученія не замѣчалось; до 1726 года ихъ обучено было здѣсь свыше тысячи человѣкъ, болѣе чѣмъ гдѣлибо. Съ теченіемъ времени Іовъ открылъ еще 14 славянскихъ грамматическихъ школъ въ разныхъ городахъ своей епархіи. Въ особенности же митрополитъ Іовъ, между архіереями, больше всѣхъ отличался общественною благотворительностію. Царь ставилъ его за это въ примѣръ другимъ іерархамъ. Святитель построилъ въ Новгородѣ (1707 г.) на собственныя средства три больницы, два странноприимныхъ дома и домъ призрѣнія и воспитанія для подкинутыхъ младенцевъ, къ чему прежде никто не осмѣливался приступить. Для содержанія послѣдняго заведенія Іовъ назначилъ доходы Колмова монастыря, приписаннаго къ архіерейскому дому. Узнавъ объ этихъ человѣколюбивыхъ учрежденіяхъ, Петръ Великій опредѣлилъ (въ 1712-13 г.) на содержаніе ихъ

половину доходовъ съ монастырскихъ вотчинъ, находившихся за Онѣгою въ Олонецкомъ уѣздѣ, и приписалъ, сверхъ того, всѣ вотчины бывшей Троицкой Галилейской пустыни. Царица, великія княжны и многіе бояре присылали къ митрополиту денежныя подаянія, а новгородскій ландрихтеръ Римскій-Корсаковъ, убѣжденный его примѣромъ, устроилъ особую больницу при Знаменскомъ соборѣ. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ находилось нищихъ, дряхлыхъ, странныхъ и подкинутыхъ дѣтей болѣе 170 человѣкъ. Въ 1715 году государь повелѣлъ пристроить къ гостинницамъ, на казенный счетъ, бани, поварни и многіе покои. До 1714 года Іовъ устроилъ 10 странноприимницъ, 15 больницъ и домъ для подкидышей. Преосвященный митрополитъ Іовъ скончался въ 1716 году и погребенъ въ Софійскомъ соборѣ. Изъ сочиненій его извѣстна небольшая книжка, подъ названіемъ: „Увѣщательный отвѣтъ отъ писаній“, противъ раскольниковъ. Императоръ Петръ Великій приказалъ напечатать это сочиненіе въ Москвѣ.

2. Стефанъ Яворскій, митрополитъ рязанскій.

Стефанъ Яворскій, во святомъ крещеніи нареченный Симеономъ, родился въ 1658 году, въ Галиціи, въ городѣ Львовѣ, отъ благородныхъ русскихъ родителей; впослѣдствіи они переселились съ сыномъ въ Нѣжинъ. Сначала обучался онъ въ кіевской коллегіи, потомъ въ въ польскихъ училищахъ; принявъ монашество, онъ опредѣленъ былъ сначала въ проповѣдники, потомъ въ учителя и, наконецъ, въ префекты той самой коллегіи, которой обязанъ былъ первоначальнымъ своимъ образованіемъ. Въ 1700 году кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій послалъ его въ Москву съ просьбой къ патріарху о

посвященіи въ санъ переяславскаго епископа. Въ бытность свою въ Москвѣ, Стефанъ произнесъ похвальное надгробное слово боярину Шеину и обратилъ на себя вниманіе государя. Замѣтивъ выдающійся проповѣдническій талантъ Стефана, Петръ пожелалъ имѣть его поближе къ Москвѣ и повелѣлъ ему остаться въ столицѣ. Въ томъ же году государь приказалъ посвятить его изъ игуменовъ Кіево-Николаевскаго монастыря прямо въ санъ митрополита рязанскаго. Когда, въ октябрѣ 1700 года, скончался патріархъ Адріанъ, молодой митрополитъ, имѣвшій всего 42 года отъ роду, сдѣланъ былъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. Найдя умнаго и образованнаго архипастыря, Петръ былъ очень милостивъ къ нему и давалъ ему значительныя награды. Стефанъ самъ свидѣтельствовалъ, что услаждался милостію царскаго величества и отеческимъ его благопризрѣніемъ: „отъ самого великаго государя“, говорилъ Стефанъ, „много разъ получалъ за побѣдительныя проповѣди (т.-е. сказанныя по случаю побѣдъ) иногда тысячу золотыхъ, иногда меньше, такъ же и отъ прочихъ членовъ царскаго дома многія много разъ щедроты бывали мнѣ за литургіи и проповѣди слова Божія“. При открытіи Св. Синода, въ февралѣ 1721 г., митрополитъ Стефанъ пожалованъ былъ президентомъ Синода и принималъ дѣятельное участіе въ высшемъ церковномъ управленіи. Въ 1722 году, т.-е. два года спустя по открытіи Синода, Стефанъ скончался 64 лѣтъ отъ роду.

Стефанъ Яворскій написалъ важное сочиненіе: „Камень вѣры православной каоолической восточной церкви“, въ которомъ опровергаетъ разныя ложныя ученія. Усердно содѣйствуя Петру, онъ написалъ книгу: „О знаменіяхъ пришествія антихриста“, противъ раскольниковъ, считавшихъ, по своему невѣжеству, преобразованія государя признаками кончины міра. Въ особенности же сла-

вился Стефанъ, какъ церковный проповѣдникъ. Современники говорятъ, что онъ силой рѣчи по произволу могъ заставить слушателей и плакать и смѣяться. Хотя онъ и не былъ безусловнымъ поклонникомъ всѣхъ преобразованій Петра Великаго, но во многихъ своихъ проповѣдяхъ не могъ не высказывать удивленія предъ геніемъ императора и указывалъ вполнѣ искренно на его неутомимые труды для блага Россіи, воздавалъ должную дань похвалы дѣламъ и образу жизни Петра и прославлялъ его побѣды.

Изображая черты характера и образъ жизни государя, онъ говорилъ: „Удивляемся не только мы, видящи, но и вся вселенная слышащи, толикому толикаго лица преклонству: съ нами ястъ, піетъ, спитъ, сѣдитъ, любовнѣ бесѣдуетъ съ нами; аки единъ онъ сосѣдъ и друговъ нашихъ премирно сожительствуетъ и, забывъ себя быти царя монарха, его же подсолнечная трепещетъ, всякому есть приступенъ, жилища наши посѣщаетъ, обѣдомъ, вечерію и охотою нашею не гнушается. Съ нами аки отецъ съ чадами, больше реку, — аки братъ съ братіею, житіе свое проводитъ. Предсѣданіе на соймищахъ и предвозлежанія на вечеряхъ и цѣлованія на торжищахъ давно то оставилъ фарисеемъ прегордымъ“.

Въ проповѣдяхъ Стефана и письмахъ къ Петру встрѣчаются мѣста и цѣлыя поученія, имѣющія ближайшую связь съ преобразованіями и побѣдами государя. Такъ, поздравляя государя съ взятіемъ городовъ Риги и Выборга у шведовъ, онъ шутливо писалъ: „Уже и Рыга ихъ славная изрыгнула горестно, яже прежде поглощала сладостно труды людей и наслѣдила многихъ потентатовъ (владѣтелей) богатства; гдѣ твоя, Рыга, ныха? гдѣ твоя, Выборкъ, гордыня?“ По случаю взятія Ревеля писалъ: „Славу Богу, пошло на здоровье, егда

ревень или Ревель, врачебную вещь, далъ намъ Богъ всемогущій стяжати".

Слово на Полтавскую побѣду отличается восторженною похвалою Петру и его военнымъ доблестямъ, присущимъ великому монарху.

Въ основаніе своего слова проповѣдникъ положилъ изъ евангелія св. апостола Марка слѣдующія слова Спасителя: *вся, елика аще молящеся просите, вѣруйте, яко пріемлете, и будетъ вамъ* (Марк. XI, 24). Слово начинается восторженнымъ приглашеніемъ всѣхъ христоименитыхъ русскихъ людей къ радости и веселію; проповѣдникъ призываетъ Церковь Христову и православную великороссійскую державу къ свѣтлому ликованію и торжеству: „Радуйтеся и веселитеся, христоименитые людіе! Ликуй и торжествуй, Церковь Христова и православная великороссійская держава!" Далѣе ораторъ указываетъ на событіе, которое послужило поводомъ къ торжеству и веселію слушателей. Но событіе это указывается не прямо, а изображается иносказательно. Ораторъ не говоритъ, что окончилась, наконецъ, тяжкая и продолжительная война побѣдою, одержанною Петромъ надъ Карломъ подъ Полтавою, но рисуетъ иносказательную картину: „Се нынѣ время благополучно и благопріятно; уже бо лютая зима прейде, скорбное преста безведріе, буря свирѣпыхъ вѣтровъ непріятельскихъ утолися, облакъ темный и громогласный разгнася; стужа жестокая, печали и воздыханія мимо идоша"; вмѣсто зимы наступила весна: „цвѣты радостей и веселія явишася на землѣ нашей великороссійской"; нива державы Россійской богато созрѣла, класы побѣдные благополучно собраны, плевелы же нечестивыхъ шведовъ лютѣ пожаты и иніи въ снопы связаны, а иніи сожжены" (т.-е. враги убиты на полѣ сраженія или взяты въ плѣнъ). „Скипетръ державнѣй-

шаго государя возвеличился, и безсмертная слава побѣдителя разнеслась не только по всей державѣ его, но и по всей вселенной. Господь послалъ такую блистательную побѣду монарху, каковой не было отъ начала міра; исполнивъ желаніе царево и услышавъ молитву Церкви, Онъ выполнилъ то, что обѣщалъ въ евангеліи: просите и дастся вамъ".

Далѣе, въ главной части своего слова, проповѣдникъ раскрываетъ мысль о превосходствѣ Петра Великаго надъ Карломъ XII. Петръ и Карлъ изображены иносказательно,—Карлъ представленъ подъ символомъ шведскаго льва, а Петръ подъ символомъ русскаго орла. Шведскій левъ. лютый звѣрь, рыскалъ съ разинутою пастью, желая поглотить Россію; но не храбрый Самсонъ, а государь нашъ заградилъ уста этому звѣрю, или, лучше сказать, растерзалъ челюсти и члены льва шведскаго. „Се большая сила орла царскаго, нежели львова!" Сравнивая, далѣе, птицу орла съ звѣремъ львомъ, проповѣдникъ доказываетъ, что орелъ выше льва: орелъ думаетъ о небѣ, а левъ о землѣ; орелъ царь воздушныхъ, а левъ земныхъ; орелъ выше всѣхъ воздушныхъ птицъ подымается, а левъ по землѣ ползаетъ; орелъ смотритъ на солнце, а левъ по пустынямъ и вертепамъ укрывается. Государь нашъ, какъ орелъ, покрылъ гнѣздо свое, царство, и растерзалъ льва, который въ ярости своей хотѣлъ поглотить святую Церковь нашу и государство наше.

Во-вторыхъ Карлъ представленъ подъ видомъ Голіаоа, а Петръ—подъ видомъ новаго Давида, который поразилъ Голіаоа. Гордый Голіаоъ этотъ хвалился, что поразитъ мечомъ своимъ новаго Израиля Божія, но прехрабрый царь Петръ, какъ Давидъ, пращею Духа Святаго и камнемъ Христовымъ побѣдилъ врага.

Въ-третьихъ, Карлъ изображается въ видѣ морского

апокалипсическаго звѣря, а Петръ—подъ видомъ льва изъ колѣна Іудова и побѣдоноснаго орла. Звѣрь морской прошелъ Польшу, Литву, разорилъ домы Божіи и дерзнулъ войти въ державу нашу; но левъ отъ колѣна Іудова, побѣдоносный орелъ сокрушилъ морского звѣря.

Въ-четвертыхъ, Карлъ изображенъ подъ видомъ дуба, видѣннаго во снѣ Навуходоносоромъ, и генералы его въ видѣ вѣтвей, воины въ видѣ листьевъ, знамена же и воинскіе доспѣхи въ видѣ разсыпанныхъ плодовъ этого дуба. Петръ Великой представленъ также иносказательно, подъ видомъ сѣкиры, посѣкающей гордое дерево. Выше упомянутый лютый звѣрь превозносился, какъ кедръ ливанскій, и крѣпокъ былъ, какъ дубъ; но исполнилось слово Іоанна Предтечи, что всякое древо, не приносящее плода, будетъ посѣчено и брошено въ огонь. Когда-то и Навуходоносоръ, царь вавилонскій, видѣлъ дубъ среди земли, вершиною достигающій до неба, а корнями распространившійся во всѣ концы земли; но ангелъ сказалъ: подрубите дубъ, обейте вѣтви его, оборвите листья его и разсыпьте плоды его! Это исполнилось на царѣ Навуходоносорѣ. Не то ли случилось и съ гордымъ шведскимъ царемъ? Онъ посѣченъ сѣкирою, о которой сказалъ Іоаннъ Предтеча, т.-е. силою Божіею, и побѣдоноснымъ оружіемъ православнаго монарха.

Далѣе, желая оправдать свое приглашеніе къ веселію и торжеству, ораторъ ссылается на примѣръ сестры Моисеевой, Маріамн, которая сладостно пѣла съ подругами своими и ударяла въ гусли, тимпаны и другія музыкальныя орудія, когда Моисей погрузилъ въ море Фараона и все его воинство. Такъ и Церковь наша и вся Россія славитъ государя-побѣдителя.

Въ заключеніе проповѣдникъ обращается къ Петру:

„Кіими убо вѣнцы похвальными вѣнчаемъ тя, монархо нашъ Петре? Недоумѣваемъ. Се Самъ Царь небесный, вѣнчивый тя за труды твои толикіе, безсмертною вѣнчаетъ тя славою и честію, глаголя: достоинъ есп пріяти славу и честь и силу!“ Оканчивается же слово приглашеніемъ слушателей и всѣхъ сыновъ Россіи къ молитвѣ: „да сохранитъ Господь государя нашего цѣла и покоритъ всю силу вражію льва, расширитъ государство и миромъ оградитъ навѣки. Аминь“.

---

3. Ѳеофанъ Прокоповичъ, епископъ псковскій.

Ѳеофанъ Прокоповичъ родился въ Кіевѣ 8 іюня 1681 года и при крещеніи нареченъ Елеазаромъ. Отецъ его былъ кіевскимъ купцомъ и умеръ вскорѣ послѣ рожденія сына. Мать, оставшаяся въ крайней нищетѣ, бѣдствовала вмѣстѣ съ сыномъ и также вскорѣ скончалась. Елеазара взялъ на воспитаніе родной его дядя, намѣстникъ Кіево-Братскаго монастыря и ректоръ кіевской академіи, Ѳеофанъ Прокоповичъ. Дядя записалъ Елеазара въ академію, гдѣ онъ обучался грамотѣ и латинскому языку. Елеазаръ былъ лучшимъ ученикомъ въ школѣ. Съ богатыми дарованіями, съ живымъ и острымъ умомъ, съ отличною памятью въ немъ соединялась прекрасная наружность, живой и привлекательный взглядъ и звонкій голосъ. За это послѣднее преимущество онъ выбранъ былъ въ регенты пѣвческаго хора.

Въ академіи были наставники, способные возбудить любовь къ наукѣ и образованію въ своихъ слушателяхъ. Со времени Петра Могилы въ ней вѣяло свѣжимъ духомъ. Нѣкоторые наставники посѣщали польскіе университеты. Борьба съ католиками и іезу-

итами вносила въ преподаваніе наукъ живую струю. Елеазаръ усвоилъ себѣ лучшее, что могъ найти въ академіи—любовь къ образованію; но такъ какъ его любознательность не находила тамъ себѣ полнаго удовлетворенія, то онъ, по окончаніи философскаго курса, вслѣдъ за другими лучшими воспитанниками академіи, отправился для продолженія своего образованія за границу—въ польскія училища. Онъ обучался во Львовѣ и Краковѣ краснорѣчію, поэзіи, философіи и изучалъ древности, какъ языческія, такъ и христіанскія. Въ Римѣ онъ продолжалъ образованіе и имѣлъ доступъ въ ватиканскую и другія городскія библіотеки. Прокоповичъ выслушалъ полный курсъ философіи, богословія и изучилъ творенія отцовъ восточной и западной Церкви. Сверхъ того онъ основательно ознакомился съ сочиненіями древне-греческихъ, римскихъ и новыхъ писателей и поэтовъ, историковъ и ораторовъ. Занимаясь науками день и ночно, онъ отказывался нерѣдко отъ пищи и совершенно овладѣлъ сокровищами знанія древнихъ и новыхъ вѣковъ и народовъ. Іезуитамъ не удалось уловить Прокоповича въ свои сѣти, и онъ вышелъ изъ Рима съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ истины православія и самымъ ревностнымъ его защитникомъ; къ католичеству же и іезуитамъ вынесъ онъ въ сердцѣ своемъ презрѣніе и непріязнь. Въ 1704 г. онъ возвратился въ отечество; принявъ постриженіе въ Почаевской лаврѣ, онъ перемѣнилъ имя, назвавшись, въ честь покойнаго дяди, Ософаномъ, въ 1705 году.

Поступивъ на службу въ кіевскую академію, онъ постепенно проходилъ должности учителя, префекта и ректора. Обучая краснорѣчію и ораторскому искусству, Ософанъ, насмотрѣвшійся на іезуитское и польское проповѣдничество, съ жаромъ возставалъ противъ него; онъ не совѣтуетъ своимъ ученикамъ слѣдовать и под-

ражать іезуитамъ и польскимъ проповѣдникамъ, но рекомендуетъ выбирать предметы для церковной каѳедры изъ житій святыхъ угодниковъ, особенно тѣхъ, которыхъ произвела Россія, „чтобъ узнали, наконецъ, пустѣйшіе, благоговѣющіе только передъ своими баснями, враги наши, что не безплодны доблестію наше отечество и наша вѣра, и чтобы перестали, наконецъ, укорять насъ въ скудости святыни“.

Кромѣ краснорѣчія, Ѳеофанъ преподавалъ впослѣдствіи философію, физику, ариѳметику и геометрію. Будучи ректоромъ академіи, профессоромъ богословія и игуменомъ Кіево-Братскаго монастыря, Ѳеофанъ написалъ свои знаменитыя лекціи по богословію изъ 7 трактатовъ; въ нихъ онъ ввелъ новый пріемъ изслѣдованія предмета -изученіе исторіи и языка священнаго писанія и церковныхъ древностей. Онъ пользовался въ кіевской академіи такой славой, какой не имѣлъ ни одинъ изъ его предшественниковъ.

Въ 1706 году, 4 іюля, прибылъ въ Кіевъ государь для основанія Печерской крѣпости. На другой день Ѳеофанъ сказалъ, въ его присутствіи, проповѣдь, которая обратила на него вниманіе государя. И точно, это была рѣчь, давно не слыханная на церковной каѳедрѣ. Въ одушевленномъ словѣ проповѣдникъ выразилъ свои чувства по случаю радости о прибытіи юнаго, а между тѣмъ уже славнаго государя. Послѣ Полтавской побѣды, когда государь возвращался черезъ Кіевъ, Ѳеофанъ сказалъ, въ его присутствіи, въ Софійскомъ соборѣ отъ лица всего народа хвалебное слово, которое тогда же было напечатано въ кіево-печерской типографіи на русскомъ языкѣ, съ латинскимъ переводомъ. Въ этомъ похвальномъ словѣ были прославлены побѣды Петра надъ шведами, указано было на прострѣленную шляпу царя, вставлено искусное срав-

ніе Полтавской битвы съ побѣдою Самсона надъ львомъ. Петръ никогда еще не слыхалъ подобной проповѣди—живой и современной,—и возвышеніе Ѳеофана было упрочено.

Въ 1715 году государь приказалъ Прокоповичу пріѣхать въ Петербургъ: всѣ въ Кіевѣ сочли это знакомъ скораго посвященія его въ епископы. Въ Петербургѣ Ѳеофанъ началъ постоянно говорить проповѣди, въ которыхъ выяснялъ слушателямъ государственныя преобразованія и планы Петра Великаго. Ѳеофанъ явился горячимъ и ревностнымъ сотрудникомъ государя; вскорѣ, именно въ 1718 г., онъ удостоенъ былъ посвященія въ епископы псковскіе и съ этого времени сдѣлался любимцемъ и правою рукою государя во всѣхъ послѣдующихъ церковныхъ преобразованіяхъ. По порученію Петра, Ѳеофанъ писалъ „Регламентъ“ для духовной коллегіи, или Святѣйшаго Синода, и, по открытіи его, назначенъ былъ вице-президентомъ Синода.

Перу Ѳеофана принадлежатъ очень многія духовныя сочиненія и проповѣди. Еще въ бытность въ Кіевѣ, имъ написаны сочиненія противъ лютеранъ въ защиту православія: „Апологія кіевскимъ мощамъ и Апологія православію на вопросы нѣкоторыхъ лютеранскихъ богослововъ“; нѣсколько увѣщаній—къ раскольникамъ; „Первое ученіе отрокомъ“; „Описаніе мѣстностей, упоминаемыхъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ“. Въ большей же части своихъ сочиненій и проповѣдей ученый и краснорѣчивый епископъ занимался оправданіемъ распоряженій и преобразованій Петра Великаго, пользуясь доводами исторіи и ссылками на церковныя древности. Такъ, онъ написалъ трактаты: „Съ коего времени началось патріаршеское достоинство въ Церкви и какимъ образомъ 400 лѣтъ церкви управляемы были безъ патріаршества“; „О возношеніи имени патріаршаго въ церквахъ,

чего ради оное въ Россіи оставлено“, и друг. Кромѣ церковныхъ предметовъ, по порученію царя, Ѳеофанъ занимался и другими вопросами, не относившимися къ церковнымъ преобразованіямъ. Такъ, онъ написалъ предисловіе къ „Морскому Регламенту“, трудился надъ собираніемъ матеріаловъ для исторіи Петра Великаго и т. п.

Надъ гробомъ Петра Великаго, при погребеніи его, Ѳеофанъ произнесъ слѣдующее знаменитое слово.

СЛОВО НА ПОГРЕБЕНІЕ

Всепресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, Отца отечества, проповѣданное въ царствующемъ С.-Петербургѣ, въ церкви святыхъ Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, марта 1 дня 1725 года.

„Что се есть до чего мы дожили, о россіяне? Что видимъ? что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ! Не мечтаніе ли сіе? не сонное ли намъ привидѣніе? Ахъ, какъ истинная печаль! ахъ, какъ извѣстное наше злоключеніе! Виновникъ безчисленныхъ благополучій нашихъ и радостей, воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію и воздвигшій въ толикую силу и славу; или паче, рождшій и воспитавшій, прямый сый отечествія своего отецъ, которому по его достоинству добріи Россійстіи сынове безсмертну быти желали; по лѣтамъ же и составу крѣпости, многолѣтно еще жити имущаго вси надѣялись, противно и желанію и чаянію скончалъ жизнь, и, о лютой намъ язвы! тогда жизнь скончалъ, когда по трудахъ, безпокойствахъ, печалѣхъ, бѣдствіяхъ, по многихъ и многообразныхъ смертехъ, жити нѣчто начиналъ. Довольно же видимъ, какъ прогнѣвили мы Тебе, о Боже нашъ! и какъ раздражили долготерпѣніе Твое! О недостойныхъ и бѣдныхъ насъ! О грѣховъ нашихъ

безмѣрія! Не видяй сего—слѣпъ есть, видяй же и не исповѣдуяй—въ жестокосердіи своемъ окаменепъ есть. Но что намъ умножати жалости, и сердоболія, которыя утоляти, слико возможно, подобаетъ. Какъ же то и возможно? понеже, есть ли великіе его таланты, дѣйствія и дѣла вспомнимъ, еще вящше утратою толикаго добра нашего уязвимся и возрыдаемъ. Сей воистину толь печальной траты развѣ бы летаргомъ нѣкімъ, нѣкімъ смертообразнымъ сномъ забыти намъ возможно. Кого бо мы, и каковаго, и коликаго лишились?

„Се оный твой, Россіе, Сампсонъ, каковый дабы въ тебѣ могъ явитися, никто въ мірѣ не надѣялся, а о явлшемся весь міръ удивился. Засталъ онъ въ тебѣ силу слабую, и сдѣлалъ по имени своему каменную, адамантову; засталъ воинство въ дому вредное, въ полѣ не крѣпкое, отъ супостатъ ругаемое, и ввелъ отечеству полезное, врагамъ страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищалъ купно и возвращеніемъ отнятыхъ земель дополнилъ и новыхъ провинцій пріобрѣтеніемъ умножилъ. Когда же возстающія на насъ разрушалъ; купно и зломыслящихъ намъ сломилъ и сокрушилъ духи; и, заградивъ уста зависти, славная проповѣдати о себѣ всему міру повелѣлъ.

„Се твой первый, о Россіе! Іафетъ, не слыханное въ тебѣ отъ вѣка дѣло совершившій, строеніе и плаваніе корабельное, новый въ свѣтѣ флотъ, но и старымъ не уступающій, какъ надъ чаянія (сверхъ ожиданія), такъ выше удивленія всея вселенныя, и отверзе тебѣ путь во всѣ концы земли, и простре силу и славу твою до послѣднихъ океана; до предѣлъ пользы твоея, до предѣлъ правдою полагаемыхъ, власть же твоея державы, прежде и на земли зыблющуюся, нынѣ и на морѣ крѣпкую и постоянную сотворилъ.

„Се Моисей твой, о Россіе! не суть ли законы его

яко крѣпкая забрала правды, и яко не рѣшимыя оковы злодѣянія? Не суть ли уставы его ясныя, свѣтъ стезямъ твоимъ, высокоправительствующій Синглитъ, и надъ нимъ главныя и частныя правительства отъ него учрежденныя? Не свѣтила ли суть тебѣ къ поискапію пользы, и ко отраженію вреда, къ безопасію миролюбнымъ, и къ обличенію свирѣпыхъ? Воистину оставилъ намъ сомнѣніе о себѣ, въ чемъ онъ лучшій и паче достохвальный или яко отъ добрыхъ и простосердечныхъ любимъ и любизаемъ, или яко отъ нераскаянныхъ льстецовъ и злодѣевъ ненавидимъ былъ.

„Се твой, Россіе, Соломонъ, пріемшій отъ Господа смыслъ и мудрость многу зѣло. И не довольно ли о семъ свидѣтельствуютъ многообразная философская искусства, и его дѣйствіемъ показанная, и многимъ поданпымъ вліянная, и заведенная различпая, прежде намъ неслыханная ученія, хитрости и мастерства: еще же и чины, и степени, и порядки гражданскіе, и честные образы житейскаго обхожденія, и благопріятныхъ обычаевъ и правовъ правила: но и внѣшній видъ и наличіе краспопретворенное, яко уже отечество паше, и отъ внутрь и отъ внѣ, несравненно отъ прежнихъ лѣтъ лучшее, и весьма иное видомъ и удивляемся.

„Се же твой, о и церкве Россійская, и Давидъ и Константинъ; его дѣло, правительство Синодальное, его попеченіе пишемая и глаголемая наставленія. О коликая произносило сердце сіе воздыхапія о невѣжествѣ пути спасеннаго, коликія ревпости на суевѣрія, и лѣстпическія притворы, и расколъ гпѣздящійся въ пасъ безумный, враждебный и пагубный! Коликое же въ немъ и желапіе было и искапіе вящшаго въ чинѣ пастырскомъ искусства, прямѣйшаго въ народѣ богомудрія, изрядпѣйшаго во всемъ исправленія.

„Но о многопменнтаго мужа! краткимъ ли словомъ

обымемъ безчисленныя его славы, а простирати рѣчи не допускаетъ настоящая печаль и жалость, слезити токмо и стенати понуждающая. Негли со временемъ нѣчто притупится терпъ сей, сердца наша бодущій, и тогда пространѣе о дѣлахъ и добродѣтелехъ его побесѣдуемъ. Хотя и никогда довольно и по достоинству его возглаголати не можемъ: а и нынѣ кратко воспоминающе, и аки бы токмо воскрылій ризъ его касающеся, видимъ, слышателіе, видимъ бѣдніи мы и несчастливіи, кто насъ оставилъ и кого мы лишилися.

„Не весьма же, Россіяне! изнемогаимъ отъ печали и жалости, не весьма бо и оставилъ насъ сей великій монархъ и отецъ нашъ: оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ: безмѣрное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его дѣлами означилося, при насъ есть.

„Какову отъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ: сдѣлалъ добрымъ любимою, любима и будетъ; сдѣлалъ врагомъ страшную, страшная и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славную, славная и быте не престанетъ.

„Оставилъ намъ духовная, гражданская и воинская исправленія. Убо оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ.

„Наипаче же въ своемъ въ вѣчпая отшествіи, не оставилъ насъ сирыхъ. Како бо весьма осиротѣлыхъ насъ наречемъ, когда державное его наслѣдіе видимъ, прямаго по немъ помощника въ жизни его, и подобоправнаго владѣтеля по смерти его, тебѣ, милостивѣйшая и самодержавнѣйшая Государыня наша, великая героиня, и Монархиня, и матерь всероссійская. Міръ весь свидѣтель есть, что женская плоть не мѣшаетъ тебѣ быти подобной Петру Великому. Владѣтельское благоразуміе, и матерпее благоутробіе твое и природою тебѣ отъ Бога данное кому не извѣстно? А когда обое то утвер-

дилося въ тебѣ, и совершилося, не просто сожитіемъ толикаго монарха, но и сообществомъ мудрости и трудовъ, и разноличныхъ бѣдствій его, въ которыхъ черезъ многая лѣта, аки злато въ горнилѣ искушенную,—и коропы, и державы, и престола своего тебе наслѣдницу сотворилъ. Какъ намъ не надѣятися, что сдѣланная отъ него утвердити, не додѣланная совершити, и все въ добромъ состояніи удержити. Токмо, о душе мужественная! потщися одолѣти нестерпимую сію болѣзнь твою. И якова ты отъ всѣхъ видима была въ присутствіи подвизающагося Петра, во всѣхъ его трудѣхъ и бѣдствіяхъ неотступная бывши сообщница, понудися таковою же быти и въ прегорькомъ семъ липеніи.

„Вы же, благороднѣйшее сословіе, всякаго чина и сана, сынове Россійстіи, вѣрностію и повиновеніемъ утѣшайте Государыню и Матерь вашу. Утѣшайте и самихъ себе несумнѣннымъ познаніемъ Петрова духа въ Монархинѣ вашей видяще, яко не весь Петръ отошелъ отъ васъ. Прочее припадемъ вси Господеви нашему, тако посѣтившему насъ, да яко Богъ щедротъ, и Отецъ всякія утѣхи, Ея Величеству Самодержавнѣйшей Государыни нашей, и Ея дражайшей крови дщерямъ, внукамъ, племянницамъ, и всей высокой фамиліи, отретъ сія неуголимыя слезы, и усладитъ сердечную горесть благостливымъ своимъ призрѣніемъ, и всѣхъ насъ милостивнѣ да утѣшитъ.

„Но, о Россіе! видя, кто и каковый тебе оставилъ, вижды и какову оставилъ тебе. Аминь“.

По смерти Петра Великаго, Ософанъ назначенъ былъ архіепископомъ новгородскимъ и первенствующимъ членовъ Св. Синода. Онъ былъ вѣрнымъ и усерднымъ продолжателемъ предначертаній великаго преобразователя въ дѣлѣ высшаго церковнаго управленія до самой

смерти, послѣдовавшей въ 1736 году. Оеофанъ Прокоповичъ почитался ученѣйшимъ человѣкомъ своего времени даже на Западѣ, былъ въ сношеніяхъ съ разными членами академіи и русскими учеными, историками, писателями и другими образованными людьми, былъ покровителемъ молодого Ломоносова; библіотека его простиралась до 30.000 томовъ. На смертномъ одрѣ, готовясь предстать на судъ Божій, этотъ ученѣйшій человѣкъ своего времени, предметъ удивленія и зависти многихъ, сказалъ, обращаясь къ себѣ: „Главо, главо! разума упившись, куда ся приклонишь?“

в) Святители Русской Церкви, святые угодники Божіи.

1. Святой Митрофанъ, епископъ воронежскій.

Святой Митрофанъ, первый воронежскій епископъ и чудотворецъ, родился въ 1623 году, во Владимірской области. Хотя съ точностію неизвѣстно, кто были, по своему званію, родители святителя, но, на основаніи мѣстныхъ преданій, полагаютъ, что они были духовнаго сословія. Они нарекли во святомъ крещеніи сына своего Михаиломъ. Св. Митрофанъ, будучи уже въ преклонномъ возрастѣ и составляя свое духовное завѣщаніе, вспоминаетъ о первыхъ годахъ своей жизни подъ кровомъ родителей и изображаетъ ихъ слѣдующими привлекательными чертами: „Родился я отъ благочестивыхъ родителей и въ благочестіи ненарушимомъ Восточныя Церкви, въ православной вѣрѣ воспитанъ“. Видно, что въ родѣ и домѣ своемъ святитель съ младенческихъ лѣтъ видѣлъ живые образцы вѣры и благочестія; съ горячею любовію воспоминалъ эти свѣтлыя впечатлѣнія своего младенчества и чувствовалъ, что

христіанское воспитаніе оставило въ душѣ его глубокіе и неизгладимые слѣды на всю его жизнь.

Будучи совершеннолѣтнимъ, Михаилъ вступилъ въ бракъ и въ семейной своей жизни утѣшенъ былъ рожденіемъ сына, о воспитаніи и устроеніи котораго много заботился, какъ чадолюбивый отецъ; когда же на 40-мъ году жизни лишился супруги, душа его, издавна расположенная къ богомыслію и подвижничеству, возжелала совершеннаго отреченія отъ міра. Внимая внутреннему призванію своего сердца, Михаилъ рѣшился немедленно посвятить себя на служеніе Богу и святой Церкви.

Въ 1663 году онъ принялъ иноческій образъ съ именемъ Митрофана. Постриженіе его совершилось въ Золотниковской Успенской пустынѣ, недалеко отъ города Суздаля. Вступивъ на путь христіанскаго подвижничества, инокъ Митрофанъ со смиреніемъ началъ исполнять монастырскія послушанія и съ ревностію упражнялъ духъ и плоть свою въ воздержаніи, постѣ и молитвенномъ бодрствованіи. Предавъ сердце свое единому Господу, онъ къ одному стремился, одного искалъ, -жаждалъ душевнаго очищенія и нравственнаго совершенства. Святая обитель, пріявшая его подъ кровъ свой, стала для него столь любезна, что онъ готовъ былъ навсегда остаться въ числѣ ея братіи и здѣсь окончить земной свой подвигъ. Но какъ, по слову Христову, не можетъ градъ укрыться наверху горы, такъ не могли укрыться отъ постороннихъ и духовные подвиги смиреннаго инока; мало-по-малу слава о немъ разнеслась по окрестностямъ обители и распространилась во всѣ стороны.

Когда прошло около трехъ лѣтъ со дня посвященія Митрофана въ иноческій чинъ, въ Яхромскомъ святого Космы монастырѣ (ближайшемъ отъ обители Золотниковской) скончался настоятель. Иноки монастыря и

окрестные поселяне, принадлежавшіе къ монастырю, обратились съ усердною просьбою къ мѣстному архіерею о назначеніи къ нимъ инока Митрофана на мѣсто настоятеля. Архипастырь благосклонно внялъ ходатайству просителей, посвятилъ инока Митрофана въ санъ іеромонаха и назначилъ игуменомъ Яхромской обители. Со смиреніемъ принялъ игуменъ Митрофанъ въ 1666 году новое назначеніе, какъ призваніе Божіе къ новымъ трудамъ для блага Церкви Божіей. Назидая братію словомъ и живымъ примѣромъ, онъ потрудился и для внѣшняго благоустройства своей обители: построилъ и украсилъ новую церковь въ монастырѣ и пріобрѣлъ для нея дорогое Евангеліе, которое и доселѣ хранится, какъ святыня, въ обители. Послѣ девятилѣтняго управленія Яхромскимъ монастыремъ, игуменъ Митрофанъ, лично извѣстный тогдашнему патріарху Іоакиму, какъ „мужъ благоговѣйный и благодѣтельный“, получилъ высшее назначеніе. Въ 1675 году первосвятитель Іоакимъ поставилъ его игуменомъ знаменитаго Свято-Троицкаго Макарьевскаго Унженскаго монастыря, основаннаго преподобнымъ Макаріемъ Унженскимъ и Желтоводскимъ въ XV в. На новомъ поприщѣ своего служенія игуменъ Митрофанъ предался еще большимъ трудамъ и подвигамъ. Глубоко и благоговѣйно почитая память преподобнаго Макарія, своего знаменитаго предмѣстника, онъ ревностно старался подражать великому угоднику Божію въ своей жизни, назидалъ въ благочестіи и вѣрѣ многочисленную братію и заботился усердно о благоустройствѣ обители. Управляя монастыремъ около 7 лѣтъ, онъ устроилъ въ немъ теплый храмъ въ честь Благовѣщенія Богоматери съ трапезою и колокольнею; соборный же храмъ Свято-Троицкій украсилъ писанными, по его заботѣ, новыми мѣстными иконами: Спа-

сителя, преп. Макарія, Успенія Богоматери, Сошествія Св. Духа и Іоанна Предтечи.

Видя благочестіе, духовный разумъ и усердіе доблестнаго игумена, патріархъ часто поручалъ ему обозрѣвать другіе монастыри и храмы для разсмотрѣнія и разрѣшенія споровъ и тяжбъ, когда они возникали, и для водворенія мира и порядка въ обителяхъ; игуменъ Митрофанъ являлся справедливымъ судіей и истиннымъ миротворцемъ при разслѣдованіи возникавшихъ жалобъ, упорядочивалъ взаимныя отношенія монастырей съ сосѣдями и всѣмъ внушалъ уваженіе къ справедливости и миролюбіе. Въ особенности же преподобный заботился о монашествующихъ, наставляя ихъ жить и трудиться въ смиреніи, послушаніи и взаимной любви.

Не только патріархъ, но и государь съ глубокимъ уваженіемъ относился къ благостному и мудрому игумену Унженской обители. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ съ усердіемъ и участіемъ относился къ управляемому преподобнымъ монастырю и жертвовалъ въ обитель драгоцѣнную церковную утварь, дабы возносились въ монастырѣ молитвы о здравіи царя и упокоеніи державныхъ его родителей. Подражая усердію благочестиваго государя, дѣлали свои приношенія въ обитель и нѣкоторые изъ бояръ, почитавшіе и любившіе игумена Митрофана.

Между тѣмъ Промыслъ Божій велъ своего избранника къ новымъ трудамъ высшаго служенія—святительскаго. По повелѣнію того же государя Ѳеодора Алексѣевича, въ 1681 году, игуменъ Митрофанъ вызванъ былъ въ царствующій градъ Москву на чреду священнослуженія, то-есть для участія въ соборныхъ богослуженіяхъ и въ дѣлахъ церковнаго управленія. Царь, патріархъ и святители, бывшіе въ Москвѣ, еще ближе узнали игумена Митрофана въ бытность его въ столицѣ

и оцѣнили по достоинству его разумъ, благочестіе и ревностное служеніе Церкви Божіей. Такъ какъ они видѣли, что преподобный игуменъ Митрофанъ вполнѣ достоинъ избранія въ епископы, то не отпускали его на игуменство въ управляемую имъ обитель. Въ 1682 г. государь, патріархъ и соборъ русскихъ святителей озабочены были вопросомъ объ умноженіи числа епископскихъ епархій въ нашей Церкви, для удовлетворенія религіозныхъ потребностей русскаго народа и для усиленія церковнаго порядка и управленія. Тогда, по общему совѣщанію, соборомъ русскихъ архипастырей, патріархомъ и царемъ постановлено было учредить нѣсколько новыхъ епархій, въ томъ числѣ и воронежскую; въ послѣднюю отчислено было нѣсколько городовъ и мѣстностей прп-Донского края. Учрежденіе воронежской епархіи вызвано было неотложною потребностію воронежскаго края: здѣсь значительно умножилось населеніе, жило много инородцевъ, появилось не мало и раскольниковъ; слѣдовательно, здѣсь нуженъ былъ особый архипастырскій надзоръ за паствою и попеченіе о Церкви. На вновь открытую воронежскую архіерейскую каѳедру, по совѣту благочестиваго царя съ патріархомъ, предназначенъ былъ игуменъ Митрофанъ, а 2 апрѣля 1682 года онъ и рукоположенъ былъ въ санъ святительскій патріархомъ Іоакимомъ и соборомъ архипастырей.

Заботы о благоустройствѣ новой епархіи заставили перваго воронежскаго епископа Митрофана пробыть нѣкоторое время въ Москвѣ. Святителю нужно было приготовить многое для новой каѳедры,—запастись и совѣтами и вещами, нужными для архіерейскаго служенія. Рязанскій архипастырь, сосѣдній съ воронежскимъ, снабдилъ новаго епископа священными облаченіями, церковною утварью, богослужебными книгами и

прочими пособіями, потребными воронежскому святителю. Послѣдовавшія затѣмъ важныя событія также удержали епископа Митрофана въ столицѣ. 27-го апрѣля скончался царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, и вскорѣ послѣдовало вѣнчаніе на царство братьевъ его, Іоанна и Петра Алексѣевичей. Святитель Митрофанъ участвовалъ въ торжествѣ царскаго вѣнчанія и подносилъ на золотомъ блюдѣ царскій вѣнецъ, который возложенъ былъ на голову десятилѣтняго Петра. Съ этого дня началось сближеніе святителя съ Петромъ: началось молитвою святителя за юнаго царя, который Промысломъ Божіимъ предназначенъ былъ къ совершенію великаго дѣла, преобразованія и возвышенія Россіи.

Святителю Митрофану привелось также быть въ Москвѣ свидѣтелемъ смуты, поднятой въ столицѣ раскольучителями, и способствовать усмиренію этихъ дерзкихъ враговъ Церкви и отечества. Святитель былъ въ Кремлѣ въ тотъ страшный день, 5 іюля 1682 г., когда Хованскій, отъ имени раскольниковъ, объявилъ царевнѣ Софьѣ, что они ворвутся во дворецъ и погубятъ патріарха и всѣхъ архипастырей, если они не явятся на Лобное мѣсто для прeнія о вѣрѣ. Онъ былъ въ тотъ же день на соборѣ, въ Грановитой палатѣ, куда разрѣшено было царевною Софьей явиться расколоучителямъ для преній съ патріархомъ и архипастырями. Святитель Митрофанъ видѣлъ, какъ раскольники съ шумомъ вошли въ палату, куда явилась и сама Софья съ царицей Натальей и двумя царевнами; какъ дерзко вели себя раскольники на соборѣ, едва не побили Аѳанасія, архіепископа холмогорскаго, какъ непочтительно говорили съ патріархомъ. Твердость царевны Софьи и умъ патріарха воспрепятствовали восторжествовать дерзкимъ врагамъ Церкви и отечества. Святитель Митрофанъ, участвовавшій въ обличеніи неразумныхъ и буйныхъ

расколоучителей, до гроба сохранилъ въ душѣ памятованіе о гибельной силѣ раскола, смѣло обличалъ его приверженцевъ и всю жизнь оставался твердымъ оплотомъ православія и блага государственнаго.

Архипастырское служеніе святителя Митрофана въ воронежской епархіи, продолжавшееся болѣе 20 лѣтъ, представляетъ собою свѣтлое и высоконазидательное зрѣлище. Во всѣхъ словахъ и дѣлахъ своихъ, въ ученіи и жизни, святитель Божій являлъ пасомымъ высокій примѣръ твердой вѣры, глубокаго благочестія, любвеобильнаго попеченія о спасеніи душъ христіанскихъ, ему ввѣренныхъ, и доблестнаго служенія государю и отечеству.

Прибывъ на мѣсто своего служенія, архипастырь, исполненный высокаго пониманія своего долга и отеческой любви къ пасомымъ, прежде всего обратился съ окружнымъ посланіемъ къ мѣстнымъ пастырямъ духовнымъ. „Честные іереи Бога Вышняго“, писалъ святитель, „вожди стада Христова! вы должны имѣть свѣтлыя умныя очи, просвѣщенныя свѣтомъ разумѣнія, чтобы вести другихъ по правому пути; по слову Господа, вы должны быть самымъ свѣтомъ: *вы есте свѣтъ міру*. Вы, какъ пастыри, должны преподавать овцамъ манну слова Божія, подобно, какъ ангелы приготовляли чувственную манну въ пустынѣ. Вы, какъ ходатаи, должны въ молитвахъ вашихъ подражать Моисею и Павлу, которые съ такою ревностію молились Богу за людей своихъ! Моисей говорилъ Богу: *Господи! нынѣ аще оставиши грѣхи ихъ, то остави: аще ли ни, изглади мя изъ книгъ, въ нихъ же вписалъ еси*. Павелъ говорилъ: *молился быхъ самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ по плоти, иже суть израильтяне*. Такъ и вамъ надобно ревновать о спасеніи людей Божіихъ. Добрые пастыри были таковы, что

готовы были положить свои души за овецъ. Такъ и вы устройте себя. *Пасите, еже въ васъ, стадо Божіе не нуждою, но волею и по Богу, ниже неправедными прибытки, но усердно.* Христосъ Спаситель, когда вручалъ святому апостолу Петру паcеніе овецъ своихъ, трижды говорилъ: *паси.* Это, очевидно, и для того, что пастыри трояко пасутъ врученное имъ стадо—словомъ ученія, молитвою и силою святыхъ таинъ, и образомъ жизни. Три эти вида паcенія и вы усердно выполняйте: преподавайте людямъ слова ученія, показывайте въ себѣ примѣръ жизни, усердно возносите молитвы къ Богу о врученной вамъ паствѣ, старайтесь назидать ихъ святыми таинами, т.-е. просвѣщайте невѣрующихъ святымъ крещеніемъ, согрѣшившихъ послѣ крещенія старайтесь приводить къ покаянію и исправленію жизни, достойныхъ сподобляйте пречистыхъ таинъ тѣла и крови Христовой, заботьтесь о больныхъ, чтобы особенно не отходили изъ этой жизни безъ святыхъ таинъ и не лишались послѣдняго елеосвященія. Вмѣстѣ съ боже-ственнымъ Павломъ свидѣтельствую предъ Богомъ и Господомъ Іисусомъ Христомъ: проповѣдуйте слово, настойте благовременно и безвременно, обличайте, за-прещайте, умоляйте съ терпѣніемъ и ученіемъ. Умоляю васъ, братія, вразумляйте безчинныхъ, утѣшайте мало-душныхъ, защищайте немощныхъ, будьте терпѣливы ко всѣмъ, непрестанно молитесь, за все благодарите, ибо такова воля Божія о васъ во Христѣ Іисусѣ. Будьте примѣромъ для вѣрныхъ въ словѣ, въ жизни, въ любви, въ духѣ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ, не подавайте соблазна никому, чтобы служеніе ваше было безпорочно; во всемъ представляйте себя какъ Божіихъ слугъ. Если все это соблюдете, то, когда явится Пастыреначаль-никъ, получите неувядаемый вѣнокъ славы. О, когда бы получить всѣмъ намъ сію славу, благодатію Господа

нашего Іисуса Христа, Которому принадлежитъ слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ! Благословеніе Господне на васъ, благодатію Его, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь".

Паству свою святитель Митрофанъ пазидалъ съ неослабнымъ усердіемъ, являясь для нея благодатнымъ источникомъ чистой вѣры и христіанскаго благочестія. Онъ училъ пасомыхъ не только вдохновеннымъ своимъ словомъ, проповѣдію, но и самою жизнію, представляя собою высокій примѣръ вѣры и любви Христовой. Онъ былъ усердный молитвенникъ, строгій подвижникъ, благостный архипастырь, всѣмъ достушный, о всѣхъ попечительный. Богатые и бѣдные, знатные и простые, старые и юные равно находили въ немъ мудраго наставника и заботливаго отца. Съ особенною заботливостію относился архипастырь къ нуждающимся, бѣдствующимъ и скорбящимъ. Нужды и скорби каждаго святитель горячо принималъ къ сердцу, помогалъ бѣдным милостынею или подавалъ духовную помощь нуждающимся въ ней, выражалъ душевное участіе скорбящимъ и утѣшалъ ихъ. Онъ не только принималъ несчастныхъ и нуждающихся въ своемъ архіерейскомъ домѣ, но и самъ навѣщалъ больныхъ, убогихъ и страждущихъ въ ихъ домахъ. Посѣщалъ архипастырь и дома заключенія или тюрьмы; подавалъ узникамъ милостыню, цризывалъ ихъ къ терпѣнію и безропотному перенесенію своего бѣдственнаго положенія, располагалъ ихъ къ покаянію и утѣшалъ ихъ своимъ сердечнымъ привѣтомъ и добрымъ словомъ. Милосердый архипастырь, объемля любовію своею живыхъ, памятовалъ также и объ усопшихъ, вознося ко Господу и за нихъ святыя свои молитвы. Онъ имѣлъ особый синодикъ, или помянникъ, въ который вписывалъ для молитвеннаго помиповенія не только имена родныхъ и близкихъ, но

и другихъ людей, отошедшихъ въ загробный міръ, а также разныя безымянныя поминовенія о людяхъ, скончавшихся безвѣстною смертію, въ плѣну или на войнѣ. Памятованіе о загробномъ мірѣ и о смертномъ часѣ никогда не оставляло святителя. Мысль о смерти услаждала его и отвращала отъ мірскихъ привязанностей, дѣлая сердце его готовымъ къ воспріятію царствія Божія внутрь души. Явнымъ свидѣтельствомъ о такомъ душевномъ настроеніи святителя служитъ тотъ же синодикъ: онъ наполненъ умилительными размышленіями о неизбѣжности смерти и о христіанскомъ приготовленіи къ ней. Самъ, памятуя ежечасно о смерти и внушая другимъ непрестанно представлять въ мысляхъ свой смертный исходъ изъ міра сего, святитель старался этимъ путемъ возносить свое и другихъ сердце къ вѣчности и Владыкѣ жизни. Предавая свое сердце Господу и готовясь ежечасно предстать на судъ Божій, святитель исполненъ былъ глубочайшаго смиренія. Въ письмахъ его къ людямъ благочестивымъ часто встрѣчаются слѣдующія выраженія его чувствъ: „по настоящій день тѣлесно живы есмы,—а (каковы) душевно,—вѣдаетъ о томъ Самъ Единородный Сынъ Слово Божіе“.

Неослабно утверждая пасомыхъ въ вѣрѣ и благочестіи христіанскомъ, святитель не менѣе ревностно выполнялъ и прочія обязанности своего архипастырскаго служенія. Такъ онъ много заботился о торжественности и красотѣ архіерейскихъ своихъ богослуженій, которыя совершалъ неопустительно. Полный смиренія въ глубинѣ души своей и довольствуясь, подобно простому иноку, самою скромною утварію въ своей келіи, святитель являлся предъ пасомыми въ храмѣ Божіемъ облеченный во всѣ знаки своего высокаго сана и совершалъ службу Божію со всею торжественностію и благолѣпіемъ. Эти святительскія бого-

служенія, дотолѣ не виданныя въ Воронежѣ, служили великимъ назиданіемъ и утѣшеніемъ для юной паствы и привлекали въ храмъ Божій большое число молящихся. На первыхъ порахъ, нѣкоторыя изъ торжественныхъ богослуженій, совершаемыхъ въ мѣстахъ открытыхъ, какъ, напримѣръ, крестные ходы, требовали особой заботливости и предусмотрительности со стороны владыки. Новый каоедральный городъ его былъ въ то время еще небезопасенъ отъ татаръ, набѣгавшихъ на Воронежъ изъ-подъ Азова и изъ придонскихъ степей. Готовясь въ первый разъ совершить крестный ходъ для водосвятія на рѣкѣ Воронежѣ 1-го августа, святитель долженъ былъ отдать особое распоряженіе стрѣлецкому головѣ Семену Ѳедосѣевичу касательно охраны духовенства и православныхъ христіанъ отъ возможнаго набѣга татаръ. Въ приказѣ было сказано: „по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отцовъ, архіереи Божіи со всѣмъ священнымъ соборомъ должны въ праздникъ Происхожденія Честнаго Креста выходить изъ города на источникъ для освященія воды. Голова Семенъ Ѳедосѣевичъ имѣетъ приказать, въ предохраненіе города и всѣхъ людей отъ набѣга непріятельскихъ людей, въ 1-мъ числѣ августа, на Происхожденіе Честнаго Креста, быть воронежскимъ стрѣльцамъ съ ружьями и наблюдать, какъ бы не случилось какого несчастія съ Воронежемъ и городскими людьми. Преосвященный приказалъ также, чтобы на рѣкѣ Воронежѣ къ показанному числу построена была іордань, а въ іордани обычный ковчегъ (ящикъ), какъ бываетъ у прочихъ архіереевъ Божіихъ, чтобы можно было погружать Честный и Животворящій Крестъ“.

Ревнуя о благолѣпіи богослуженія, святитель вскорѣ по прибытіи въ Воронежъ началъ строить каменный каоедральный соборъ Благовѣщенія Пресвятыя Богоро-

дицы, который, впрочемъ, по судьбамъ Божіимъ, не довелось ему окончить. Онъ служилъ въ деревянномъ храмѣ апостоловъ Петра и Павла, но старался благолѣпно украсить его. Много заботился святитель, чтобы утварь и облаченія были приличныя святилищу Божію; достаточно утвари устроилъ онъ на свой счетъ и на пожертвованія благочестивыхъ христіанъ. Онъ зорко смотрѣлъ также, чтобы все жертвуемое храму Божію хранилось благоговѣйно и бережно. Вообще, стараніемъ святителя устраивался лучшій порядокъ и въ церковномъ богослуженіи и во всемъ управленіи новооткрытою епархіею; его же заботливостью основались здѣсь двѣ новыя обители—Донцинская и Битюгская—гдѣ, къ утѣшенію и назиданію населенія, могли совершаться ежедневныя богослуженія, и гдѣ самъ святитель иногда жилъ и молился.

Въ началѣ архипастырскаго управленія святителя Воронежскаго паствою, епархія его заключала въ себѣ, кромѣ каѳедральнаго, только шесть городовъ: Елецъ, Костенскъ, Землянскъ, Орловъ, Урывъ и Коротоякъ. Такъ какъ содержаніе каѳедры со всѣмъ ея клиромъ зависѣло въ тѣ времена отъ сбора опредѣленной, но незначительной суммы съ церквей и обителей, то понятно, что воронежскій святитель, при необширной епархіи, испытывалъ нужду и съ большимъ трудомъ содержалъ архіерейскій домъ. Правда, къ дому приписаны были угодья Боршевскаго монастыря; но они мало приносили пользы, по ихъ отдаленности. Кромѣ того, со стороны рязанскаго епархіальнаго начальства слышались заявленія, что нѣкоторыя изъ церквей воронежской епархіи, по-старому, должны оставаться въ вѣдѣніи рязанскаго архіерея. Заботясь о расширеніи предѣловъ воронежской епархіи и объ увеличеніи ея средствъ, патріархъ Іоакимъ и самъ царь помогли свя-

тителю Митрофану въ его нуждахъ своими распоряженіями. Грамотою отъ 30 января 1696 года патріархъ съ точностью обозначилъ предѣлы новой епархіи и причислилъ къ ней поселившихся по рѣкамъ Осереду, Битюгу и Шкорцу; государь же доставилъ новой святительской каѳедрѣ и новыя средства ея обезпеченія. Часто бывая въ Воронежѣ для строенія кораблей, государь близко видѣлъ нужды новой архіерейской каѳедры, видѣлъ и мѣстности воронежскаго края, равно какъ и характеръ тамошнихъ жителей.

Мѣста по рѣкѣ Усереду и часть Коротоякскаго уѣзда заселены были малороссіянами Острогожскаго полка, но полковой городъ принадлежалъ къ бѣлогородской епархіи; такимъ образомъ, нѣкоторыя церкви острогожскаго полка состояли въ вѣдѣніи воронежскаго святителя, самая же большая часть казаковъ относилась по духовнымъ дѣламъ къ отдаленному бѣлогородскому архипастырю. Царь Петръ въ жаловапной грамотѣ 1699 года писалъ: „поелику бѣлогородская и рязанская епархія не бѣдны, а воронежская недостаточна, и притомъ нѣкоторые города отъ нихъ стоятъ вдали; то приписать еще къ воронежской епархіи отъ рязанской города: Усмань, Острожки, Бѣлоколодцъ, Демшинъ, а отъ бѣлогородской епархіи—городъ Острогожскъ съ ихъ уѣздами“. Для содержанія архіерейскаго дома даны были еще мельницы и село Бобракъ въ Лебедянскомъ уѣздѣ.

Среди заботъ о благоустройствѣ своей епархіи, святитель Христовъ Митрофанъ зорко слѣдилъ и за нуждами православнаго царства Русскаго; какъ преданный сынъ земного отечества и вѣрный слуга своего царя, онъ всегда былъ готовъ приносить жертвы на пользу общегосударственную. Извѣстно, что съ 1694 года царь Петръ Алексѣевичъ готовился къ походу противъ турокъ и вознамѣрился нанести пораженіе

магометанскому царству завоеваніемъ крѣпости Азова. Чтобы овладѣть этимъ приморскимъ городомъ, царь началъ строить военныя суда разныхъ размѣровъ въ Воронежской верфи, предполагая двинуться флотомъ по рѣкѣ Дону къ Азову. Часто бывая въ Воронежѣ, государь видался съ святителемъ Митрофаномъ, полюбилъ его за благочестивую жизнь и не разъ въ праздники присылалъ ему дары, а святитель обращалъ ихъ на строеніе церковное и на помощь бѣднымъ. Съ своей стороны, святитель старался помогать благому дѣлу царя и молитвами и словомъ увѣщанія. При каждомъ благопріятномъ случаѣ, онъ объяснялъ паствѣ, какъ благодѣтельныя намѣренія государя для Церкви и отечества, какъ достохвальны военные подвиги его, подъятые для защиты христіанъ отъ власти магометанъ, столько времени порабощающихъ православныхъ. Онъ увѣщавалъ народъ терпѣливо переносить тягости военнаго времени, а служилыхъ людей воодушевлялъ къ подвигамъ ратнаго дѣла. Когда же построеніе кораблей встрѣтило себѣ затрудненіе, вопреки стараніямъ царя, въ недостаткѣ денегъ и приходилось пріостановить дѣло,—святитель поспѣшилъ отвратить это препятствіе. Въ виду истощенія денежныхъ средствъ казны, святитель предоставилъ въ распоряженіе государя всѣ имѣвшіяся у него наличныя деньги, въ количествѣ 6000 рублей, серебряными копейками, и сказалъ при этомъ: „всякій сынъ отечества долженъ служить отъ своихъ имѣній нуждѣ государственной; прими же, государь, отъ моихъ издержекъ оставшіяся деньги и употреби ихъ противъ невѣрныхъ“. Съ живѣйшею признательностью принялъ монархъ изъ рукъ святителя столь благовременное вспомоществованіе, какъ залогъ благоволенія Божія къ предпринятому дѣлу, и благодарилъ святителя за столь дѣятельную любовь къ отечеству.

Постройка кораблей пошла быстро, и въ 1696 году флотъ былъ спущенъ на Донъ. Когда Азовъ палъ къ стопамъ царя, не выдержавъ русской силы, признательный монархъ почтилъ святителя Митрофана добавленіемъ къ его прежнему названію—„воронежскій“—еще названія „и азовскій“.

И въ послѣдующее время святитель Митрофанъ жертвовалъ свое достояніе на нужды государства. Во время борьбы со шведами военные расходы крайне истощали казну, и сооруженіе нужныхъ для войны кораблей замедлилось, по недостатку денежныхъ средствъ. Въ 1700 году святитель послалъ отъ себя 4000 рублей на кораблестроеніе, безъ всякаго къ тому вызова со стороны государя; а въ слѣдующемъ 1701 году внесъ въ казну еще 3000 рублей на жалованье ратнымъ людямъ. За эти новыя пожертвованія государь благодарилъ святителя милостивымъ своимъ словомъ. Петръ Великій отъ 20 апрѣля 1700 года писалъ въ грамотѣ святителю: „донесено намъ, что для общей пользы христіанъ, на вспоможеніе войнѣ съ врагами святаго креста, по доброжелательному усердію къ нашему царскому величеству, на строеніе кораблей и ратнымъ людямъ морского военнаго флота ты далъ изъ своей домовой казны 4000 рублей въ Воронежѣ. Мы, великій государь, усердіе твое ко всему христіанскому народу милостиво принимаемъ и хвалимъ. Зато и впредь милость нашего царскаго величества неотъемлемо пребудетъ съ тобою, нашимъ богомольцемъ, въ чемъ будь благонадеженъ навсегда“. Другая царская грамота такого же содержанія писана 18 мая 1701 года.

Такъ установились дружественныя отношенія между великимъ государемъ и святителемъ Митрофаномъ. Проникнутый духомъ ученія Христова, благостный архипастырь былъ искреннимъ чтителемъ царской власти

и усердным радѣтелем о благѣ православнаго Русскаго царства; и мудрый царь высоко цѣнил до блестнаго архипастыря. Но это дружественное расположеніе святителя къ царю отнюдь не препятствовало ревностному архипастырю смѣло говорить Петру правду и даже обличать его за неосмотрительность, не страшась царскаго гнѣва. По временамъ, Петръ Великій проживалъ довольно долго въ Воронежѣ для надзора за постройкою военнаго флота и самъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ по кораблестроенію. Вблизи адмиралтейства стоялъ дворецъ его. По иноземному обычаю, жилище Петра было украшено статуями мнимыхъ языческихъ боговъ. Однажды царь пригласилъ въ этотъ дворецъ къ себѣ святителя Но простотѣ евангельской, пастырь Христовъ отправился къ царю пѣшкомъ. Уже перешелъ онъ мостъ и вступилъ на островъ рѣки Воронежа, гдѣ находилось адмиралтейство, какъ вдругъ взорамъ его открылись языческія украшенія дворца. Цѣломудріе строгаго подвижника не вынесло этого зрѣлища, и онъ, повернувшись назадъ, направился къ своей кельи. Когда Петру сказали, что архипастырь былъ у дворца и ушелъ, государь послалъ спросить, почему онъ такъ поступилъ, и вновь позвалъ къ себѣ святителя.

Тогда святитель отвѣтилъ царскому послу: „Пока государь не повелитъ низвергнуть идоловъ, которые соблазняютъ народъ, не могу явиться во дворецъ предъ его царскія очи“. Услышавъ столь рѣшительный отвѣтъ, Петръ разгнѣвался и въ третій разъ послалъ сказать съ угрозою святителю, что если онъ не явится сейчасъ же, то, какъ преступникъ царской воли, подвергнется казни. Святитель отвѣтилъ: „Жизнь моя во власти царя; но для меня лучше умереть, чѣмъ нарушить долгъ святительскаго сана моего. Лучше умереть,

чѣмъ присутствіемъ своимъ или боязливымъ молчаніемъ одобрять язычество. Неприлично государю православному ставить языческіе болваны и тѣмъ соблазнять простыя сердца народа". Гнѣвъ Петра, между тѣмъ, нѣсколько остылъ и, когда передали ему слова святителя, онъ терпѣливо выслушалъ ихъ. Съ своей стороны, святитель Митрофанъ, зная строгость Петра, зная, что царское слово, возвѣстившее ему смерть, не исполнится развѣ по чуду Божію, сталъ готовиться къ вѣчности. Онъ распорядился, чтобы благовѣстили ко всенощному бдѣнію въ большой колоколъ. Государь, услышавъ благовѣсть, спросилъ: „Что за праздникъ завтра?" Ему отвѣчали, что праздника нѣтъ никакого. Тогда царь послалъ спросить святителя о причинѣ этого необычнаго въ будній день благовѣста. Святитель отвѣчалъ посланному: „Мнѣ, какъ преступнику, словомъ царскимъ назначена смерть; готовясь къ смерти, хочу я совершить соборное моленіе съ церковію о прощеніи грѣховъ моихъ, чтобы Господь явилъ надо мною милость свою". Петръ изумился рѣшимости святителя умереть по ревности къ дѣлу Божію. Онъ немедленно послалъ успокоить его милостивымъ словомъ своимъ и просилъ не тревожить народа необычайнымъ звономъ. Затѣмъ, немедля, велѣлъ снять статуи, возмутившія миръ души архипастыря. Услышавъ о послѣднемъ распоряженіи, святитель на другой день пришелъ къ царю и смиренно благодарилъ его за уничтоженіе соблазнительныхъ для народа изваяній. Съ того времени государь еще болѣе возлюбилъ святителя за величіе его духа и проникся къ нему глубокимъ уваженіемъ. Бывая въ Воронежѣ, онъ часто навѣщалъ пастыря Божія и въ бесѣдѣ съ нимъ находилъ большое назиданіе и утѣшеніе. Послѣ нѣсколькихъ часовъ бесѣды съ мудрымъ

и благостнымъ архипастыремъ. Петръ возвращался домой всегда въ лучшемъ настроеніи духа.

Среди подвиговъ благочестивой жизни, святитель Митрофанъ, подкрѣпляемый благодатію Божіей, достигнулъ глубокой старости. Чувствуя приближеніе своей кончины и готовясь перейти въ жизнь загробную, 70-лѣтній святитель составилъ духовное завѣщаніе, исполненное духовнаго разума и глубокаго христіанскаго чувства. „Судьбами Божіими“, говоритъ онъ, „дошелъ я до семидесятилѣтней старости и уже изнемогаю въ силахъ тѣлесныхъ. Потому, помня о смерти, разсудилъ я написать послѣднее мое писаніе, чтобы оказать помощь душѣ и тѣлу моему“. Съ глубокимъ смиреніемъ святитель Христовъ исповѣдуетъ предъ всѣми свою вѣру, возносясь сердцемъ къ Богу, Судіи и Мздовоздаятелю живыхъ и мертвыхъ. „Когда грѣшная душа моя“, говоритъ онъ, „разрѣшится отъ узъ плоти, вручаю ее благости премудраго Бога, создавшаго ее, да приметъ милостиво, какъ дѣло рукъ Своихъ; а грѣшныя кости предаю матери всѣхъ (землѣ) ожидая воскресенія мертвыхъ“. Затѣмъ святитель даетъ людямъ всѣхъ званій и состояній наставленія, соотвѣтственно ихъ служенію и занятіямъ. Обращая отеческую свою заботу къ пастырямъ Церкви, онъ убѣждаетъ ихъ ходить достойно званія: „Простецъ согрѣшившій даетъ отвѣтъ только за свою душу; а іереи будутъ истязаны за многихъ, — тѣ, которые не радѣли о овцахъ, собирая съ нихъ млеко и волну“. Преподавая наставленіе судіямъ, онъ пишетъ: „Судіямъ епархіи нашей заповѣдую печись о правосудіи въ дѣлахъ гражданскихъ: пусть совершаютъ праведный судъ. Неправда въ судахъ и коварство между людьми очень умножилось; очень много плачущихъ отъ бѣдности и оскорбленій,—люди всякаго званія терпятъ оскорбленія, вдовы, сироты, немощные.

Завѣщаваю судіямъ—по волѣ государя управлять людьми правдиво, чтобы жили о Богѣ духомъ, безъ напрасной молвы и ни къ чему ненужной суетности". Всѣмъ же православнымъ христіанамъ предлагаетъ слѣдующія правила жизни, исполненныя высокой мудрости и долговременнаго опыта: „мудрыхъ мужей правило всякому человѣку: употреби трудъ, храни мѣрность (т.-е. трудись и будь умѣренъ въ желаніяхъ): богатъ будешь. Воздержно пій, мало яждь: здравъ будеши. Твори благо, бѣгай злаго: спасенъ будеши. При семъ же послѣдній мой долгъ отдаю,—говоритъ святитель всѣмъ православнымъ, и предлагаю въ душевную пользу и во спасеніе вѣчное епархіи своея, во градѣхъ же и селѣхъ и во всякихъ мѣстѣхъ пребывающимъ—всякое имѣти стараніе о благочестіи и о спасеніи душъ своихъ". Святитель Божій заповѣдуетъ далѣе съ особенною настойчивостью, чтобы православные проводили свою христіанскую жизнь не въ отчужденіи, но въ тѣсномъ общеніи съ святою Церковію и въ совершенной покорности ей. „Да пребываютъ всѣ православные христіане въ прародительской вѣрѣ, во всемъ добромъ, въ чистотѣ, воздержаніи, святости и покаяніи. Заповѣдую имѣть вседушевную любовь къ православно-каѳолической вѣрѣ, чтить единую во всей вселенной Церковь, какъ матерь, и въ ней пребывать неуклонно, крѣпко держаться преданія и ученія св. отцовъ,—ни въ чемъ не уклоняясь отъ нихъ. Какъ безъ правой вѣры нельзя угодить Богу, такъ и внѣ святой восточной Церкви и безъ свѣтлаго ея ученія, преданнаго Богомъ, никому нельзя спастись". Въ заключеніе святитель смиренно испрашиваетъ прощеніе у всѣхъ и проситъ помолиться о душѣ его: „если какимъ бы то ни было образомъ согрѣшилъ я, какъ человѣкъ, или кого-либо оскорбилъ въ моемъ санѣ: со слезами прошу каждаго простить меня; прошу проще-

нія у всей Церкви Божіей и у всего священнаго собора; прошу молитвъ всего православнаго народа за мою грѣшную душу, чтобы помиловалъ се Господь предстательствомъ Пречистой Своей Матери и сподобилъ меня царствія небеснаго. Сотворите милость для меня, принесите послѣдній долгъ Богу для пользы души моей: помяните грѣшную мою душу, чтобы и вы были помянуты Господомъ въ день праведнаго суда. Сей глаголъ мой предстанетъ предъ вами въ день праведнаго суда. Не отриньте прошенія моего, — послѣдней любви вашей ко мнѣ грѣшному, со слезами прошу, — не забудьте меня грѣшнаго въ молитвахъ своихъ, по заповѣди апостола: братія, молитесь другъ за друга". Въ концѣ всего святитель проситъ непремѣнно облечь его предъ кончиною въ схиму и похоронить его не въ самомъ соборѣ, а въ Архангельскомъ придѣлѣ главнаго храма.

Почувствовавъ приближеніе конца дней своихъ, святитель Божій, уже возлежа на одрѣ смертномъ, среди непрерывнаго молитвеннаго подвига, принялъ напутствіе въ жизнь вѣчную святыми таинствами Церкви; затѣмъ облекся въ великій ангельскій образъ, принявъ схиму съ именемъ Макарія, въ честь преподобнаго основателя Унжинской и Желтоводской обителей. Наступили послѣднія минуты жизни великаго подвижника, и праведный духъ его погрузился весь въ молитву.

По особому смотрѣнію Божію, какъ разъ въ эту пору прибылъ въ Воронежъ самъ государь, такъ искренно любившій и почитавшій святителя. По обычаю, послѣшилъ онъ посѣтить благостнаго архипастыря, но засталъ его ужъ при послѣднемъ издыханіи; царь Петръ облобызалъ руку умирающаго святителя и оставался до послѣдняго вздоха его. По кончинѣ святителя, государь самъ закрылъ очи его и повелѣлъ приготовить все нужное для погребенія святителя съ подобающею честію.

Блаженная кончина святителя послѣдовала 23 ноября 1703 года, на 81-мъ году его праведной жизни, а погребеніе назначено было на 4-е декабря. Всѣ, памятовавшіе о добродѣтеляхъ и благодѣяніяхъ святителя-подвижника, спѣшили съ душевною скорбію и благоговѣніемъ поклониться усопшему архипастырю и помолиться объ упокоеніи праведной души его. Въ день погребенія къ одру почившаго святителя прибылъ для отданія ему послѣдняго долга и государь со своею свитою. Когда наступила минута выноса тѣла изъ архіерейскихъ покоевъ въ соборный храмъ для отпѣванія, и гробъ хотѣли поднять священники, тогда царь Петръ, обратясь къ сановникамъ своимъ, сказалъ: „стыдно намъ будетъ, если мы не засвидѣтельствуемъ нашей благодарности сему благодѣтельному пастырю отданіемъ ему послѣдней чести. Итакъ, вынесемъ тѣло его сами“. Съ этими словами государь первый приблизился къ гробу и вмѣстѣ съ главными военными сановниками поднялъ и понесъ его въ соборный храмъ. Послѣ отпѣванія, совершеннаго въ соборѣ архимандритомъ алексѣевскимъ Никаноромъ съ игуменами и священниками, государь опять съ тѣми же сановниками поднялъ и отнесъ гробъ въ предѣльную Архангельскую церковь и, опустивъ его въ усыпальницу, произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: „Не осталось у меня такого святого старца, ему же буди вѣчная память!“

Еще съ первыхъ лѣтъ по преставленіи святителя Митрофана, въ народѣ православномъ установилось твердое убѣжденіе, что тлѣніе не прикоснется мощамъ почившаго, и что Господь прославитъ угодника своего. Множество почитателей памяти усопшаго святителя стало стекаться къ гробницѣ его для панихидъ и поминовенія праведной души его; вознося усердныя свои молитвы къ Господу, благочестивые люди проникались

все болѣе и болѣе крѣпкимъ упованіемъ, что и блаженный святитель ходатайствуетъ о нихъ предъ престоломъ Божіимъ своими праведными молитвами. Дѣйствительно, вскорѣ стали примѣтны нѣкоторыя знаменія прославленія святителя Божія. Когда Архангельскій придѣлъ соборнаго храма потребовалъ передѣлокъ, и гробъ святителя пришлось перенести въ церковь Неопалимой Купины, подъ соборною колокольнею, при семъ перенесеніи тѣло святителя усмотрѣно было нетлѣннымъ. Спустя 15 лѣтъ, гробъ съ тѣломъ святителя перенесенъ былъ въ новый соборъ Благовѣщенія, и вновь тѣло святителя видѣли нетлѣннымъ. Памятуя послѣднюю волю усопшаго святителя, благоговѣйные почитатели его во множествѣ продолжали стекаться къ его гробницѣ и усердно молились о праведной душѣ его. Особенно многочисленно было собраніе молящихся въ 1820 г., о чемъ и сообщено было Святѣйшему Синоду. Съ этого года, въ ожиданіи прославленія святителя, благочестивые православные люди стали стекаться въ Воронежъ даже и изъ сосѣднихъ епархій, для совершенія панихидъ и помиповенія святителя. Видя толикую любовь православныхъ къ усопшему святителю Божію, Святѣйшій Синодъ поручилъ преосвященному епископу воронежскому Антонію съ должною зоркостію слѣдить за всѣми проявленіями силы Божіей при гробѣ святителя и ожидать явнаго прославленія его. Послѣдовавшія затѣмъ благодатныя исцѣленія по молитвамъ святителя Митрофана стали предметомъ особаго вниманія нарочитой комиссіи, которая съ надлежащею строгостію обслѣдовала до 30 поразительныхъ и необычайныхъ случаевъ исцѣленія неизлѣчимо больныхъ. Къ этимъ чудеснымъ знаменіямъ силы Божіей вскорѣ присоединилось еще новое свидѣтельство о святости угодника Божія. Спустя 128 лѣтъ послѣ блаженной кончины

святителя Митрофана, осенью 1831 года, при починкѣ соборнаго фундамента, замѣчено было нетлѣнное тѣло святителя. Послѣ сего Святѣйшій Синодъ рѣшилъ приступить къ открытію мощей новоявленнаго угодника Божія, о чемъ и вошелъ съ надлежащимъ представленіемъ къ государю императору Николаю Павловичу. По опредѣленію Святѣйшаго Синода и соизволенію государя, 19 апрѣля 1832 года послѣдовало освидѣтельствованіе нетлѣнныхъ мощей святителя, а вскорѣ наступило и самое открытіе ихъ.

Торжество открытія мощей святителя Митрофана съ причтеніемъ его къ лику святыхъ произошло съ 6-го на 7-е число августа того же 1832 года. Оно совершено было высокопреосвященнымъ Григоріемъ, архіепископомъ тверскимъ, вмѣстѣ съ преосвященнымъ воронежскимъ Антоніемъ, при необычайномъ стеченіи богомольцевъ, которые изъ разныхъ мѣстъ православной Россіи собрались ко гробу угодника Божія въ числѣ почти 50.000 человѣкъ. На поклоненіе мощамъ святителя вскорѣ затѣмъ пріѣзжалъ и самъ государь Николай Павловичъ, пріѣзжали потомъ и многія Высочайшія особы. Приходятъ на поклоненіе мощамъ новоявленнаго угодника Божія и всѣ благочестивые люди съ разныхъ концовъ православной земли Русской.

Такъ, по милости Божіей, возвеличилась и прославилась блаженная память святителя Христова, украсившаго достохвальными дѣлами своими царствованіе мудраго преобразователя Россіи, Петра Перваго, и святостію добродѣтелей своихъ навѣки возсіявшаго въ сонмѣ угодниковъ Божіихъ православной нашей Церкви.

2. Святой Димитрій, митрополитъ ростовскій.

Святой Димитрій родился въ 1651 году, въ Малороссіи, въ мѣстечкѣ Макаровѣ, отъ благочестивыхъ родителей и во святомъ крещеніи нареченъ Даніиломъ. Отецъ его, Савва Григорьевичъ Туптало, былъ добрый христіанинъ и отличался особенною любовію и усердіемъ къ Церкви Божіей. Дослужившись до званія кіевскаго казацкаго сотника, онъ посвятилъ себя на служеніе церкви въ должности ктитора (т.-е. попечителя) Кирилловской обители въ городѣ Кіевѣ. Мать Димитрія, именемъ Марія, была также женщина весьма благочестивая, а три сестры его были одна за другою игуменьями Іорданской женской обители, которая и устроена была заботливостію боголюбиваго Саввы Григорьевича. Такова была христіанская семья, изъ которой вышелъ святой Димитрій.

Послѣ домашняго обученія, юный Даніилъ былъ отданъ для продолженія образованія въ Кіевскую коллегію и здѣсь обратилъ на себя вниманіе наставниковъ сколько отличными способностями и успѣхами, столько же и скромнымъ своимъ поведеніемъ, а ректоръ коллегіи, Мелетій Дзикъ, полюбилъ его, какъ родного сына. Однако, недолго пробылъ юный Даніилъ въ коллегіи, потому что она была вскорѣ закрыта, вслѣдствіе наступившаго военнаго времени (1666—1667 гг.).

Съ небольшимъ черезъ годъ по выходѣ изъ коллегіи, Даніилъ, слѣдуя влеченію своего сердца, принялъ монашество съ именемъ Димитрія (9 іюля 1668 года) въ кіевскомъ Кирилловскомъ монастырѣ. Это было на 18 году его возраста и въ той самой обители, гдѣ отецъ его служилъ ктиторомъ. Съ радостью благословляя юнаго и горячо любимаго сына на служеніе Господу, благо-

честивый Савва Григорьевичъ построилъ въ обители трапезный храмъ въ честь великомученика Димитрія, ангела сына-инока. Въ 1669 году игуменъ обители Мелетій, бывшій ректоръ Димитрія, видя его добродѣтельную и подвижническую жизнь, упросилъ митрополита Іосифа тукальскаго посвятить юнаго инока въ санъ іеродіакона. Келейная молитва, строгій постъ, неуклонное посѣщеніе храма Божія, чтеніе книгъ—были постоянными занятіями Димитрія, въ коихъ очищалась и просвѣщалась душа его. Среди этихъ занятій протекла жизнь Димитрія до 1675 года, и, подъ руководствомъ игумена обители о. Мелетія, докончилось научное образованіе его.

Слухъ о благочестивой жизни, особыхъ дарованіяхъ и способности къ церковному учительству Димитрія вскорѣ достигъ и до духовныхъ властей. Посему, когда изъ Кирилловской обители Димитрій перешелъ въ Густынскій монастырь (близъ Прилукъ), мудрый архипастырь черниговскій Лазарь Барановичъ посвятилъ его въ санъ іеромонаха (въ 1675 году), взялъ съ собою въ Черниговъ и оставилъ при своей каѳедрѣ въ должности проповѣдника.

Въ это время въ юго-западной Россіи были особенно необходимы умные и дѣятельные проповѣдники слова Божія: они являлись борцами православія противъ католичества, которое все болѣе и болѣе тамъ усиливалось. Іеромонахъ Димитрій оказался на высотѣ своего призванія: два года церковнаго его проповѣдничества при черниговской каѳедрѣ такъ были плодотворны, что имя его стало извѣстно не въ одной Украйнѣ, но и въ сосѣдней Бѣлоруссіи и Литвѣ. Различныя обители наперерывъ старались имѣть его своимъ проповѣдникомъ и приглашали къ себѣ для утвержденія православныхъ въ вѣрѣ и благочестіи. Понуждаемый благочестивымъ

усердіемъ и желая помочь присным въ вѣрѣ, Димитрій посѣтилъ многія обители юго-западной Россіи, замѣчательныя своими святынями. Такъ, онъ ходилъ въ Новодворскій Успенскій монастырь (въ Пинскомъ уѣздѣ) на поклоненіе чудотворной иконѣ Богоматери и участвовалъ въ торжественномъ перенесеніи ея въ новый храмъ. Потомъ направился онъ въ виленскій Свято-Духовъ монастырь, гдѣ, по желанію православнаго братства, сказалъ двѣ проповѣди. Отсюда, по приглашенію бѣлорусскаго епископа Феодосія, онъ отправился въ Слуцкъ (Минск. губ.) и водворился въ братскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ. Болѣе года проповѣдывалъ онъ здѣсь слово Божіе, отлучаясь, по временамъ, и въ другія окрестныя обители для поклоненія мѣстнымъ святынямъ и для назиданія проповѣдью православныхъ. Проповѣди Димитрія были великимъ утѣшеніемъ для православнаго населенія, окруженнаго католиками, уніатами и другими иновѣрцами; много духовной силы находили православные русскіе люди въ убѣдительныхъ и трогательныхъ словахъ поборника православія и укрѣплялись внутренно для борьбы съ искушеніями и соблазнами иновѣрцевъ. Но и въ Малороссіи не желали надолго разставаться съ Димитріемъ: духовныя власти и гетманъ Самойловичъ настойчиво призывали ревностнаго проповѣдника возвратиться въ родную Украйну.

Въ 1679 году Димитрій возвратился въ Украйну и милостиво былъ принятъ здѣсь гетманомъ и архипастыремъ Лазаремъ. Поселившись въ Крупицкомъ-Николаевскомъ монастырѣ, неподалеку отъ Батурина, онъ проводилъ время въ постѣ и молитвѣ, по праздничнымъ же днямъ проповѣдывалъ, по желанію гетмана, въ Батуринѣ. Въ 1681 году братія Максаковской обители, что близъ г. Борзны, и гетманъ упросили его принять игуменство въ этой обители, и Димитрій съ

письмомъ отъ гетмана пришелъ за благословеніемъ къ черниговскому архипастырю Лазарю Барановичу. Мудрый архипастырь встрѣтилъ Димитрія такимъ привѣтствіемъ: „Не читая письма, сказываю: да благословитъ васъ Господь Богъ не только игуменствомъ, но, по имени Димитрія, желаю вамъ и митры; Димитрій да получитъ митру“. Святитель заранѣе радовался за свою паству, которая будетъ имѣть такого рѣдкаго игумена, и благословилъ его своимъ посохомъ. Въ теченіе слѣдующихъ двадцати лѣтъ, т.-е. до 1701 года, Димитрій преемственно несъ труды настоятельства въ нѣсколькихъ монастыряхъ, повсюду заботясь о благоустройствѣ ихъ и служа братіи примѣромъ строгаго подвижничества. Въ этотъ промежутокъ времени, именно въ іюлѣ 1697 года, онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита черниговскаго Елецкаго монастыря. Исполнилось слово архіепископа Лазаря: Димитрій получилъ, по сану своему, митру. Но чѣмъ выше становилось положеніе его, тѣмъ смиреннѣе становилась душа его. „Я не таковъ“, писалъ онъ къ другу своему Θеологу, „какимъ считаетъ меня любовь твоя. Я не благонравный, а злонравный, исполненный злыхъ навыковъ, и по смыслу далекій отъ умныхъ людей; глупъ я и невѣжда, а свѣтеніе мое—тьма и пыль. Молю братскую любовь твою помолиться за меня Господу, дабы просвѣтилъ тьму мою и извлекъ честное изъ недостойнаго... Считаю дѣломъ любви вашей то, что благодарите вы Бога за возведеніе меня на архимандрію елецкую. Но я, несчастный, недостоинъ ни любви вашей, ни архимандріи. Знаю, что Господь Богъ попускаетъ и недостойнымъ, въ числѣ которыхъ я первый, получать почетныя званія; это творитъ Онъ по невѣдомымъ судьбамъ. Потому-то я въ страхѣ, пося честь не по достоинству моему“.

Во время управленія Елецкою обителью, архиман-

дритъ Димитрій, по случаю сильнаго голода въ этомъ краю, питалъ всѣхъ подчиненныхъ монастырю изъ запасовъ обители, а для другихъ бѣдняковъ покупалъ хлѣбъ на свой счетъ. И такъ онъ кормилъ нуждавшихся во все голодное время.

Смиренный подвижникъ, чувствуя потребность уединенія для духовныхъ трудовъ, временами слагалъ съ себя настоятельство и управленіе монастырями. Особенно нуждался онъ въ этомъ уединеніи съ тѣхъ поръ, какъ принялъ на себя многолѣтній ученый трудъ составленія Четьихъ Миней. Зная благочестіе, ученость и даръ краснорѣчія Димитрія, преосвященный архимандритъ Кіево-Печерской лавры Варлаамъ Ясинскій призвалъ его въ лавру и предложилъ ему составить Четьи Минеи, то-есть житія святыхъ по мѣсяцамъ и днямъ цѣлаго года. Дѣло это требовало многихъ знаній, свѣтлаго разума, живой вѣры и большого труда. Отъ труда благочестиваго, хотя и тяжелаго, Димитрій не отказался. Въ іюнѣ 1684 года переселился онъ въ лавру и принялся за свой трудъ съ молитвою и усердіемъ. Трудился онъ дни и ночи, иногда оставаясь за работою до заутрени, которой, однако, не пропускалъ. Какъ пчела собираетъ медъ съ разныхъ цвѣтовъ, такъ Димитрій собиралъ житійныя повѣствованія изъ множества свято-отеческихъ и церковныхъ книгъ; въ особенности полезны были ему великія Четьи Минеи митрополита Макарія, собранныя многими книжными трудолюбцами древней Руси, хранившіяся въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Господь благословилъ труды Димитрія и помогъ ему окончить первую часть Четьихъ миней, за мѣсяцы сентябрь, октябрь и ноябрь, въ 1689 году. 3-го октября 1690 года патріархъ Адріанъ прислалъ Димитрію похвальную грамоту и благословеніе на продолженіе его труда. „Самъ Богъ“, писалъ патріархъ, „да воздастъ

ти, брате, всяцѣмъ благословеніемъ за твои богоугодные труды въ писаніи, исправленіи и тихомъ изданіи книги душеполезныя житій святыхъ за три мѣсяца первые. Той же да благословитъ, укрѣпитъ и посѣщитъ потруждатися тебѣ даже на всецѣлый годъ". Въ отвѣтъ на это посланіе Димитрій излилъ живѣйшую благодарность доброму архипастырю Церкви за его вниманіе къ дѣлу изданія Четьихъ Миней; затѣмъ, заключившись въ новомъ скитѣ близъ церкви св. Николая Крутицкаго, съ ревностію принялся за продолженіе своего труда. Въ 1695 году вышла вторая часть составленныхъ имъ Четьихъ Миней, за декабрь, январь и февраль; а въ 1700 году— третья, за мѣсяцы мартъ, апрѣль и май. Патріархъ снова прислалъ Димитрію одобрительную грамоту.

Слава ученаго подвижника, знаменитаго творца Четьихъ Миней и краснорѣчиваго церковнаго проповѣдника, архимандрита Димитрія, распространилась по всей Россіи; имя его было извѣстно не только въ юго-западной части ея, но и въ Великороссіи и въ самой Москвѣ. Въ это время великій преобразователь Россіи, царь Петръ, заботясь объ умноженіи числа просвѣщенныхъ архипастырей нашей Церкви, призывалъ изъ Малороссіи достойныхъ по образованію и благочестію духовныхъ лицъ. Послѣ смерти преосвященнаго митрополита тобольскаго Игнатія, государь искалъ достойнаго ему преемника для просвѣщенія христіанскою вѣрою темныхъ инородцевъ Сибири. Для занятія этой каѳедры представленъ былъ государю знаменитый архимандритъ Димитрій. Въ февралѣ 1701 года Димитрій привѣтствовалъ царя рѣчью, прославляя труды и подвиги его на пользу и для защиты отечества. Проповѣдникъ былъ угоденъ царю, и, по изволенію его, митрополитъ Стефанъ Яворскій съ соборомъ архипастырей 21-го марта посвятилъ Димитрія въ святительскій санъ митрополита

тобольскаго. Но вскорѣ митрополитъ Димитрій, никогда не отличавшійся крѣпкимъ здоровьемъ, захворалъ, и ѣхать въ отдаленную и холодную Сибирь было ему опасно. Царь самъ посѣтилъ больного и, когда святитель выздоровѣлъ, вмѣсто Тобольска назначилъ его (4 янв. 1702 г.) митрополитомъ въ ближайшій къ Москвѣ городъ Ростовъ. Во время пребыванія своего въ столицѣ, святитель Димитрій близко познакомился съ митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ; впослѣдствіи они часто переписывались между собою, жили въ тѣсной дружбѣ и заключили условіе, чтобы тотъ изъ нихъ, который останется въ живыхъ по смерти другого, лично похоронилъ своего умершаго друга.

1 марта 1702 года святитель Димитрій прибылъ въ Ростовъ и остановился въ Спасо-Яковлевскомъ монастырѣ, близъ заставы Московской.

Вступая на свою каѳедру, святитель предвидѣлъ, что здѣсь суждено ему окончить дни свои; посѣтивъ прежде всего соборный храмъ Спасо-Яковлевской обители, онъ самъ указалъ въ юго-западномъ углу его мѣсто для своего погребенія и сказалъ: „се покой мой: здѣ вселюся во вѣкъ вѣка“. Затѣмъ святитель совершилъ первую литургію въ ростовскомъ каѳедральномъ соборѣ Успенія Богоматери и привѣтствовалъ свою паству назидательною и прочувствованною рѣчью. Преподавъ ей миръ и благословеніе, онъ говорилъ: „Да не смущается сердце ваше о моемъ къ вамъ пришествіи... Азъ пріидохъ, да не послужите ми, но да послужу вамъ, по слову Господа: *хотяй быти въ васъ первый, да будетъ всѣмъ слуга* (Мато. 20, 26) Пріидохъ къ вамъ съ любовію, яко отецъ къ чадамъ, паче реку: пріидохъ яко же братъ къ братіи, яко же другъ къ любезнымъ другомъ. Отцы и братія и друзья, если вы назовете меня отцемъ, то я, по-апостольски, къ вамъ

отвѣчу: *чадца моя, ими же болѣзную, дондеже возобразится въ васъ Христосъ*" (Галат. IV, 19). Раскрывая далѣе взаимныя обязанности пастыря и пасомыхъ, святитель поучалъ: „Долженъ есмь, помощью Божіею, по наставленію апостольскому, немощи немощныхъ носити и не себѣ угождати, по комуждо васъ во благое къ созиданію, ибо и Христосъ не себѣ угоди. Долженъ есмь вразумляти безчинныя, утѣшати малодушныя, заступати немощныя, долготерпѣливъ быти ко всѣмъ. Долженъ есмь добрыя любити, злыя же съ милованіемъ наказывати, о всѣхъ пользѣ пещися, всѣмъ спасенія тщательно искати, о всѣхъ молитися. Должны же и вы, о возлюбленіи, во Христѣ Господѣ и мене, аще и грѣшнаго, пастыря своего знати, любовь же нелицемѣрную, почитаніе нелѣностное и повиновеніе подобающее являти и со усердіемъ творити".

Болѣзнуя о спасеніи своихъ духовныхъ чадъ, доблестный святитель ревностно началъ вникать во всѣ обязанности своего высокаго служенія. Прежде всего онъ обратилъ архипастырское вниманіе на священнослужителей Церкви и къ глубокой скорби увидѣлъ, что среди нихъ много было невѣжественныхъ, неученыхъ и нерадивыхъ простецовъ. Такъ какъ въ ростовской епархіи не было училищъ для приготовленія къ служенію пастырскому, то среди нищущихъ священнаго сана много было лицъ, едва умѣвшихъ читать, не понимавшихъ ни важности ни обязанностей пастырскаго званія; просившіеся въ священники искали въ пастырскомъ служеніи только средства къ прокормленію себя кускомъ хлѣба. Такихъ искателей священства архипастырь строго вразумлялъ: „ты поискалъ Іисуса не для самого Іисуса, а для хлѣба куска, чтобы только кормиться отъ священства". Святитель обратился къ своему духовенству съ двумя окружными посланіями, въ

которыхъ старался разъяснить пастырямъ ихъ высокія обязанности и обличалъ ихъ невѣжество и нерадѣніе; въ особенности же наставлялъ ихъ относительно благоговѣйнаго и достодолжнаго совершенія ими святыхъ таинствъ причащенія и исповѣди. Равно и словомъ своимъ при каждомъ удобномъ случаѣ святитель назидалъ пастырей, чтобы они, подавая примѣръ пасомымъ, были благочестивы и трезвы; истово по уставу совершали бы службы Божіи и таинства, въ чистотѣ содержали бы храмы и сосуды церковные; съ усердіемъ исполняли бы всѣ требы, учили бы прихожанъ молитвамъ и слѣдили бы за неопустительнымъ посѣщеніемъ ими церкви Божіей.

Но такъ какъ для приготовленія добрыхъ пастырей Церкви недостаточно было однихъ наставленій и внушеній святителя, то онъ и завелъ въ Ростовѣ при своемъ архіерейскомъ домѣ училище изъ трехъ классовъ. Въ училище принимались дѣти духовенства и мірянъ, и всѣхъ учащихся набралось до 200. Отношеніе святителя къ учащимся было истинно отеческое: онъ не только пріискалъ для училища добрыхъ наставниковъ, имѣлъ постоянный надзоръ за училищемъ, но нерѣдко и самъ занимался съ учащимися, замѣняя отсутствующаго наставника. Кромѣ того, въ свободное время святитель Димитрій болѣе способнымъ изъ учениковъ читалъ и объяснялъ священное писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта. Заботясь о религіозно-нравственномъ воспитаніи учащихся, святитель установилъ, чтобы они въ воскресные и праздничные дни ходили въ соборную церковь ко всенощной и литургіи и пріучались бы читать и пѣть на клиросѣ; въ Великій постъ всѣ они говѣли, и святитель самъ исповѣдывалъ и пріобщалъ ихъ. Во время болѣзни святителя, ученики, по волѣ его, прочитывали пять разъ молитву Господню, Отче Нашъ, въ воспоминаніе пяти язвъ Христовыхъ, и болящій чувствовалъ

облегченіе. Окончившимъ курсъ ученія святитель давалъ, по ихъ достоинству, мѣста при церквахъ, и со временемъ изъ нихъ выходили достойные пастыри Церкви; исправныхъ же и добрыхъ причетниковъ архипастырь посвящалъ въ стихарь, чтобы этимъ отличіемъ наградить ихъ усердіе и возвысить ихъ званіе. Показывая примѣръ ревности къ высокому долгу пастырства, святитель Димитрій во всѣ воскресные и праздничные дни совершалъ богослуженіе, и рѣдко оно проходило безъ его проповѣди. Въ своихъ назидательныхъ и трогательныхъ поученіяхъ святитель являлся духовнымъ руководителемъ для всѣхъ званій и состояній. Знатныхъ и высокопоставленныхъ училъ онъ не гордиться, а помнить, что по смерти всѣхъ накроетъ одна и та же земля. Богатымъ внушалъ, чтобы они помогали бѣднымъ и неимущимъ своими богатствами; училъ господъ, чтобы они не угнетали своихъ крестьянъ тяжкими работами, не обижали рабочихъ и слугъ, но воздавали должную плату за трудъ. Судей и правителей наставлялъ, чтобъ они наблюдали законъ, правду и милость. Купцамъ и торговцамъ внушалъ быть честными и не обманывать въ торговлѣ. Слугамъ и рабочимъ заповѣдывалъ служить честно и нелицемѣрно. Бѣдныхъ, страждущихъ и угнетенныхъ онъ утѣшалъ и подкрѣплялъ такъ: „О человѣцы, въ послѣднихъ бѣдахъ страждущіи, въ васъ Христосъ нынѣ яко въ членахъ своихъ обитаетъ, аще токмо съ благодареніемъ терпите. Вы есте новые послѣднихъ временъ мученики. Любитъ Господь плачущія, а вы всегда въ слезахъ. Любитъ Господь алчущія и жаждущія, а у васъ ѣсть и пить мало чего. Любитъ Господь страждущія безвинно, а въ васъ страданія того не почислишь... Не изнемогайте въ терпѣніи, но благодарите Христа своего, а Онъ къ вамъ по воскресеніи Своемъ будетъ въ гости, не въ гости токмо, но и въ

неразлучное пребываніе съ вами. Въ васъ Христосъ есть и будетъ, а вы рцыте: аминь". Но святитель мудро объяснялъ и то, что и при богатствѣ можно жить благочестиво и наслѣдовать спасеніе, и при бѣдности отъ лѣности и порока погибнуть навѣки. Все зависитъ отъ доброй жизни. Многіе и богатые обрящутся въ царствіи небесномъ, многіе и нищіе будутъ въ геенѣ огненной. Таковы богатые, имѣющіе богатства отъ безгрѣшныхъ промысловъ, отъ трудовъ своихъ, милосердые, благоподаятельные. Таковы нищіе, которые лѣнятся да воровствомъ питаются, или на разбой идутъ, ищутъ только кормиться отъ милости, отъ подаянія и въ лицо людямъ, какъ смола, лѣзутъ, тогда какъ могли бы они работать и зарабатывать себѣ хлѣбъ, словомъ, нищіе—воры, лежни, тунеядцы. Тѣмъ нищимъ подобаетъ давать милостыню, которые уже не могутъ трудиться, какъ то: слѣпые, хромые, калѣки, больные и которые обращали бы милостыню въ помощь себѣ, а не тѣмъ, которые здоровы, могутъ работать, но не хотятъ, и которые пропиваютъ милостыню въ кабакахъ, тратятъ въ непотребствахъ: не судя, скажу, есть такіе и между слѣпыми.

Призывая небогатыхъ и простыхъ людей къ труду, святитель особенно хвалилъ изъ всѣхъ занятій земледѣліе. „Земледѣліе", поучалъ онъ, „есть нужнѣйшее художество: оно всѣхъ питаетъ—трудящагося и нетрудящагося. Земледѣльство отъ труда рукъ своихъ и отъ пота лица своего имѣетъ пропитаніе, праведное и богоугодное, никого не обидящее"... „Между простыми людьми, которые въ незлобіи и правотѣ сердца живутъ, никого не хулятъ, не обижаютъ, но отъ труда своего въ потѣ лица ѣдятъ хлѣбъ свой, есть многіе великіе святые".

Въ своихъ глубоко-назидательныхъ поученіяхъ святитель Димитрій отличался особеннымъ искусствомъ

разъяснять и излагать высокія христіанскія истины языкомъ понятнымъ для всѣхъ слушателей, ученыхъ и малообразованныхъ. Заботясь о вразумленіи простыхъ и не книжныхъ людей, онъ объяснялъ самыя возвышенныя евангельскія истины языкомъ понятнымъ и нерѣдко прибѣгалъ къ сравненіямъ и подобіямъ, по примѣру Небеснаго Учителя и Господа. Такъ, напримѣръ, раскрывая гибельную силу и малыхъ грѣховъ, когда о нихъ небрегутъ, святитель поучалъ: „малы песчинки, но если изъ нихъ наберется мѣшокъ песку, то онъ уже тяжелъ и можетъ потопить, какъ камень на шеѣ“. Разъясняя силу и значеніе истинной молитвы, святитель обращается къ слѣдующему сравненію: „молитва должна быть отъ сердца; молитва безъ сердечнаго умиленія то же, что кадильница безъ огня и кадила“. Вообще нужно сказать, что всѣ поученія святителя, равно какъ и прочія его творенія, совмѣщаютъ въ себѣ два драгоцѣнныя качества: глубокую, задушевную назидательность по содержанію и общедоступность, удобовразумительность по своему чистому народному языку, доведенному имъ до необыкновенной простоты и изящества.

Святитель не оставлялъ безъ вниманія и современныхъ потребностей, которыя явились въ русскомъ обществѣ въ связи съ преобразованіями Петра Великаго: онъ раскрывалъ истинный смыслъ и пользу нѣкоторыхъ царскихъ нововведеній и распоряженій. Извѣстно, что многіе изъ русскихъ опасались западноевропейскаго образованія и имѣли неправильный взглядъ на науки и искусства, заимствуемыя государемъ отъ иностранцевъ. Святитель одобрялъ людей за ихъ стремленіе къ образованію и хвалилъ тѣхъ, которые ѣздили въ чужія страны, чтобы тамъ учиться, или учились у иностранцевъ, прибывшихъ въ Россію. Но въ то же время святитель давалъ мудрыя наставленія православ-

нымъ русскимъ людямъ, быть твердыми въ вѣрѣ и не увлекаться дурными сторонами иноземцевъ. „Хорошо“, говорилъ онъ, „перенимать и усвоять доброе и полезное и въ чужихъ земляхъ и у чужихъ людей; но перенимая доброе и полезное, слѣдуетъ остерегаться худого, не терять своего добраго. Особенно не должно соблазняться чуждыми намъ ученіями о святой вѣрѣ. Ибо наша вѣра, заповѣданная Господомъ, переданная святыми мужами, есть вѣра истинная, и она намъ дороже всего“. Святитель ясно понималъ благія намѣренія мудраго преобразователя Россіи, который, посылая подданныхъ за границу учиться наукамъ, ремесламъ и художествамъ, въ то же время отнюдь не позволялъ имъ перенимать у иноземцевъ вреднаго вольнодумства. Твердо держась правилъ святой Церкви, царь Петръ не допускалъ вольнодумства и въ своихъ сотрудникахъ, получившихъ западно-европейское образованіе. Извѣстно, что онъ даже наказалъ своей дубинкою Татищева, непочтительно выразившагося относительно преданій Церкви, приговаривая при этомъ: „не соблазняй вѣрующихъ душъ, не заводи вольнодумства, вреднаго общественному благоустройству; не затѣмъ я тебя выучилъ, чтобы ты былъ врагомъ общества и Церкви“.

Съ другой стороны, святителю приходилось иногда опровергать неразумные взгляды людей простодушныхъ на нѣкоторыя нововведенія царя. Такъ, въ 1706 году, бывши въ Ярославлѣ, архипастырь встревоженъ былъ дѣтскими помышленіями нѣкоторыхъ стариковъ своей паствы. Бритье бороды и усовъ, чего требовалъ царь, почитали они искаженіемъ образа Божія. При выходѣ изъ собора послѣ литургіи они остановили его вопросомъ: какъ поступить имъ? Они готовы положить на плаху голову, но не брить бороды. „А что отрастетъ: голова или борода?“ —спросилъ святитель. „Борода“,

отвѣчали они. „Ну, такъ лучше вамъ не беречь бороды, которая не разъ можетъ отрасти“, сказалъ святитель. Попечительный архипастырь написалъ потомъ для своей паствы отдѣльное разсужденіе „объ образѣ Божіи“, которое впослѣдствіи много разъ было издаваемо для всей Россіи.

Много потрудился святитель Димитрій и для обращенія въ лоно Церкви православной заблудшихъ раскольниковъ, бывшихъ въ его епархіи. Онъ смѣло обличалъ ихъ неправды, ихъ самозванное учительство, ихъ непослушаніе Церкви Божіей, ихъ неразуміе, ихъ вредные толки. Такъ, напримѣръ, въ обличеніе неразумія раскольниковъ, отвергающихъ крестъ четверокопечный и вѣрующихъ только въ крестъ восьмиконечный, онъ говорилъ: „не число крестныхъ концовъ дѣлаетъ насъ христіанами, а вѣра въ распятаго на крестѣ Христа“. Видя, что учителя раскола, проникая изъ Брынскихъ лѣсовъ въ ростовскую епархію, требуютъ обличенія сильнаго и подробнаго, святитель Димитрій занялся обширнымъ изслѣдованіемъ главныхъ раскольническихъ сектъ и составилъ цѣлое сочиненіе подъ названіемъ: „Розыскъ о Брынской вѣрѣ“. Въ этомъ сочиненіи въ первый разъ показано подробное различіе раскольническихъ сектъ и обличеніе неправдъ ихъ. Вѣра раскольниковъ—неправая, ученіе ихъ вредно душѣ, дѣла ихъ богопротивны: вотъ три мысли, которыя раскрываются въ трехъ частяхъ Розыска. Это сочиненіе и въ настоящее время имѣетъ великую важность и цѣну для борьбы съ расколомъ.

Среди многихъ заботъ по управленію епархіей и постоянныхъ трудовъ по церковному проповѣдничеству и обличенію раскола, святитель Димитрій продолжалъ заниматься и окончаніемъ издаваемыхъ имъ Четьихъ Миней. Въ 1705 году, уже 20-мъ отъ начала составленія первыхъ мѣсяцевъ житій святыхъ, святитель Димитрій окончилъ четвертую часть своего труда и издалъ

Четьи Минеи за послѣдніе мѣсяцы —іюнь, іюль и августъ. Четьи Минеи святителя Димитрія представляютъ собою безсмертный трудъ и драгоцѣнный вкладъ въ Церковь Божію на поученіе всему православному русскому народу. Изъ чтенія этихъ глубоко назидательныхъ книгъ постоянно извлекаютъ обильную духовную пищу православные люди всѣхъ званій и всѣхъ состояній.

Къ послѣднимъ годамъ жизни святителя, кромѣ проповѣдей, вновь имъ произнесенныхъ, относятся разныя краткія писанія, составленныя въ назиданіе и утѣшеніе благочестивой душѣ. Въ эту пору, по преимуществу, любилъ святитель слагать свои молитвы и духовные стихи, хотя писалъ ихъ и ранѣе, когда былъ еще іеромонахомъ. Въ этихъ молитвенныхъ пѣсняхъ онъ изливалъ свою сердечную любовь къ Богу и ко Христу Спасителю, свои скорби и свои надежды. Для примѣра, приведемъ здѣсь одну изъ такихъ пѣсней, наиболѣе извѣстную благочестивымъ людямъ. Изъ начальныхъ буквъ каждаго стиха этой пѣсни слагается имя автора: Іеромонахъ Димитрій.

Іисусе мой прелюбезный, сердцу сладосте,
Едина въ скорбѣхъ утѣха, моя радосте!
Рцы душѣ моей: твое есмь Азъ селеніе,
Очищеніе грѣховъ и въ рай вселеніе.
Мнѣ же Тебѣ, Богу, благо прилѣплятися,
Отъ Тебе милосердія надѣятися.
Никто мнѣ въ моихъ бѣдахъ грѣшному поможетъ.
Аще не Ты, Всеблагій Іисусе, Боже!
Хотѣніе мнѣ едино съ Тобою быти;
Даждь ми Тебе, Христе, въ сердцѣ всегда имѣти,
Изволь во мнѣ обитати, благъ мнѣ являйся,
Мною грѣшнымъ, недостойнымъ не возгнушайся!
Исчезе въ болѣзни животъ безъ Тебѣ, Бога;
Ты мнѣ крѣпость и здравіе, Ты слава многа;
Радуюся азъ о Тебѣ и веселюся,
И Тобою во вся вѣки, Боже, хвалюся!

Какъ у многихъ святыхъ, такъ и у святителя Димитрія были скорби: это скорби о людяхъ, ихъ невѣжествѣ, заблужденіяхъ, безчиніяхъ и беззаконіяхъ,

печаляхъ и страданіяхъ; скорби о томъ, что не всегда и не все могъ святитель дѣлать, что хотѣлъ дѣлать для ихъ просвѣщенія, исправленія, для помощи имъ, для ихъ пользы и добра; этому мѣшали, какъ сами эти люди своимъ недомыслiемъ и упрямствомъ, такъ и обстоятельства того труднаго времени. Но скорби не подавляли святителя, ибо крѣпка была его надежда на Бога. „Воля Господня да будетъ“, писалъ онъ своему другу, митрополиту Стефану Ягорскому: „мы же своему дѣлу внимаемъ и посредѣ обуреванія надежды спасенія не теряемъ“.

Не теряя надежды, укрѣпляясь молитвою, святитель продолжалъ трудиться до послѣднихъ дней своей жизни. Не искалъ отъ земной славы и земныхъ наградъ за свои труды, полагая свое утѣшеніе въ добрѣ, которое успѣвалъ дѣлать для людей, а высшую награду полагалъ въ Богѣ, въ вѣчной жизни. Объ этой жизни всегда помышлялъ онъ и тѣмъ чаще, чѣмъ далѣе двигались годы земной его жизни. Чувствуя усиленіе недуговъ, святитель все болѣе и болѣе проникался мыслію о смерти и вѣчности. Въ 1707 году, какъ добрый сынъ, всегда молившійся о своихъ, уже почившихъ, родителяхъ, онъ захотѣлъ почтить гробъ отца, бывшій въ Кіевѣ, въ Кирилловскомъ монастырѣ, и послалъ поставить надъ гробомъ его родовую икону Божіей Матери, которую дотолѣ хранилъ у себя, какъ благословеніе отъ родителей. Въ томъ же году (4 апрѣля) написалъ духовную. Духовное завѣщаніе святителя—урокъ для иночески-пастырской жизни. Повторимъ его здѣсь.

„Я, смиренный архіерей Димитрій, митрополитъ ростовскій и ярославскій, внимаю гласу Господа моего, глаголющаго въ святомъ Евангеліи: „будите готови, яко въ онь же часъ не мните, Сынъ человѣческій пріидетъ. Не вѣсте бо, когда Господь дому пріидетъ, вечеръ, или полунощи, или въ петроглашеніе, или утро, да не

пришедъ внезапу, обрящетъ вы спяща". Внимая сему гласу и страшась его, особенно оттого, что часто подвергаюсь недугамъ, день ото дня изнемогаю тѣломъ, на всякій часъ жду того страшнаго часа, указаннаго Господомъ, и по силѣ готовлюсь къ исходу изъ сей жизни. Въ такомъ расположеніи сочелъ я за нужное извѣстить духовною грамотою моею всякаго, кто бы захотѣлъ послѣ смерти моей отыскивать келейное имѣніе у меня: пусть не трудится онъ напрасну и не тревожитъ служившихъ мнѣ для Бога. Пусть знаетъ онъ, что сокровищъ и богатства не собиралъ я отъ юности (не изъ тщеславія говорю о томъ, но извѣщаю ищущаго мое мнѣніе). Съ того времени, какъ принялъ я святой иноческій образъ, постригся въ кіевскомъ Кирилловомъ монастырѣ, на осмнадцатомъ году возраста моего, и далъ обѣщаніе Богу любить произвольную нищету, — съ того времени и до приближенія моего къ гробу не пріобрѣталъ я имущества, кромѣ святыхъ книгъ, не желалъ имѣть лишнихъ одеждъ, ни вещей, кромѣ самыхъ нужныхъ. И душою и на дѣлѣ старался я, сколько могъ, соблюдать нищету и нестяжательность. Не заботился о себѣ, а полагался на Промыслъ Божій, который никогда и не оставлялъ меня. Подаянія, какія доходили до рукъ моихъ отъ благодѣтелей или изъ доходовъ по должностямъ, употреблялъ я на мои и на монастырскія нужды, тамъ, гдѣ былъ игуменомъ или архимандритомъ. Точно такъ же и въ архіерейскомъ санѣ не собиралъ я келейныхъ доходовъ, которые притомъ и не были большими, но иное употреблялъ на мои нужды, другое на нужды нуждающихся, какъ приводилъ Богъ. Итакъ, пусть никто не трудится по смерти моей отыскивать какое-либо келейное сокровище. Ничего не оставляю я даже на погребеніе мое. Пусть особенно при смерти явится предъ Богомъ

ноческая нищета. Убѣжденъ я, что Ему пріятнѣе будетъ, если ни одной копейки не останется послѣ меня, чѣмъ то, когда бы раздавали множество собраннаго. Молю христолюбивыхъ погребателей—похоронить меня въ монастырѣ св. Іакова, епископа ростовскаго, въ углу церкви, гдѣ указалъ я мѣсто; смиренно молю о томъ. Кто захочетъ безмездно, для Бога, помянуть грѣшную мою душу: да помянутъ онъ будетъ въ царствіи небесномъ. Требующій же мзды за поминовеніе, прошу, пусть не трудится поминать меня, нищаго, который ничего не оставилъ на поминовеніе. Богъ же да будетъ милостивъ ко всѣмъ и ко мнѣ грѣшному во вѣки. Аминь".

Болѣзни тѣла, изнуреннаго учеными трудами и подвигами, становились чаще и тяжелѣе, и близился конецъ земной жизни святителя. Да и человѣкъ Христовъ созрѣлъ для вѣчности блаженной. Подвижникъ Божій во всю жизнь соблюдалъ строгое воздержаніе, мало вкушалъ пищи. Въ первую недѣлю Великаго поста онъ только разъ принималъ пищу; въ Страстную недѣлю вкушалъ только въ четвертокъ. Самъ искренно благочестивый, онъ питалъ и поддерживалъ благочестіе и въ служившихъ при его домѣ. Онъ совѣтовалъ имъ при каждомъ ударѣ часовъ ограждать себя крестнымъ знаменіемъ и прочитывать тихо молитву: „Богородице Дѣво, радуйся". Когда кто изъ нихъ былъ именинникъ, благословлялъ ихъ образами или жаловалъ деньгами. Часто училъ ихъ трезвости и воздержанію. Любовь къ распятому за насъ Господу обращалъ онъ въ главное начало жизни своей, и эта любовь расширяла сердце его для объятія всѣхъ христіанскою любовію Онъ былъ отцомъ сиротъ и вдовъ, учреждалъ столы для нихъ, давалъ одежды и оказывалъ другія пособія, во многомъ самъ себѣ отказывая.

Съ мыслію о приближающейся кончинѣ архипастырь

усиливалъ свои молитвенные подвиги: къ подвигамъ церковныхъ богослуженій онъ присоединялъ подвиги келейной молитвы: часто по три часа молился онъ непрерывно, стоя на колѣняхъ или дѣлая земные поклоны. Попрежнему, непрерывно занимался онъ и трудами архипастырскаго управленія и церковнаго учительства и проповѣдничества. „Пою Богу моему, допдеже есмь“, говорилъ онъ словами Давида: „что-нибудь во славу Божію дѣлать должепствуемъ, да часъ смертный не въ праздности насъ застанетъ“. Сожалѣлъ онъ только о томъ, что не можетъ трудиться столько, сколько хотѣлъ бы. За два дня до смерти онъ еще служилъ въ соборѣ литургію, приготовилъ и проповѣдь, но уже не могъ сказать ея; поручивъ чтецу произнести ее по данной ему тетрадкѣ, онъ самъ сидѣлъ въ это время у царскихъ вратъ. На слѣдующій день онъ еще написалъ письмо къ одному изъ своихъ друзей, пособнику его въ книжныхъ трудахъ. Объ этихъ трудахъ онъ все еще думалъ, но съ сожалѣніемъ, что для нихъ уже не достанетъ силъ у него. „Недуги превозмогаютъ меня“, писалъ онъ, „хотя я будто мужаюсь и движусь о Господѣ моемъ, въ Его же рукахъ животъ мой; дѣла ныпѣ никакого не дѣлаю, до чего ни примусь, все изъ рукъ падаетъ. Дни мнѣ стали темны; очи мало видятъ, въ ночи свѣщный свѣтъ помогаетъ мало, а скорѣе вредитъ, когда долго всматриваюсь въ письмо... Въ такомъ нездравіи моемъ не знаю, чего чаять — живота или смерти: въ томъ воля Господня да будетъ!“ Воля Господня была даровать покой отъ трудовъ праведнику-святителю. Вечеромъ святитель позвалъ въ свои покои пѣвчихъ своихъ учениковъ и велѣлъ имъ пѣть его любимые стихи: „Іисусе мой прелюбезный“, „Ты мой Богъ, Іисусе, Ты — моя радость!“ „Надежду мою въ Богѣ полагаю“. Прослушавъ это пѣніе, архипастырь

отпустилъ пѣвчихъ, кромѣ одного, любимѣйшаго, усерднѣйшаго въ трудахъ его помощника, который трудился именно въ переписываніи его сочиненій. Святитель разсказалъ ему о своей жизни, какъ проводилъ ее въ юности и потомъ какъ молился Богу, Пречистой Матери Его и всѣмъ угодникамъ. „И вы, дѣти, молитесь“, прибавилъ святитель, а затѣмъ сказалъ: „пора и тебѣ, чадо, иди домой“. Принявъ благословеніе, пѣвчій направился къ выходу, а святитель провожалъ его, поклонился ему до земли и благодарилъ за труды по перепискѣ сочиненій. Пѣвчій смутился отъ такого смиренія владыки и сказалъ: „Мнѣ ли, твоему послѣднему слугѣ, владыко святый, такъ кланяешься?“ Святитель еще повторилъ благодарность и возвратился въ свои покои. Пѣвчій заплакалъ и ушелъ. Затѣмъ, приказавъ служителямъ разойтись по своимъ мѣстамъ, святитель удалился въ особую келью, какъ бы для покоя, и наединѣ предался молитвѣ. Утромъ, когда вошли люди, нашли святителя скончавшимся на колѣняхъ, въ положеніи молящагося. Такъ великій подвижникъ встрѣтилъ свой смертный часъ и отошелъ къ Господу въ состояніи колѣнопреклоненной молитвы (28 окт. 1709 г.). Тѣло усопшаго святителя облекли въ архіерейскія одежды, заранѣе имъ приготовленныя, и положили во гробъ; согласно завѣщанію святителя, подъ главу и все тѣло постланы были разныя вчернѣ собственноручно написанныя сочиненія его. Ко гробу святителя, перенесенному сначала въ домовую, потомъ въ соборную церковь, стекалось множество народу, искренно и горько оплакивавшаго великую утрату. Около мѣсяца тѣло святителя Димитрія нетлѣнно пребывало въ соборной церкви, и возносились обычныя моленія объ упокоеніи души его. Наконецъ, прибылъ въ Ростовъ изъ Москвы другъ святителя Димитрія, митрополитъ Стефанъ

Яворскій, который 25-го ноября, при великомъ стеченіи народа, и совершилъ съ соборомъ духовенства сначала заупокойную литургію, а потомъ и отпѣваніе почившаго. Въ память оплакиваемаго друга и въ назиданіе молившихся о душѣ его, митрополитъ Стефанъ произнесъ надгробное слово, въ которомъ часто повторялъ слова: „святъ Димитрій, святъ!“ Святитель погребенъ былъ въ томъ самомъ мѣстѣ, которое было указано имъ въ Яковлевскомъ монастырѣ.

Спустя 42 года по смерти святителя Димитрія, тѣло его обрѣтено было нетлѣннымъ, хотя лежало въ сыромъ мѣстѣ и безъ каменнаго свода. Омофоръ, саккосъ, митра и шелковыя четки были также невредимы, но дубовый гробъ сгнилъ. Со времени открытія мощей, потекли исцѣленія отъ живого предъ Богомъ угодника его: больныя горячкою, иные съ помѣшательствомъ ума, получали здоровье; невладѣвшимъ по нѣскольку лѣтъ ни ногами ни руками, возвращалось употребленіе пораженныхъ членовъ; бѣсноватые, какъ они видѣли, были осѣняемы святителемъ и становились здравыми. Послѣ этихъ поразительныхъ знаменій силы Божіей, совершившихся при гробѣ святителя, православною Церковью онъ причтенъ былъ въ 1757 году къ лику угодниковъ Божіихъ и установлено было праздновать святую память его дважды въ году: 28-го октября — день кончины святителя—и 21-го сентября—день открытія мощей его. Восхваляя добродѣтели святого Димитрія, Церковь православная воспѣваетъ ему: „Православія ревнителю и раскола искоренителю, россійскій цѣлебниче и новый къ Богу молитвенниче, списаньми твоими буіихъ уцѣломудрилъ еси, цѣвнице духовная, Димитріи блаженне, моли Христа Бога спастися душамъ нашимъ“.

По усердію къ новопрославленному Богомъ святителю, императрица Елизавета Петровна въ 1758 году

устроила серебряную для мощей его раку; а въ 1763 году императрица Екатерина II пѣшкомъ совершила путешествіе изъ Москвы въ Ростовъ на поклоненіе мощамъ святителя. Въ 1766 году явилось новое чудное знаменіе силы Божіей, прославившей святителя Димитрія: шайка раскольниковъ замыслила было похитить и сжечь мощи его, но не успѣла въ покушеніи оттого, что святитель самъ извѣстилъ архимандрита обители о зломъ замыслѣ. Такъ сохранилъ цѣлебныя мощи своего угодника самъ Богъ, дивный во святыхъ Своихъ.

3. Святой Иннокентій, епископъ иркутскій.

Святой Иннокентій, первый епископъ иркутскій и чудотворецъ, происходилъ изъ древней дворянской волынской фамиліи Кульчицкихъ. Блаженный Иннокентій получилъ образованіе въ Кіевской академіи. Въ Кіево-Печерской лаврѣ принялъ онъ постриженіе въ иночество и рукоположенъ въ іеромонахи. Въ 1700 году онъ отправленъ былъ на должность учителя въ Московскую академію, а спустя четыре года переведенъ въ Невскую лавру съ званіемъ соборнаго іеромонаха и выполнялъ тамъ должность начальника флотскихъ іеромонаховъ,—надзиралъ за ихъ жизнію и служеніемъ, разрѣшалъ ихъ сомнѣнія и о духовныхъ потребностяхъ сносился съ Святѣйшимъ Синодомъ. Въ 1720 году Иннокентію поручено было исправлять должность намѣстника Невской лавры; но скоро ему пришлось оставить и это мѣсто для высшаго служенія. Всегда онъ отличался особымъ благочестіемъ и смиреніемъ; его примѣрная жизнь была замѣчена духовнымъ начальствомъ, и потому ему предназначено было служеніе святительское. Въ то время государь Петръ I, по представленію сибирскаго губернатора, повелѣлъ, чтобы при рус-

ской миссіи въ Пекинѣ, китайской столицѣ, былъ епископъ. Съ 1714 года въ Пекинѣ, съ согласія китайскаго императора, уже существовала первая русская миссія; въ составъ ея входили: архимандритъ Иларіонъ Лежайскій, іеромонахъ, іеродіаконъ, 3 причетника и 4 служителя. Китайскій императоръ принялъ ихъ ласково, далъ имъ квартиры, содержаніе и почетныя китайскія званія. Они служили въ каменной церкви. Но такъ какъ рядомъ съ православной русской миссіей въ Пекинѣ существовала и римско-католическая, во главѣ которой стоялъ епископъ, то государю Петру I и желательно было уравнять съ нимъ въ достоинствѣ представителя нашей миссіи. Для такого важнаго мѣста и служенія избранъ былъ Иннокентій. Святѣйшій Синодъ 14 февраля 1721 года докладывалъ государю: „опредѣленнаго въ Хинское (китайское) государство, іеромонаха Иннокентія Кульчицкаго, архіереемъ иркутскимъ и нерчинскимъ, для близости къ оному государству, посвятить ли и опаго для удобнѣйшаго обхожденія отъ сибирской епархіи отдѣлить ли?“ Государь отвѣчалъ: „въ архіереи посвятить, но лучше бы безъ титула городовъ, понеже сіи городы порубежные къ Хинѣ, чтобъ іезуиты не перетолковали низко и бѣдства бы не нанесли“. 5 марта 1721 года Иннокентій посвященъ былъ въ святительскій санъ и наименованъ епископомъ переяславскимъ, дабы, согласно съ соборнымъ правиломъ, называться архіереемъ опредѣленной церкви. Апрѣля 19-го новый святитель съ двумя іеромонахами, пятью пѣвчими и тремя служителями выѣхалъ изъ Петербурга. Ему даны были нужныя для епископскаго служенія облаченія, сосуды и другая церковная утварь. Китайское правительство тогда хорошо было расположено къ русскому двору и очень довольно первою русскою миссіею въ Пекинѣ, начальникомъ которой былъ архиман-

дритъ Иларіонъ. Въ мартѣ 1722 года святитель прибылъ въ Иркутскъ и въ Селенгинскѣ, за Байкаломъ, долженъ былъ ожидать распоряженій о пути въ Пекинъ. На содержаніе его со свитою назначено было отпускать изъ сибирскихъ доходовъ 1500 рублей. Мудрый монархъ, хорошо знавшій людей, видѣлъ и давалъ знать, что іезуиты могутъ повредить святому дѣлу православной Церкви, и потому нужна осторожность въ дѣйствіяхъ. Къ сожалѣнію, во время отсутствія государя изъ столицы, когда онъ отправился въ персидскій походъ, изъ Сената написали въ Китай грамоту безъ должной осмотрительности. „На мѣсто умершаго архимандрита“, сказано было въ грамотѣ, „для отправленія церковной службы и для всѣхъ прочихъ церковныхъ дѣлъ, по волѣ государя, посылается духовная особа, господинъ Иннокентій Кульчицкій, съ двумя іеромонахами, двумя діаконами и нѣсколькими служителями. Сенатъ дружелюбно проситъ, дабы хинское величество изволилъ помянутому господину Кульчицкому съ находящимися при немъ совершать въ Пекинѣ божественную службу по обычаю христіанскому и посѣщать своихъ единовѣрцевъ въ другихъ мѣстахъ. За то со стороны царскаго величества обѣщается въ предѣлахъ русскихъ исполнять желаніе богдыхана“ (т.-е. китайскаго императора). Посланникъ Измайловъ, долженствовавшій открыть путь для миссіи въ Пекинѣ, ласково принятъ былъ пекинскимъ дворомъ. Онъ не заключилъ договора съ дворомъ китайскимъ, потому что еще не рѣшены были дѣла пограничныя; но ему обѣщали дать мѣсто въ Пекинѣ русскому купечеству и построить дворъ для русской миссіи. Къ сожалѣнію, отношеніе Сената о миссіи уже не застало Измайлова въ китайской столицѣ; ему, конечно, удалось бы личными объясненіями разсѣять подозрѣнія китайцевъ, возбужденныя

неосторожною бумагою Сената. Безъ него же китайское правительство дало такой отвѣтъ: „По указу богдыхана, не велѣно пропускать въ Пекинѣ господина Иннокентія Кульчицкаго, оттого, что о немъ нѣтъ письма отъ сибирскаго губернатора и не приложено знака печати, какая дана Измайлову". Должно замѣтить что Измайлову даны были въ Пекинѣ сто сургучныхъ печатей для прикладыванія ихъ къ паспортамъ о свободномъ пропускѣ русскихъ въ Пекинъ; о такихъ-то печатяхъ и напомнило теперь китайское правительство. Поспѣшили послать отношеніе губернатора и печати. Но китайское правительство послѣ этого уже прямо отвѣтило, что оно не можетъ пропустить Иннокентія, такъ какъ онъ названъ духовною особою и великимъ господиномъ.

Святителю Иннокентію пришлось оставаться въ Селенгинскѣ и ожидать разрѣшенія возникшихъ недоумѣній и затрудненій. Въ томительномъ и неопредѣленномъ положеніи архипастырь пробылъ тамъ три года. Въ это время душа его обучалась терпѣнію, полной покорности волѣ Божіей, очищалась и подготовлялась для предстоявшаго служенія миссіонерскаго. И въ Селенгинскѣ нашелъ онъ предметы для своей равноапостольской дѣятельности, для своей проповѣди евангелія невѣрующимъ язычникамъ. Онъ проповѣдывалъ святую вѣру бурятамъ и монголамъ, кочевавшимъ около Селенгинска. Проповѣдь святителя не была безплодна: онъ обратилъ ко Христу и просвѣтилъ словомъ истины евангельской значительное число язычниковъ. Въ рукописномъ акаѳистѣ святителю читается: „горькія испытанія терпѣливо подъялъ еси, препираяся съ полчищами невѣрныхъ и суевѣрныхъ"... „Услышавъ ухищренныя хинновъ глаголы, яко не подобаетъ ти пріяту быти въ ихъ царство, обратился еси съ евангеліемъ къ языкомъ своего царства монгольскимъ... Радуйся,

яко проповѣдію евангелія, тобою къ языкомъ монгольскимъ принесенною, злоухищреніе душъ человѣческихъ жестоко посрамися". Пребываніе святителя въ Селенгинскѣ благодѣтельно было и тѣмъ, что подкрѣпляло въ вѣрѣ и благочестіи туземныхъ христіанъ, довольно ослабѣвшихъ отъ соблазновъ язычества. Въ акаѳистной пѣсни поется ему: „ово просвѣщалъ еси свѣтомъ евангелія Христова невѣрующія языки монгольскія, ово утверждалъ еси вѣрующія въ послушаніи православныя Церкви уставомъ".

По смерти мудраго преобразователя Россіи, Петра Великаго, святитель Иннокентій, по указу Синода, въ мартѣ 1725 года переѣхалъ въ иркутскій Вознесенскій монастырь ожидать новыхъ распоряженій о своей миссіи. Здѣсь встрѣтилъ онъ свои новыя испытанія. Настоятель монастыря, архимандритъ Антоній Платковскій, человѣкъ корыстолюбивый и недостойный своего сана, самъ искалъ и надѣялся быть настоятелемъ пекинской миссіи. Когда святитель прибылъ въ монастырь, къ нему обратились съ жалобами на архимандрита люди, обиженные имъ. Кроткій святитель объявлялъ, что онъ не въ правѣ разсматривать дѣла архимандрита, не состоявшаго въ его вѣдѣніи, и приказалъ даже своимъ служителямъ не вступать въ сношеніе ни съ кѣмъ изъ монастырскихъ. Спустя нѣкоторое время (въ іюнѣ 1725 г.), по волѣ императрицы Екатерины, преемницы Петра Великаго, повелѣно, для окончательнаго рѣшенія дѣлъ съ Китаемъ, отправить полномочнымъ посланникомъ въ Пекинъ графа Владиславича-Рагузинскаго и съ нимъ отправиться преосвященному Иннокентію, если не будетъ препятствія со стороны китайцевъ. Но Рагузинскій, не отличавшійся должными для своего званія качествами, сблизился съ архимандритомъ Антоніемъ Платковскимъ и избралъ его въ начальники миссіи. Онъ донесъ Верховному Тайному Совѣту, что

Китай ни подъ какимъ видомъ не пропуститъ епископа и что имъ избранъ начальникомъ миссіи архимандритъ иркутскаго Вознесенскаго монастыря Антоній. Безъ вѣдома и участія правленія церковнаго, Совѣтъ распорядился выполнить рѣшеніе Рагузинскаго. Хотя неправое дѣло Рагузинскаго и Антонія временно и восторжествовало, но впослѣдствіи, несмотря на заступничество того же полномочнаго посланника, недостойный Платковскій не избѣжалъ суда Божія за свои беззаконія; его вывезли изъ Пекина скованнымъ, когда раскрылись всѣ противозаконныя дѣянія его (1731 г.).

Святѣйшій Синодъ, съ своей стороны, не замедлилъ вывести святителя Иннокентія изъ его тяжкаго положенія. Онъ постановилъ то самое опредѣленіе о преосвященномъ Иннокентіи, которое онъ полагалъ еще при Петрѣ Великомъ. Указомъ 15 января 1727 года церковь иркутская, входившая дотолѣ въ составъ тобольской епархіи и съ 1707 года управлявшаяся викарнымъ епископомъ, поставлена въ ряду самостоятельныхъ епархій, а святитель Иннокентій именованъ епископомъ иркутскимъ и нерчинскимъ. Такъ онъ началъ собою рядъ святителей иркутской церкви!

Трудное дѣло ожидало архипастыря; епархія его была очень обширна по пространству, но весьма незначительна по числу церквей и по количеству духовенства, такъ что мало было средствъ у святителя для воздѣйствія на пасомыхъ. Въ то же время и границы иркутской епархіи не были съ точностью опредѣлены Синодомъ; пользуясь этимъ, митрополитъ тобольскій, по видамъ экономіи своего дома, желалъ удержать нѣкоторые округа, бывшіе доселѣ въ вѣдѣніи викарія, епископа иркутскаго. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя церкви, отдаленныя отъ Тобольска на 1000 и 2000 верстъ, должны были, при сношеніяхъ по дѣламъ съ епархі-

альнымъ архіереемъ, испытывать полное неудобство и отягощеніе. Сверхъ этихъ неудобствъ, новому святителю иркутскому пришлось еще терпѣть и крайнее стѣсненіе въ денежныхъ средствахъ, такъ какъ при опредѣленіи на каоедру, по недосмотру, не сдѣлано было распоряженія о жалованьи ему. Неутѣшительны были свѣдѣнія архипастыря и о религіозно-нравственномъ состояніи иркутской епархіи. Духовенство иркутское, вслѣдствіе того, что долго не имѣло надъ собою ближайшаго епархіальнаго начальника, было распущено и своевольно; ссоры между священнослужителями, ссоры между духовными и міряпами, взаимныя обвиненія и жалобы однихъ на другихъ были въ епархіи явленіемъ постояннымъ. Міряне, конечно, были еще хуже духовныхъ и во многихъ мѣстахъ мало чѣмъ отличались отъ окружавшихъ ихъ идолопоклонниковъ. Все это озабочивало архипастыря, все это призывало его къ дѣятельности неотложной и многосторонней, требовало отъ него распоряженій мудрыхъ и рѣшительныхъ.

Получивъ изъ Синода указъ объ опредѣленіи своемъ на иркутскую каоедру, святитель разослалъ окружную грамоту къ своей паствѣ съ архипастырскимъ наставленіемъ. Извѣщая паству о своемъ назначеніи и призывая ее прежде всего сотворить моленія за верховную власть, святитель далѣе обращается къ пасомымъ: „прочее молимъ васъ и архипастырски увѣщаваемъ, да такожде мудрствуете единодушно, другъ друга честію больша творяще, миръ и любовь между собою имуще, якоже святый апостолъ Павелъ поучаетъ. Елика пречестна, елика прелюбезна, елика прехвальна, въ сихъ поучайтеся, симъ послѣдуйте, сія держите, да тако и временная благая и вѣчная удостоитесь наслѣдствовати. Всеусердно сего желаемъ и благословеніе посылаемъ. Аминь“.

Прежде всего святителю подлежало позаботиться

объ опредѣленіи предѣловъ своей епархіи. Тобольскимъ митрополитомъ въ вѣдѣніе новаго иркутскаго архипастыря переданы 3 монастыря, 9 городскихъ церквей и 33 поселянскихъ; иркутскій Вознесенскій монастырь отданъ былъ Синодомъ въ полное распоряженіе святителя Иннокентія. Святитель представилъ Синоду какъ о границахъ иркутской епархіи, требуемыхъ самою мѣстностью, такъ и относительно средствъ содержанія, въ которыхъ нуждался святитель и его архіерейскій домъ. Святѣйшій Синодъ постановилъ свое опредѣленіе въ 1729 году, какъ о назначеніи жалованья святителю и о суммѣ на построеніе архіерейскаго дома, такъ и о предѣлахъ епархіи, въ которую включены были, согласно съ ходатайствомъ святителя Иннокентія, не только Селенгинскій округъ, но и округи Якутскій и Илимскій. Опредѣленіе Синода было сообщено Сенату, но пришлось долго ждать сенатскаго распоряженія. Вслѣдствіе этого въ октябрѣ 1731 года Синодъ взошелъ съ докладомъ къ самой императрицѣ, и тогда опредѣленіе о границахъ епархіи было утверждено. Затѣмъ и Сенатъ поспѣшилъ распорядиться о выдачѣ жалованья иркутскому архипастырю, равно и объ отпускѣ суммы на построеніе архіерейскаго дома. Но этими плодами заботъ святителя пришлось воспользоваться не ему самому, а его преемникамъ.

Много скорбей и трудовъ пришлось перенести святителю, озабоченному крайне разстроеннымъ состояніемъ духовенства иркутскаго. Къ архипастырю поступали со всѣхъ сторонъ жалобы на священнослужителей самаго возмутительнаго содержанія: однихъ винили въ петрезвости, другихъ въ буйствѣ, третьихъ въ подлогахъ; нѣкоторыхъ обвиняли въ такихъ проступкахъ, за которые слѣдовало запретить имъ священнослуженіе. Между тѣмъ, за недостаточностью духовенства, святи-

телю приходилось терѣть и недостойныхъ священнослужителей; устранивши ихъ отъ священнослуженія, пришлось бы оставить пасомыхъ вовсе безъ пастырей. Святитель долженъ былъ увѣщавать, убѣждать и умолять виновныхъ исправиться, когда же и это не дѣйствовало, тогда угрожалъ имъ наказаніемъ. Міряне были еще хуже и во многихъ мѣстахъ мало чѣмъ отличались отъ окружающихъ идолопоклонниковъ. Нарушеніе браковъ было дѣломъ обыкновеннымъ; многіе не бывали у исповѣди и святого причастія; въ одномъ Иркутскѣ въ 1727 году оказалось небывшихъ у исповѣди 420 человѣкъ. Разъ владыкѣ донесено было, что проживающій у православнаго Ивана Шункова лама, т.-е. языческій жрецъ, построилъ молельню. Шунковъ беззастѣнчиво сознался, что оказалъ свою помощь и пособіе по строенію кумирни, такъ какъ лама обѣщалъ молиться своему языческому богу о томъ, чтобы у него, Шункова, не умирали дѣти.

Чтобы возвысить нравственность въ духовенствѣ и водворить въ народѣ благочестіе и христіанскіе обычаи, святитель строго слѣдилъ за пастырями и пасомыми, пользуясь всякимъ случаемъ для назиданія ихъ и утвержденія въ вѣрѣ и добрыхъ нравахъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ архипастырскаго попеченія о своей паствѣ.

Иркутскіе священники, полагая, что владыка, живя въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ 5 верстахъ отъ города, не можетъ знать, что у нихъ дѣлается, продолжали, по укоренившемуся обычаю, очень рано служить литургію, къ неудовольствію гражданъ. Святитель, узнавъ объ этихъ безпорядкахъ, съ точностью указалъ, въ какіе часы долженъ быть благовѣстъ къ ранней и поздней литургіи, и приказалъ иркутскому протоіерею наблюдать за исправнымъ исполненіемъ этого распоряженія.

Такъ какъ ко владыкѣ очень много поступило до-

несеній о разныхъ безпорядкахъ, совершающихся въ забайкальскихъ церквахъ и приходахъ, то онъ далъ игумену Нахомію особый наказъ, съ которымъ тотъ долженъ былъ осмотрѣть Забайкалье и произвести, гдѣ нужно и можно, слѣдствія, особенно по донесеніямъ, касавшимся дѣлъ брачныхъ. Подобнымъ образомъ владыка вручилъ иркутскому поповскому старостѣ, или благочинному, два наказа: въ одномъ изображены постоянныя обязанности его, въ другомъ дано порученіе обревизовать церкви своего округа во всѣхъ отношеніяхъ.

Но ревностный архипастырь не только дѣйствовалъ чрезъ довѣренныхъ и уполномоченныхъ имъ лицъ, но и самолично обозрѣвалъ и благоустроялъ обширную свою епархію. Пути въ епархіи были неудобопроходимы, средствъ у святителя на трудное и отдаленное путешествіе было весьма мало, и несмотря на то, въ началѣ 1729 г. по зимнему пути онъ обозрѣлъ епархію на лѣвой сторонѣ Ангары. Въ тѣхъ мѣстахъ жили поселенцы Вознесенскаго монастыря. Милостивый архипастырь еще прежде простилъ имъ недоимки за два года. Теперь они собрали для архіерейскаго дома по пуду пшеницы со двора. Хотя святитель не получалъ ни копейки жалованья ни для себя ни для дома, но, въ облегченіе поселенцевъ, онъ приказалъ доставить пшеницу не на крестьянскихъ, но на монастырскихъ подводахъ. Прославляя путевые труды, подъятые святителемъ Иннокентіемъ для обозрѣнія епархіи, Церковь поетъ ему въ акаѳистѣ: „радуйся, неусыпный страже, ввѣренныя ти души, кровію Христовою искупленныя, бдѣнымъ моленіемъ и путнымъ человѣческія силы превосходящимъ обхожденіемъ добрѣ сохранивый“.

Утверждая пасомыхъ въ правилахъ вѣры и благочестія, святитель дѣлалъ архипастырскія увѣщанія неисполнявшимъ христіанскаго долга и вводилъ среди

пасомыхъ добрые обычаи. Такъ опъ со всею властію святительскою сдѣлалъ внушеніе небывшимъ у исповѣди жителямъ Иркутска и заповѣдалъ имъ выполнить постановленіе Церкви православной. Когда весною 1728 года, послѣ недорода хлѣба въ предшествующемъ году, по Байкалу открылась грозная засуха, святитель поспѣшилъ подкрѣпить и ободрить упавшее духомъ населеніе мѣрами духовными. Онъ предписалъ церквамъ Иркутска и иркутской десятины (благочинія) къ каждой литургіи присоединять моленіе о прекращеніи засухи, по субботамъ пѣть акаѳистъ Богоматери, а въ воскресенье собираться въ соборъ для общаго молебствія. Богослуженія эти должны были продолжаться съ мая мѣсяца до Ильина дня.

Среди попеченій о возвышеніи религіозно-нравственной жизни своихъ пасомыхъ, святитель Иннокентій много заботился о приготовленіи будущихъ пастырей Церкви, объ образованіи духовенства. Въ 1728 году святитель предписалъ духовенству немедленно доставить въ иркутскую епархіальную школу, открытую въ Вознесенскомъ монастырѣ, всѣхъ дѣтей, отъ 7 до 15-лѣтняго возраста. Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжала существовать монгольская школа, оставленная архимандритомъ Антоніемъ Платковскимъ крайне неустроенною. Святитель привелъ въ порядокъ помѣщеніе ея; приказалъ, чтобы учились въ ней и церковно-славянскому языку; вызвалъ способныхъ учителей, прибавилъ имъ жалованье; подвергалъ взысканіямъ тѣхъ духовныхъ, которые не высылали въ школу дѣтей, принималъ въ нее и дѣтей свѣтскихъ людей. Въ училищѣ было 32 ученика. Архипастырь сильно заботился о доставленіи школѣ нужныхъ книгъ. Въ 1729 году онъ выписалъ нѣсколько монгольскихъ книгъ отъ ламъ, при посредствѣ правительственныхъ лицъ и учрежденій; книги

эти немедленно были списаны, отданы школьному учителю и подлинники отосланы съ нарочнымъ для возвращенія ихъ ламамъ. Содержаніе монгольско-церковной школы стоило святителю немалыхъ заботъ и огорченій. По недостатку денежныхъ средствъ, архипастырю приходилось содержать эту школу на доходы Вознесенскаго монастыря, который питалъ и его самого. Такъ ревностный святитель, боровшійся съ крайнею нуждою, удѣлялъ послѣднія свои крохи на дѣло приготовленія провозвѣстниковъ евангельской проповѣди среди невѣрующихъ сибирскихъ инородцевъ!

Тернистымъ путемъ недостатковъ и скорбей приближался святитель къ концу своей земной жизни. Никогда онъ не пользовался крѣпкимъ здоровьемъ въ Иркутскѣ, въ октябрѣ же и ноябрѣ 1731 года окончательно слегъ въ постель и, по болѣзни, не въ состояніи былъ совершать служеніе даже для ожидавшихъ посвященія въ діаконы и священники. Одержимый болѣзненнымъ недугомъ, онъ благодарилъ служившихъ ему; обѣщалъ, если выздоровѣетъ, вознаградить всѣхъ изъ своихъ рукъ; особенно заботился о построеніи каменнаго храма въ Вознесенской обители, вмѣсто прежняго деревяннаго, крайне обветшавшаго. Въ случаѣ кончины, святитель заповѣдалъ братіи позаботиться о новомъ храмѣ. Но дни блаженнаго архипастыря были уже сочтены: ноября 24-го, чувствуя усиленіе болѣзни, онъ приказалъ вынуть изъ кладовой 300 рублей и удовлетворить всѣхъ жалованьемъ, а прочія суммы монастыря при всей братіи привести въ точную извѣстность и опечатать; тогда же велѣлъ онъ принести свою лучшую песцовую шубу и подарилъ ее намѣстнику Паисію за его услуги. Ноября 25-го святитель приказалъ молиться въ храмахъ Иркутска объ облегченіи страданій его, что и было исполнено. Ноября 27-го, утромъ, святи-

тель Божій почилъ мирно, не будучи въ лѣтахъ преклонной старости, но истощенный заботами и скорбями жизни.

Спустя 33 года послѣ блаженной кончины святителя Иннокентія, въ 1764 году, Господу угодно было явить знаменіе прославленія угодника Божія. Во время производившихся работъ подъ алтаремъ Тихвинской церкви, гробъ святителя увидѣли совершенно цѣлымъ; даже бархатъ, которымъ онъ былъ обитъ, не былъ поврежденъ сыростью мѣста; когда открыли гробъ, тѣло святителя оказалось совершенно нетлѣннымъ и издавало благоуханіе. Между тѣмъ нѣкоторымъ благочестивымъ людямъ святитель являлся въ сонныхъ видѣніяхъ и исцѣлялъ ихъ отъ неизлѣчимыхъ болѣзней, другіе же исцѣлялись при гробѣ святителя: хромые ходили, слѣпые прозрѣвали, покрытые струпами очищались, слабоумные приходили въ разумъ.

При императорѣ Павлѣ I, сенаторы Ржевскій и Левашовъ, ревизовавшіе Иркутскую губернію, донесли государю о нетлѣнныхъ мощахъ и чудесахъ святителя Иннокентія. Въ 1800 году Святѣйшій Синодъ предписалъ духовнымъ лицамъ провѣрить на мѣстѣ донесеніе сенаторовъ. Строгое слѣдствіе вполнѣ подтвердило всѣ извѣстія ихъ. Послѣ того, 1 декабря 1804 года, Святѣйшій Синодъ, прославляя Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ, даровавшаго новаго чудотворца и молитвенника Церкви православной и державѣ россійской, постановилъ, съ соизволенія государя, праздновать повсемѣстно память святого угодника Божія, святителя Иннокентія, ноября 26-го дня. Въ 1805 году, 16 февраля, святыя мощи новоявленнаго угодника Божія были поставлены въ соборной церкви Вознесенской обители, гдѣ и нынѣ почиваютъ въ серебряной позлащенной ракѣ, къ коей стекаются на поклоненіе святителю всѣ вѣрно чтущіе память его.

Р902.0

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Достопамятные дѣятели Петровскаго времени.

Стр.

А. Свѣтскіе государственные дѣятели. 3

1. Князь А. Д. Меншиковъ. 5
2. Графъ Б. П. Шереметевъ. 24
3. Князь М. М. Голицынъ. 31
4. Князь Я. Ѳ. Долгорукій. 36
5. Графъ Ѳ. М. Апраксинъ. 44
6. Графъ Ѳ. А. Головинъ. 50
7. Графъ Г. И. Головкинъ. 55
8. Баронъ П. П. Шафировъ 56
9. Баронъ Г. І. Ф. Остерманъ. 60
10. Графъ Я. В. Брюсъ. 63
11. Минихъ. 65
12. Графъ П. И. Ягужинскій 67
13. Графъ П. А. Толстой. 69
14. Графъ А. А. Матвѣевъ. 70
15. И. И. Неплюевъ. 71
16. Князь А. И. Репнинъ. 81

Б. Духовные дѣятели-архипастыри Церкви. . . . 84

1. Іовъ, митрополитъ новгородскій. 86
2. Стефанъ Яворскій, митрополитъ рязанскій. 88
3. Ѳеофанъ Прокоповичъ, епископъ псковскій 94

В. Святители русской Церкви, святые угодники Божіи.

1. Святой Митрофанъ, епископъ воронежскій. 103
2. Святой Димитрій, митрополитъ ростовскій. 126
3. Святой Иннокентій, епископъ иркутскій. 147

коп.

29. **Никонъ, святѣйшій патріархъ всероссійскій** (съ портр.). Сост. Г. Георгіевскій. 30
30. **Праздничныя службы и церковныя торжества въ старой Москвѣ.** Сост. Г. Георгіевскій 30
31. **Двѣнадцатый годъ.** Сост. Троицкій. 60
32. **Низложеніе Наполеона** 60
33. **Смутное время.** Очерки и разсказы. Сост. Г. Георгіевскій. 30

III. Отдѣлъ географическій.

34. **Русская земля.** Томъ I. Сѣверный край. Съ рисунками и картою. Сост. Я. Рудневъ. 45
35. **Тоже.** Томъ II. Финляндія, озерная область и Прибалтійскій край. Съ картою. Сост. Я. Рудневъ. 35
36. **Тоже.** Томъ III. Волга-матушка. Сост. Н. Благовидовъ. Съ картою. 40
37. **Тоже.** Томъ IV. Пріуральскій край. Сост. П. Н. Луповъ. Съ картою 30
38. **Тоже.** Томъ V. Очерки Малороссіи, съ рисун. и картою. 30
39. **Тоже.** Томъ VI. Привислинскій край. По Весину, сост. Я. П. Рудневъ. Съ 4 рисун. и картою. 30
40. **Тоже.** Томъ VII. Бѣлорусско-литовское полѣсье. Сост Я. П. Рудневъ. Съ картою 30
41. **Тоже.** Томъ VIII. Центральная промышленная область. Сост. Я. П. Рудневъ. Съ 18 рисун. и картою 30
42. **Тоже.** Томъ IX. Степной край. Сост. Я. П. Рудневъ. Съ картою. 40
43. **Тоже.** Томъ X. Очерки Восточ. Сибири. Сост. И. Дроздовъ. 40
44. **Москва.** Ея святыни и памятники. Съ 20 рисунками . . 45
45. **Христоферъ Колумбъ.** Очерки изъ исторіи географическихъ открытій. Сост. Рудневъ. 25

IV. Отдѣлъ литературный.

46. **І. Наумовичъ,** протоіерей. а) **Псалтырникъ.** Повѣсть. . . 20
47. б) **Четыре путеводителя доброй жизни** 20
48. в) **Сироты.** 20
49. г) **Завѣтныя три липы** 20
50. д) **Максимъ-Богачъ или Судъ Божій.** 30
51. е) **Повѣсти и разсказы изъ галицко-русской жизни.** . . . 50
52. **Избранныя сочиненія А. С. Пушкина.** Томъ I, съ портр. А. С. Пушкина, біографіей и объяснительными примѣчаніями, сост. А. Г. Филоновымъ 35
53. **Тоже.** Томъ II. Евгеній Онѣгинъ. Сказки. Драмат. сочин. 30
54. **Тоже.** Томъ III. Повѣсти. Журнальныя статьи. 30
55. **Басни и баснописцы.** Съ жизнеописаніями и примѣчаніями А. Филонова. Съ портр. И. А. Крылова. 25
56. **Народная поэзія.** Былины, пѣсни, духовные стихи. Сост. А. Оксеновъ 30
57. **Во славу Божію.** Сборникъ духовныхъ стихотвореній. Сост. А. Оксеновъ 30
58. **Герои древней Греціи.** Томъ I (Иліада). Сост. Сениговъ. 30
59. **Томъ II** (Одиссея). Сост. І. Сениговъ. 30

коп.

60. **Н. В. Гоголь.** Его жизнь и литературная дѣятельность съ образцами изъ его соч. Сост. П. В. Смирновскій. Томъ I. 35
61. **Тоже.** Томъ II. 40
62. **Историческія стихотворенія** съ примѣч. и объясн. статьями. Сост. А. Оксеновъ. Томъ I 30
63. **Тоже.** Томъ II. 40
64. **Жизнь и приключенія Робинзона Крузо.** Соч. Де-Фо. Полный перев. съ англ. М. Сь 6 рисун. въ текстѣ. Томъ I и II. 50
65. **Старецъ Евстаѳій** или воспоминанія моего дѣтства. Соч. Льва Мелисъ, въ 3-хъ частяхъ. Перев. съ ново-греческаго О. Л. Съ рисун. 40
66. **Драматическія сочин.** Н. А. Полевого изъ русской исторіи. 30
67. **Повѣсти и разсказы.** К. Инскуль. Томы I и II по . . . 75

V. Отдѣлъ сельско-хозяйственный.

68. **Сельскій огородъ.** Плодовый и ягодный садъ. Съ 45 рис. Сост. В. Н. Маракуевъ 30
69. **Сельско-хозяйственныя бесѣды.** Сост. Ѳ. Таранынинъ. Томъ I. Полеводство. 30
70. **Тоже.** Томъ II. Скотоводство. Съ рисун. 30
71. **Практическое пчеловодство.** Соч. Кована. Перев. съ англ. В. Маракуева. Съ 95 рисун. 30

VI. Отдѣлъ музыкально-пѣвческій.

72. **Сельскіе хоры.** Сборникъ для школьнаго и народнаго пѣнія: I. Гимны. II. Духовные стихи. III. Пьесы разнаго содержанія. IV. Народныя пѣсни. V. Пѣсни и хоры западныхъ и южныхъ славянъ.—Съ вступительною статьею объ организаціи школьныхъ и народныхъ хоровъ и съ русскимъ перев. славянскихъ пѣсенъ. №№ 68 75
73. **Церковные хоры.** Сборн. нотныхъ пѣснопѣній для школьнаго пѣнія. Часть I. Пѣснопѣнія всенощнаго бдѣнія (въ перел.). №№ 31. 60
74. **Тоже.** Часть II. Литургія. 75

При выпискѣ полнаго состава „Приходской Библіотеки“ дѣлается до 30% скидки.

Съ требованіями обращаться: 1) въ контору Товарищества **Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ**, Большая Лубянка, д. страх. о-ва „Россія“; 2) въ Издательскую Комиссію Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ, С.-Петербургъ, Кабинетская, 13. **Тамъ же и розничная продажа.**

Цѣна 30 коп.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина.

Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ.

[2023]

ГЛАВНѢЙШІЯ СОБЫТІЯ
РУССКОЙ ИСТОРІИ
ЦЕРКОВНОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ.

СБОРНИКЪ ДЛЯ НАРОДНАГО И ШКОЛЬНАГО ЧТЕНІЯ.

Составилъ **А. Поповъ.**

ТОМЪ VII.

Ближайшіе преемники Петра Великаго (1725—1762).

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Товарищество типо-литографіи **Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ.**
Марьина роща, соб. домъ.

„Приходская Библіотека".

I. Отдѣлъ церковный.

		коп.
1.	**Псалтирь съ толкованіемъ**, для народнаго чтенія. Т. I. Шестопсалміе и богослужебные часы.	30
2.	Томъ II. Кафизмы первая, вторая и третья.	30
3.	**Ученіе отцовъ Церкви православной о вѣрѣ и жизни христіанской.** Сост. проф. В. Пѣвницкій. Томъ I.	30
4.	**Тоже.** Томъ II.	30
5.	**Святыя мѣста и святыни на Востокѣ и въ Россіи.** Состав. П. Петрушевскій. Томъ I. Съ 11 рисун. и картою. . .	40
6.	**Тоже.** Томъ II.	30
7.	**Тоже.** Томъ III.	30
8.	**Святые отцы Церкви**, ихъ жизнь и писанія. Томъ I. . .	30
9.	**Тоже.** Томъ II.	30
10.	**Преподобный Сергій Радонежскій чудотворецъ.** Съ рисун.	30
11.	**Святитель Христовъ Стефанъ Пермскій**, съ 15 рис. и картою.	20
12.	**Бесѣды пастыря.** Прот. І. Наумовича. Томъ I. Съ портретомъ автора	30
13.	**Тоже.** Томъ II.	30
14.	**Свѣточи христіанства.** Сочин. прот. М. И. Хитрова. . .	30
15.	**Св. благовѣрный великій князь Александръ Ярославовичъ Невскій.** Прот. М. И. Хитрова	40
16.	**Годъ православн. христіанина.** Часть 1-я и 2-я. Прот. М. И. Хитрова	50

II. Отдѣлъ историческій.

17.	**Главнѣйшія событія русской исторіи.** Сост. А. Поповъ. Томъ I: Отъ начала русской исторіи до нашествія татаръ (862 -1224).	30
18.	Томъ II: Отъ нашествія татаръ до Іоанна III Васильевича (1224—1462).	30
19.	Томъ III: Отъ вступленія на престолъ Іоанна III до кончины Ѳеодора Іоанновича (1462 –1598)	30
20.	Томъ IV: Смутное время. Первые цари изъ дома Романовыхъ: Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ (1598—1678)	30
21.	Томъ V. Петръ Великій. Съ портр. Петра Великаго и 11-ю рисун.	30
22.	Томъ VI. Достопамятные дѣятели Петровскаго времени.	30
23.	Томъ VII. Ближайшіе преемники Петра Великаго . . .	30
24.	**Подвижники и страдальцы за вѣру православную и землю святорусскую.** Сост. свящ. М. Едлинскій. Томъ I. . . .	30
25.	**Тоже.** Томъ II	30
26.	**Тоже.** Томъ III	30
27.	**Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность.** Сост. проф. И. И. Малышевскій. Томъ I.	30
28.	**Тоже.** Томъ II.	30

9 65/131 [N 23]

ГЛАВНѢЙШІЯ СОБЫТІЯ
РУССКОЙ ИСТОРІИ
ЦЕРКОВНОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ.

СБОРНИКЪ ДЛЯ НАРОДНАГО И ШКОЛЬНАГО ЧТЕНІЯ.

Составилъ **А. Поповъ.**

ТОМЪ VII.

Ближайшіе преемники Петра Великаго (1725—1762).

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Товарищество типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ.
Марьина роща, соб. домъ.
1905.

Дозволено цензурою. Москва, 12 апрѣля 1905 г.

Ближайшіе преемники Петра Великаго до Екатерины II (1725—1762).

Время отъ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II имѣетъ, по словамъ знаменитаго нашего историка М. С. Соловьева, высокій интересъ. Иностранцы, смотря на удивительную перемѣну, происшедшую въ Россіи вслѣдствіе преобразованій Петра, говорили, что всѣ эти преобразованія суть слѣдствіе одной личной воли царя, со смертію котораго все, введенное имъ, рушится, и возстановится старый порядокъ вещей. Они утверждали, будто великій царь насильно заставилъ свой народъ учиться, и что, по смерти его, русскіе, сами по себѣ неспособные къ образованію, все бросятъ, все перезабудутъ, что они станутъ жить попрежнему, какъ жили до Петра, когда еще не знали Европы, и Европа ихъ не знала.

Но вотъ теперь преобразователь былъ во гробѣ; могучей руки, сдерживавшей враговъ просвѣщенія и преобразованія Россіи, болѣе не было... Наступило время повѣрки, проченъ ли установленный царемъ новый порядокъ; русскіе люди, предоставленные самимъ себѣ, могли теперь свободно распорядиться доставшимся имъ наслѣдіемъ послѣ царя-преобразователя, свободно могли рѣшить вопросъ: нужно ли имъ просвѣщеніе и нуженъ ли имъ новый порядокъ общеевропейской жизни? Весьма интересно, поэтому, прослѣдить отъ смерти Петра до вступленія на престолъ Екатерины II,

какъ отнесся русскій народъ къ великому дѣлу преобразователя.

Исторія этого времени дастъ намъ ясный отвѣтъ, что, вопреки зловѣщимъ предсказаніямъ враговъ Россіи, разрушенія новаго порядка у насъ не произошло; этотъ порядокъ вещей остался и продолжалъ постепенно развиваться. Русскій народъ оцѣнилъ по достоинству дѣла Петра Великаго, воспользовался ими, и они пошли ему впрокъ; народъ доказалъ, что способенъ и къ образованности, и къ общеевропейской жизни, и что онъ отъ нихъ не откажется и не ослабѣетъ, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ своей исторической жизни, въ своемъ поступательномъ движеніи по пути, указанному великимъ монархомъ.

Такимъ образомъ, названное время не было временемъ застоя относительно преобразовательной дѣятельности, начатой при Петрѣ, и вторая половина XVIII вѣка въ Россіи, т.-е. царствованіе Екатерины II, было только продолженіемъ поступательнаго движенія русской жизни, не прерывавшагося послѣ смерти великаго преобразователя. Правительственныя лица и дѣла Екатерининскаго царствованія явились не по мановенію знаменитой императрицы, но были подготовлены предыдущею жизнью и стоятъ въ необходимой связи съ движеніемъ, совершившимся въ тридцать пять лѣтъ, протекшихъ послѣ кончины Петра Великаго.

По смерти Петра Россія должна была пережить крайне тяжелую пору: великій царь не оставилъ послѣ себя дѣтей мужескаго пола и не назначилъ себѣ преемника. Поэтому естественно воз-

пикало недоумѣніе, кто послѣ него будетъ царствовать въ Россіи. При рѣшеніи этого вопроса государственные сановники, собравшіеся въ день кончины Петра въ императорскомъ дворцѣ, раздѣлились на двѣ партіи. Къ одной партіи принадлежали вельможи, происходившіе изъ старинныхъ боярскихъ родовъ; они враждебно относились къ Меншикову и прочимъ сановникамъ, возвысившимся только личными заслугами; завѣтное желаніе ихъ состояло въ томъ, чтобы царствовалъ внукъ великаго Преобразователя, девятилѣтній Петръ, сынъ царевича Алексѣя Петровича, скончавшагося еще при жизни Петра Великаго. Во главѣ этой партіи стояли князья Голицыны, поддерживаемые Долгорукими и Салтыковыми. Новые же вельможи—Меншиковъ, Толстой, генералъ-адмиралъ Апраксинъ, равно и знаменитый сотрудникъ Петра, Ѳеофанъ Прокоповичъ — составили другую партію и стояли за супругу почившаго государя, императрицу Екатерину Алексѣевну. Они крайне опасались торжества противной имъ партіи; въ случаѣ вступленія на престолъ юнаго внука почившаго императора, опасность грозила не только самимъ новымъ вельможамъ, которые легко могли потерять свое значеніе, но всей Россіи, т.-е. всему преобразовательному дѣлу Петра.

Съ цѣлью примиренія обѣихъ партій, князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ со своими приверженцами предлагалъ возвести на престолъ малолѣтняго великаго князя Петра Алексѣевича, но правленіе вручить императрицѣ и Сенату. Но это предложеніе было отвергнуто Меншиковымъ, Апраксинымъ и Толстымъ. „Это распоряженіе,— говорилъ Толстой,—именно произведетъ междоусобную войну,

которой вы хотите избѣжать: за недостаткомъ закона, опредѣляющаго совершеннолѣтіе государей, какъ только великій князь будетъ объявленъ императоромъ, часть дворянства и большинство народа станутъ на его сторонѣ, не обращая никакого вниманія на правительство. При настоящихъ обстоятельствахъ, Россійская имперія нуждается въ государѣ мужественномъ, твердомъ въ дѣлахъ государственныхъ, который бы умѣлъ поддержать значеніе и славу, пріобрѣтенныя продолжительными трудами императора, и который бы въ то же время отличался милосердіемъ для содѣланія народа счастливымъ и преданнымъ правительству; всѣ требуемыя качества соединены въ императрицѣ: она пріобрѣла искусство царствовать отъ своего супруга, который повѣрялъ ей самыя важныя тайны; она неоспоримо доказала свое героическое мужество, свое великодушіе и свою любовь къ народу, которому доставила безконечныя блага вообще и въ частности, никогда не сдѣлавши никому зла; притомъ права ея подтверждаются торжественною коронаціею, присягою, данною ей всѣми поддаными по этому случаю, и манифестомъ императора, возвѣщавшимъ о коронаціи.

Приверженцы государыни чувствовали подъ собою твердую почву не только потому, что съ ними согласны были Сенатъ, Синодъ и генералитетъ въ большинствѣ, но и всѣ гвардейскія войска. Стоявшіе около дворца гвардейцы кричали: „мы потеряли отца, но у насъ осталась мать!“ Офицеры угрожали гибелью боярской старинной партіи, если представители ея воспротивятся императрицѣ. Такимъ образомъ, сторонники императрицы одержали верхъ надъ своими противниками. Генералъ-адми-

ралъ Апраксинъ, какъ старшій сенаторъ, въ присутствіи кабинетъ-секретаря Макарова, фельдмаршала князя Репнина, канцлера Головкина и прочихъ знатнѣйшихъ сановниковъ государства, объявилъ, что въ силу коронаціи императрицы и присяги, данной ей всѣми чинами имперіи, Сенатъ провозглашаетъ ею императрицею и самодержицею со всѣми правами, какими пользовался супругъ ея. Составили актъ, который былъ подписанъ всѣми сенаторами и прочими сановниками.

Черезъ нѣсколько времени въ это собраніе высшихъ государственныхъ чиновъ вышла государыня съ герцогомъ Голштинскимъ; обливаясь слезами, она обратилась къ чинамъ съ трогательною рѣчью; поручая себя имъ, какъ сирота и вдова, она ввѣряла имъ все свое семейство, равно какъ и нареченнаго своего зятя, герцога Голштинскаго. Когда она кончила свою рѣчь, генералъ-адмиралъ Апраксинъ преклонилъ предъ нею колѣни и объявилъ ей рѣшеніе Сената. При восторженныхъ восклицаніяхъ сенаторовъ, сановниковъ и всей гвардіи, окружавшей дворецъ, государыня Екатерина I была провозглашена императрицею и самодержицею Россіи.

Вслѣдъ за симъ отъ имени Синода, Сената и генералитета обнародованъ былъ манифестъ, въ которомъ во всенародное извѣстіе объявлялось о вступленіи на престолъ великой государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, дабы всѣ вѣрноподданные о томъ вѣдали и ей вѣрно служили. Воцарившейся государынѣ спокойно присягнули въ обѣихъ столицахъ и во всей Россіи. Одинъ изъ иностранныхъ министровъ, находившихся въ это время въ Петербургѣ, въ слѣдующихъ выраже-

піяхъ описываетъ своему двору торжественное и спокойное настроеніе столичнаго населенія: „скорбь о смерти царя всеобщая, о немъ мертвомъ такъ же жалѣютъ, какъ боялись и уважали его живого: мудрости его правленія и постояннымъ заботамъ его о просвѣщеніи народа обязаны полною безопасностью, которою пользуются здѣсь до сихъ поръ; незамѣтно ни малѣйшаго безпокойнаго движенія".

Тихо и непримѣтно совершился переходъ отъ прежняго царствованія къ новому, и напрасно иностранцы ожидали, что по смерти великаго царя начнутся волненія и смуты; тщетно они предсказывали, будто противники просвѣщенія и преобразованій воспользуются смертью государя, чтобы отвергнуть новый порядокъ общеевропейской жизни въ Россіи и вернуться къ до-петровской старинѣ. Благодаря твердости и благоразумію новаго правительства, которыя оно унаслѣдовало отъ почившаго монарха, въ государствѣ сохранены были и полицейскій порядокъ и совершенное спокойствіе. Народъ, чувствуя, что власть находится въ твердыхъ рукахъ испытанныхъ сподвижниковъ могучаго монарха, спокойно подчинился новому правительству; отдавшись обычному теченію установившейся у насъ общеевропейской жизни, онъ засвидѣтельствовалъ открыто, что Россія, разъ вступивъ въ сонмъ европейскихъ государствъ, навсегда и безповоротно сохранитъ за собою это положеніе.

I) Екатерина I.

(1725—1727).

Вступивъ на престолъ, Екатерина окружила себя вѣрными и усердными сподвижниками Петра

Великаго. Выдающееся положеніе при дворѣ императрицы занялъ князь Меншиковъ; онъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ возведенію ея на престолъ и лучше всѣхъ „птенцовъ Петровыхъ“ могъ управиться съ многотрудными государственными дѣлами. Возвышеніе Меншикова среди остальныхъ сановниковъ выразилось прежде всего въ томъ, что ему возвращено было то, что онъ утратилъ въ послѣднее время царствованія Петра Великаго. Онъ снова назначенъ былъ президентомъ военной коллегіи, всѣ счеты съ казной были уничтожены, и всякое слѣдствіе по его злоупотребленіямъ было прекращено. Сверхъ того, въ іюнѣ 1726 года ему данъ былъ городъ Батуринъ съ 13000 дворами и 2000 дворовъ, принадлежащихъ къ Гадячскому замку. Честолюбивому вельможѣ хотѣлось, сверхъ того, быть еще и генералиссимусомъ всѣхъ русскихъ войскъ, но въ этой просьбѣ было ему отказано: государыня опасалась вызвать еще большее неудовольствіе враждебной ему партіи старинныхъ бояръ, и безъ того возмущавшихся необычайнымъ значеніемъ свѣтлѣйшаго князя.

Какъ бы въ вознагражденіе этой неудачи, Меншиковъ достигнулъ торжества въ иномъ отношеніи. Чтобы ослабить первенствующее значеніе Сената, въ числѣ членовъ коего было не мало враговъ Меншикова, по его предложенію, былъ учрежденъ Верховный Таинный Совѣтъ, которому Сенатъ долженъ былъ подчиняться. Въ Совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ самой императрицы, обсуждались и рѣшались самыя важныя дѣла внутренняго управленія и внѣшней политики. Никакое дѣло не могло быть доложено императрицѣ помимо Совѣта, и всякое распоряженіе Сената предварительно об-

суждалось въ Совѣтѣ. Членами Совѣта назначены были важнѣйшіе сановники: Меншиковъ, Д. М. Голицынъ, Толстой, Апраксинъ, Головкинъ и Остерманъ. Въ новомъ государственномъ учрежденіи Меншиковъ скоро сдѣлался полнымъ распорядителемъ и вершителемъ всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Изъ остальныхъ членовъ Совѣта только одинъ, именно князь Голицынъ, принадлежалъ къ старшиной боярской знати и, слѣдовательно, не могъ ему серьезно противодѣйствовать. Другіе три члена—генералъ-адмиралъ Апраксинъ, канцлеръ графъ Головкинъ и графъ Толстой -всегда были сторонниками Меншикова; къ тому же они значительно уступали могущественному князю, особенно первые два, по способностямъ и государственному уму. Вице-канцлеръ Остерманъ былъ несомнѣнно человѣкъ весьма умный, трудолюбивый, неутомимо дѣятельный; это былъ способнѣйшій дипломатъ и знатокъ своего дѣла,—но и онъ не могъ быть опасенъ Меншикову. Какъ иностранецъ, Остерманъ стоялъ, повидимому, въ сторонѣ отъ всякихъ партій и не проявлялъ властолюбивыхъ стремленій. Впослѣдствіи, правда, число членовъ Совѣта увеличилось,—но и это не повредило значенію Меншикова. Когда исполнена была воля Петра Великаго относительно цесаревны Анны Петровны, и 21 мая 1725 года въ Троицкомъ соборѣ совершенъ былъ бракъ ея съ Карломъ-Фридрихомъ, герцогомъ Голштинскимъ,—мужъ-цесаревичъ, герцогъ Голштинскій, также вошелъ въ число членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Какъ членъ царской семьи, онъ, конечно, отодвинулъ Меншикова на второе мѣсто, но опаснымъ соперникомъ ему быть не могъ. Какъ иностранецъ, только что

прибывшій въ Россію и даже не понимавшій русскаго языка, герцогъ не могъ имѣть существеннаго вліянія на ходъ и рѣшеніе дѣлъ государственныхъ. Вслѣдствіе этого Меншиковъ, несмотря на полное расположеніе Екатерины къ своему зятю, обыкновенно одерживалъ надъ нимъ верхъ.

Окруженная вѣрными и усердными сотрудниками и руководимая, главнымъ образомъ, Меншиковымъ, Екатерина Алексѣевна старалась въ государственныхъ дѣлахъ неуклонно слѣдовать по пути, указанному почившимъ монархомъ. И, дѣйствительно, всѣ крупныя нововведенія, утвержденныя Петромъ Великимъ въ Россіи, сохранены были и при его преемницѣ. Такъ, прежде всего, сохранено и поддержано было въ Россіи значеніе новаго войска, созданнаго царемъ по европейскому образцу. Какъ всегда, такъ особенно по смерти Петра, необходимо было оно въ Россіи, потому что только при помощи войска можно было поддержать значеніе преобразованной Россіи среди европейскихъ державъ. Еще послѣ заключенія Ништадтскаго мира Петръ говорилъ, что, надѣясь на миръ, не должно ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи греческой. Завѣтъ Петра былъ исполненъ его преемницею: войско составляло предметъ самыхъ серьезныхъ попеченій правительства. Когда Минихъ потребовалъ 15 тысячъ солдатъ для окончанія Ладожскаго канала, Меншиковъ горячо возсталъ противъ этого требованія; указывая на то, что войска погибаютъ на земляныхъ работахъ, онъ разъяснилъ въ Сенатѣ, что солдаты съ большими издержками и заботами набираются вовсе не для того, чтобы ко-

пать землю. Благодаря его настойчивости, предложеніе Миниха было отклонено, и рѣшено было оканчивать каналъ одними вольными людьми. Войско при Екатеринѣ Алексѣевнѣ находилось въ образцовомъ состояніи; поэтому правительства иностранныя, хорошо освѣдомленныя чрезъ своихъ представителей о нашей военной силѣ, невольно должны были и теперь, по смерти великаго преобразователя, прислушиваться съ уваженіемъ къ голосу Россіи.

Въ правленіе преемницы Петра, достойные ученики великаго государя съ достоинствомъ поддержали значеніе и другого любимаго дѣтища Петрова — новой столицы съ ея морскимъ флотомъ. Старорусская боярская партія не любила новой столицы за неудобство ея климата и за большую дороговизну всѣхъ припасовъ, которые нужно было привозить въ Петербургъ издалека. Они не могли и не хотѣли понять, что оставленіе Петербурга и возвращеніе въ Москву въ то время было бы равносильно удаленію русскаго правительства отъ Европы; оно означало бы полное пренебреженіе къ величайшему пріобрѣтенію Петра—Балтійскому морю — и къ безсмертному созданію царя — русскому флоту. Приверженцы старины, равнодушные къ новому значенію Россіи, какъ державы европейской, охотно переселились бы въ Москву; туда же они желали бы непремѣнно перевести и царскій дворъ. Но „птенцы гнѣзда Петрова“ не дозволили имъ пренебречь всѣми преимуществами новой столицы.

И въ другихъ областяхъ поддерживались преданія Петра Великаго и разрабатывались его планы и предположенія. Такъ, государыня исполнила

одно изъ важныхъ намѣреній своего великаго супруга: отправила въ Ледовитое море нѣсколько судовъ подъ начальствомъ капитана Беринга для того, чтобы узнать, соединяется ли твердою землею Азія съ Америкой, или раздѣляется моремъ. Этотъ вопросъ былъ очень важенъ въ то время для всей Европы, и русскіе—въ первомъ морскомъ путешествіи своемъ—пріобрѣли честь, которой позавидовали бы многіе опытные морякп. Берингъ впослѣдствіи узналъ, что Азія на сѣверо-востокъ, несомнѣнно, отдѣляется отъ Америки проливомъ. Хотя открытый проливъ, еще прежде путешествія Беринга, извѣстенъ былъ нашему казаку *Дежневу*, проѣхавшему этимъ морскимъ путемъ; но такъ какъ проливъ этотъ былъ съ точностью удостовѣренъ и описанъ Берингомъ, то и названъ былъ, по имени его, Беринговымъ.

Вскорѣ послѣ отправленія Беринга, именно въ декабрѣ 1725 года, императрица открыла Академію Наукъ также по плану, составленному за годъ предъ тѣмъ покойнымъ императоромъ. Кромѣ учрежденія Академіи, замѣчательны еще слѣдующія распоряженія государыни относительно просвѣщенія и науки. Въ Швецію посланъ былъ ученый писатель Татищевъ для собиранія матеріаловъ по русской исторіи; Шафирову, возвращенному изъ ссылки, поручено было написать исторію Петра I, для чего велѣно было доставлять ему отовсюду нужныя извѣстія. Изъ коллегій и канцелярій приказано было доставлять въ типографію свѣдѣнія о „знатныхъ дѣлахъ, принадлежащихъ къ вѣдѣнію народному". Еще Петръ Великій приказалъ печатать эти извѣстія; но, по смерти его, распоряженіе это было забыто. Узнавъ о пару-

шеніи воли почившаго государя, Екатерина объявила, что такое „сообщеніе народу извѣстій прекращено невѣдомо для чего“, и приказала возобновить печатаніе извѣстій. Съ цѣлью распространенія просвѣщенія въ народѣ, велѣно было также посылать купеческихъ дѣтей для обученія сперва въ Ригу и въ Ревель, а потомъ и за границу.

Замѣчательны также заботы императрицы о смягченіи грубыхъ нравовъ въ народѣ и нѣкоторыя мѣры къ сохраненію его здоровья и самой жизни. Такъ, напримѣръ, издано было распоряженіе правительства о надзорѣ за кулачными боями, чтобы предупредить увѣчья и смертные случаи во время этихъ грубыхъ развлеченій.

Исполняя также завѣщаніе Петра Великаго, государыня учредила въ Россіи орденъ въ честь святого Александра Невскаго. Покойный государь выразилъ намѣреніе учредить этотъ орденъ еще при перенесеніи мощей благовѣрнаго князя въ Петербургъ; но не успѣлъ выполнить своего намѣренія. Знаки новаго ордена императрица Екатерина Алексѣевна въ первый разъ раздала своимъ вельможамъ въ день бракосочетанія цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ.

Но еще болѣе важны были заботы императрицы о внутреннемъ устройствѣ государства. Уже въ первыхъ засѣданіяхъ Совѣта обращено было серьезное вниманіе на скудость государственной казны; на то, что расходы не могутъ быть покрыты доходами; что источники доходовъ изсякаютъ вслѣдствіе обѣдненія народонаселенія, большинство котораго состоитъ изъ крестьянъ. Замѣчены были и другія слабыя стороны, требовавшія исправленія, каковы, напримѣръ: медленность судопроизвод-

ства, недостатокъ правосудія и т. п. Къ исправленію и совершенному искорененію всѣхъ этихъ золъ и приступило правительство.

Конечно, предстоявшая правительству задача была не легка, и замѣченное зло устранить было трудно, потому что оно успѣло еще прежде окрѣпнуть и укорениться. Обѣдпѣніе пародопаселенія пачалось издавна, еще въ царствованіе Петра Великаго; оно вызвано было чрезвычайнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ народныхъ для достиженія политическаго могущества Россіи. Чтобы завоевать для Россіи почетное мѣсто среди европейскихъ державъ, царь-преобразователь вынужденъ былъ привлечь всѣ народныя силы къ трудной и продолжительной работѣ. Созданіе арміи, обученной и вооруженной по европейскому образцу, сооруженіе флота, возведеніе крѣпостей, построеніе новой столицы, рытье каналовъ, продовольствіе войскъ, веденіе многолѣтнихъ войнъ на сушѣ и на морѣ и въ то же время содержаніе новыхъ государственныхъ учрежденій, коллегій, Сената, Синода, постоянныя сношенія съ иностранными государствами и содержаніе посольствъ при европейскихъ дворахъ, — все это требовало огромной затраты людьми и деньгами, вызывало множество разныхъ податей, повинностей и налоговъ, которые ложились тяжелымъ бременемъ на податныя сословія и на все пародонаселеніе. Всеобщее обѣднѣніе замѣчено было еще при Петрѣ, и за недѣлю до его кончины правительство вынуждено было на время пріостановить сборъ денежныхъ и хлѣбныхъ податей, кромѣ подушнаго.

При Екатеринѣ Алексѣевнѣ членамъ Совѣта поручено было составить соображенія о тѣхъ пере-

мѣнахъ, которыя увеличили бы благосостояніе народа. Эти соображенія были составлены и, соотвѣтственно имъ, правительство приняло нѣкоторыя мѣры для умепьшенія расходовъ, увеличенія доходовъ и улучшенія судопроизводства. Такъ какъ большое число управителей, чиновниковъ, конторъ и канцелярій найдено было обременительнымъ для казны и народа, то приказано было излишнихъ управителей, чиновниковъ, непужныя конторы и канцеляріи по губерніямъ упразднить; судъ и расправу возложить на воеводъ и губернаторовъ, подчинивши имъ и городскіе магистраты; надворные же суды приказано совсѣмъ уничтожить; въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ не только было сокращено число чиновниковъ, но и у оставшихся приказныхъ людей убавлено или вовсе отнято жалованье; вмѣсто жалованья велѣно было довольствоваться доходами отъ добровольпой дачи челобитчиковъ или просителей. Для приведенія въ лучшій порядокъ судебной части правительство заботилось о скорѣйшемъ составленіи новаго уложенія; въ назначенной для сего комиссіи повелѣно было засѣдать по два представителя отъ духовенства, изъ чиновъ военныхъ, гражданскихъ и изъ магистрата. Кромѣ того, для облегченія вообще народонаселенія и въ частности крестьянъ, измѣненъ былъ порядокъ военнаго постоя, крайне обременительный для крестьянскаго населенія: прежнее расположеніе войскъ по округамъ замѣнено было размѣщеніемъ полковъ слободами при городахъ; облегчены подушныя подати, отмѣнены многія стѣснительныя для торговли постановленія и т. п.

Конечно, всѣ эти распоряженія исправляли зло лишь отчасти, и нѣкоторыя изъ нихъ даже

отмѣнили зачатки самоуправленія, даннаго Петромъ: таковы, напримѣръ, уничтоженіе надворныхъ судовъ и подчиненіе магистратовъ губернаторамъ; но въ общемъ видѣ принятыя мѣры нельзя не признать вполнѣ соотвѣтствующими предположенной цѣли, т.-е. благодѣтельными для народа. Преемница Петра и его ученики искусно вышли изъ того затруднительнаго положенія, въ которое поставила ихъ преждевременная смерть великаго царя. Новыя распоряженія вызвали въ народѣ неописанную радость, и населеніе, усталое отъ чрезмѣрныхъ трудовъ, вынесенныхъ при Петрѣ, вздохнуло свободно въ царствованіе Екатерины Алексѣевны. Правда, царствованіе это не отличалось кипучею дѣятельностью во всѣхъ уголкахъ государства и не озарено было блестящими побѣдами надъ внѣшними врагами, какъ при Петрѣ Великомъ; но оно было весьма полезно для Россіи, какъ необходимый отдыхъ послѣ многолѣтнихъ и напряженныхъ трудовъ прошлаго царствованія.

Къ сожалѣнію, царствованіе Екатерины Алексѣевны было непродолжительно. Въ началѣ 1727 года состояніе здоровья императрицы приняло угрожающій характеръ, и государынѣ настояла нужда озаботиться назначеніемъ себѣ преемника. Вопросъ о томъ, кто будетъ царствовать послѣ Екатерины, снова возбудилъ сильную распрю между вельможами. Одни, съ графомъ Толстымъ во главѣ, стояли за цесаревну Анну Петровну; но большинство сановниковъ и весь народъ были за великаго князя Петра Алексѣевича. Меншиковъ, поссорившись съ герцогомъ Голштинскимъ, сталъ также на сторону великаго князя. Онъ убѣдилъ государыню Екатерину Алексѣевну назначить великаго князя Петра

Алексѣевича наслѣдникомъ престола; въ то же время, чтобы обезпечить свое положеніе при Петрѣ Алексѣевичѣ, онъ испросилъ согласіе императрицы на обрученіе великаго князя съ его, Меншикова, дочерью, княжною Маріею Александровною. Такимъ образомъ, Меншиковъ, со вступленіемъ Петра на престолъ, не только ничего не терялъ, но надѣялся достигнуть еще большихъ почестей и высшей власти. Между тѣмъ сторонники Анны Петровны, выражавшіе неудовольствіе на такое распоряженіе государыни относительно престолонаслѣдія, навлекли на себя гнѣвъ Меншикова, который вооружилъ противъ нихъ и Екатерину. Графъ Толстой и его приверженцы подверглись опалѣ и затѣмъ были отправлены въ ссылку.

10 апрѣля 1727 года у государыни открылась горячка, и состояніе ея здоровья стало крайне ненадежно. 16-го апрѣля, послѣ временнаго облегченія, государынѣ сдѣлалось хуже: кашель, сначала слабый, усилился, обнаружилась лихорадка, и больная императрица день ото дня все болѣе и болѣе стала ослабѣвать. 6-го мая, въ 9-мъ часу пополудни, Екатерина скончалась, и великій князь Петръ Алексѣевичъ провозглашенъ былъ императоромъ.

II) Петръ II.

(1727—1730).

1) Судьба Меншикова.

По вступленіи Петра II на престолъ, Меншиковъ немедленно принялъ соотвѣтствующія мѣры къ тому, чтобы всецѣло подчинить своему вліянію юнаго императора и удержать въ своихъ рукахъ высшую государственную власть. Для устраненія

чьего-либо постороняго вліянія на Петра II, опъ, какъ будущій тесть государя, перевезъ его изъ Лѣтняго дворца въ свой великолѣпный домъ на Васильевскомъ островѣ и приставилъ къ государю для присмотра и услугъ самыхъ надежныхъ людей и своихъ родственниковъ. 13-го мая императоръ далъ свѣтлѣйшему князю званіе генералиссимуса и тѣмъ исполнилъ давнишнее, завѣтное желаніе Меншикова: теперь въ войскѣ и флотѣ не было другого человѣка, по власти равнаго князю. Вслѣдъ за симъ, 25-го мая, совершено было и торжественное обрученіе 12-лѣтняго Петра съ 16-лѣтнею княжною Маріею Александровною Меншиковою, которую стали поминать въ церквахъ великою княжною и нареченною невѣстою императора. На ежегодное содержаніе особаго двора ея назначено было 34000 рублей. Въ письмахъ къ императору Меншиковъ началъ называть его „сыномъ“ и самъ подписывался „вашъ отецъ“; велѣлъ внести въ календарь, вмѣстѣ съ особами императорской фамиліи, свое имя и имена членовъ своего семейства; наконецъ, онъ началъ мечтать о новомъ соединеніи своего семейства съ царскимъ домомъ, предполагая устроить бракъ сына своего съ сестрою императора, царевною Натальею Алексѣевною.

Съ этого времени началось полновластное владычество Меншикова. Несмотря на то, что, согласно волѣ умершей государыни, до совершеннолѣтія императора государствомъ долженъ былъ управлять Верховный Тайный Совѣтъ вмѣстѣ съ цесаревнами, и дѣла должны были рѣшаться по большинству голосовъ, — Меншиковъ съ перваго же дня присвоилъ себѣ всю власть. Поведеніе гордаго

вельможи сдѣлалось столь невыносимо, что великая княгиня, цесаревна Анна Петровна и ея супругъ должны были 25-го іюля уѣхать изъ Россіи въ свое Голштинское герцогство. Цесаревна Елизавета Петровна была тогда такъ молода, что не могла имѣть никакого вліянія на государственныя дѣла; въ 17 лѣтъ ее еще занимали дѣтскія увеселенія и забавы, а не политика. Остальные члены Совѣта—князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, графъ Головкинъ, баронъ Остерманъ и генералъ-адмиралъ Апраксинъ—только исполняли приказанія Меншикова и самостоятельно дѣйствовать не осмѣливались; самъ же онъ, по большей части, даже и не являлся въ Совѣтъ, а всѣ распоряженія дѣлалъ изъ своего дома. Чтобы обезпечить свое высокое положеніе отъ какихъ-либо враждебныхъ дѣйствій и завести старинныхъ боярскихъ родовъ, Меншиковъ постарался привлечь къ себѣ представителей этихъ фамилій. Съ восшествіемъ на престолъ Петра, они сблизились съ Голицынными, а Долгорукіе получили важныя должности: князь Алексѣй Григорьевичъ назначенъ былъ гофмейстеромъ при великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, сынъ же его, 16-лѣтній князь Иванъ Алексѣевичъ, назначенъ гофъ-юнкеромъ самого императора. Такъ какъ великая княжна пользовалась сильнымъ вліяніемъ на своего брата, юнаго государя, и была имъ искренно любима, то мѣсто князя Алексѣя имѣло важное значеніе; еще большимъ значеніемъ пользовался юный князь Иванъ Алексѣевичъ. Полнымъ довѣріемъ Петра и большою близостью къ государю пользовался молодой Долгоруковъ, потому что онъ былъ товарищъ дѣтскихъ игръ и давній любимецъ Петра. Меншиковъ

полагалъ, что представители старинныхъ боярскихъ фамилій, облагодѣтельствованные имъ, будутъ нелицемѣрно-признательны ему. Но самонадѣянный временщикъ ошибался: родовитые вельможи, которыхъ осыпалъ онъ милостями, не могли быть искренними его друзьями; эти милости только раздражали ихъ. Въ глаза князю они льстили, изъявляли благодарность и преданность, но въ душѣ ненавидѣли его и, при первой возможности, готовы были превратиться въ злѣйшихъ и неумолимыхъ враговъ его. Не имѣя средствъ свергнуть его явно, они надѣялись тайно подкопаться подъ него и выжидали лишь благопріятныхъ къ тому обстоятельствъ. Вскорѣ представились и обстоятельства эти.

Меншиковъ, избалованный счастіемъ, сдѣлался самонадѣянъ и безпеченъ. Въ какомъ-то непонятномъ ослѣпленіи онъ совершенно не думалъ о томъ, что прежде всего онъ долженъ заслужить и снискать любовь и довѣріе со стороны юнаго императора. Вмѣсто того онъ началъ обращаться съ Петромъ сурово и повелительно, видѣлъ въ державномъ отрокѣ лишь опекаемаго воспитанника и требовалъ отъ него безусловнаго повиновенія. Правда, какъ опекунъ, Меншиковъ правильно понималъ свои обязанности относительно Петра; князь ясно сознавалъ, что юному государю надобно много и долго учиться, чтобы стать достойнымъ преемникомъ своего великаго дѣда: и для сего-то Меншиковъ въ лицѣ умнаго Остермана пріискалъ и далъ Петру прекраснаго наставника; но полновластный опекунъ слишкомъ стѣснялъ юнаго императора своими суровыми предписаніями; онъ настойчиво требовалъ отъ Петра строгаго отчета во всѣхъ его поступ-

кахъ и не потакалъ его стремленіямъ къ удовольствіямъ. Вслѣдствіе этой холодности и суровости князя, въ душѣ Петра зародилось недовольство тяжелою опекою временщика. Конечно, чувство это появилось не сразу въ душѣ Петра. Первое время онъ покорно подчинялся строгому своему опекуну; съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ онъ видѣть въ Меншиковѣ человѣка, предъ которымъ всѣ преклонялись, онъ ясно сознавалъ, конечно, что Меншикову болѣе всего обязанъ былъ и самымъ возведеніемъ на престолъ. Но, мало-по-малу, подъ вліяніемъ князей Долгорукихъ, враждебныхъ Меншикову, императоръ началъ измѣнять свой взглядъ на свои отношенія къ свѣтлѣйшему князю. Чрезъ молодого князя Ивана Алексѣевича они старались внушать Петру, что, какъ государь, онъ можетъ дѣлать все, что ему угодно, и въ правѣ не подчиняться суровымъ требованіямъ опекуна. Баронъ Остерманъ дѣйствовалъ также нѣсколько уклончиво: правда, онъ настаивалъ на необходимости образованія для Петра, но много былъ снисходительнѣе свѣтлѣйшаго князя и давалъ понять державному ученику, что онъ и самъ подчиняется Меншикову и дѣйствуетъ только по необходимости. Дѣйствительно, Остерманъ хотя и понималъ свои обязанности не хуже Меншикова, но дѣйствовалъ хитрѣе его, не забывая и своихъ собственныхъ выгодъ. Этотъ ласковый и обходительный по виду человѣкъ подъ своею безкорыстательной внѣшностью скрывалъ величайшее честолюбіе. Чтобы достигнуть возвышенія, ему нужно было прежде всего пріобрѣсти любовь своего питомца, а для этого достаточно было только выказать снисходительность, не настаивать на своихъ

требованіяхъ, не обременять Петра ученіемъ и слагать всю вину стѣснительныхъ мѣръ на Меншикова. И въ душѣ державнаго отрока, подъ вліяніемъ такихъ хитрыхъ дѣйствій дипломата-наставника, сильнѣе прежняго разрасталось неудовольствіе противъ опекуна.

Невѣста также не понравилась Петру. 16-лѣтняя княжна неохотно принимала участіе въ его забавахъ и казалась ему скучной; гораздо веселѣе проводилъ онъ время въ обществѣ своей молодой тетки, цесаревны Елизаветы Петровны, которая по живости характера, по страсти къ увеселеніямъ и прогулкамъ, къ шуму и движенію, вполнѣ подходила къ его нраву и возрасту, охотно съ нимъ проводила время и очень ему нравилась. Но цесаревна также не любила Меншикова, разлучившаго ее съ сестрою Анной Петровной, и не могла внушить Петру нѣжныхъ чувствъ къ Меншикову. Наконецъ, и великая княжна Наталья Алексѣевна, имѣвшая на брата сильное вліяніе, не любила гордаго и надменнаго вельможу.

Когда для зоркихъ враговъ Меншикова примѣтны стали недружелюбныя чувства юнаго государя къ суровому опекуну, они хотя и незамѣтно, однакожъ очень настойчиво начали раздувать въ душѣ Петра эти чувства; усердіе всѣхъ начали въ этомъ направленіи дѣйствовать князья Долгорукіе. Быть можетъ, роковая развязка этихъ коварныхъ дѣйствій противъ Меншикова наступила бы и не такъ скоро, но ей помогъ самъ князь своимъ крайне неосторожнымъ поведеніемъ. Стѣсняя свободу молодого государя, вмѣшиваясь во всѣ мелочи его жизни, упрекая въ расточительности и постоянно дѣлая ему выговоры, онъ вы-

водилъ изъ терпѣнія Петра и способствовалъ торжеству своихъ враговъ. Между государемъ и опекуномъ начались открытыя столкновенія.

Однажды городъ Ярославль поднесъ государю серебряный чайный приборъ. Петръ отослалъ этотъ подарокъ своей сестрѣ Наталіи Алексѣевнѣ. Меншиковъ, узнавши объ этомъ, выгребовалъ отъ великой княжны царскій подарокъ обратно. Въ другой разъ купечество, по какому-то случаю, поднесло императору девять тысячъ червонцевъ. Петръ и эти деньги подарилъ сестрѣ. Но посланный государевъ встрѣтился съ Меншиковымъ, который велѣлъ ему отнести деньги въ свой княжескій кабинетъ: князь еще сказалъ при этомъ: „императоръ очень молодъ и потому не умѣетъ распоряжаться деньгами, какъ слѣдуетъ“. На другое утро великая княжна Наталія Алексѣевна, по обыкновенію, пришла навѣстить брата. Петръ, узнавши, что сестра не получила подарка, и что его отнялъ у посланнаго Меншиковъ, пришелъ въ страшный гнѣвъ. Немедленно призвавши Меншикова, Петръ раздраженнымъ голосомъ спросилъ князя, какъ онъ смѣлъ помѣшать исполненію даннаго приказанія. Свѣтлѣйшій князь, не ожидавшій подобнаго вопроса отъ покорнаго досель Петра, сначала обезпамятѣлъ, потомъ пришелъ въ себя и отвѣчалъ, что государство нуждается въ деньгахъ, казна истощена, и что онъ намѣревался сегодня же представить проектъ, какъ лучше употребить эти деньги. Петръ топнулъ ногою и сказалъ: „Я тебя научу, что я императоръ, и что мнѣ надобно повиноваться“. Съ этими словами онъ повернулся къ нему спиною и пошелъ. Меншиковъ поспѣшилъ вслѣдъ за нимъ и успѣлъ его успокоить; Петръ, еще не

привыкшій къ подобнымъ выходкамъ, наконецъ, смягчился и простилъ князя.

Послѣ этого рѣшительнаго объясненія съ надменнымъ опекуномъ, Петръ почувствовалъ свою силу. Онъ сдѣлался повелителемъ, настойчивъ и не выносилъ противорѣчій. Большую часть времени онъ проводилъ съ Долгорукими въ веселыхъ прогулкахъ или на охотѣ. Къ несчастію для Меншикова, объясненіе съ разгнѣваннымъ императоромъ отозвалось крайне неблагопріятно на здоровьѣ могущественнаго князя, давно страдавшаго кашлемъ: онъ вскорѣ опасно заболѣлъ. Старая болѣзнь князя — чахотка—обнаружилась съ особенной силой: у него появилось сильнѣйшее кровохаркапіе и пзнурительная лихорадка. Готовясь къ смерти, князь написалъ императору прекрасное письмо, полное назидательныхъ мыслей, въ коемъ раскрывалъ обязанности юнаго царя относительно Россіи, которую называлъ „недостроенною машиною“; онъ увѣщавалъ Петра слушаться Остермана и министровъ и быть правосуднымъ; написалъ и къ чинамъ Верховнаго Совѣта, поручая имъ судьбу своей семьи.

Меншиковъ оправился отъ своей болѣзни, но продолжительное отсутствіе опеки имѣло свое вліяніе на юнаго государя, испытавшаго полную свободу. Онъ по цѣлымъ днямъ, никѣмъ не сдерживаемый, предавался своимъ любимымъ развлеченіямъ въ обществѣ князей Долгорукихъ. Меншиковъ опять принялся стѣснять Петра, но эти стѣсненія повели къ дурнымъ для князя послѣдствіямъ. Одинъ разъ царскому камердинеру дано было 3000 рублей для мелкихъ расходовъ императора; Меншиковъ потребовалъ отчета у камердинера и,

узнавъ, что изъ этихъ денегъ онъ далъ на руки Петру небольшую сумму, разбранилъ и прогналъ его. Петръ поднялъ изъ-за этого страшный шумъ и снова принялъ къ себѣ камердинера. Въ другой разъ Петръ потребовалъ у Меншикова 500 червонныхъ. Получивши деньги, онъ снова подарилъ ихъ сестрѣ. Разгнѣванный Меншиковъ приказалъ отнять деньги у великой княжны. Петръ до того былъ возмущенъ этимъ самоволіемъ опекуна, что слышать не могъ его имени. Долгорукіе, между тѣмъ, вмѣстѣ съ Остерманомъ продолжали раздувать это враждебное чувство въ душѣ Петра, научая его въ то же время скрывать свои замыслы въ глубинѣ сердца и наружно смиряться предъ высокомѣрнымъ и самонадѣяннымъ княземъ.

Не подозрѣвая еще опасности, Меншиковъ спокойно и беззаботно оставилъ Петра на попеченіе своихъ недруговъ въ Петергофѣ, а самъ съ семействомъ уѣхалъ послѣ болѣзни въ любимый свой Ораніенбаумъ. Онъ все еще довѣрялъ хитрому Остерману, который, давая отчетъ князю о поведеніи своего воспитанника, не забывалъ увѣрять его „высококняжескую свѣтлость“ въ своей глубочайшей преданности и въ неизмѣнномъ расположеніи императора. Въ такомъ заблужденіи находился Меншиковъ въ теченіе всего лѣта; только 26-го августа, въ день имянинъ великой княжны Наталіи Алексѣевны, онъ началъ отчасти предусматривать опасность и сталъ догадываться, что Остерманъ его обманываетъ относительно чувствъ императора. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только Меншиковъ начиналъ говорить съ Петромъ, государь поворачивался къ нему спиной, не обращалъ никакого вниманія на поклоны свѣтлѣйшаго князя и былъ

доволенъ, что могъ унижать его: „Смотрите“, сказалъ онъ одному изъ придворныхъ: „развѣ я не начинаю вразумлять его?“ На свою невѣсту Петръ также пересталъ обращать вниманіе. Меншиковъ внутренно трепеталъ отъ гнѣва, но еще и въ мысляхъ не представлялъ близости своей погибели. Придворные попрежнему предъ нимъ раболѣпствовали. Члены Верховнаго Совѣта безпрекословно ему повиновались; не сегодня — завтра онъ надѣялся вернуть и утраченную милость императора. Между тѣмъ Долгорукіе уже успѣли убѣдить Петра, что своенравнаго правителя необходимо удалить, и паденіе свѣтлѣйшаго князя приближалось.

Въ Ораніенбаумѣ, имѣніи Меншикова, на 5-е сентября назначено было большое торжество — освященіе новой церкви. Меншикову хотѣлось, чтобы императоръ непремѣнно присутствовалъ на торжествѣ: это уничтожило бы слухи о непріятностяхъ между ними, и притомъ можно было бы постараться разными средствами смягчить Петра и устроить примиреніе. Самыя униженныя просьбы со стороны свѣтлѣйшаго князя были употреблены, чтобы склонить государя къ посѣщенію Ораніенбаума, и тотъ сначала не отказывался; но, когда все было готово, онъ послалъ сказать, что не будетъ; есть извѣстіе, что высокомѣрный князь имѣлъ неосторожность не пригласить цесаревну Елизавету Петровну. Церковь была освящена въ отсутствіе государя.

На другой день Меншиковъ пріѣхалъ въ Петергофъ на ночь и едва вскользь могъ видѣться съ императоромъ. Онъ надѣялся, что на слѣдующій день, 5-го сентября, въ именины цесаревны Елизаветы, ему удастся у нея объясниться съ государ-

ремъ, но и эта надежда не исполнилась. Петръ съ утра рано отправился на охоту. Не дождавшись возвращенія государя, Меншиковъ, очнувшись отъ своей безпечности, поспѣшилъ въ Петербургъ, чтобы начать дѣйствовать: онъ предполагалъ, какъ бы отъ Петра удалить Остермана и замѣнить его инымъ воспитателемъ, и какимъ бы способомъ вооружить князей Голицыныхъ противъ князей Долгорукихъ. Но время было уже потеряно и враги предупредили могущественнаго вельможу своими дѣйствіями, направленными къ его гибели. Въ этотъ самый день въ Петербургѣ, въ засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, гдѣ присутствовали Головкинъ, Голицынъ и Апраксинъ, объявленъ былъ указъ его величества о томъ, чтобы для него приготовленъ былъ Лѣтній дворецъ, въ который государь намѣренъ переѣхать изъ дома Меншикова на постоянное житье. Въ среду, 6-го числа, по приказанію Совѣта, всѣ вещи императора были перенесены изъ дома князя-опекуна въ Лѣтній дворецъ. На слѣдующій день, 7-го числа, въ четвергъ, Петръ пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ Лѣтнемъ дворцѣ. Переѣздъ Петра во дворецъ служилъ для Меншикова явнымъ знакомъ опалы; очевидно было, что присутствія князя государь болѣе не могъ выносить; теперь онъ уже открыто говорилъ: „я покажу, кто императоръ, я или Меншиковъ“. Раздраженіе Петра противъ Меншикова увеличилось еще вслѣдствіе того, что онъ крайне тяготился обязательствомъ жениться на дочери Меншикова, и потому хотѣлъ какъ можно скорѣе избавиться отъ невыносимой опеки своего будущаго тестя. Въ этотъ же день

Петръ послалъ объявить гвардіи, чтобы она слушалась только царскихъ приказаній.

Когда придворные и высшіе сановники увидали ясно, что свѣтлѣйшаго князя постигла опала, всѣ отъ него отшатнулись, всѣ отдалились. Что долженъ въ это время думать и чувствовать опальный? Страшно было положеніе князя и тяжело было на душѣ его. Никогда еще не бывалъ онъ въ такомъ безпомощномъ одиночествѣ, грозенъ бывалъ противъ него гнѣвъ Петра Великаго, но отъ того гнѣва были у него два могущественные защитника—государыня Екатерина Алексѣевна и самъ милостивецъ — Петръ, помнившій заслуги своего любимца—Даниловича. Но теперь — гдѣ его защитники?.. Въ подлинныхъ запискахъ князя сохранилось и дошло до насъ скорбное извѣстіе о томъ, какъ проводилъ время несчастный временщикъ, что дѣлалъ опальный князь... „7-го сентября", читаемъ мы тамъ, „Меншиковъ всталъ, по обыкновенію, въ 6-мъ часу утра, вышелъ въ орѣховую залу и просидѣлъ въ ней безъ всякаго дѣла до 9 часовъ одинъ неодѣтый". Краткая, но выразительная запись! Что долженъ былъ передумать и перечувствовать самовластный, гордый вельможа въ теченіе нѣсколькихъ часовъ этого злополучнаго утра? „Полудержавный властелинъ", привыкшій къ ежедневному общему поклоненію, теперь сидѣлъ одинъ въ своей великолѣпной залѣ, между тѣмъ, какъ прежде, обыкновенно, эта зала бывала переполнена всегда раболѣпною толпою... Какою мучительною тоскою изныло его сердце, когда сидѣлъ онъ, ожидая какого-нибудь посѣтителя, и въ то же время съ ужасомъ сознавалъ, что ему некого дожидаться и что нечего разсчи-

тывать на преданность людей, которыми онъ самъ пользовался всегда лишь какъ орудіями для достиженія своихъ честолюбивыхъ плановъ. Навѣрно, въ это страшное утро, когда-то сильный, а теперь безпомощный вельможа пережилъ свою цѣлую жизнь... Далѣе въ дневникѣ пишется: „Въ 9 часовъ поѣхалъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, но засѣданія не было. Въ этотъ день онъ не отдыхалъ послѣ обѣда“... Очевидно, отъ страшнаго напряженія душевныхъ силъ, Меншиковъ лишился покоя и сна. Безпокойство князя было не напрасно: на другой день, 8-го сентября, къ нему явился генералъ-лейтенантъ Салтыковъ и объявилъ ему арестъ, „чтобы съ двора своего никуда не ѣзжалъ“. При полученіи этого приказа Меншиковъ лишился чувствъ, и ему пустили кровь. Петръ не обратилъ никакого вниманія на просьбы княгини, жены Меншикова, которая въ то же утро, при возвращеніи Петра изъ церкви отъ обѣдни, на колѣняхъ умоляла его за мужа. Эта достойная женщина, которую всѣ уважали и всѣ жалѣли, обращалась къ великой княжнѣ Натальѣ, къ цесаревнѣ Елизаветѣ, даже къ Остерману, всѣхъ ихъ просила и молила колѣнопреклоненно и слезно: но было все кончено, и судьба Меншикова рѣшилась безповоротно.

Въ засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта императоръ подписалъ въ тотъ же день указъ, „дабы никакихъ указовъ или писемъ, о какихъ бы дѣлахъ оныя ни были, которые отъ князя Меншикова писаны или отправлены будутъ, не слушать и по оными отнюдь не исполнять, подъ опасеніемъ нашего гнѣва: и о семъ публиковать

всенародно во всемъ государствѣ и войскѣ изъ Сената".

На другой день, 9-го сентября, Меншиковъ лишенъ былъ всѣхъ чиновъ и орденовъ, и повелѣно было ему отправиться на безвыѣздное жилье въ принадлежавшій ему городъ Ранебургъ. 11-го сентября Меншиковъ, сопровождаемый гвардіи капитаномъ Пырскимъ и отрядомъ въ 120 человѣкъ, отправился на мѣсто назначенія. Разжалованный вельможа двинулся изъ Петербурга въ 4 часа пополудни; впереди огромнаго поѣзда ѣхали четыре кареты шестернями: въ первой сидѣлъ самъ Меншиковъ съ женою, во второй—сынъ, въ третій—двѣ дочери, въ четвертой братъ Меншиковой и нѣкоторые приближенные люди; всѣ были въ черномъ. Въ поѣздѣ, состоящемъ изъ множества экипажей, колясокъ и фургоновъ, помѣщалось 127 человѣкъ прислуги и разное добро свергнутаго, но не лишеннаго своихъ огромныхъ богатствъ, временщика. Народъ толпами собирался по пути и съ удивленіемъ глядѣлъ на необычайный поѣздъ.

Быть можетъ, Меншиковъ утѣшалъ себя мыслію, что послѣ всѣхъ тяжкихъ трудовъ, заботъ и треволненій, онъ отдохнетъ душою и тѣломъ въ Ранебургѣ, наслаждаясь своими несмѣтными богатствами. Но эти мечты должны были скоро разсѣяться. Только что выѣхалъ онъ изъ столицы, какъ враги его постарались причинить ему новыя огорченія и подвергнуть тягчайшей карѣ: вслѣдъ за опальнымъ нарочные, одинъ за другимъ, посылались къ Пырскому съ разными приказаніями: то повелѣвалось ему снять съ дѣтей Меншикова ордена, то отобрать у него царскихъ лошадей и экипажи, то разлучить его съ близкими людьми.

Едва онъ прибылъ въ рязанскіе предѣлы и поселился въ своемъ городкѣ Раненбургѣ, какъ надъ нимъ разразилась новая гроза. Изъ Петербурга разосланы были всюду указы правительства о доставленіи свѣдѣній касательно дѣйствій опальнаго вельможи. Тотчасъ же на Меншикова посылались со всѣхъ сторонъ всевозможныя обвиненія въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ. Казенныя учрежденія, равно какъ и частныя лица, представили жалобы о захватѣ Меншиковымъ казенной и частной собственности. Это дало поводъ Верховному Совѣту отобрать огромныя богатства Меншикова въ казну. Богатства Меншикова состояли изъ недвижимыхъ имуществъ, капиталовъ и сокровищъ. По произведенной описи, у него отобрано было 90 тысячъ душъ крестьянъ, города Ораніенбаумъ, Ямбургъ, Копорье, Раненбургъ, Почепъ и Батуринъ, 4 милліона тогдашнихъ рублей наличной монетой, на 9 милліоновъ рублей капиталовъ въ заграничныхъ банкахъ, брильянтовъ и разныхъ драгоцѣнныхъ вещей на 1 милліонъ; три перемѣны, по 24 дюжины каждая, серебряныхъ тарелокъ и столовыхъ приборовъ и 105 пудовъ золотой посуды. Но это было еще не все: кромѣ имѣній въ Россіи, у Меншикова были значительныя земли въ Ингріи, Ливоніи, Польшѣ и въ Нѣмецкихъ владѣніяхъ. Что же касается великолѣпныхъ домовъ, отличавшихся самой роскошной мебелью, изысканной домашней обстановки, одежды, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями, то этому добру и счета не было. Всего этого несмѣтнаго богатства, нажитаго многими неправдами, пришлось теперь изгнаннику лишиться.

Но и этою грозою еще не кончились бѣдствія

Меншикова. На него возвели обвиненіе болѣе важное: будто при Екатеринѣ I онъ дѣйствовалъ во вредъ Россіи, какъ измѣнникъ, выдавая государственныя тайны шведскому посланнику и получая съ него за это деньги. Хотя обвиненіе это и не подтвердилось никакими доказательствами и уликами, но, по одному уже подозрѣнію, съ Меншиковымъ стали обращаться послѣ того, какъ съ государственнымъ преступникомъ. Сначала его окружили крѣпкимъ карауломъ, а потомъ, по проискамъ Остермана и Долгорукихъ, все еще опасавшихся свергнутаго временщика, рѣшено было Меншикова съ семьею отправить въ отдаленную Сибирь; 8 апрѣля 1728 года подписанъ былъ указъ о ссылкѣ Меншикова съ женою и дѣтьми въ Березовъ.

Этотъ небольшой городокъ, отстоящій отъ Тобольска болѣе чѣмъ на 1000 верстъ, находится среди дремучихъ, непроходимыхъ сибирскихъ лѣсовъ и пустынныхъ трясинъ и болотъ; климатъ Березова лѣтомъ крайне нездоровъ, вслѣдствіе болотистыхъ испареній, когда воздухъ бываетъ невыносимо душенъ; а зимою въ этомъ городѣ еще хуже: отъ жестокихъ морозовъ земля растрескивается, и дыханіе захватываетъ у людей. Въ эту-то ледяную пустыню, въ августѣ 1728 года, и привезли Меншикова съ дѣтьми, но безъ жены, которая не въ силахъ была вынести горя, страданій и продолжительнаго, тяжкаго пути. Бѣдная женщина, ослѣпши отъ слезъ, выѣхала изъ Раненбурга уже больной; затѣмъ отъ холода и вслѣдствіе скудости питанія, при отсутствіи какой-либо врачебной помощи, она совершенно обезсилѣла въ пути и въ 12 верстахъ отъ Казани,

10-го мая, скончалась въ крестьянской избѣ, на рукахъ своего семейства.

Несчастіе образумило Меншикова. Прежде гордый, жестокій и алчный, онъ какъ бы переродился въ отдаленной, холодной Сибири; сдѣлался смиреннымъ, истинно благочестивымъ поселяниномъ и переносилъ свое несчастіе съ замѣчательною твердостью. Жители Березова смотрѣли на него, какъ на праведника. Изъ отпускавшихся ему на содержаніе денегъ (10 руб. въ сутки) онъ накопилъ небольшую сумму, на которую построилъ деревянную церковь. Онъ самъ работалъ съ плотниками, своими руками копалъ землю, рубилъ бревна и занимался внутреннимъ устроеніемъ и украшеніемъ храма Божія. Когда храмъ былъ оконченъ и освященъ, Меншиковъ принялъ на себя должность дьячка, звонилъ въ колокола, читалъ, пѣлъ на клиросѣ; нерѣдко говорилъ онъ прихожанамъ назидательныя поученія; въ молитвахъ же своихъ часто повторялъ: „Благо мнѣ, Господи, яко смирилъ мя еси!“ Видно, что скорбная душа несчастнаго очищалась отъ грѣховъ въ подвигахъ труда и молитвы. Возвратясь изъ храма Божія домой, онъ любилъ оставаться въ благоговѣйномъ настроеніи и для того заставлялъ дѣтей читать священныя книги. По временамъ Меншиковъ предавался воспоминаніямъ о замѣчательныхъ происшествіяхъ изъ своей жизни, которыя записывали дѣти со словъ отца. Къ сожалѣнію, эта драгоцѣнная рукопись не дошла до насъ. Трудомъ и молитвою искупалъ Меншиковъ прежніе грѣхи, благодарилъ Бога за несчастіе, исправившее его, и говорилъ, что онъ былъ бы счастливъ, если бы ему нужно было по смерти отдать Богу

отчетъ только за ту жизнь, которую провелъ онъ въ Березовѣ.

Черезъ два года Меншиковъ умеръ въ полномъ христіанскомъ покаяніи, 12 ноября 1729 года, 56 лѣтъ отъ роду, и погребенъ былъ близъ алтаря построенной имъ церкви. Вскорѣ, 28 декабря того же года, скончалась и старшая дочь его, бывшая невѣста государя; прочіе же члены этой семьи, погубленной властолюбіемъ и своекорыстіемъ отца, то-есть вторая дочь и сынъ Меншикова, впослѣдствіи были возвращены изъ ссылки преемницей Петра II, императрицей Анной Іоанновной. Сынъ тогда пожалованъ, попрежнему, въ поручики Преображенскаго полка, а дочь — въ камеръ-фрейлины.

Такъ кончилъ дни свои знаменитый государственный дѣятель, въ теченіе четверти столѣтія оказывавшій огромное вліяніе на судьбы Россіи. При всѣхъ важныхъ недостаткахъ, которые были у него и которыхъ не чужды были также и его соперники, Меншиковъ, однакоже, отличался отъ нихъ такими обширными и разносторонними способностями, такою многоплодною дѣятельностью, что превосходство его надъ ними было несомнѣнно; по справедливости должно признать, что изъ числа современныхъ ему государственныхъ дѣятелей, мало было такихъ вельможъ, которые оказали бы Россіи столько услугъ, подъ руководствомъ Петра Великаго и послѣ него, сколько оказалъ этотъ любимецъ великаго государя; но еще меньше было такихъ, которые бы съ подобнымъ же мужествомъ перенесли постигавшія ихъ жестокія, тяжкія испытанія въ концѣ жизни и съ такимъ смиреніемъ и искреннимъ христіанскимъ раскаяніемъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ отошли бы въ загробную жизнь.

2) Господство Долгорукихъ.

Послѣ паденія Меншикова, первое время замѣтно было общее ликованіе, болѣе же другихъ торжествовали князья Долгорукіе. Немногіе жалѣли о свергнутомъ правителѣ, но потомъ обнаружились нѣкоторыя неблагопріятныя явленія, которыя могли заставить пожалѣть и о Меншиковѣ. Тотчасъ по удаленіи Меншикова, Петръ, объявивъ себя совершеннолѣтнимъ, далъ обѣщаніе присутствовать въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ и заниматься дѣлами правленія. Но всѣ эти благія намѣренія остались только въ предположеніи: правительственная дѣятельность была еще не по силамъ и не по лѣтамъ Петру; ученіе было, между тѣмъ, прервано, и большая часть времени посвящалась не серьезнымъ занятіямъ, а удовольствіямъ. Виновниками столь неправильнаго образа жизни юнаго государя были Долгорукіе, совершенно овладѣвшіе волею Петра.

Долгорукіе, занявши мѣсто Меншикова, старались теперь искать всевозможныхъ случаевъ, чтобы какъ можно чаще находиться вблизи государя, во всемъ угождать ему и добиться полнаго его довѣрія, расположенія и любви. Для достиженія этой цѣли, князь Алексѣй выпросилъ себѣ мѣсто помощника воспитателя (то-есть Остермана) при императорѣ; а сынъ его, князь Иванъ, добился званія камергера. Противодѣйствовать Долгорукимъ никто не имѣлъ возможности. Даже Остерманъ вскорѣ потерялъ всякое вліяніе на государя, несмотря на то, что онъ ближе всѣхъ былъ къ императору и виднѣе всѣхъ былъ при дворѣ.

Положеніе Остермана, послѣ паденія Менши-

кова, сдѣлалось еще затруднительнѣе, нежели было при могущественномъ князѣ. Занимая мѣсто воспитателя юнаго Петра, онъ, конечно, долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы его воспитанникъ хорошо учился и велъ правильный образъ жизни. Но Петръ отвыкъ теперь отъ серьезныхъ занятій, и всѣ представленія Остермана оставались тщетными. Между тѣмъ усиливать свои требованія было опасно: это могло раздражить Петра, и Остермана могла постигнуть участь Меншикова; положеніе Остермана было тѣмъ опаснѣе, что завистники поджидали только первой вспышки неудовольствія Петра на воспитателя, чтобы лишить его обширной власти и силы при дворѣ. Но это еще не все. При Меншиковѣ положеніе Остермана облегчалось тѣмъ, что онъ могъ нравиться Петру, угождая ему и являясь добрѣе и снисходительнѣе суроваго князя; онъ могъ не налегать на учебныя занятія, подъ видомъ облегченія чрезмѣрныхъ требованій Меншикова. Теперь же вся отвѣтственность за поведеніе императора, за воспитаніе и обученіе его всецѣло возлагалась на Остермана, и враги имѣли возможность воспользоваться слабостью воспитателя, выставить на видъ его недостоинство и обвинить его предъ своими и чужими. Чтобы выйти изъ столь затруднительнаго положенія, Остерманъ избралъ особый путь.

Однажды онъ обратился къ Петру съ просьбою уволить его отъ должности воспитателя, такъ какъ ему, въ противномъ случаѣ, придется дать строгій отчетъ; онъ объяснилъ Петру, что впослѣдствіи недовольный государь обвинитъ нерадиваго наставника за ошибки и промахи въ дѣлѣ воспитанія и подвергнетъ его немилуемому наказанію. Юный

Петръ, имѣя сердце нѣжное и доброе, былъ очень привязанъ къ своему наставнику, и слова Остермана растрогали его. Со слезами на глазахъ онъ сталъ его умолять остаться въ должности наставника и воспитателя, бросился ему на шею и упрашивалъ не покидать его; но, по слабости воли и подъ вліяніемъ Долгорукихъ, Петръ не исправился и возобновилъ прежній образъ жизни.

Остерманъ, видя безполезность борьбы съ вліятельными Долгорукими и не находя средствъ противоборствовать Петру, рѣшился подчиниться обстоятельствамъ, дѣйствовать примѣнительно къ нимъ, а не такъ, какъ требовалъ бы нравственный долгъ. Онъ остался при Петрѣ, но не для того, чтобы учить и воспитывать Петра противъ его воли, а для достиженія своихъ цѣлей по дѣламъ управленія, въ которыхъ не было у него теперь соперниковъ. Онъ рѣшился не раздражать Петра безполезными и докучными наставленіями и требованіями, но также и не одобрять его поведенія, и не угождать ему умышленнымъ исполненіемъ всѣхъ его желаній. Послѣ того, Петръ пересталъ видѣть въ Остерманѣ требовательнаго и настойчиваго воспитателя, обращавшагося къ нему съ постоянными наставленіями; теперь онъ началъ смотрѣть на Остермана только, какъ на способнѣйшаго и на искуснѣйшаго министра, обладающаго обширными познаніями, слѣдовательно, крайне необходимаго для управленія дѣлами государственными. Высоко цѣня въ указанномъ отношеніи Остермана, императоръ ни за что не могъ выдать Остермана Долгорукимъ, но не желалъ разстаться и съ ними.

Занявъ мѣсто Меншикова, Долгорукіе начали

слѣдовать его примѣру: они не допускали вліянія на государя людей постороннихъ, чуждыхъ имъ. Не допуская никого къ императору, они съ величайшимъ подозрѣніемъ смотрѣли на всѣхъ, имѣющихъ доступъ ко двору, и старались преслѣдовать одинъ только личныя свои выгоды, узкіе фамильные интересы, вовсе не заботясь о благѣ и славѣ Россіи. Пользуясь нѣкоторыми слабыми сторонами молодого государя, они дѣйствовали иногда даже во вредъ выгодамъ государства.

Извѣстно, что Петръ II не походилъ на своего дѣда въ отношеніи къ занятіямъ военнымъ: онъ не любилъ этихъ занятій и не интересовался ни арміей ни флотомъ. Долгорукіе не только не старались пробудить въ юномъ государѣ интереса къ занятіямъ воинскимъ, но еще поблажали ему. Армія, послѣ Меншикова, бывшаго президентомъ военной коллегіи, пришла въ упадокъ; заботы о флотѣ также прекратились: никто не думалъ о строеніи новыхъ кораблей, желая ограничиться умноженіемъ только галеръ. Петръ чувствовалъ отвращеніе къ морю и кораблямъ и, страстно любя охоту, съ удовольствіемъ прислушивался къ внушеніямъ тѣхъ, которые уговаривали его покинуть приморскую столицу и переѣхать въ Москву.

Въ концѣ 1727 года начались сборы двора въ Москву для коронаціи. Но теперь поѣздка въ древнюю столицу предпринималась съ какими-то особенными еще цѣлями, помимо готовившагося торжества. При дворѣ слышались разговоры, что, быть можетъ, придется долго пробыть въ Москвѣ и что даже думаютъ остаться тамъ навсегда. Съ трепетомъ прислушивались къ этимъ разговорамъ иностранцы, Остерманъ съ товарищами и всѣ новые

люди, возвысившіеся во время преобразованій великаго царя. Они видѣли въ предполагаемомъ переѣздѣ не только ослабленіе собственнаго значенія, но и униженіе дѣлъ Петра Великаго. За границей также пошли злорадные слухи, что, съ паденіемъ Меншикова и съ удаленіемъ государя въ Москву, Россія, навѣрно, возвратится къ допетровскимъ порядкамъ и къ образу жизни прежней Московіи. Однако, новые временщики едва ли задавались такимъ планомъ, чтобы возвратить Россію къ древней, допетровской жизни: всѣ ихъ заботы направлены были только къ достиженію личныхъ цѣлей, своего возвышенія и своихъ выгодъ. Въ Москвѣ были у нихъ свои дома, а въ окрестностяхъ столицы обширныя и богатыя имѣнія, изъ которыхъ подвозили все нужное по хозяйству въ Москву. Значитъ, они могли удобнѣе и дешевле жить въ Москвѣ, нежели въ Петербургѣ.

Въ началѣ января 1728 года, Петръ выѣхалъ въ Москву, а 9-го прибылъ туда. По переѣздѣ двора въ древнюю столицу, сразу же обнаружилось особое расположеніе государя къ Долгоруким: еще наканунѣ торжественнаго вступленія государя въ Кремль, князья Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ назначены были членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, а 11-го февраля молодой князь Иванъ Долгорукій сдѣланъ былъ оберъ-камергеромъ; 24-го февраля совершилось коронація, а на другой день князь Василій Владиміровичъ Долгорукій произведенъ былъ въ фельдмаршалы.

Окруживъ государя своимъ вліяніемъ, Долгорукіе, въ то же время, оттѣснили отъ Петра всѣхъ, кто только могъ быть имъ опасенъ. Они начали

увозить его изъ Москвы на охоту, и эти отъѣзды продолжались по нѣскольку дней, а иногда и по нѣскольку недѣль. Послѣ охоты они веселили государя за роскошнымъ и шумнымъ обѣдомъ, восхваляли его ловкость и искусство въ стрѣльбѣ, исчисляя его удачныя дѣйствія во время прошлой охоты, радовали его планами и соображеніями относительно новыхъ поѣздокъ. Среди этихъ забавъ и развлеченій, государь пересталъ ходить въ Верховный Совѣтъ, и о дѣлахъ государственныхъ не было и помину. Къ сожалѣнію, изъ числа родственниковъ юнаго государя никто не могъ на него благотворно дѣйствовать. Великая княжна Наталія Алексѣевна, сестра Петра, не отличавшаяся и прежде крѣпкимъ здоровьемъ, съ лѣта 1728 года занемогла, слѣдить за братомъ не могла, въ поѣздкахъ его на охоту не участвовала и, наконецъ, 22-го ноября скончалась. Цесаревна Елизавета Петровна въ послѣднее время, вслѣдствіе навѣтовъ Долгорукихъ также не принимала участія въ поѣздкахъ Петра, и между ею и имъ установилось какое-то охлажденіе. Герцогиня Голштинская, великая княгиня Анна Петровна, удаленная Меншиковымъ изъ Петербурга, послѣ его паденія, къ прискорбію всѣхъ, не дождалась возвращенія въ Россію; 10 февраля 1728 года у нея родился сынъ, великій князь Петръ, и государь былъ воспріемникомъ новорожденнаго внука Петра Великаго; но черезъ нѣсколько недѣль Анна Петровна, смотря на иллюминацію и фейерверкъ изъ открытаго окна своего дворца, жестоко простудилась и на десятый день, 4-го мая, скончалась. Такимъ образомъ, не было болѣе никакого противодѣйствія замысламъ и вліянію Долгорукихъ.

Въ сентябрѣ 1729 года императоръ выѣхалъ изъ Москвы въ сопровожденіи семейства Долгорукихъ. Кромѣ князей, его сопровождали на прогулку и охоту княгиня Долгорукая, жена князя Алексѣя, и двѣ княжны, дочери ея; пачались поэтому толки, что одна изъ княженъ будетъ объявлена невѣстой императора. Эта поѣздка продолжалась до ноября мѣсяца, и въ это время юный государь, дѣйствительно, далъ согласіе Долгорукимъ жениться на 17-лѣтней княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, сестрѣ своего любимца князя Ивана. 19-го ноября было торжественно объявлено объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, а 30-го числа совершено было и торжественное обрученіе Петра съ княжною, послѣ чего стали называть ее императорскимъ высочествомъ. Но это было уже послѣднее торжество Долгорукихъ.

Съ 1730 года императоръ началъ, видимо, тяготиться опекою князей Долгорукихъ, видимо, охладѣлъ къ своей невѣстѣ и весьма рѣдко видѣлся съ нею. Вступая въ зрѣлый возрастъ, государь, видимо, сталъ сознательнѣе и обдуманнѣе относиться къ окружающимъ его лицамъ. Вмѣсто того, чтобы попрежнему оставаться въ обществѣ Долгорукихъ, опъ сталъ сближаться съ умнымъ Остерманомъ; отношенія его къ теткѣ цесаревнѣ, Елизаветѣ Петровнѣ, также значительно улучшились, и когда она жаловалась ему, что терпитъ во всемъ большую нужду, то Петръ далъ ей такой знаменательный отвѣтъ: „Въ этомъ не я виновать,— мои приказанія не исполняются,—но я найду средства разбить мои оковы“. Между тѣмъ, какъ въ душѣ императора происходилъ такой переломъ чувствъ, Долгорукіе готовились сразу къ двумъ

свадьбамъ—ожидали бракосочетанія государя съ княжною Екатериною и подготовляли бракъ князя Ивана съ графинею Натальей Борисовной Шереметевой, дочерью покойнаго фельдмаршала. Однако, надеждамъ этимъ не суждено было сбыться въ томъ видѣ, какъ предполагали могущественные князья, вслѣдствіе наступленія новыхъ, совершенно неожиданныхъ обстоятельствъ.

3) Болѣзнь, кончина и погребеніе Петра II.

6 января 1730 года, въ Москвѣ совершалось водоосвященіе на Москвѣ-рѣкѣ и происходилъ парадъ. Къ іордани велъ войска фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ Долгорукій. Когда войска построились въ должный порядокъ, пріѣхалъ и самъ императоръ изъ Слободскаго или Лефортова дворца, гдѣ жилъ въ это время, и занялъ полковничье мѣсто. Присутствуя на обрядѣ водоосвященія и на парадѣ, Петръ простудился; на другой день разнеслись слухи, что императоръ нездоровъ серьезно; придворные казались озабоченными и грустными, изъ чего можно было вывести заключеніе, что болѣзнь государя грозитъ опасностью для его жизни. Наконецъ, открылось, что у государя—оспа. Въ виду крайней опасности, государь напутствовалъ былъ таинствами святой Церкви; три архіерея совершили елеосвященіе надъ государемъ въ присутствіи членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта сенаторовъ и генералитета.

Надежды на выздоровленіе императора не было никакой: онъ былъ въ бреду и все звалъ къ себѣ Андрея Ивановича Остермана; наконецъ, больной произнесъ зловѣщія слова: „запрягайте сани, хочу

ѣхать къ сестрѣ"—и скончался съ 18-го на 19-е января, во 2-мъ часу ночи, 14 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ съ днями.

Такъ неожиданно пресѣклась юная жизнь малолѣтняго императора Петра II! Долгорукіе, захватившіе въ свои руки управленіе всѣми дѣлами и подчинивъ своей опекѣ юнаго Петра, не сумѣли ни подготовить, ни сберечь его для Россіи, ни сохранить его отъ дурныхъ вліяній: они не занялись разумнымъ и добрымъ воспитаніемъ его; потворствуя всѣмъ прихотямъ Петра и развивая въ немъ дурныя наклонности, они готовили молодого императора не къ власти самодержавной, по къ бездѣятельной жизни. Между тѣмъ, подъ разумнымъ руководствомъ, Петръ Второй могъ бы выйти хорошимъ государемъ, потому что, какъ свидѣтельствуютъ современники, по уму и по привычкамъ онъ напоминалъ своего великаго дѣда, Петра Перваго.

11-го февраля, чѣмъ свѣтъ, собрались всѣ чины въ Лефортовскій дворецъ, гдѣ находилось тѣло покойнаго государя, и долго дожидались: причиною медленности оказалось то, что невѣста, княжна Долгорукая, требовала себѣ въ церемоніи мѣста и всей обстановки особы императорскаго дома. Эти неумѣстныя требованія со стороны Долгорукихъ возбудили противъ нихъ сильное негодованіе. Погребальное шествіе тронулось безъ невѣсты.

Но въ то время, какъ многіе бранили княжну Екатерину и ея родственниковъ, на печальную церемонію смотрѣла изъ окна Шереметевскаго дома другая княжна - невѣста, которой суждено было дать фамиліи Долгорукихъ иного рода блескъ, блескъ нравственной чистоты и мужества въ стра-

данiяхъ: то была невѣста бывшаго царскаго любимца (фаворита), князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, Наталья Борисовна Шереметева. Вотъ въ какихъ трогательныхъ выраженiяхъ разсказываетъ Наталья Борисовна о своей злосчастной судьбѣ. Когда она обручилась съ Долгорукимъ, то, по словамъ ея, отовсюду только и слышала восклицанiя: „Ахъ, какъ она счастлива!“ Но это счастiе продолжалось только нѣсколько дней. Послѣ извѣстiя о смерти Петра II, „не можно было плачъ мой пресѣчь“, говоритъ она. Вотъ какъ далѣе описываетъ она свою горькую жизнь: „Я довольно знала обыкновенiе своего государства, что вѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ: чего было и мнѣ ожидать? Итакъ, я плакала безутѣшно. Свойственники, сыскавъ средство, чѣмъ бы меня утѣшить, стали меня уговаривать, что я еще человѣкъ молодой, а такъ себя безразсудно сокрушаю; можно этому жениху отказать, когда ему будетъ худо; будутъ другiе женихи, которые не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такiе великiе чины будутъ имѣть; а въ то время, правда, что одинъ женихъ очень хотѣлъ меня взять, только я на то не склонна была. и сродникамъ моимъ всѣмъ хотѣлось за того жениха меня выдать. Это предложенiе такъ мнѣ тяжело было, что ничего на то не могла имъ отвѣтствовать. Войдите въ разсужденiе, какое это мнѣ утѣшенiе, и честна ли эта совѣсть: когда онъ былъ великъ,—такъ я съ радостiю за него шла; а когда онъ сталъ несчастливъ,—отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла; а такъ положила намѣренiе: когда сердце одному отдавъ, жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ

участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобы сегодня любить одного, а завтра— другого; я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаивалась, для чего я за него пошла...

„Пришелъ тотъ назначенный несчастливый день: нести надобно было государево тѣло мимо нашего дому, гдѣ я сидѣла подъ окошкомъ, смотря на ту плачевную церемонію. Боже мой, какъ духъ во мнѣ удержался! Началось духовными персонами, множество архіереевъ, архимандритовъ и всякаго духовнаго чину; потомъ несли государственные гербы, кавалерію, разные ордены, корону, въ томъ числѣ и мой женихъ шелъ передъ гробомъ, несъ на подушкѣ кавалерію, и два ассистента (помощники) вели подъ руки. Не могла его видѣть отъ жалости въ такомъ состояніи: епанча (плащъ) траурная предлинная, флеръ на шляпѣ до земли, волосы распущены, самъ такъ блѣденъ, что никакой живости нѣтъ. Поравнявшись противъ моихъ оконъ, взглянулъ плачущими глазами съ тѣмъ знакомъ или мной: кого погребаемъ?—въ послѣдній, въ послѣдній разъ провожаю“.

Петра II погребли въ Архангельскомъ соборѣ, послѣ заупокойнаго торжественнаго богослуженія, совершеннаго вселенскимъ духовенствомъ въ присутствіи знатнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ.

4) Замѣчательныя изъ дѣлъ правленія Петра II.

Изъ дѣлъ правленія Петра II замѣчательны два слѣдующія. Во-первыхъ, при этомъ государѣ

заключенъ былъ выгодный для русскихъ договоръ съ Китаемъ. Еще Екатерина I, для устраненія пограничныхъ споровъ, отправила къ богдыхану, или китайскому императору, посломъ графа Рагузинскаго; послѣ продолжительныхъ переговоровъ, споровъ и непріятностей отъ китайскихъ чиновниковъ, ему удалось заключить на рѣкѣ Бурѣ трактатъ съ китайцами въ 1728 году. По этому договору, постоянная торговля съ обѣихъ сторонъ открыта въ двухъ мѣстахъ: въ русской пограничной слободѣ Кяхтѣ и въ китайскомъ мѣстечкѣ Маймачинъ. Русскіе могли каждые три года отправлять въ Пекинъ караванъ и тамъ торговать безпошлинно, получили право держать тамъ миссію изъ четырехъ духовныхъ особъ и шести свѣтскихъ молодыхъ людей для изученія китайскаго языка.

Вторымъ замѣчательнымъ дѣломъ было открытіе Ладожскаго канала, который начатъ былъ еще при Петрѣ I. Безчисленныя выгоды, происшедшія для жителей Петербурга отъ этого важнаго водянаго сообщенія, заставили ихъ благословлять священную память предусмотрительнаго и геніальнаго основателя Петербурга.

Вообще же нужно сказать, что правленіе Петра II, несмотря на нѣкоторыя замѣшательства, происходившія вслѣдствіе ошибочныхъ дѣйствій Меншикова, Долгорукихъ и имъ подобныхъ вельможъ, было для Россіи счастливо. „Съ перваго взгляда“, говоритъ знаменитый нашъ историкъ С. М. Соловьевъ: „все должно было представляться въ разстройствѣ, но при этомъ видимомъ разстройствѣ, болѣе внимательные наблюдатели замѣчали, однако, что народъ вообще былъ доволенъ; это довольство происходило прежде всего отъ

мира, продолжавшагося уже семь — восемь лѣтъ, отъ уменьшившихся тягостей, поборовъ людьми и деньгами, вслѣдствіе мѣръ принятыхъ при Екатеринѣ I; но послѣдствія этихъ мѣръ оказывались только теперь; торговля и промышленность успѣвались, благодаря дѣятельности остерманов-ской „комиссіи о коммерціи“, которая усердно заботилась о пріисканіи такихъ мѣръ, которыя способствовали бы поднятію нашихъ торговыхъ дѣлъ и промысловъ.

III) Анна Іоанновна.

(1730—1740).

1) Владычество Бирона.

По смерти Петра II, изъ особъ царскаго дома оставались слѣдующія: дочь Петра Великаго, цесаревна Елизавета Петровна, внукъ Петра Великаго, Петръ Ѳеодоровичъ,—отъ старшей дочери его, Анны Петровны, герцогини Голштинской, — и три племянницы Петра Великаго, дочери его старшаго брата, царя Іоанна Алексѣевича. На престолъ вступила одна изъ нихъ, Анна Іоанновна, вдовствовавшая герцогиня Курляндская.

Короновавшись въ Москвѣ, 28 апрѣля 1750 года, государыня переѣхала въ Петербургъ и оставалась тамъ до самой своей кончины. Отъ Анны Іоанновны ожидали много хорошаго, такъ какъ, отличаясь природнымъ умомъ, она была уже и довольно опытна, вступивъ на императорскій престолъ 37-ми лѣтъ. Къ сожалѣнію, ожиданія эти не исполнились, и царствованіе ея было несчастливо. Причиною многихъ бѣдствій, постигшихъ Россію въ правленіе Анны Іоанновны, было то, что она пре-

доставила завѣдываніе важнѣйшими дѣлами государства своему довѣренному вельможѣ, курляндцу Бирону. Одинъ изъ тогдашнихъ придворныхъ даетъ объ этомъ слѣдующій отзывъ: „Анна Іоанновна была въ обхожденіи очень ласкова; сердце ея наполнено великодушіемъ, но ея воля почти всегда зависѣла больше отъ другихъ, чѣмъ отъ нея самой. Верховную власть надъ императрицей сохранялъ Бирон неослабно; и въ угожденіе ему монархиня лишала себя вольности до того, что всѣ поступки по его мыслямъ распоряжала. Всѣхъ милостей надлежало испрашивать отъ Бирона, и чрезъ него одного императрица свои рѣшенія подавала. Бирон же всѣми мѣрами отвращалъ и не допускалъ другихъ до императрицы, и буде не самъ, то чрезъ жену и дѣтей своихъ всегда окружалъ ее такъ, что она ни слова сказать, ниже шагу ступить не могла, чтобы онъ тѣмъ же часомъ не былъ о томъ увѣдомленъ“.

Заботясь только о личной своей выгодѣ, Бирон вовсе не имѣлъ попеченія о благѣ и счастіи Россіи. Неномѣрно корыстолюбивый, жестокій и мстительный, онъ не щадилъ тѣхъ, кто былъ противникомъ его, кто не поступалъ такъ, какъ ему хотѣлось. Не было пощады ни знатнымъ ни простымъ людямъ; недовольныхъ его управленіемъ онъ приказывалъ ссылать въ Сибирь и казнить. Анна Іоанновна со слезами на глазахъ подписывала многочисленные смертные приговоры, составленные Бирономъ, который хитро умѣлъ уговорить государыню и убѣдить въ необходимости казней. Старые сотрудники Петра Великаго утратили свое значеніе и силу: одни были удалены отъ дѣлъ правленія; другіе, какъ Голицыны и Долго-

рукіе, обвиненные въ разныхъ преступленіяхъ, были подвергнуты тяжкимъ наказаніямъ. Самый главный изъ Голицыныхъ, Дмитрій Михайловичъ, былъ заключенъ въ крѣпость; вся фамилія Долгоруких, господствовавшихъ при Петрѣ II, подверглась ссылкѣ; нѣсколько лѣтъ спустя, Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій и дядя его, Василій Лукичъ, были казнены. Такъ окончилъ свою жизнь бывшій любимецъ Петра II!

Замѣчательна судьба и жены его, Натальи Борисовны, урожденной графини Шереметевой. Когда Долгорукіе подверглись опалѣ, шестнадцатилѣтняя графиня, будучи сиротой, вопреки настойчивымъ совѣтамъ своихъ родственниковъ, не отказала въ рукѣ горячо любимому жениху своему, Ивану Алексѣевичу Долгорукову, она не только вышла за него замужъ, но и добровольно послѣдовала за нимъ въ ссылку, въ Березовъ, гдѣ они и прожили вмѣстѣ 8 лѣтъ, до самой казни Ивана Алексѣевича, терпя всевозможныя лишенія. Въ 1740 году Наталья Борисовна съ двумя своими сыновьями возвратилась въ Москву, съ дозволенія Анны Іоанновны. Вырастивъ своихъ сыновей, она постриглась въ одномъ кіевскомъ монастырѣ, гдѣ и скончалась, оставивъ любопытныя записки о своей многострадальной жизни.

По проискамъ Бирона, казненъ былъ и одинъ изъ способнѣйшихъ дѣятелей того времени, Артемій Петровичъ Волынскій. „Либо ему быть, либо мнѣ“, говорилъ Биронъ Аннѣ Іоанновнѣ, стоя передъ нею на колѣняхъ. Проливая слезы, Анна Іоанновна согласилась предать суду Волынскаго. Раболѣпные судьи, угождая Бирону, присудили Волынскаго къ казни. Въ смертномъ приговорѣ

было сказано, что Волынскій подлежитъ казни за корыстолюбіе и за частые разговоры со своими гостями о тогдашнихъ порядкахъ. Впослѣдствіи императрица Екатерина Великая писала о дѣлѣ Волынскаго слѣдующее: „Совѣтую моему сыну и всѣмъ моимъ потомкамъ читать это дѣло отъ начала до конца, чтобы они видѣли и предостерегали себя отъ такого беззаконнаго производства дѣлъ".

Преслѣдованія Бирона обрушились и на духовенство. Преслѣдованіямъ и тяжкимъ наказаніямъ подверглись не только священнослужители низшихъ духовныхъ степеней за оплошности и незначительныя неисправности, но и архипастыри Церкви. Такъ, напримѣръ, тверской архіепископъ Θеофилактъ Лопатинскій лишенъ былъ сана, подвергнутъ пыткамъ и заключенъ въ крѣпость за то, что издалъ противъ лютеранства книгу „Камень вѣры".

Страдали, при владычествѣ Бирона, также дворяне и крестьяне, отъ строгаго взысканія недоимокъ во время неурожаевъ. Крестьяне и разные бѣдняки отъ пытокъ бѣжали, куда глаза глядятъ, въ сосѣднія государства, въ глухіе лѣса, въ степи придонскія; другіе отъ нужды стали промышлять недобрымъ дѣломъ, воровствомъ и разбоемъ. Противъ Бирона поднялся ропотъ. Но онъ не вразумился и не смягчился, напротивъ, отвѣтилъ на вопль народный новыми жестокостями: учредилъ тайную канцелярію. Всякій, кто хотѣлъ на другого донести, говорилъ: „слово и дѣло"; и того, оговореннаго доносчикомъ, хватали, отправляли въ тайную канцелярію и подвергали пыткамъ. На улицахъ никто не смѣлъ поговорить, сосѣдившись съ пріятелемъ, опасаясь, чтобы слуги Бирона не сочли раз-

говорѣ подозрительнымъ и не взяли обоихъ подъ караулъ. Мужъ съ женою, отецъ съ сыномъ боялись сказать слово о своемъ печальномъ положеніи, чтобы кто изъ домашнихъ не подслушалъ и не донесъ. Отъ этого время Бирона, или бироновщина, оставило по себѣ печальную память въ народѣ.

Между тѣмъ Анна Іоанновна, по душѣ своей простая и добрая, даже и не подозрѣвала, сколько слезъ проливали подданные ея подъ владычествомъ Бирона. Въ сердечной простотѣ она полагалась на увѣренія Бирона, что народъ, подъ его управленіемъ, благоденствуетъ; узнать о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ въ государствѣ она также не могла, потому что Биронъ окружилъ императрицу людьми, ему преданными, такъ что никакая жалоба не могла достигнуть ея слуха. Кромѣ того, Биронъ всячески старался разсѣять государыню разными увеселеніями, отвлечь ея вниманіе отъ дѣлъ правленія, чтобы только самому всѣмъ распоряжаться. Потѣхи придумывались одна другой забавнѣе, и, наконецъ, устроена была шутовская свадьба въ „ледяномъ домѣ“. Для новобрачныхъ, придворнаго шута съ горбатой карлицей-калмычкой, построенъ былъ на Невѣ „ледяной домъ“ со всѣми принадлежностями, сдѣланными также изо льда. Ко дню свадьбы собраны были съ разныхъ концовъ Россіи инородцы въ своихъ особенныхъ костюмахъ для участія въ свадебномъ поѣздѣ; впереди выступалъ слонъ въ теплыхъ котахъ; на спинѣ его въ клѣткѣ ѣхали молодые, блистая золотомъ и бархатомъ; за новобрачными ѣхали парами представители разныхъ племенъ —мужчина и женщина; ѣхали на разныхъ животныхъ,—одни на волахъ, другіе на оленяхъ,

ные на ослахъ, на козлахъ, на собакахъ и на свиньяхъ. Звонъ колокольчиковъ, бубенчиковъ, разнообразные крики животныхъ и говоръ людскоій оглашали воздухъ. Веселая диковина привлекала толпы народа. Чудный поѣздъ, сдѣлавъ нѣсколько оборотовъ, остановился у дома Бирона, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ для новобрачныхъ и поѣзжанъ. Тогдашній стихотворецъ, Третьяковскій, привѣтствовалъ новобрачныхъ сочиненными имъ на этотъ случай стихами, въ которыхъ мало было складу, но много потѣхи. Послѣ обѣда начались пляски: каждая пара плясала по-своему, какъ умѣла. Затѣмъ поѣздъ отправился къ „ледяному дому“. При встрѣчѣ новобрачныхъ, домъ внутри освѣтился огнями: горѣли въ ледяныхъ свѣчахъ фитили, опущенные въ конопляное масло; передъ домомъ производилась пальба изъ ледяныхъ пушекъ, и ледяной слонъ пускалъ изъ хобота горящую смолу. Молодые вступили въ „ледяной домъ“, гдѣ и оставались до утра, а поѣздъ разъѣхался, чѣмъ и кончилось празднество шутовскоій свадьбы.

2) Дѣла внутреннія и внѣшнія.

Печальное положеніе дѣлъ, вызванное дурнымъ управленіемъ Бирона, было бы въ Россіи еще хуже, если бы во внутренней и внѣшней политикѣ не принимали дѣятельнаго участія искусный министръ Остерманъ и способнѣйшій полководецъ Минихъ. Эти умные дѣятели, воспитанные въ государственныхъ трудахъ еще Петромъ Великимъ, возвысившіеся не случайно, какъ Биронъ, но своими талантами и заслугами, не дали заглохнуть предначертаніямъ великаго преобразователя: они

продолжали вести Россію по новому пути, на который вступила ея государственная жизнь. И вообще должно сказать, что при преемникахъ Петра Великаго всѣ главнѣйшія отправленія государственной жизни совершались подъ руководствомъ и съ помощью многочисленныхъ дѣятелей, воспитанныхъ заботами и трудами царя-преобразователя.

Изъ распоряженій Анны Іоанновны, относящихся къ внутреннему управленію Россіи, замѣчательны слѣдующія. Она уничтожила Верховный Тайный Совѣтъ и возвратила Правительствующему Сенату то значеніе, какимъ пользовался онъ при Петрѣ Великомъ; но вскорѣ, вмѣсто отмѣненнаго Тайнаго Совѣта, явился при императрицѣ Кабинетъ, члены котораго названы были кабинетъ-министрами. Затѣмъ императрица повелѣла начатое Уложеніе законовъ немедленно оканчивать и опредѣлять для этого занятія добрыхъ и знающихъ людей, избранныхъ изъ дворянства, духовенства и купечества. Къ этой мѣрѣ государыня вынуждена была прибѣгнуть, потому что, „при несогласныхъ указахъ, безсовѣстные судьи рѣшали дѣла неправедно, въ пользу которой стороны хотѣли“. Такъ какъ, при отправленіи правосудія, многіе воеводы причиняли обиды и разореніе посадскимъ и уѣздпымъ людямъ, то государыня повелѣла смѣнять воеводъ каждые два года, и по смѣнѣ воеводы должны были являться въ Сенатъ, чтобы дать отчетъ въ своемъ управленіи. Если воевода оказывался неправымъ, и если въ продолженіе года жалобъ на него не поступало, то позволялось опредѣлять его опять въ воеводы.

Въ отношеніи военнаго дѣла замѣчательны слѣдующія распоряженія императрицы. По волѣ

Петра Великаго, дворяне обязаны были служить въ войскѣ въ продолженіе цѣлой жизни: они освобождались отъ службы или по болѣзни, или по совершенной дряхлости, такъ что не было опредѣлено срока, послѣ котораго они могли бы возвратиться въ свои помѣстья и заняться хозяйствомъ. Теперь опредѣлено было, чтобы дворяне отъ 7 до 20 лѣтъ учились, отъ 20 до 45 лѣтъ состояли въ военной службѣ и послѣ 25 лѣтъ службы въ войскѣ получили право, если захотятъ, выходить въ отставку. Больные и раненые могли освобождаться отъ военной службы и ранѣе этого срока.

Для подготовки дворянскихъ дѣтей къ военной и вообще къ государственной службѣ Анна Іоанновна, по плану Миниха, учредила въ Петербургѣ первый шляхетскій (или дворянскій) кадетскій корпусъ; дѣти дворянъ, получивъ въ корпусѣ надлежащее образованіе, прямо поступали офицерами въ армію; но этотъ корпусъ не былъ только военноучебнымъ заведеніемъ, такъ какъ его воспитанники могли поступать и въ гражданскую службу, а нѣкоторые, имѣвшіе особенную склонность къ наукамъ и отличавшіеся выдающимися способностями, могли продолжать свое ученье у профессоровъ Академіи Наукъ; военными упражненіями занимали кадетъ только одинъ день въ недѣлю, „дабы въ обученіи другимъ наукамъ препятствіи не было“. Кадетскій корпусъ учрежденъ былъ сначала на 200 воспитанниковъ, но послѣ это число увеличено до 360 учащихся. Дворянскія дѣти, которые не были отданы въ корпусъ и обучались въ родительскихъ домахъ, обязаны были подвергаться экзамену, на который являлись

дважды— 12 лѣтъ и 16; послѣ выдержаннаго экзамена, они поступали въ военную службу; болѣе же способныхъ къ гражданской службѣ, чѣмъ къ военной, велѣно было распредѣлять по коллегіямъ, гдѣ секретари обязаны были ихъ учить приказному дѣлу. Если же недоросль изъ дворянскихъ дѣтей послѣ второго экзамена оказывался несвѣдущимъ въ законѣ Божіемъ, грамматикѣ, ариѳметикѣ и географіи, то его опредѣляли безъ выслуги въ матросы.

Прилагая заботы къ возвышенію и образованію высшихъ лицъ изъ военнаго сословія, государыня старалась и объ увеличеніи числа войскъ. Численность гвардіи при Аннѣ Іоанновнѣ была увеличена учрежденіемъ двухъ новыхъ полковъ: къ Преображенскому и Семеновскому она прибавила Измайловскій полкъ и Конный—гвардейскій. Военнымъ дѣломъ завѣдывалъ фельдмаршалъ Минихъ; онъ весьма умѣло дѣйствовалъ какъ военачальникъ: хотя онъ и отличался чрезвычайною строгостью и ввелъ въ войскахъ замѣчательную дисциплину, но, несмотря на строгость, былъ очень любимъ офицерами и солдатами. Благодаря его постояннымъ заботамъ, русское войско было приведено въ отличное состояніе и одержало рядъ блистательныхъ побѣдъ надъ поляками и турками, съ которыми вели мы войны въ правленіи Анны Іоанновны. Побѣдоносными вождями русскихъ войскъ во время этихъ войнъ были Минихъ и Ласси. Самыя же войны были вызваны слѣдующими обстоятельствами.

На польскій престолъ, по смерти Августа II (1733 г.), былъ избранъ, при содѣйствіи Франціи, Станиславъ Лещинскій, который находился въ

родственной связи съ французскимъ королевскимъ домомъ. Остерманъ, управлявшій при Аннѣ Іоанновнѣ внѣшними дѣлами, убѣдилъ императрицу, чтобы она, въ союзѣ съ Австріей, устранила Лещинскаго изъ Польши и возвела на престолъ польскій Августа III, сына покойнаго короля. Августъ III, курфюрстъ саксонскій, въ свою очередь, обѣщалъ Бирону доставить за эту услугу достоинство курляндскаго герцога. Русскія войска заставили Лещинскаго бѣжать изъ Польши во Францію и отречься отъ престола, а польскимъ королемъ избранъ былъ Августъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ Курляндіи умеръ герцогъ Фердинандъ, послѣдній изъ дома Кетлера, управлявшій своимъ герцогствомъ въ зависимости отъ Польши. Тогда, съ согласія Августа III и при помощи русскаго войска, курляндскимъ герцогомъ избранъ былъ Биронъ.

Вскорѣ по окончаніи польской войны, Анна Іоанновна, въ союзѣ съ Австріей, объявила войну Турціи, чтобы пріобрѣсти сѣверные берега Чернаго моря и тѣмъ прекратить набѣги крымскихъ татаръ на наши южныя области. Въ этой войнѣ Миниихъ взялъ Азовъ и проникъ въ восточную часть Крыма, а Ласси взялъ Перекопъ, Бахчисарай, Очаковъ, крѣпость Хотинъ и одержалъ блистательную побѣду надъ турками при Ставучанахъ, въ Молдавіи; потомъ перешелъ Прутъ, хвалясь, что отомстилъ за неудачу нашу въ 1711 году, и намѣревался перейти Дунай. Но австрійцы слабо поддерживали русскую армію; потерпѣвши нѣсколько пораженій, они вступили въ переговоры съ турецкимъ султаномъ. Между тѣмъ походы по южнымъ степямъ были очень трудны, войско

должно было везти съ собою дрова и воду; отъ изнуренія, болѣзней и битвъ въ арміи нашей замѣчалась огромная потеря людей; сверхъ всего этого, продолжалась потеря множества лошадей и воловъ, павшихъ отъ недостатка корма; при такихъ условіяхъ продолжать войну съ Турціей, да еще и безъ союзниковъ, было невозможно, и въ 1739 году императрица заключила съ Портою миръ въ Бѣлградѣ. По этому мирному договору Россія пріобрѣла степное пространство между рѣками Бугомъ и Днѣпромъ, и турки обязались срыть Азовъ до основанія.

3) Болѣзнь Анны Іоанновны, назначеніе Бирона правителемъ, кончина императрицы и послѣдовавшія за тѣмъ событія.

Сдѣлавшись герцогомъ курляндскимъ, Биронъ, однакоже, не поѣхалъ въ Курляндію, но остался въ Россіи, желая упрочить свою власть и на будущее время. Обстоятельства сначала благопріятствовали этому. Бездѣтная Анна Іоанновна, желая передать престолъ потомству царя Іоанна Алексѣевича, взяла во дворецъ и воспитывала, какъ родную дочь, свою племянницу Анну Леопольдовну. (Мать Анны Леопольдовны, Екатерина Іоанновна,—родная сестра Анны Іоанновны,—была замужемъ за принцемъ Мекленбургскимъ, Леопольдомъ.) Потомъ Анна Іоанновна выдала свою племянницу за принца Брауншвейгскаго, Антона-Ульриха, пріѣхавшаго въ Россію. Родившагося отъ этого брака младенца—Іоанна Антоновича—императрица поспѣшила объявить своимъ наслѣдникомъ 1 октября 1740 года, когда ему не было еще и двухъ мѣсяцевъ отъ рожденія.

Вскорѣ послѣ этого Анна Іоанновна сильно занемогла. Бирон уговорил нѣсколькихъ вельмож просить умиравшую императрицу о назначеніи его, Бирона, правителемъ государства до совершеннолѣтія Іоанна Антоновича. Анна Іоанновна сначала не соглашалась на это и говорила Бирону: „Жаль мнѣ тебя... ты самъ идешь къ своей гибели“, но за нѣсколько часовъ до смерти подписала документъ объ опредѣленіи Бирона правителемъ имперіи до совершеннолѣтія младенца-императора, то-есть до 17 лѣтъ.

17 октября 1740 года императрица скончалась, 46 лѣтъ отъ роду, и всѣ спокойно присягнули младенцу-императору и правителю Бирону, герцогу курляндскому.

Бирон сдѣлался правителемъ, но не надолго. Жестокое правленіе его скоро вызвало неудовольствіе и ропотъ въ народѣ и войскѣ. Наступили большія смуты, для устраненія которыхъ фельдмаршалъ Минихъ, черезъ три недѣли по смерти Анны Іоанновны, арестовалъ ненавистнаго правителя. Анна Леопольдовна объявлена правительницею, Минихъ назначенъ первымъ министромъ въ государствѣ, а Бирон лишенъ имѣнія, чиновъ, орденовъ и отправленъ въ Сибирь, въ городъ Пелымъ.

Къ сожалѣнію, и сверженіе Бирона не могло окончательно успокоить Россію и вызвало новыя смуты. Анна Леопольдовна вовсе не способна была къ управленію государствомъ, и, слѣдовательно, всѣ дѣла должны были сосредоточиться во власти перваго министра. Но Миниху не желали подчиниться ни принцъ Антонъ, мужъ правительницы, ни Остерманъ, давній соперникъ

Миниха. Они стали запугивать Анну Леопольдовну, выставляя Миниха человѣкомъ слишкомъ сильнымъ и полновластнымъ, слѣдовательно, и опаснымъ. Напуганная правительница охладѣла къ фельдмаршалу Миниху и удалила его отъ всѣхъ дѣлъ. Но, лишившись перваго министра, правительница вскорѣ разссорилась и съ преданными ей лицами—принцемъ Антономъ и Остерманомъ, а сама управлять государствомъ не могла. Дѣла пришли въ сильное разстройство, и этимъ вздумали воспользоваться давніе наши недоброжелатели—шведы. Они объявили намъ войну, требуя возвращенія областей, завоеванныхъ у нихъ Петромъ Великимъ. Такимъ образомъ, къ внутреннимъ безпорядкамъ прибавились еще и внѣшнія опасности, угрожавшія Россіи большими бѣдствіями.

Въ это тяжелое время въ Петербургѣ начало обнаруживаться явное неудовольствіе противъ правительницы, а среди духовенства, войскъ и народа все чаще и чаще стало произноситься имя дочери Петра Великаго, Елизаветы Петровны, какъ ближайшей и законной наслѣдницы престола. Между тѣмъ сама Елизавета Петровна вовсе не думала о своихъ правахъ на корону и не стремилась къ власти. Веселая, живая, красивая и отъ природы добродушная, цесаревна болѣе любила предаваться разнымъ развлеченіямъ и придворнымъ празднествамъ, нежели политическимъ замысламъ и властолюбивымъ мечтамъ. Будучи вполнѣ русской по своему характеру, она охотно сближалась съ народомъ и любила жить въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ иногда водила хороводы и пѣла пѣсни съ крестьянскими дѣвушками. Въ то же время она отличалась большою набожностью, строго соблю-

дала всѣ обряды православной Церкви и часто ходила пѣшкомъ на богомолье въ Троице-Сергіевъ монастырь. Любимая духовенствомъ и народомъ, она пользовалась безпредѣльною преданностью гвардіи. Всѣ считали Елизавету Петровну прямой наслѣдницей Петра Великаго и давно уже возлагали на нее большія надежды; а теперь, при содѣйствіи лѣкаря цесаревны Лестока, началось и явное движеніе всѣхъ сословій въ ея пользу. Это не укрылось отъ правительницы Анны Леопольдовны, и цесаревнѣ стала грозить опасность заключенія въ монастырь. Тогда Елисавета Петровна рѣшилась избавить себя и Россію отъ угрожавшихъ несчастій и стала во главѣ преданныхъ ей войскъ. Принявъ начальство надъ гвардейцами, она провозгласила себя императрицею въ ночь съ 25 на 26 ноября 1741 года. Въ это же время Анна Леопольдовна была устранена отъ дѣлъ правленія и впослѣдствіи съ мужемъ и дѣтьми удалена даже изъ Петербурга; приверженцы же брауншвейгской фамиліи, устранявшіе до сихъ поръ Елисавету отъ престола, Минихъ, Остерманъ и Головкинъ, отправлены были въ ссылку.

Рано утромъ 26-го ноября было объявлено народу о восшествіи императрицы Елизаветы Петровны на престолъ, и вѣсть эта принята была всѣми съ неописанною радостью.

IV) Елизавета Петровна.

(1741—1761).

1) Восшествіе государыни на престолъ.

26 ноября 1741 года, раннимъ утромъ, во дворецъ Елизаветы Петровны съѣхались знатнѣйшія

духовныя и свѣтскія лица. Немедленно составленъ былъ манифестъ о восшествіи государыни на императорскій прародительскій престолъ, по всеусердному всѣхъ вѣрноподданныхъ желанію, которые и призывались къ принесенію государынѣ торжественной присяги. Въ 8 часовъ Елизавета надѣла Андреевскую ленту, объявила себя полковникомъ трехъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ—Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго, конной гвардіи Кирасирскаго полка и приняла поздравленіе особъ высшихъ классовъ; потомъ вышла на балконъ и была встрѣчена громкими восклицаніями народа. Несмотря на жестокую стужу, государыня проплась между рядами гвардіи, послѣ чего, возвратившись во дворецъ, принимала знатныхъ дамъ. Въ началѣ 5-го часа новая императрица съ торжествомъ переѣхала изъ своего стараго дворца въ Зимній дворецъ и, немного отдохнувъ, отправилась въ церковь къ молебну; тутъ окружили ее преображенскіе гренадеры и стали говорить: „Ты, матушка, видѣла, какъ усердно мы сослужили тебѣ свою службу; за это просимъ одной награды—объяви себя капитаномъ нашей роты, и пусть мы первые присягнемъ тебѣ“. Елизавета согласилась. Ликованіе было искреннее и всеобщее.

2) Первыя милости новой государыни.

Въ концѣ 1741 года обнародованъ былъ высочайшій именной указъ, въ которомъ слѣдующимъ образомъ были изображены заслуги войскъ при воцареніи Елизаветы Петровны и объявлены дарованныя имъ за это высочайшія милости. Въ

указѣ было сказано, что во время вступленія ея величества на престолъ полки гвардейскіе, а особливо гренадерская рота Преображенскаго полка, показали государынѣ императрицѣ столь ревностно свою вѣрность, что она одною ихъ службою, при помощи Всемогущаго Господа, получила желаемый всѣми успѣхъ въ дѣлѣ вступленія на престолъ безъ какихъ-либо затрудненій и безъ всякаго кровопролитія; императрица за неизреченную милость Божію къ ней и всему государству возноситъ благодарность Господу Богу, Подателю всѣхъ благъ; но въ то же время, принимая во всемилостивѣйшее разсужденіе и вѣрную службу выше помянованныхъ войскъ, государыня не можетъ остаться, не показавъ особливой императорской милости къ нимъ. Милость состояла въ томъ, что офицеры и солдаты гвардіи, также и двухъ полковъ—Ингерманландскаго и Астраханскаго—награждены были денежными суммами; гренадерская рота Преображенскаго полка получила названіе „лейбъ-компаніи“, капитаномъ которой была сама императрица; капитанъ-поручикъ этой роты равнялся полному генералу (генералъ-принцъ Гессенъ-Гомбургскій), два поручика—генералъ-лейтенантамъ (Разумовскій и Воронцовъ), два подпоручика—генералъ-маіорамъ (камергеры Ал. и П. Шуваловы), прапорщики—полковникамъ, сержанты—подполковникамъ, капралы—капитанамъ, всѣ унтеръ-офицеры и рядовые „лейбъ-компаніи“ получили потомственное дворянство и вмѣстѣ съ офицерами щедро были награждены деревнями и землями.

Кромѣ войскъ, государыня осыпала своими наградами и милостями и прочихъ усердныхъ и вѣрныхъ своихъ слугъ. На 5-й день по вступленіи на

престоль, Елизавета Петровна торжественно праздновала орденскій день (30-го ноября) св. апостола Андрея Первозваннаго. Этотъ праздникъ въ новое царствованіе имѣлъ особенно важное значеніе, такъ какъ пробуждалъ память объ учредителѣ Андреевскаго ордена, великомъ родителѣ императрицы. Послѣ литургіи въ придворной церкви, императрица пожаловала Андреевскую ленту тремъ генералъмъ-антефамъ—Румянцеву, Чернышеву и Левашеву и дѣйствительному тайному совѣтнику Александру Петровичу Бестужеву-Рюмину; князю Куракину, графу Головину и Ушакову пожалованы золотыя цѣпи того же ордена; кромѣ того, кавалеры прежняго двора цесаревны Петръ и Александръ Шуваловы, Воронцовъ и Разумовскій сдѣланы дѣйствительными камергерами. Въ концѣ того же года и въ началѣ слѣдующаго пожалованы: Лестокъ первымъ лейбъ-медикомъ въ рангѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и Бестужевъ М. П.—званіемъ оберъ-гофмаршала.

Вмѣстѣ съ указами о наградахъ, Сенатъ получилъ указы о возвращеніи пострадавшихъ въ прежнее царствованіе. 4-го декабря князья Василій и Михаилъ Владиміровичи Долгорукіе возвращены изъ заточенія и возстановлены въ прежнихъ чинахъ; Василій Владиміровичъ потомъ сдѣланъ президентомъ военной коллегіи; князь Сергѣй Михайловичъ получилъ дозволеніе выѣзда изъ деревни въ Петербургъ, дѣтямъ Волынскаго возвращено все имѣніе отца, взятое въ казну; Биронъ и его братья освобождены изъ ссылки. Вообще же Елизавета Петровна даровала свободу болѣе, нежели 20000 человѣкамъ, сосланнымъ въ грозное время бироновщины. Къ сожалѣнію, многихъ изъ потерпѣв-

ныхъ не могли отыскать, такъ какъ ихъ поселяли въ Сибири подъ чужими именами.

3) Утвержденіе престолонаслѣдія въ потомствѣ Петра Великаго.

Объявивъ потомство царя Іоанна Алексѣевича неимѣющимъ права на императорскій всероссійскій престолъ, императрица Елизавета Петровна поспѣшила упрочить наслѣдство самодержавной власти за потомствомъ Петра Великаго. Она послала въ Киль за племянникомъ своимъ, молодымъ герцогомъ Голштинскимъ, сыномъ старшей сестры своей Анны Петровны. Посланный за герцогомъ майоръ, баронъ Корфъ, благополучно привезъ его въ Петербургъ 5 февраля 1742 года. Императрица немедленно надѣла на своего племянника Андреевскую ленту съ брильянтовою звѣздою, а герцогъ далъ учрежденный отцомъ его орденъ св. Анны Разумовскому и Воронцову.

10 февраля 1742 года праздновался день рожденія молодого герцога: ему исполнилось 14 лѣтъ. Государыня намѣрена была объявить его наслѣдникомъ престола; но это было отложено ею до того времени, когда герцогъ приметъ православіе, и пока это условіе не было выполнено, внукъ Петра Великаго носилъ титулъ его королевскаго высочества, владѣтельнаго герцога Голштинскаго. Почти тотчасъ же по прибытіи герцога, императрица озаботилась завершить воспитаніе племянника, какъ будущаго наслѣдника русскаго престола. Къ нему были опредѣлены три наставника: іеромонахъ Симонъ Тодорскій, который обучалъ принца истинамъ православной вѣры, учитель Исаакъ Веселовскій преподавалъ ему русскій языкъ и про-

фессоръ академикъ Штелинъ училъ его исторіи и математикѣ.

4) Коронація императрицы Елизаветы Петровны.

Въ началѣ 1742 года императрица отправилась въ Москву для торжества коронованія, которымъ должно было завершиться дѣло восшествія ея на прародительскій престолъ.

23-го февраля Елизавета Петровна выѣхала изъ Петербурга и 26-го числа, въ третьемъ часу по полудни, пріѣхала въ село Всѣхсвятское, въ семи верстахъ отъ Москвы. Здѣсь императрица отдыхала 27-го числа, а между тѣмъ къ слѣдующему дню учреждали церемонію торжественнаго въѣзда ея въ древнюю и первопрестольную столицу.

28-го числа, въ пять часовъ утра, на Красной площади раздались девять пушечныхъ выстрѣловъ, и начался благовѣстъ въ большой Ивановскій колоколъ. Въ 10-мъ часу императрица пріѣхала изъ Всесвятскаго въ Тверскую-Ямскую слободу, гдѣ пересѣла въ парадную карету, и начался торжественный въѣздъ въ Москву. По пути слѣдованія государынѣ воздвигнуты были трое тріумфальныхъ воротъ—отъ Московской губерніи, отъ Синода и отъ Московскаго купечества—на Тверской улицѣ, у церкви Казанской Божіей Матери и на Мясницкой.

Когда, прибывъ въ Успенскій соборъ, Елизавета Петровна сѣла на императорскомъ мѣстѣ и племянникъ ея, герцогъ Голштинскій, на царицынномъ мѣстѣ, новгородскій архіепископъ Амвросій произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ слѣдующія радостныя чувства: „Ирінде, о Россія, твоего

благополучія твердое и непоколебимое основаніе, пріиде тишина твоя, благосостояніе и прочихъ желаніи твоихъ несомнѣнная надежда. Церковь православная радуется, яко своего благополучія крѣпкую получила защитницу, радуется весь правительствующій сингклитъ, что воспріемлетъ отъ нея какъ чести и достоинства своего утвержденіе, такъ и живой образъ милости и правосудія. Горитъ пламенемъ любви и несказанныя ревности къ своей природной государынѣ и все воинство, радуются и гражданскіе чины. Хотя нынѣ и вся Россія отъ радости торжествуетъ, однако градъ сей, который есть якобы прямымъ сердцемъ всѣхъ градовъ россійскихъ, наибольшую въ себѣ радость ощущаетъ, для того, что онъ всѣ причины и преимущества радости въ себѣ содержитъ".

Послѣ посѣщенія Архангельскаго и Благовѣщенскаго соборовъ, императрица опять сѣла въ парадную карету и тѣмъ же порядкомъ отправилась къ Зимнему своему дому, что на рѣкѣ Яузѣ. Когда государыня подъѣхала къ тріумфальнымъ синодальнымъ воротамъ, тутъ встрѣтили ее сорокъ воспитанниковъ Славяно-Греко-Латинской академіи въ бѣломъ платьѣ, съ вѣнцами на головахъ, съ лавровыми вѣтвями въ рукахъ и пропѣли кантату, содержавшую въ себѣ между прочими слѣдующіе стихи:

Приспѣ день красный,
Возсіяло ведро:
Милость Россіи
Небеса прещедро
Давно желанну
Зрѣти показали;
Прочь всѣ печали!
Не одно, не два,
Но многая лѣта
Все дождь проливалъ

И не было свѣта.
Когда Богъ велѣлъ
Вѣтромъ умолчати,—
Тишина стала.
Кто могъ противъ стати!

Днемъ коронаціи было назначено 25-го апрѣля. Въ этотъ день торжество вѣнчанія на царство Елизаветы Петровны совершалось съ необычайною пышностью и великолѣпіемъ, дотолѣ неизвѣстнымъ въ Россіи, по свидѣтельству современниковъ. Тотъ же новгородскій архіепископъ Амвросій говорилъ императрицѣ поздравительную рѣчь, въ которой, между прочимъ, прославлялъ подвигъ, совершенный ею 25-го ноября, то-есть восшествіе государыни на прародительскій престолъ. Коронація сопровождалась придворными торжествами и народными праздниками. Увеселенія при дворѣ состоялн въ зрѣлищахъ или спектакляхъ, данныхъ при участіи пѣвцовъ и цѣвицъ италіанской оперы, и въ маскаралахъ, которые иногда продолжались по нѣскольку вечеровъ сряду. Въ то же самое время, какъ вельможи и дворянство восхищались этими удовольствіями, простой народъ не менѣе ихъ веселился на площадяхъ московскихъ, гдѣ разставлены были, въ видѣ красивыхъ пирамидъ, жареные быки, начиненные птицами и рыбами, окруженные грудами хлѣбовъ, калачей и пироговъ; между тѣмъ особые фонтаны били бѣлымъ и краснымъ виномъ, доставляя радость и удовольствіе веселившемуся народу. Особый блескъ придавали коронаціоннымъ праздникамъ великолѣпные фейерверки и иллюминаціи. Елизавета Петровна, по поводу коронаціи, объявила множество милостей и наградъ приближеннымъ лицамъ и знатнымъ вельможамъ; знатнѣйшіе же опальные прошлыхъ цар-

ствованій были возвращены. Вспомнили и о многихъ менѣе значительныхъ ссыльныхъ, стараясь избавить и ихъ отъ опалы.

Послѣ коронаціонныхъ торжествъ, дворъ оставался въ Москвѣ до конца года. Въ древней же столицѣ, черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ вѣнчанія на царство, Елизавета Петровна обнародовала манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ престола племянника своего, герцога Голштинскаго Петра: „яко по крови намъ ближайшаго, котораго отнынѣ великимъ княземъ съ титуломъ „его императорское высочество“ именовать повелѣваемъ“. При этомъ объявлено, что наслѣдникъ принялъ благочестивую вѣру греческаго исповѣданія. Въ церквахъ поминали послѣ императрицы: „наслѣдника ея, внука Петра Перваго, благовѣрнаго государя великаго князя Петра Ѳеодоровича“. Въ декабрѣ 1742 года дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, чего съ нетерпѣніемъ ожидали послы европейскихъ державъ, требовавшихъ вмѣшательства Россіи въ дѣла западныхъ государствъ.

5) Бракосочетаніе наслѣдника престола великаго князя Петра Ѳеодоровича и великой княгини Екатерины Алексѣевны.

Императрица желала какъ можно скорѣе устроить бракъ наслѣдника престола, великаго князя Петра Ѳеодоровича. Въ началѣ 1744 года пріѣхала въ Россію невѣста великаго князя-наслѣдника, принцесса Софія Августа Ангальтъ-Цербстская съ матерью. Мать ея, принцесса Іоанна, была родная сестра рано и неожиданно скончавшагося принца-жениха императрицы Елизаветы; этого обстоятельства было довольно для чувствительнаго сердца государыни,

чтобы заочно согласиться назвать племянницею своею принцессу Ангальть-Цербстскую, о достоинствахъ которой уже многіе говорили съ восхищеніемъ.

Все, что красота имѣетъ величественно-привлекательнаго, составляло наружность этой принцессы: орлиный носъ, прелестный ротъ, голубые глаза, то горделивые, то чрезвычайно кроткіе, темныя брови и необычайно плѣнительная улыбка. Если ростъ ея не принадлежалъ къ самымъ высокимъ то возвышался величіемъ чела и важностью поступи. Но эта важность исчезала въ необыкновенной прелести всѣхъ движеній, когда молодая принцесса, живая, остроумная, игривая, шутила съ окружавшими ее придворными.

Съ восхищеніемъ встрѣтили прекрасную принцессу и императрица, и будущій супругъ ея, и весь дворъ. Это общее восхищеніе, удовлетворяя всѣ желанія дѣтскаго сердца принцессы, придавало новую прелесть плѣнительной любезности, которой очаровала она новое свое отечество. Любимая всѣми съ первыхъ дней своего пріѣзда, она сама также скоро полюбила всѣхъ и наслаждалась съ безпечностью невиннаго и веселаго ребенка всѣми удовольствіями, которыми императрица старалась окружить ее и пріѣзжихъ съ нею гостей своихъ. Праздники и балы были такъ великолѣпны, что, казалось, должны были изумить четырнадцатилѣтнюю принцессу одного изъ самыхъ бѣдныхъ дворовъ Германіи; но этого не чувствовала будущая царица Россіи: такъ справедливо, что для души великой нѣтъ ничего необыкновеннаго. Она смотрѣла на все, какъ-будто ужъ имѣя прежде понятіе о диковинахъ, ею ви-

дѣвицахъ; разговаривала безъ замѣшательства съ иностранными послами и министрами, съ вельможами и полководцами; самый нравъ ея, откровенный и пылкій, недолго скрывался въ принужденности недавняго знакомства съ лицами, ее окружавшими, и вскорѣ явился предъ ними во всемъ своемъ блескѣ, во всей своей увлекательной прелести. Всѣ дамы, приставленныя къ ней, были очарованы ея привѣтливостью и, привыкнувъ къ важности обычаевъ придворныхъ, дивились простотѣ обхожденія и еще болѣе рѣзвостямъ молодой принцессы.

Казалось бы, что рѣзвость и живость нрава должны были отдалять принцессу отъ серьезныхъ занятій; но въ ней, напротивъ, было полное согласіе живости нрава и серьезности ума. Веселую и игривую въ часы отдохновенія, ее видѣли въ высшей степени внимательною и прилежною во время уроковъ. Принцесса такъ же, какъ и великій князь, учила ея, изучала истины вѣры православной у о. Симона Тодорскаго, а русскій языкъ—у наставника Василія Ададурова. Нужно замѣтить, что законоучителемъ принцессы былъ человѣкъ въ высшей степени серьезный и выдающійся какъ своими талантами, такъ и познаніями. Наставникъ и ученица достойны были другъ друга. Не лишнимъ считаемъ сказать здѣсь, что о. Тодорскій былъ ученѣйшій и замѣчательнѣйшій по своему времени лингвистъ, то-есть отличный знатокъ разныхъ языковъ, древнихъ и новыхъ, восточныхъ и западныхъ. Въ Кіевѣ и за границей изучилъ онъ языки: греческій, еврейскій, сирскій, халдейскій, арабскій и слушалъ лекціи въ Галлѣ знаменитаго нѣмецкаго ученаго Михаэлиса. Сдѣлавшись (въ 1738 г.) преподавателемъ въ Кіевской

академіи, онъ первый по времени у насъ положилъ основаніе изученію духовными воспитанниками ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго священнаго текста Библіи на еврейскомъ и греческомъ языкахъ. Вызванный (въ 1742 г.) въ Петербургъ для преподаванія богословія наслѣднику престола и его невѣстѣ, онъ въ то же время продолжалъ и свои ученыя занятія; написалъ свои изслѣдованія по восточному языкознанію и принималъ дѣятельное участіе въ изданіи Библіи. Впослѣдствіи о. архимандритъ Симонъ посвященъ былъ въ епископа костромского и скончался въ санѣ архіепископа псковскаго и нарвскаго. Съ рѣдкимъ вниманіемъ и усердіемъ относилась принцесса къ изученію истинъ вѣры православной и воспринимала ихъ не умомъ только, но и сердцемъ.

Не менѣе усердія проявляла принцесса и при изученіи русскаго языка. Желаніе какъ можно скорѣе изучить его было въ ней такъ сильно, что часто, для занятія заданными ей уроками, она вставала по ночамъ и проводила нѣсколько часовъ за книгами, въ то время, когда все около нея погружено было въ глубокій сонъ. Это неумѣренное прилежаніе едва не сдѣлалось гибелью для Россіи. Молодая принцесса, въ половинѣ марта 1744 года, опасно занемогла. О причинахъ болѣзни и ходѣ ея сама она разсказываетъ слѣдующимъ образомъ въ своихъ запискахъ:

„Въ десятый день послѣ моего пріѣзда въ Москву, императрица уѣхала въ Троицкій монастырь. Мнѣ уже дали троихъ учителей: Симона Тодорскаго, для наставленія въ греческой религіи. Василья Ададурова въ русскомъ языкѣ и Лоде для обученія танцамъ. Чтобъ скорѣе успѣть въ

русскомъ языкѣ, я вставала ночью и, когда всѣ спали мертвымъ сномъ, я заучивала тетрадки, оставленныя мнѣ Ададуровымъ. Такъ какъ въ комнатѣ было тепло, и я не имѣла никакой опасности насчетъ климата, то я занималась, какъ была въ постели, босикомъ. И вотъ, на пятнадцатый день я схватила болѣзнь, отъ которой чуть было не отправилась на тотъ свѣтъ. Въ то время, какъ я одѣвалась, чтобы итти съ матерью обѣдать къ великому князю, стало меня знобить. Съ трудомъ упросила я мать позволить мнѣ лечь въ постель. Когда она возвратилась съ обѣда, то нашла меня почти безъ чувствъ, въ страшномъ жару и съ нестерпимою болью въ боку. Она вообразила, что у меня оспа, послала за лѣкарями и хотѣла, чтобы они лѣчили меня отъ оспы. Лѣкари утверждали, что надобно мнѣ пустить кровь. Она не хотѣла объ этомъ слышать, говоря, что брата ее уморили кровопусканіемъ, тогда какъ у него была оспа, а она не хочетъ, чтобъ и со мною то же случилось. Мать и лѣкари спорили; я лежала безъ чувствъ, въ жару, стоная отъ страшной боли въ боку, а мать бранила меня, зачѣмъ я такъ нетерпѣлива. Наконецъ, на пятый день моей болѣзни, пріѣзжаетъ императрица отъ Троицы, прямо изъ кареты въ мою комнату, и застаетъ меня безъ чувствъ: съ нею былъ Лестокъ и еще другой лѣкарь. Выслушавъ ихъ мнѣнія, она велѣла пустить мнѣ кровь. Какъ только кровь пошла, я очнулась и, открывъ глаза, увидѣла, что императрица держитъ меня въ своихъ объятіяхъ. 27 дней я была между жизнію и смертію; наконецъ, нарывъ на лѣвомъ боку прорвался, и я стала выздоравливать. Я тотчасъ замѣтила, что поведеніе матери во

время моей болѣзни произвело на всѣхъ очень дурное впечатлѣніе. Увидавши, что мнѣ дурно, она хотѣла послать за лютеранскимъ пасторомъ; когда мнѣ объ этомъ сказали, я отвѣчала: „Это зачѣмъ? позовите лучше Симона Тодорскаго, я охотно буду съ нимъ говорить". Призвали его, и онъ говорилъ со мною въ присутствіи всѣхъ, и всѣ были очень довольны нашимъ разговоромъ. Это очень расположило ко мнѣ императрицу и весь дворъ. Императрица часто плакала обо мнѣ". Мало-помалу больная принцесса совершенно выздоровѣла.

Въ іюнѣ 1744 года архимандритъ Симонъ Тодорскій окончилъ свои наставленія въ вѣрѣ православной, и принцесса-невѣста великаго князя изъявила желаніе принять православіе. Торжественный обрядъ присоединенія совершился 28-го числа въ Москвѣ, гдѣ находились — государыня, наслѣдникъ престола, его невѣста съ матерью и весь дворъ. Въ Петербургѣ получено было слѣдующее извѣстіе о совершившемся событіи, столь радостномъ для царскаго дома и для всей Россіи: „Ея высококняжеская свѣтлость принцесса Ангальтъ-Цербстская, будучи по сіе время ежедневно наставляема отъ архимандрита въ православномъ исповѣданіи греческія вѣры, сего дня, предъ полуднемъ, въ здѣшней придворной церкви, въ высочайшемъ присутствіи ея императорскаго величества и его императорскаго высочества государя великаго князя, при собраніи всего духовенства, генерала нгета и знатнѣйшихъ придворныхъ персонъ, приняла публично исповѣданіе православнаго греческаго закона; посѣ чего отъ преосвященнаго архіепископа новгородскаго св. мурома помазана и именована Екатерина Алексѣевна. По совер-

нiи сей церемонiи, ея императорское величество пожаловала свѣтлѣйшей принцессѣ аграфъ (застежку) и складень брильянтовый, цѣною въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Впрочемъ, невозможно описать, коликое съ благочинiемъ соединенное усердiе сiя достойнѣйшая принцесса при помянутомъ торжественномъ дѣйствiи оказывала, такъ что ея императорское величество сама и большая часть бывшихъ при томъ знатныхъ особъ отъ радости не могли слезъ удержать".

На другой день, 29-го iюня, въ самыя именины великаго князя, послѣдовало обручение его съ Екатериною Алексѣевною, которая получила титулъ великой княжны. Во время праздничнаго и торжественнаго обѣда государыня вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола и его высокопареченною невѣстою сидѣла подъ богато-украшеннымъ балдахиномъ, въ присутствiи множества приглашенныхъ къ царскому столу высокопоставленныхъ и знатныхъ гостей.

26-го iюля великiй князь съ невѣстою и ея матерью поѣхали въ Кiевъ, а на слѣдующiй день туда же отправилась и сама императрица, благоговѣйно чтившая святыя мѣста этого древняго города. По возвращенiи изъ Кiева въ Москву, въ ноябрѣ 1744 года, великiй князь заболѣлъ корью; когда онъ выздоровѣлъ, и санная дорога установилась, въ декабрѣ императрица отправилась въ Петербургъ; за нею, спустя нѣсколько времени, выѣхалъ и великiй князь съ невѣстою и ея матерью. На дорогѣ за Тверью, въ селѣ Хотиловѣ, великiй князь, не отличавшiйся вообще крѣпкимъ здоровьемъ, снова почувствовалъ себя дурно, и на другой день у него оказалась оспа. Императрица, ко-

торая уже ранѣе пріѣхала въ Петербургъ, получивши извѣстіе о болѣзни племянника, немедленно отправилась въ Хотилово; она оставалась здѣсь весь январь мѣсяцъ 1745 года, пока великій князь оправился; тогда и она вмѣстѣ съ нимъ могла возвратиться въ Петербургъ; это было уже въ началѣ февраля. 10-го числа того же мѣсяца праздновали день рожденія великаго князя, которому минуло 16 лѣтъ.

Въ продолженіе послѣдующаго времени дѣлались приготовленія къ свадьбѣ великаго князя, которая и совершилась 21-го августа съ необыкновеннымъ торжествомъ: празднества продолжались 10 дней. 28-го сентября принцесса-мать великой княгини Екатерины Алексѣевны, получивши на прощанье 50.000 рублей и два сундука съ разными китайскими вещами и матеріями, выѣхала изъ Петербурга; свита ея была также богато одарена; тестю своему великій князь послалъ брильянтовыя пуговицы и пряжки, брильянтами украшенную шпагу и нѣсколько другихъ подобныхъ вещей.

20 сентября 1754 года исполнилось всеобщее ожиданіе: великая княгиня Екатерина Алексѣевна разрѣшилась отъ бремени сыномъ, Павломъ Петровичемъ. По случаю радостнаго событія наступили великія торжества. 25-го сентября совершилось крещеніе новорожденнаго великаго князя; на крестинахъ императрица подарила наслѣднику Петру Ѳеодоровичу 100.000 рублей, великой княгинѣ 100.000 рублей и брильянтовый уборъ на шею и серьги. Въ честь новорожденнаго великаго князя сожженъ былъ великолѣпный фейерверкъ, сопровождавшійся появленіемъ картинъ, изображающихъ радость Россіи и украшенныхъ соотвѣтствующими

надписями. Особые послы отправлены были къ дружественнымъ дворамъ съ извѣщеніемъ о рожденіи великаго князя. Радость и торжество русскихъ по случаю рожденія Павла Петровича легко понять: съ появленіемъ его на свѣтъ, преемство русскаго престола за домомъ Петра Великаго было обезпечено.

6) Дворъ Елизаветы Петровны.

Съ воцареніемъ Елизаветы Петровны пало господство иностранцевъ въ государствѣ (Бирона, Миниха, Остермана и другихъ), и престолъ императрицы окружили исключительно русскіе вельможи. Государыня выдвинула на первыя мѣста частію старыхъ дѣятелей петровскаго времени; частію людей новаго поколѣнія, успѣшно усвоившихъ то просвѣщеніе, о которомъ такъ много старался великій преобразователь; частію, наконецъ, возвысила тѣхъ приближенныхъ особъ, которыя состояли въ ея штатѣ, когда она была еще цесаревной.

Первымъ сановникомъ при дворѣ Елизаветы Петровны сдѣлался Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. Онъ былъ сынъ малороссійскаго казака, отличался красивою наружностью и прекраснымъ голосомъ; благодаря этимъ качествамъ, онъ еще при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ выбранъ былъ въ придворные пѣвчіе; затѣмъ вскорѣ онъ былъ зачисленъ въ штатъ цесаревны Елизаветы Петровны, которая въ то время обратила на него свое милостивое вниманіе. Со времени восшествія ея на престолъ, Алексѣй Григорьевичъ началъ быстро повышаться: сначала сдѣланъ былъ камергеромъ, потомъ получилъ фельдмаршальское достоинство и,

наконецъ, возведенъ былъ въ графы. Въ первую половину царствованія Елисаветы, Алексѣй Григорьевичъ былъ самымъ близкимъ къ ней лицомъ, но онъ не злоупотреблялъ довѣренностью къ нему императрицы. Отличаясь характеромъ прямымъ и добродушнымъ, онъ не изъявлялъ стремленія къ государственной дѣятельности; къ этой дѣятельности онъ не былъ подготовленъ и вовсе не чувствовалъ себя способнымъ къ ней; будучи чуждъ властолюбія и честолюбія, онъ стоялъ въ сторонѣ отъ дѣлъ правленія, ни съ кѣмъ не враждовалъ въ отношеніяхъ къ людямъ былъ простъ, привѣтливъ, готовъ былъ помочь каждому въ нуждѣ и отличался широкимъ гостепріимствомъ.

Младшій братъ его, Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, получилъ, благодаря заботамъ Алексѣя, хорошее образованіе въ Петербургѣ и затѣмъ докончилъ ученіе свое за границей. По возвращеніи оттуда, 22-лѣтній Кириллъ Григорьевичъ назначенъ былъ президентомъ Академіи Наукъ, а затѣмъ избранъ былъ малороссійскимъ гетманомъ. Подобно брату, онъ не отличался ни честолюбіемъ, ни стремленіемъ къ дѣятельности государственной.

Болѣе видными дѣятелями, оказавшими сильное вліяніе на дѣла государственнаго управленія, были Шуваловы и Бестужевъ-Рюминъ.

Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ былъ человѣкъ даровитый и весьма способный къ государственной дѣятельности, съ особеннымъ искусствомъ велъ онъ дѣла народнаго хозяйства. Къ сожалѣнію, въ нравственномъ отношеніи онъ былъ неразборчивъ въ средствахъ при достиженіи намѣченныхъ цѣлей. Будучи честолюбивъ и властолюбивъ, онъ не всегда дѣйствовалъ прямо, чтобы достигнуть

успѣха, но хитро пользовался обстоятельствами, притворялся съ большимъ искусствомъ и, когда выгодно было, мѣнялъ свои мысли и взгляды, заботясь больше всего о личныхъ выгодахъ; онъ не разборчивъ былъ и въ средствахъ своего обогащенія: нерѣдко прибѣгалъ онъ и къ лихоимству.

Совершенную противоположность графу въ нравственномъ отношеніи представлялъ его двоюродный братъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Онъ принадлежалъ къ лучшимъ людямъ своего времени не только въ умственномъ отношеніи, но и въ отношеніи качествъ нравственныхъ, т.-е. убѣжденій и правилъ жизни. Въ этомъ отношеніи онъ былъ человѣкъ выдающійся. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ передовыхъ, образованныхъ людей своего времени, которые были проникнуты убѣжденіемъ, что одной науки, или выучки, мало для истиннаго просвѣщенія души; что общество людей, обученныхъ грамотѣ, цифири, геометріи, еще не будетъ образовано и не далеко пойдетъ, и что для духовнаго образованія человѣка нужно, кромѣ того и даже прежде всего, правильное, гармоническое воспитаніе всѣхъ силъ души, и что только благовоспитанный человѣкъ бываетъ полезнымъ членомъ общества. Въ царствованіе Елизаветы Петровны, подъ вліяніемъ такихъ убѣжденій, лучшіе люди стали проникаться сознаніемъ высокаго достоинства просвѣщенной и облагороженной человѣческой личности и отличались кроткими смягченными нравами, не допускавшими грубости, насилія и издѣвательства надъ другими.

Къ числу этихъ людей, просвѣщенныхъ и благовоспитанныхъ, принадлежалъ и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Онъ не только уважалъ и цѣнилъ про-

свѣщеніе, но въ самомъ себѣ показать плоды этого просвѣщенія. Иванъ Ивановичъ умѣлъ не занятнать себя ни корыстолюбіемъ, ни мелкимъ честолюбіемъ и внесъ въ свои отношенія къ другимъ „благородное чутиство“, какъ выражались его современники: все это было въ немъ слѣдствіемъ сознанія человѣческаго достоинства въ себѣ самомъ и въ другихъ; современники говорятъ, что къ нему подходили съ какою-то радостью. Будучи цѣнимъ и любимъ императрицей, Иванъ Ивановичъ пользовался своимъ высокимъ положеніемъ не для пріобрѣтенія почестей и богатствъ, а для покровительства наукамъ и искусствамъ. Извѣстно, что онъ не согласился принять графскаго титула и отклонилъ подарокъ имѣнія въ 6000 душъ, жалуемый ему императрицей; зато онъ всѣми силами добивался распространенія въ Россіи просвѣщенія и покровительствовалъ русскимъ ученымъ и писателямъ, за что и получилъ прозваніе русскаго мецената. Его стараніями былъ основанъ въ Россіи первый университетъ, учреждена академія художествъ, его покровительствомъ постоянно пользовался и знаменитый нашъ ученый и писатель Ломоносовъ.

Внѣшними сношеніями при Елизаветѣ Петровнѣ завѣдывалъ Бестужевъ-Рюминъ. Онъ началъ свою службу по дипломатической части еще при Петрѣ Великомъ; при Аннѣ Іоанновнѣ, послѣ казни Волынскаго, онъ былъ сдѣланъ кабинетъ-министромъ и больше всѣхъ хлопоталъ о регентствѣ Бирона. Послѣ паденія Бирона онъ былъ удаленъ отъ государственной дѣятельности, но при Елизаветѣ Петровнѣ, по просьбѣ Лестока, былъ назначенъ канцлеромъ. Разсказываютъ, что, когда Лестокъ просилъ императрицу о назначеніи

Бестужева, она сказала ему: „Знаешь ли, что я, по твоей просьбѣ, возвышаю человѣка, который погубитъ тебя?“ Дѣйствительно, Бестужевъ скоро сдѣлался врагомъ Лестока. Лестокъ вмѣстѣ съ французскимъ посломъ, маркизомъ Шетарди, старались вооружить Елизавету Петровну противъ Австріи и склонить на сторону Пруссіи и Франціи; Бестужевъ, наоборотъ, стоялъ за союзъ съ Австріей. Бестужевъ одержалъ верхъ: онъ открылъ императрицѣ, что Лестокъ служитъ Франціи за деньги, во вредъ Россіи, и что Шетарди, помогающій Лестоку, отзывается въ своихъ письмахъ къ французскому правительству—крайне неблагопріятно о Россіи и Елизаветѣ Петровнѣ. Бестужевъ узналъ объ этихъ дурныхъ отзывахъ маркиза, потому что перехватывалъ секретную его переписку, писанную цифрью, и заставлялъ переводить эти письма, которыя и показывалъ императрицѣ. По распоряженію государыни, Шетарди былъ высланъ изъ Россіи, а Лестокъ, какъ преступникъ, наказанъ и сосланъ.

Кромѣ вышепоименованныхъ русскихъ вельможъ, занимавшихъ важнѣйшія мѣста при дворѣ Елизаветы Петровны, императрицу окружали и другія русскія лица, частію связанныя съ нею родствомъ, какъ, напримѣръ: Нарышкины, Воронцовы, Ефимовскіе, Гендриковы (родственники покойной императрицы Екатерины I); частію бывшія близкими къ государынѣ до вступленія ея на престолъ, каковы: Апраксины, Чернышевы и крестный отецъ государыни—фельдмаршалъ князь Долгорукій.

7) Внутреннія распоряженія.

До Елизаветы Петровны, несмотря на смуты и частыя перемѣны правительственныхъ лицъ,

сдѣланное Петромъ Великимъ удержалось съ нѣкоторыми очень незначительными перемѣнами. Со вступленіемъ же на престолъ его дочери, все было возстановлено такъ, какъ было при немъ.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ, въ декабрѣ 1741 года, Елизавета Петровна именнымъ высочайшимъ указомъ объявила, что во внутреннихъ дѣлахъ государственнаго правленія она хочетъ возстановить во всей силѣ порядокъ, бывшій при отцѣ ея, императорѣ Петрѣ I, и нарушенный сперва установленіемъ Тайнаго Совѣта, а потомъ Кабинета; желая возстановить нарушенный порядокъ, государыня уничтожила Кабинетъ и возвратила Сенату его прежнее значеніе и силу, какъ было при Петрѣ Великомъ. Императрица Елизавета повелѣла всѣ указы и уставы Петра Великаго „накрѣпчайше содержать и по нимъ поступать неотмѣнно“. Въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и конторахъ повсюду были учреждены прокуроры съ ихъ прежнею должностью. Генералъ-прокуроръ и оберъ-прокуроръ утверждены были также въ своихъ должностяхъ. Синоду также возвращено было прежнее значеніе.

Какъ Сенатъ, такъ и министры иностранныхъ дѣлъ должны были имѣть засѣданія въ императорскомъ дворцѣ: въ особливыхъ случаяхъ и сама императрица обѣщала присутствовать въ засѣданіяхъ Сената. Въ 1741 и 1742 годахъ Елизавета Петровна присутствовала въ Сенатѣ 7 разъ, приходила иногда въ 11-мъ часу, иногда въ исходѣ 10-го, а иногда и въ 9-мъ часу утра, и оставалась въ Сенатѣ часа по три; и въ послѣдующее время своего царствованія государыня являлась въ Сенатъ. По предложенію генералъ-прокурора,

положено было для самонужнѣйшихъ дѣлъ, однажды въ недѣлю, въ пятницу, съѣзжаться не позже 7 часовъ утра. Засѣданія правительствующихъ мѣстъ Сената и Синода происходили (въ началѣ царствованія Елизаветы) какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, куда отправилась государыня для коронованія.

Изъ правительственныхъ распоряженій, обнародованныхъ при новой государынѣ, замѣчательны слѣдующія. Прежде всего достойны вниманія заботы императрицы о законахъ государства. Чтобы подвинуть впередъ составленіе Уложенія, придуманъ былъ новый способъ для облегченія дѣла, именно: составленіе отдѣльныхъ частей Уложенія было поручено избраннымъ лицамъ изъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, которыхъ эти части касались. Къ слушанію Уложенія велѣно было вызывать изъ каждой провинціи выборныхъ изъ дворянъ и купечества.

Въ 1744 году 30-го сентября изданъ былъ знаменитый указъ—остановить исполненіе смертныхъ приговоровъ, вмѣсто чего осужденнымъ назначалась ссылка въ тяжкія работы. Такимъ образомъ, въ уголовномъ судопроизводствѣ отмѣнена была навсегда смертная казнь (указъ государыни — не казнить никого смертію остается въ силѣ до сихъ поръ, кромѣ случаевъ государственныхъ преступленій и военнаго суда). Говорятъ, Елизавета Петровна дала обѣтъ никого не казнить еще въ ночь своего вступленія на престолъ.

Въ 1754 году всѣ были обрадованы избавленіемъ отъ страшной тяжести, именно отъ внутреннихъ таможенъ, которыя мѣшали торговлѣ и разрывали Русскую землю на множество отдѣльныхъ

земель; продавцы необходимыхъ и дешевыхъ товаровъ, при провозѣ ихъ, должны были безпрестанно останавливаться и платить пошлины; вмѣстѣ съ внутренними таможнями уничтожено 17 мелкихъ сборовъ, которые выплачивались торговцами при провозѣ товаровъ изъ одного города въ другой; эти поборы возвышали цѣну товаровъ, что тяжело отзывалось на продавцахъ, равно какъ и на покупателяхъ. Взамѣнъ этихъ сборовъ и пошлинъ значительно увеличены были пошлины на иностранные товары.

Правительство дѣятельно заботилось и объ усиленіи внѣшней торговли. Комиссія о коммерціи занималась самыми разнообразными вопросами относительно торговыхъ сношеній съ иностранными купцами и фабрикантами: она разсуждала объ учрежденіи торговыхъ конторъ при главныхъ гаваняхъ, о привлеченіи къ оптовой торговлѣ купцовъ, о предосторожностяхъ относительно иностранныхъ конторъ и ихъ комиссіонеровъ, о консулахъ, посылаемыхъ въ иностранныя государства, о купеческихъ корабляхъ, объ усиленіи торговли въ Петербургскомъ портѣ и тому подобномъ.

Такъ какъ для купечества и вообще для торговаго сословія, равно какъ и для землевладѣльцевъ, часто бываютъ необходимы оборотные капиталы, чтобы поддерживать и улучшать торговыя и промышленныя предпріятія, то правительство приняло мѣры къ облегченію займа нужныхъ капиталовъ. Въ народѣ было еще мало денегъ; и если бы помѣщикъ, для улучшенія своего хозяйства, или купецъ, для расширенія торговли, не имѣя своихъ лишнихъ капиталовъ, захотѣли занять денегъ, то имъ этого не удалось бы сдѣлать;

занять на сходныхъ условіяхъ нельзя было ни у кого: если бы кто и далъ въ долгъ денегъ, то потребовалъ бы тогда большіе проценты — 12%, 15% и даже 20%. Это отбивало всякую охоту заниматься сельскохозяйственными улучшеніями и расширеніемъ торговыхъ предпріятій. Чтобы помочь въ такой нуждѣ помѣщикамъ и купцамъ, правительствомъ заведены были два банка—дворянскій и купеческій; изъ одного дворяне, изъ другого купцы могли брать взаймы деньги на поддержаніе и улучшеніе своихъ дѣлъ: заемъ производился подъ залогъ движимаго и недвижимаго имущества: занять можно было до 10.000 рублей и пользоваться занятымъ капиталомъ, уплачивая за это 6 процентовъ.

Не мало непріятностей происходило среди землевладѣльцевъ отъ того, что земли ихъ были дурно размежеваны; вслѣдствіе этого возникали не только споры и тяжбы, но и побои, иногда даже кровопролитныя драки на межахъ. Чтобы прекратить эти нежелательныя явленія, положено было начало генеральному размежеванію земель.

Относительно рекрутской повинности Россія раздѣлена была на пять частей или полосъ, чтобы облегчить народу отбываніе повинности при наборахъ. Наборъ рекрутъ, сдѣлавшійся теперь ежегоднымъ, производился не вдругъ со всего государства, а съ каждой полосы, по очереди, по 1 человѣку со 100. Такимъ образомъ, очередь поставки рекрутъ доходила до каждаго общества и селенія только черезъ 5 лѣтъ.

По сравненію съ землею, народа было очень мало въ Россіи, поэтому много было земель пустыхъ; нынѣшнія новороссійскія губерніи—Ека-

торинославская и Херсонская—въ то время представляли пустую степь. Здѣсь, на границѣ съ Малороссіею, правительство дозволило поселиться православнымъ сербамъ изъ Австріи. Земли, данныя этимъ поселенцамъ, получили названіе Новой Сербіи. Изъ сербовъ учреждены были четыре полка. Поселенія эти были военныя, что было и необходимо на границѣ. Потомъ тутъ же позволено селиться и выходцамъ изъ Турціи, но только исповѣдывавшимъ православную вѣру. Въ память и честь государыни основанъ былъ Елисаветградъ.

8) Попеченіе Елизаветы Петровны о дѣлахъ церковныхъ.

Если воцареніе Елизаветы встрѣчено было съ искреннею радостью всѣми русскими людьми, то съ необычайнымъ восторгомъ открыто и громче всѣхъ высказывало эту радость православное духовенство. Церковные проповѣдники, привѣтствуя воцарившуюся императрицу, прямо говорили, что восшествіе ея на престолъ составляло радость земли, радость Самого Христа и небожителей. Съ горечью указывали они на недавнее еще господство иноземцевъ и съ нескрываемою радостью благодарили государыню за низложеніе ихъ. Новая государыня величалась въ проповѣдяхъ, какъ возстановительница вѣры, благочестія и русской народности; превозносилась, какъ сильная отрасль Великаго Петра; проповѣдники не находили достаточно словъ, чтобы по достоинству восхвалить всѣ свойства Елизаветы: ея вѣру, мужество, мудрость и благочестіе.

И дѣйствительно, достойная дочь великаго отца, императрица Елизавета Петровна, несомнѣнно, обладала тѣми прекрасными, рѣдкими качествами,

которыя всегда были и будутъ особенно близки и дороги сердцу каждаго православнаго русскаго человѣка. Все въ Елизаветѣ привлекало сердца ея подданныхъ: и ея славное происхожденіе, и ея русскій характеръ, и привычки русскія, и ея чисто русское благочестіе. Всѣмъ извѣстно было, что въ своей любимой Александровской слободѣ она присутствовала каждый день при богослуженіи, любила читать духовныя книги и слушать проповѣди, часто подолгу молилась предъ иконою Знаменія Божіей Матери; предъ этою же иконою она не только молилась на колѣняхъ въ достопамятную ночь предъ восшествіемъ на престолъ, но, какъ говорятъ, тогда же и произнесла обътъ отмѣнить въ Россіи смертную казнь. Она со всею строгостью соблюдала посты, дѣлала вклады въ церкви деньгами и работами своихъ рукъ. Какою была она до вступленія на престолъ, такою же оставалась и на престолѣ. Надъ трономъ царскимъ она поставила святую икону; ѣздила на богомолье въ Кіевъ и къ другимъ святынямъ русскимъ; въ Троицкую лавру однажды ходила она изъ Москвы пѣшкомъ. Изъ серебра, въ первый разъ полученнаго при Елизаветѣ изъ русскихъ рудниковъ, повелѣла она сдѣлать раку для мощей святого благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго въ лаврѣ Невской, въ С.-Петербургѣ. Ея духовникъ—Дубянскій—имѣлъ на нее огромное вліяніе. Есть преданіе, что она хотѣла со временемъ постричься и для этой цѣли на берегу Невы велѣла построить Воскресенскій (Смольный) монастырь. Между тѣмъ, какъ временщикъ прошлаго царствованія—Бирона—былъ иностранецъ и иновѣрецъ, приближенные Елизаветы были право-

славные русскіе люди. Такъ, напримѣръ, самымъ близкимъ и довѣреннымъ лицомъ Елизаветы былъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, человѣкъ благочестивый, добродушный и прямой. Человѣкъ этотъ выросъ при церкви, бывъ съ юныхъ лѣтъ въ пѣвчихъ; онъ на всю свою жизнь сохранилъ любовь къ Церкви, къ ея обрядности, къ архіерейскому служенію, голосистымъ діаконамъ, хорошимъ пѣвчимъ; онъ былъ въ высшей степени заинтересованъ всѣмъ, что дѣлалось среди духовенства, былъ хорошо знакомъ съ членами Синода, архіереями, архимандритами, всѣми болѣе видными духовными лицами и являлся постояннымъ ходатаемъ за нихъ предъ императрицей.

Не удивительно, что столь благочестивая государыня обращала особенное вниманіе на дѣла церковныя и прилагала къ упорядоченію и улучшенію ихъ самое усердное попеченіе.

Черезъ мѣсяцъ послѣ восшествія на престолъ императрица объявила освобожденіе отъ ссылокъ и штрафовъ всѣхъ духовныхъ лицъ, впавшихъ въ вины въ прежнее время. Возвращенъ былъ изъ Сибири Платонъ Малиновскій и впослѣдствіи посвященъ въ епископа; Маркеллъ Радышевскій поставленъ былъ также епископомъ, Льву Юрлову возвращенъ былъ епископскій санъ. Важною милостью для духовенства было распоряженіе 1742 года, по которому судъ надъ духовными людьми за страшное „слово и дѣло“ переданъ былъ отъ тайной канцеляріи Св. Синоду и было запрещено по преступленіямъ, кромѣ тяжкихъ государственныхъ, брать духовенство въ свѣтскіе суды безъ сношенія съ епархіальнымъ начальствомъ.

Объявивъ себя возстановительницей законовъ

и порядковъ своего отца, Елизавета Петровна вмѣстѣ въ Сенатомъ возстановила въ прежнихъ правахъ и Святѣйшій Синодъ, какъ высшее правительствешное мѣсто. Въ епархіальномъ управленіи замѣчательно въ 1742 году открытіе новыхъ епархій—московской, петербургской, переяславльской и костромской. До 1742 года московская епархія оставалась только въ вѣдѣніи Синода, безъ мѣстнаго архипастыря. Въ 1753 году въ вѣдѣніи Святѣйшаго Правительствующаго Синода было 30 епархій. Архіерейскіе приказы везде стали преобразовываться, по образцу малороссійскихъ епархій, въ консисторіи, на началахъ коллегіальныхъ. Замѣчательно распоряженіе императрицы, которымъ дозволялось на архіерейскія каѳедры и архимандричьи мѣста въ знатныхъ монастыряхъ возводить духовныхъ лицъ не одного малороссійскаго, но и великорусскаго происхожденія. Это показываетъ, что образованіе уже въ достаточной мѣрѣ распространилось и между великороссійскимъ духовенствомъ.

Елизавета Петровна оказывала большія милости монастырямъ, утверждала за ними ихъ земли и угодья, раздавала новыя, возвращала тѣ, которыя были отняты у нихъ при Биронѣ. Троицкій монастырь получилъ при ней наименованіе и права лавры. Прежнія строгости касательно монашествующихъ прекратились: позволено было постригать желающихъ изъ всѣхъ сословій.

Для возвышенія нравственности духовенства изданы были распоряженія, чтобы духовныя лица не допускались въ торги, подряды, откупа, промыслы, ростовщичество, подъ опасеніемъ извержения изъ сана; требовалось, чтобы они не домо-

гались излишней платы за требы, изъ корысти не совершали треб ъ незаконныхъ, не предавались пьянству во время хожденія съ иконами и святой водой и при совершеніи треб ъ. Правительство также заботилось, чтобы духовныя лица не подвергались обидамъ. Въ 1757 году за обиду, причиненную священнику, два драгуна были наказаны и сосланы на работы въ Оренбургъ, на 10 лѣтъ; и объ этотъ случаѣ велѣно было публиковать указами въ острастку прочимъ.

Не менѣе достопамятны заботы набожной императрицы объ утвержденіи и распространеніи благочестія въ народѣ.

Правительство издало распоряженіе, чтобы храмы Божіи содержались въ чистотѣ и порядкѣ, и чтобы богослуженіе совершалось возможно благолѣпнѣе; чтобы церкви были снабжены приличными иконами, облаченіемъ „хотя бы шелковымъ“ и сосудами, по крайней мѣрѣ, серебряными, и только въ самой крайней нуждѣ—оловянными; неискусно написанныя иконы велѣно отбирать. Безъ одобренія Синода запрещено было продавать иконы, и надъ иконописцами поставлены были смотрителя изъ лучшихъ мастеровъ. Религіозныя изображенія и картины дозволялось печатать и продавать только съ разрѣшенія духовной цензуры, порученной епархіальнымъ архіереямъ. Правительство обратило вниманіе и на то, что въ крестьянскихъ избахъ святыя иконы держатся въ нечистотѣ, закоптѣлыя отъ дыма, а многіе иностранцы въ избахъ останавливаются и глумятся надъ такимъ нерадѣніемъ; архіерейскимъ посланцамъ и священникамъ поручено смотрѣть, чтобы крестьяне держали иконы въ чистотѣ, но при этомъ

осмотрѣ имѣ̀ть крестьянамъ никакихъ обидъ не чинить и взятокъ съ нихъ не брать. Разрѣшено священникамъ приносить иконы изъ храма въ домы прихожанъ для молебствій, съ тѣмъ только, чтобы при этомъ священнослужители не оставались въ домахъ для пированья. Правительство неоднократно издавало указы, чтобы въ воскресные и праздничные дни всѣ православные ходили къ богослуженію и каждогодно бывали у исповѣди подъ опасеніемъ штрафа; родителямъ велѣно было обучать дѣтей закону Божію и для этого были разосланы по епархіямъ катихизисы. По повелѣнію благочестивой государыни, было отпечатано новое исправленное изданіе Библіи. Чтобы и небогатый человѣкъ имѣлъ возможность читать Библію, императрица приказала продавать ее по уменьшенной цѣнѣ.

Для защиты православія отъ враждебныхъ и вредныхъ вліяній и для огражденія отъ нихъ самихъ православныхъ, государыня примѣнила къ дѣлу нѣкоторыя строгія мѣры. Для огражденія православія отъ вліянія вольнодумства и иновѣрія приняты были цензурныя мѣры противъ вредныхъ книгъ; религіозныя книги, переведенныя съ иностранныхъ языковъ, велѣно было представлять въ Св. Синодъ всѣмъ, у кого такія окажутся, и впредь такихъ книгъ безъ дозволенія Синода не переводить; изъяты изъ обращенія переводы нѣкоторыхъ протестантскихъ сочиненій, небезопасныхъ для читателей православныхъ. Такъ какъ астраханскіе армяне уличены были въ совращеніи православныхъ, то повелѣно было оставить армянамъ въ Астрахани только одну церковь, а прочія закрыть; такъ какъ евреи дѣйствовали тлетворно

на религіозную и нравственную жизнь малороссовъ, то въ Малороссіи и изъ Риги велѣно было выслать всѣхъ евреевъ. Достопамятный указъ мудрой государыни о евреяхъ изданъ былъ въ 1742 году и содержалъ въ себѣ слѣдующія мысли: „Во всей нашей имперіи жидамъ жить запрещено: но нынѣ намъ извѣстно учинилось, что оные жиды еще въ нашей имперіи, а паипаче въ Малороссіи подъ разными видами жительство свое продолжаютъ, отъ чего не иного какого плода, но токмо яко отъ таковыхъ имени Христа Спасителя ненавистниковъ нашимъ вѣрноподданнымъ крайняго вреда ожидать должно, того ради повелѣваемъ: изъ всей нашей имперіи всѣхъ мужеска и женска пола жидовъ, со всѣмъ ихъ имѣніемъ, немедленно выслать за границу и впредь ни для чего не впускать, развѣ кто изъ нихъ захочетъ быть въ христіанской вѣрѣ греческаго исповѣданія". Въ 1743 году Сенатъ подалъ было Елизаветѣ Петровнѣ докладъ, что отъ прошлогодняго указа о недопущеніи жидовъ въ имперію торговля какъ въ Малороссіи, такъ и въ Остзейскомъ краѣ потерпѣла большой ущербъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ потерпитъ и казна отъ уменьшенія пошлинъ. Но такъ какъ дѣло шло о религіозно-нравственномъ интересѣ, благочестивую государыню нельзя было соблазнить никакою выгодою, и она на докладъ Сената написала слѣдующую поучительную резолюцію: „отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли".

Въ отношеніи раскола приняты также соотвѣтственныя мѣры. Такъ какъ число раскольниковъ увеличилось, при чемъ совращенные въ расколъ русскіе люди убѣгали за границу польскую, въ

раскольническіе скиты, то въ означенные скиты посылались команды для розыска бѣглецовъ, и разсылались къ нимъ приглашенія воротиться на свои мѣста. Но такъ какъ изувѣры, не желая повиноваться распоряженіямъ правительства и боясь попасть въ руки команды, начали сожигать себя, то государыня предписала дѣйствовать на раскольниковъ болѣе убѣжденіями и мѣрами кроткими, а не строгостями. Святѣйшій синодъ, съ своей стороны, продолжалъ примѣнять къ дѣлу борьбы съ расколомъ свои духовныя мѣры. Въ 1744 году Арсеніемъ Маціевичемъ, тогдашнимъ ростовскимъ епископомъ, издано было замѣчательное сочиненіе противъ раскола: „Обличеніе раскольнической неправды“, написанное Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ еще въ 1723 году. Это было первое опроверженіе сочиненія раскольническаго: „Поморскіе отвѣты“, которые дотолѣ считались у раскольниковъ неопровержимыми.

Мало того, что набожная государыня въ православной Россіи оберегала и защищала православныхъ своихъ вѣроподданныхъ отъ вредныхъ вліяній иновѣрцевъ, вольнодумцевъ и раскольниковъ, она простирала свою истинно-материнскую заботливость о православныхъ людяхъ и за предѣлы Русской земли. Елизавета Петровна покровительствовала православнымъ христіанамъ, живущимъ въ Польшѣ и Австріи, чтобы „они имѣли свободное отправленіе грекороссійской вѣры безъ всякаго утѣсненія“, просила иностранныхъ государей, „дабы въ ихъ владѣніяхъ строжайше было запрещено людей православной вѣры приневоливать къ католичеству или лютеранству“.

9) Состояніе Церкви православной и православныхъ русскихъ людей въ польскихъ владѣніяхъ.

Православная Церковь въ Польшѣ сильно страдала отъ гоненій католичества, которыя усилились по мѣрѣ разгоравшагося раздраженія поляковъ противъ русскаго вліянія на Польшу, особенно при королѣ Августѣ III, съ 1733 года. Въ 1733 году сеймъ устранилъ православныхъ отъ всѣхъ общественныхъ должностей. Непрерывнымъ и однообразнымъ рядомъ изъ года въ годъ тянутся, съ одной стороны, отчаянныя жалобы православныхъ горожанъ, монастырей и бѣлорусскихъ епископовъ на насилія отъ черни пановъ и ксендзовъ; съ другой стороны, продолжаются болѣе или менѣе сильныя представленія королю и сейму отъ русскаго двора и уполномоченныхъ пословъ; на нихъ слѣдуютъ обычныя оттоворки поляковъ, извиненія, обѣщанія, откладыванія, иногда, впрочемъ, и распоряженія о прекращеніи гоненій, но, какъ и прежде, совершенно безполезныя на дѣлѣ. Съ 1721 года по 1747 въ унію отнято было 165 православныхъ церквей; оставшіеся у православныхъ храмы стояли безъ починки, съ обрушившимися кровлями, выбитыми окнами, хуже сараевъ и хлѣвовъ. Монастыри среди бѣлаго дня подвергались нападеніямъ черни и школяровъ, при чемъ монаховъ били, увѣчили, даже убивали до смерти. Бѣлорусскій епископъ Георгій Конисскій (съ 1755 г.) жаловался, что однажды въ Оршѣ онъ едва спасся отъ католическаго изувѣрства, выѣхавъ изъ города въ телѣгѣ, прикрытой навозомъ; въ другое время, при нападеніи на его домъ іезуитскихъ школяровъ, онъ долженъ былъ спрятаться отъ нихъ въ углу сы-

рого подвала. Папы, подъ пьяную руку, а то даже и въ трезвомъ видѣ, проявляли свою жестокую власть надъ своими хлопами и попами посредствомъ неистовыхъ истязаній. Православныя процессіи, крестные ходы, похоронныя шествія подвергались уличнымъ нападеніямъ, такъ что покойниковъ нужно было хоронить по ночамъ. Приказчикъ пана во время православнаго богослуженія входилъ въ церковь съ плетью и гналъ оттуда и народъ и духовенство, какъ скотъ изъ хлѣва. Бѣлоруссія и Украйна слыли подъ именемъ страны невѣрныхъ; туда снаряжались цѣлыя миссіи базиліанъ и доминикановъ обращать народъ въ унію; миссія шла съ конвоемъ жолнеровъ, загоняла народъ плетями въ костелъ или уніатскій храмъ и записывала его въ числѣ обращенныхъ; если же кто послѣ этого исполнялъ православную требу, жестоко наказывался, какъ отступникъ. Православные лишились послѣдней своей защиты— казачества, которое все болѣе и болѣе слабѣло со времени уничтоженія гетманщины (при Петрѣ) и послѣ учрежденія Малороссійской коллегіи. Польша свободно могла развивать свое гоненіе на вѣру хлоповъ еще и потому, что, послѣ русскихъ завоеваній въ степяхъ и послѣ пораженій Крыма, совершенно избавилась отъ турецкихъ и татарскихъ страховъ; она уже не имѣла больше никакой надобности ласкать православное простонародье. Унія все болѣе и болѣе дѣлалась нелѣпостію; она была невозможна, когда православіе (которое она должна была соединить съ католичествомъ) въ глазахъ католика-поляка было хуже жидовства и язычества; когда безсовѣстные іезуиты успѣли внушить полякамъ, что католическій и

православный Богъ—два бога, совершенно разные, враждебные между собою; когда толпа студентовъ іезуитской коллегіи, вмѣстѣ съ своимъ начальствомъ, разбивъ похоронную процессію (какъ это было въ Дрогичинѣ 1742 г.), ругалась надъ православнымъ крестомъ, топтала его ногами и приговаривала: „что же ты не сердишься и не мстишь, схизматическій Боже?“ Къ сожалѣнію, надежды православныхъ на вступленіи благочестивой императрицы Елизаветы не могли осуществиться: императрица хотя и ходатайствовала за нихъ, но принуждена была съ необыкновеннымъ долготерпѣніемъ соблюдать миръ съ Польшей и избѣгала всякихъ непріятныхъ столкновеній съ варшавскимъ дворомъ; причина этого миролюбія состояла въ томъ, что Россія была поглощена всецѣло тяжкою и продолжительною войною съ Пруссіей и нуждалась въ согласіи польскаго правительства на проходъ русскихъ войскъ въ Пруссію чрезъ польскія владѣнія.

10) Распространеніе христіанства среди инородцевъ въ Россіи.

Благочестивая императрица обратила особенное вниманіе на дѣло распространенія христіанства среди инородцевъ Россіи, еще не просвѣщенныхъ проповѣдію евангельскаго ученія.

Въ области средней Волги успѣхи святой вѣры до самыхъ сороковыхъ годовъ XVIII вѣка поддерживались только благодаря личному усердію нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ. Подъ конецъ царствованія императрицы Анны Іоанновны дѣло проповѣди стало поправляться, такъ какъ явились усердные дѣятели и цѣлое учрежденіе миссіонерское. Съ 1738 года на казанскую епископскую

каѳедру назначенъ былъ усердный и дѣятельный просвѣтитель *Казанскаго* края Лука Конашевичъ, а черезъ два года для обращенія инородцевъ при свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ учреждена правильно организованная миссія съ конторою инородческихъ дѣлъ; ее составляли свіяжскій архимандритъ Димитрій Сѣченовъ, 2 казанскихъ протоіерея и 5 человѣкъ изъ духовенства, знающихъ инородческіе языки. Всѣмъ имъ назначено жалованье, даны наказы, отпущено 10.000 рублей въ годъ на расходы; новокрещеным велѣно давать крестъ, рубашку, обувь, шапку и денегъ полтора рубля взрослымъ и пятьдесятъ копеекъ малолѣтнимъ. Дѣятельность миссіи должна была простираться на *Казанскую, Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую* губерніи. Въ такомъ положеніи было дѣло миссіи до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны.

Для большихъ успѣховъ дѣла миссіи, императрица Елизавета всѣмъ новообращеннымъ и крещенымъ инородцамъ объявила свободу отъ ихъ некрещеныхъ помѣщиковъ, три года льготы отъ податей, свободу отъ рекрутчины и прощеніе тяжкихъ преступленій, совершенныхъ до крещенія. Вмѣстѣ съ этимъ всѣ платежи, отъ которыхъ освобождались крестившіеся, положено разлагать на крещеныхъ для побужденія и ихъ къ пріятію св. вѣры. При такомъ содѣйствіи правительства, миссіонеры крестили инородцевъ цѣлыми волостями. При Димитріи Сѣченовѣ въ два года крещено свыше 17.000 инородцевъ; въ 1742 году онъ былъ поставленъ епископомъ въ *нижегородскую* епархію, гдѣ обратилъ ко Христу около 50.000 душъ; въ 1752 году онъ былъ назначенъ на святительскую

каѳедру рязанскую, а черезъ пять лѣтъ на новгородскую. Самыми дѣятельными проповѣдниками христіанства явились, вызванные изъ Кіева, учители Казанской семинаріи, архимандритъ Сильвестръ Головацкій, сдѣлавшійся преемникомъ Свѣченова по управленію новокрещенскою конторою, и іеромонахъ Веніамин Пуцекъ - Григоровичъ, ѣздившій по инородческимъ селеніямъ съ проповѣдью и учившій инородческихъ дѣтей въ казанской школѣ. Усерднымъ ревнителемъ обращенія инородцевъ былъ и самъ архипастырь казанскій, Лука Канашевичъ. Нашлись ревнители вѣры и изъ мірскихъ людей, руководившіеся иногда искреннимъ желаніемъ помогать святому дѣлу миссіи: такъ, совѣтникъ новокрещенской конторы Ярцевъ обратилъ до 10.000 инородцевъ. Цѣлыя селенія изъявляли готовность креститься. Въ 1741 1756 годахъ крещено было: въ *Казанской* губерніи мужского и женскаго пола 368.430 душъ, въ *Нижегородской* 9325, *Оренбургской* 4999, *Воронежской* 30.207, а всего болѣе четырехсотъ тысячъ душъ. Крестились почти исключительно одни язычники-инородцы, а не магометане. Мордва крещена вся, некрещеныхъ черемисъ, чувашъ и вотяковъ осталось самое малое число; но изъ татаръ считалось крещеныхъ всего только 3670 душъ, такъ какъ они держались очень упорно своей магометанской вѣры. Къ сожалѣнію, обращеніе инородцевъ было не вполнѣ прочно, такъ какъ трудно было успѣть научить всѣхъ новообращенныхъ истинамъ вѣры Христовой, по недостатку духовенства изъ лицъ, знающихъ инородческіе языки.

Между калмыками еще со времень Петра Великаго съ успѣхомъ распространялъ святую

православную вѣру архимандритъ Никодимъ Лепкевичъ. Калмыцкій ханъ Тайшимъ крестился и получилъ имя Петра, такъ какъ самъ государь былъ его воспріемникомъ. Слѣдуя примѣру хана, крестились и многіе изъ его подданныхъ. Для устраненія совращеній въ старую вѣру, правительство исполнило давнишнее желаніе новокрещеныхъ калмыковъ не разселять ихъ въ разныя мѣста, а назначать для ихъ поселенія одно мѣсто. По ходатайству Никодима и преемника Тайшимахана, Дондука-Омбо, для поселенія крещеныхъ калмыковъ построенъ городъ Ставрополь. Сюда переселена вдова покойнаго хана Тайшима, Анна, со всей ея ордою, которая вся была крещена Никодимомъ. Для совершенія богослуженія по улусамъ дана была этой колоніи походная церковь. Въ правленіе императрицы Елизаветы Петровны, указомъ 1745 года, постановлено было посвящать для калмыковъ ученыхъ священниковъ; велѣно переводить на калмыцкій языкъ Новый Завѣтъ и молитвы; но успѣли перевести только символъ вѣры, молитву Господню и Десятословіе. Повелѣно было учредить калмыцко-русскую школу, которая, дѣйствительно, и была открыта въ 1741 году въ Ставрополѣ. По смерти архимандрита Никодима, главою миссіи сдѣлался протоіерей Андрей Чубовскій, знавшій калмыцкій языкъ; ему повелѣно было объѣзжать улусы, по крайней мѣрѣ, дважды въ годъ. Такимъ образомъ, съ воцареніемъ Елизаветы Петровны дѣло миссіи пошло успѣшнѣе: число крещеныхъ возросло до 6000; крестилось много калмыковъ въ Астраханской губерніи, гдѣ были главныя кочевья ихъ; крестилась вдова Дондука-Омбо вмѣстѣ съ дѣтьми, съ тремя сыновьями, и

названа Вѣрою. Въ 1750 году въ Астраханскомъ краѣ крещено было 200 кибитокъ, до 1000 душъ обоего пола. Новокрещенамъ отводили земли между Волгой и Допомъ; для пріученія ихъ къ вѣрѣ и осѣдлой жизни среди нихъ поселено было нѣсколько сотъ русскихъ крестьянъ.

Въ Сибири, въ западной ея половинѣ, при Елизаветѣ Петровнѣ дѣйствовали тѣми же мѣрами къ обращенію инородцевъ, какія примѣнялись въ Приволжскомъ краѣ. Язычники инородцы крестились цѣлыми толпами, но татары упорствовали. Въ 1748 году крестилось много остяковъ и князь ихъ Мурзинъ; въ 1751 году игуменъ Іовъ обратилъ множество вотяковъ, вогуловъ, тунгузовъ и бурятъ; въ 1753 году разныхъ инородцевъ крестилось 482 души, въ слѣдующемъ году еще 311 и такъ далѣе. Митрополитъ Сильвестръ Головацкій, поставленный на тобольскую святительскую кафедру въ 1749 году, былъ тѣмъ же для западной Сибири, чѣмъ преосвященный Лука Канашевичъ для казанскаго края. Въ восточной Сибири обращенію инородцевъ много содѣйствовало открытіе Иркутской епархіи, первымъ епископомъ которой былъ святый Иннокентій, обратившій ко Христу многихъ бурятъ; преемникомъ его былъ преосвященный Иннокентій Неруновичъ, который также крестилъ много бурятъ и тунгузовъ.

Въ отдаленной Камчаткѣ, въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны, считалось болѣе 6000 христіанъ; для нихъ было устроено 3 церкви, но на весь полуостровъ былъ одинъ священникъ, отецъ Ермолай. Несмотря на свои постоянные разъѣзды, онъ могъ бывать въ нихъ мѣстахъ только разъ въ 2—3 года. Въ 1743 году въ Кам-

чатку отправлена была миссія, состоявшая изъ двухъ іеромонаховъ, двухъ іеродіаконовъ и нѣсколькихъ студентовъ академіи; во главѣ миссіи былъ поставленъ образованный архимандритъ Іоасафъ Хотунцевскій, съ подчиненіемъ его иркутскому архіерею. Съ пріѣздомъ этой миссіи въ 5 лѣтъ крещено было до 5000 камчадаловъ; студенты завели 3 школы, гдѣ обучали дѣтей этихъ крестившихся русскому языку, закону Божію и рисованію; отецъ Ермолаій остался главнымъ надзирателемъ за духовенствомъ. Въ 1750 году, окончивъ свое служеніе въ Камчаткѣ, Іоасафъ доносилъ, что почти всѣ жители Камчатки просвѣщены святымъ крещеніемъ и вновь обращать въ христіанство было уже некого по всему полуострову. Въ школахъ, которыя завела миссія, обучалось до 200 человѣкъ. Преемникомъ преосвященнаго Иннокентія Неруповича († 1741 г.) былъ Софроній Кристалевскій, который принесъ много пользы дѣлу миссіи въ иркутской епархіи. Въ концѣ 50-хъ годовъ крещено было нѣсколько дикарей съ Алеутскихъ острововъ. Съ кончиной Елизаветы Петровны, камчатская миссія была замѣнена протоіерейскимъ управленіемъ.

11) Заботы императрицы о школахъ для образованія духовенства.

При Петрѣ Великомъ православное русское духовенство получало высшее образованіе, главнымъ образомъ, въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ: въ Кіево-Могилянской академіи и въ Московской славяно-греко-латинской академіи, впаче называемой Заиконоспасскою школою. По образцу этихъ высшихъ училищъ, возникшихъ въ XVII вѣкѣ,

болѣе ревностные и просвѣщенные архипастыри стали заводить въ слѣдующемъ столѣтіи свои школы, которыя и содержали на церковныя и монастырскія суммы. Прежде другихъ явились школы для духовенства: въ Черниговѣ, Ростовѣ, Новгородѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Позднѣе такія же школы возникли: въ Тверп, Бѣлгородѣ, Казани, Суздалѣ, Коломнѣ, Вяткѣ, Холмогорахъ, въ Вологдѣ и Устюгѣ. Кромѣ дѣтей духовенства, въ московскія школы велѣно было высылать для науки молодыхъ и способныхъ иноковъ изъ монастырей. Но эти архіерейскія школы, по скудости средствъ для ихъ содержанія, по отсутствію достаточнаго числа желающихъ учиться и, главнымъ образомъ, по недостатку нужныхъ учителей, не могли быть устроены по подобію академіи, и около 1722 года курсъ ихъ ограничивался изученіемъ только славянской грамматики и начатковъ христіанскаго ученія.

При преемникахъ Петра Великаго, благодаря ревностному содѣйствію нѣкоторыхъ архипастырей, наиболѣе просвѣщенныхъ, явились еще новыя школы: въ Иркутскѣ, Псковѣ, Тобольскѣ, Смоленскѣ, въ Астрахани и въ Вологдѣ. Но эти школы заводились вообще довольно медленно. При Аннѣ Іоанновнѣ, благодаря заботамъ и вліянію архіепископа Ѳеофана Прокоповича, распоряженіе объ учрежденіи школъ сдѣлалось настойчивѣе: всѣ школы, какъ старыя, такъ и новыя, явились съ славяно-латинскимъ курсомъ и переименованы въ семинаріи. Такъ явились семинаріи: въ Холмогорахъ, Воронежѣ, Коломнѣ, Невскомъ монастырѣ, Казани, Псковѣ, Вяткѣ, Нижнемъ, Рязани, То-

больскѣ, Устюгѣ, Вязьмѣ, Твери, Ростовѣ, Суздалѣ и Новгородѣ. Въ семинаріяхъ заведены были школьные порядки и курсъ ученія по образцу кіевскому. Славяно-россійскія школы остались большею частію въ уѣздныхъ городахъ и считались низшими училищами. Къ концу царствованія Анны Іоанновны многія изъ указанныхъ семинаріи, однако, закрылись, и всѣхъ учениковъ въ духовныхъ училищахъ считалось не болѣе 2589; число это очень не велико, особенно если принять во вниманіе тогдашнее множество вакантныхъ священнослужительскихъ мѣстъ при церквахъ. Причины медленнаго успѣха въ развитіи школьнаго дѣла заключались все въ той же скудости средствъ на содержаніе семинарій и въ недостаткѣ учителей и учениковъ.

При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ судьба семинарій нѣсколько улучшилась. Государыня всегда являлась покровительницей духовнаго просвѣщенія, не разъ бывала въ Троицкой и Александро-Невской семинаріяхъ на диспутахъ, т.-е. учебныхъ состязаніяхъ, и во время посѣщенія обоихъ монастырей приглашала семинарскихъ наставниковъ къ своему столу; семинаристовъ изъ податного сословія объявила она свободными отъ подушнаго оклада и рекрутства. Академическое и семинарское начальство, также наставники и воспитанники, съ своей стороны, пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы выразить государынѣ свою глубочайшую признательность за ея благодѣянія академіямъ, семинаріямъ и училищамъ. Такъ, напримѣръ, когда императрица Елизавета Петровна, въ 1742 году 28 февраля, прибывши въ Москву на коронацію, послѣ посѣщенія кре-

млевскихъ соборовъ подъѣхала къ тріумфальнымъ синодальнымъ воротамъ, тутъ встрѣтили ее 40 воспитанниковъ славяно - греко - латинской академіи въ бѣлыхъ одеждахъ, съ вѣнками на головахъ, съ лавровыми вѣтками въ рукахъ и пропѣли кантату, въ которой прославлялось восшествіе государыни на престолъ и наступившая въ отечествѣ нашемъ тишина. Когда въ 1743 году императрица послѣ коронаціи прибыла изъ Москвы въ С.-Петербургъ и 1-го іюля посѣтила Невскій монастырь, то воспитанники семинаріи, по распоряженію преосвященнаго Никодима, епископа с.-петербургскаго, встрѣчали ее у монастырскихъ воротъ въ особо приготовленныхъ на сей случай красныхъ епанчахъ, съ вѣнками на головахъ и лавровыми вѣтвями въ рукахъ и такимъ же порядкомъ сопровождали при ея отшествіи изъ монастыря. При этомъ императрица соизволила повелѣть, что когда будутъ въ Александро-Невской семинаріи диспуты, то не править ихъ безъ высочайшаго ея императорскаго величества присутствія. И такъ какъ вскорѣ послѣдовало окончаніе философскаго курса и, по обычаю, были приготовлены для диспутовъ темы (т.-е. извѣстныя положенія) философическаго содержанія, то императрица удостоила ихъ своимъ высочайшимъ посѣщеніемъ, прибывши въ семинарію вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола великимъ княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ. Государыня слушала, какъ духовные воспитанники упражнялись въ защитѣ истинъ противъ возраженій, которыя дѣлались противниками защищаемыхъ положеній. Въ вѣкъ вольномыслія эти диспуты имѣли весьма полезное вліяніе на умы и занимали важное мѣсто среди разныхъ пріемовъ

обученія и воспитанія учениковъ духовныхъ семинарій.

Вотъ какіе особые пріемы примѣнялись въ дѣлѣ воспитанія и обученія учениковъ Александро-Невской семинаріи. Въ вторникъ, четвергъ и субботу ученики всѣхъ классовъ ходили къ литургіи, потомъ въ теченіе 2-го, 3-го и 4-го уроковъ обучались нотному пѣнію. Чтобы пріучить воспитанниковъ къ проповѣданію слова Божія, ученики богословія, чередуясь съ учителями, каждое воскресенье говорили въ присутствіи епископа, а иногда и безъ него, проповѣди. „Каждый мѣсяцъ въ школѣ отправляются диспуты, а ученики философіи и риторики каждую субботу, въ 7 часовъ пополудни, въ семинарской залѣ, при собраніи всѣхъ воспитанниковъ и наставниковъ, въ присутствіи ректора, префекта и другихъ постороннихъ слушателей науколюбивыхъ, читаютъ русскія и латинскія рѣчи съ каѳедры, а пѣнты—стихотворенія наизусть; притомъ, чтобы и застѣнчивость не овладѣла сердцами юношей и чтобы яснѣе можно было видѣть успѣхи, ученики низшихъ классовъ упражняются при томъ же собраніи. Два ученика, вышедъ на средину того же зала, говорятъ разговоры на русскомъ и латинскомъ, а другіе иногда на греческомъ, французскомъ и нѣмецкомъ діалектахъ. Послѣ нихъ еще два ученика выходятъ на тѣ же мѣста и читаютъ наизусть катихизисъ и сокращенную св. исторію. Выслушавъ сіи перемѣны, ректоръ пересматриваетъ всѣхъ классовъ журналы, потомъ читаетъ, если можно, каждаго ученика, а особливо учениковъ риторики, пѣнтики недѣльныя упражненія, кто сколько и какъ успѣлъ; при чемъ каждому особо отдается похвала или противное тому. На-

конецъ, всѣмъ говорится краткая рѣчь о надобности или пользѣ наукъ, о союзѣ наукъ съ добродѣтелью; и что всякая наука красна только добродѣтелію или о другомъ чемъ, служащемъ къ одобренію прилежныхъ и возбужденію сонливыхъ,— тѣмъ и оканчивается собраніе. Продолженіе сего порядка столько полезно, что юноши, впрочемъ, простѣйшаго и сельскаго воспитанія, въ краткое время, безъ всякаго тѣлеснаго наказанія, списки-ваютъ то, чего въ долгое прежде время получить было невозможно". Такъ пишетъ о Невской семинаріи В. Рубанъ, бывшій воспитанникъ Кіевской академіи, современникъ разсматриваемаго царствованія.

Духовная власть, получивъ при Елизаветѣ Петровичѣ въ свое распоряженіе церковныя имѣнія, отнятыя предъ тѣмъ Бирономъ, получила болѣе средствъ къ распространенію духовнаго образованія. Новыя семинаріи открылись въ Троицкой лаврѣ, Ярославлѣ (1747), Владимірѣ, Переяславлѣ, Могилевѣ. Число всѣхъ учениковъ возросло до 6000. За непредставленіе духовныхъ дѣтей въ школы императрица опредѣлила брать съ отцовъ 10 рублей штрафа. Лучшими семинаріями были: Харьковскій коллегіумъ, который трудами образованныхъ бѣлогородскихъ архипастырей доведенъ былъ до равенства съ академіями и въ которомъ раньше всѣхъ семинарій начался курсъ богословія; семинаріи — Петербургская, въ которой высшіе классы введены были въ 1742 году и учениковъ было до 75, и Троицкая (въ Сергіевой лаврѣ), гдѣ было до 200 учениковъ, и которая скоро послѣ своего основанія сравнялась съ академіями; вслѣдствіе этого въ нее, какъ въ выс-

шее заведеніе, для изученія богословскаго курса посылались учители изъ другихъ сосѣднихъ семинарій, а воспитанники ея разсылались по этимъ семинаріямъ на должности наставниковъ; семинарія Казанская, которая, при преосвященномъ Лукѣ Конашевичѣ, тоже завела у себя высшіе, философскій и богословскій, курсы (1751 г.), считалась самою многолюдною (до 300 учениковъ) и была одною изъ самыхъ благоустроенныхъ. Кромѣ этихъ семинарій, философія и богословіе преподавались еще въ Новгородѣ и Смоленскѣ; изъ другихъ семинарій, гдѣ обученіе не вездѣ доходило даже до риторики, изъ разныхъ учениковъ посылали доучиваться высшимъ наукамъ въ Троицкую семинарію или въ академіи.

Кіевская академія, попрежнему, занимала первое мѣсто среди высшихъ учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства, несмотря на то, что пользовалась гораздо меньшимъ вниманіемъ правительства, чѣмъ Московская; при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ окладъ ея былъ увеличенъ до 200 рублей, между тѣмъ какъ на Московскую положено было выдавать 4500 рублей. Бѣдные кіевскіе бурсаки много должны были терять дорогого времени и унижаться, бродя для собиранія пропитанія по домамъ со своими кантами или духовными пѣснями, рацеями или рѣчами и вертепами для представленія евангельскихъ событій. Несмотря на то, что воспитанники академіи такъ бѣдствовали, число ихъ всегда было огромное—отъ 1160 до 1230 человѣкъ; между тѣмъ въ академіи Московской, при всѣхъ усиліяхъ набрать какъ можно больше воспитанниковъ, число ихъ колебалось между 200 и 600. Для Кіевской академіи, послѣ Петра Мо-

гилы, ревностнымъ и доблестнымъ попечителемъ явился митрополитъ Рафаилъ Заборовскій, скончавшійся въ 1747 году. По имени его и академія была называема Кіево-Могило-Заборовскою. У императрицы Елизаветы Петровны онъ исходатайствовалъ прибавку къ академическому окладу, перестроилъ зданія, выстроилъ новую бурсу, на свой счетъ награждалъ учителей, содержалъ нѣсколько бѣдныхъ учениковъ, посылалъ ихъ за границу, обогатилъ академическую библіотеку и расширилъ курсъ ученія въ академіи введеніемъ еврейскаго, греческаго и нѣмецкаго языковъ.

Обѣ академіи были заведеніями открытыми для всѣхъ сословій. Въ 1736 году въ академію Московскую поступило 158 дворянъ, по недостатку тогда свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Равнымъ образомъ окончившіе курсъ академіи иногда опредѣлялись въ свѣтскую службу, отправлялись для продолженія образованія за границу, также въ Академіи Наукъ, въ Московскій госпиталь и т. под. Академіи сдѣлались строго сословными, т.-е. назначенными только для образованія дѣтей духовенства, уже со времени открытія Московскаго университета, который отвлекъ изъ академій множество молодыхъ людей (съ 1755 года).

Кіевская академія шла впереди Московской и въ усовершенствованіи своего курса. Преподаваніе греческаго языка введено было въ обѣихъ академіяхъ въ одно время—съ 1738 года, но преподаваніе еврейскаго и нѣмецкаго языковъ въ Кіевѣ началось прежде и принесено въ Москву уже въ 40-хъ годахъ воспитанниками Кіева; кромѣ того, съ 1753 года въ Кіевѣ преподавался уже модный языкъ тогдашняго европейскаго высшаго общества — фран-

цузскій. Въ Кіевской академіи произведены были очень полезныя улучшенія въ преподаваніи наукъ богословскихъ. Въ 1759 году Арсеній Могилянскій замѣтилъ, какъ много времени теряютъ студенты, списывая при каждомъ новомъ наставникѣ новыя записки по богословію, и распорядился, чтобы для студентовъ введенъ былъ одинъ учебникъ богословія и чтобы наставники упростили свои объясненія и проходили всегда науку до конца. Съ этого времени изученіе богословія стало производиться исключительно по системѣ Прокоповича. Въ это же время введено было преподаваніе богословія на русскомъ (а не на латинскомъ, какъ было досель) языкѣ по книгѣ „Православное исповѣданіе Петра Могилы“. Такимъ образомъ устранялись важные недостатки и неудобства прежняго изученія и преподаванія богословія на латинскомъ языкѣ, когда латынь совершенно закрывала плоды богословской науки отъ публики и препятствовала развитію русскаго языка, а вмѣстѣ и самой богословской науки. Ученый богословъ бывалъ непобѣдимъ на школьныхъ латинскихъ диспутахъ, но онъ же затруднялся объяснить по-русски простымъ людямъ истины православной вѣры. Между тѣмъ, послѣ введенія преподаванія богословскихъ наукъ на общепонятномъ русскомъ языкѣ, всѣ сокровища богословскаго знанія сразу стали доступны не только ученымъ, но и всѣмъ грамотнымъ и хотя отчасти образованнымъ православнымъ русскимъ людямъ.

12) Замѣчательнѣйшіе изъ духовныхъ дѣятелей, современныхъ Елизаветѣ Петровнѣ.

Вѣкъ Елизаветы Петровны славился замѣчательными духовными дѣятелями, въ особенности

же даровитыми, краснорѣчивыми проповѣдниками слова Божія. Между многочисленными проповѣдниками времень Елизаветы Петровны самыми замѣчательными были: Димитрій Сѣченовъ, митрополитъ новгородскій, Амвросій Юшкевичъ, архіепископъ новгородскій и с.-петербургскій, и Гедеонъ Криновскій, епископъ псковскій, котораго современники называли „мужемъ великаго краснорѣчія“.

Послѣ долгаго молчанія во время бироновскаго господства, проповѣдникамъ церковнымъ приходилось высказать многое. Восхваляя добродѣтели и заслуги Елизаветы Петровны, прекратившей господство иноземцевъ и иновѣрцевъ въ Россіи, духовные ораторы изображали въ живыхъ чертахъ тяжелое положеніе, пережитое православными русскими людьми до вступленія на престолъ Елизаветы. Кромѣ того, они обличали современные пороки и суевѣріе тѣхъ вольнодумцевъ, которые подъ вліяніемъ иноземцевъ и иновѣрцевъ утратили твердость и непоколебимость въ православной вѣрѣ, не повѣдывали Промысла Божія и безумно утверждали, что событія происходятъ по дѣйствію слѣпого случая, а не по волѣ Божіей.

1) Димитрій Сѣченовъ.

Этотъ краснорѣчивый архипастырь особенно извѣстенъ изображеніемъ бироновскаго времени и тогдашняго общества; онъ же явился и строгимъ обличителемъ современныхъ ему нравовъ.

Характеризуя общество времень бироновщины, проповѣдникъ въ одномъ словѣ описываетъ, какъ представители тогдашняго общества, испорченнаго вліяніемъ иновѣрцевъ и иноземцевъ, смѣялись

надъ вѣрованіями и обрядами Церкви, нарушали посты, объ умерщвленіи плоти и слышать не хотѣли, только и знали, что „яжь, пій и веселися“... „Кто посты хранитъ, называли хашка; кто молится—пустосвятъ; кто иконамъ кланяется — суевѣръ; кто языкъ отъ суесловія воздерживаетъ,—глупъ, говорить не умѣетъ; кто милостыню не скудно подаетъ.—простъ, не умѣетъ, куда имѣнія своего употреблять, не къ рукамъ досталося; кто въ церковь часто ходитъ, — въ томъ-де пути не будетъ“... Впрочемъ, вольнодумство этого общества ограничивалась пустымъ отрицаніемъ обрядовъ и насмѣшками надъ духовенствомъ.

Обличая современные нравы, тотъ же проповѣдникъ такъ изображаетъ ихъ. „Осмотримся, какъ мы любимъ Христа: у меня въ селахъ каменныя палаты, прекрасные покои, бани, поварни изрядно устроены, а церкви въ тѣхъ же селахъ безъ покрова погибли. Люблю Христа: у меня запоники, пряжки, табакерки золотыя, чайники, рукомойники серебряные, а въ церкви Христовой свинцовые сосуды. Люблю Христа: у меня золототканыя завѣсы, одѣяла, а страшныя Христовы тайны крашенной покрыты“... „къ ближкому же вся наша любовь—какъ ласково встрѣтить, довольно угостить, учтиво проводить, пріятныя письма, гладкія словца, низкіе поклоны, непрестанная репетиція: здравствуй, здравствуй! а сердцемъ хотя бы и на свѣтѣ не было“.

2) Амвросій Юшкевичъ.

Онъ былъ сначала учителемъ Кіевской академіи, потомъ игуменомъ виленскаго Свято-Духова монастыря, архимандритомъ Симонова монастыря

въ Москвѣ, членомъ Святѣйшаго Синода и епископомъ вологодскимъ съ 1736 года; въ 1740 году преосвященный Амвросій назначенъ былъ архіепископомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ; послѣ пятилѣтняго управленія этою паствою, владыка скончался въ 1745 году.

Преосвященный Амвросій считался и былъ изъ числа наилучшихъ проповѣдниковъ своего времени. Лучшее слово его, произнесенное 18 декабря 1741 года, въ с.-петербургской придворной церкви, въ день рожденія императрицы Елизаветы Петровны, тогда же было напечатано. Амвросій разительными красками описалъ въ этомъ словѣ весь вредъ, нанесенный Россіи въ предшествовавшее время, когда дѣлами управлялъ Биронъ и иностранцы, „внутренніе и сокровенные“, по словамъ проповѣдника, „враги наши“; проповѣдникъ живо изобразилъ, какъ они „людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами (предлогами) губили и разоряли, и вовсе искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственной похитителей весьма любили, ублажали, почитали, въ ранги великіе производили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали, награждали“... „Они“, продолжалъ проповѣдникъ, „только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душою вить Россіи пребывали, всѣ свои сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали, и тамъ иные въ банки, иные на проценты многіе милліоны полагали“.

Преосвященный Амвросій заботливо относился

къ утвержденію и распоряженію духовнаго просвѣщенія въ своей епархіи и среди духовенства. Онъ основалъ семинарію въ новгородскомъ второклассномъ Антоніевомъ монастырѣ; принялъ эту семинарію въ непосредственное свое вѣдѣніе, выписалъ для нея учителей изъ Кіевской академіи и содержалъ извѣстное число учениковъ на собственномъ своемъ иждивеніи. Достойный архимандритъ завѣщалъ свою многочисленную библіотеку той же семинаріи и изъявилъ желаніе, чтобы тѣло его „было погребено не въ Софійскомъ соборѣ съ прочими архіереями новгородскими, но на паперти соборной церкви Антоніева училищнаго монастыря“.

3) Гедеонъ Криновскій.

Онъ обучался въ Московской духовной академіи и рано обратилъ на себя вниманіе И. И. Шувалова, какъ выдающійся проповѣдникъ. За произнесенную проповѣдь въ присутствіи императрицы Елизаветы Петровны, которая въ 1754 году находилась въ Москвѣ, онъ былъ опредѣленъ придворнымъ проповѣдникомъ и переѣхалъ въ Петербургъ. Въ 1755 году онъ посвященъ былъ въ архимандриты Саввина-Сторожевскаго монастыря и пожалованъ членомъ Синода. Въ 1758 году переименованъ въ архимандриты Троице-Сергіевской лавры, но продолжалъ проповѣдывать при дворѣ. Въ 1761 году онъ посвященъ въ епископа псковскаго, оставаясь присутствующимъ въ Синодѣ. Въ 1763 году отправился преосвященный Гедеонъ въ свою епархію и, не доѣхавъ до Пскова, скончался.

По случаю страшнаго лиссабонскаго землетрясенія (1755 г.), Гедеонъ говорилъ „Слово о

случившемся 1755 году въ Европѣ и Африкѣ ужасномъ трясеніи". Въ „приступѣ" проповѣдникъ отвергаетъ мысль, которая въ его время сильно распространена была ученіемъ вольнодумцевъ, что всѣ явленія въ природѣ и жизни человѣческой имѣютъ источникомъ причины естественныя, природу, а не что-либо другое. Въ слѣдующей части слова—„предложеніи" — проповѣдникъ высказываетъ главную мысль своего слова, что виною различныхъ бѣдствій служитъ не природа, а грѣхи наши. За симъ слѣдуютъ доказательства этой мысли, составляющія главную часть всей проповѣди. Въ „заключеніи" слова проповѣдникъ призываетъ слушателей къ очищенію жизни покаяніемъ. Таковъ планъ знаменитаго слова, которое здѣсь и приводится въ цѣломъ своемъ видѣ.

Слово о случившемся въ 1755 году въ Европѣ и Африкѣ ужасномъ трясеніи.

Днесь аще гласъ его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ! (Псал. 94, ст. 7—8).

„Получаемыя со дня на день нами нынѣ иностранныя вѣдомости возбудили во мнѣ охоту нѣкоторыя сочинить теперь на нихъ нравоучительныя примѣчанія, слышатели благочестивые. Вѣдомости сіи ничего почти добраго намъ не возвѣщаютъ. Богъ знаетъ, бывали ли когда непріятнѣйшіи паче нынѣшнихъ на земли случаи. Въ толь краткое время толь многія зло пострадали государства. Тамъ видимъ разверзающуюся и страшный съ шумомъ пламень изъ нѣдръ своихъ испущающую землю; тамъ море необычно разливающееся и поглощающее народа множество; тамъ прекрас-

ные грады въ страшныя превращенія пустыни; тамъ превысокія горы въ глубокія рвы и долины сотворившіяся; тамъ многія тысячи человѣкъ живыхъ погребенныхъ; тамъ полумертвыхъ безъ пищи, безъ покрова ужасно вопящихъ. И что жъ сіе, слышателіе? Какого вы разсужденія о такихъ вѣдомостяхъ? Не хочете ли все то приписать натурѣ? Не думаете ли, что селитряныя и другія нѣкія сухія и легко загараемыя частицы, въ погаенныхъ земныхъ каналахъ собравшіеся и съ нѣкоторыми водяными частицами стираясь, горячесть, а потомъ и пламя произведши, и тѣмъ тончайшій, въ убѣгающихъ отъ очей нашихъ земныхъ трубкахъ находящійся воздухъ въ возмущеніе приведши, потрясли такъ землю и воду? Пусть такъ будетъ; я сему не противлюсь: не надобно и естественныхъ совсѣмъ опровергать силъ, или ихъ испытателей порочить. Но для чего жъ, вопрошаю, не прежде, но въ сіе самое время, не въ иныхъ, но въ сихъ самыхъ частяхъ земли произвело такое дѣйствіе натура? Не скажетъ ли кто, что все то сдѣлалось случаемъ? Случаемъ одинъ городъ упалъ, другой развалился; случаемъ тѣ люди спаслись, другіе погибли; случаемъ Португалія, Гишпанія, Франція и многія нѣмецкія и другія различныя земли подпали сему злу. А мы, напримѣръ, россіяне, ни труса земли, ни восхожденія необычайнаго воды не чувствовали? Но гдѣ жъ (куда) будетъ дѣвать оное слово Христово, что ни власъ главы нашей безъ воли Отца небеснаго не погибаетъ (Матѳ. X. 30, Лук. XII, 7), ежели случаемъ столько душъ пропало? Нѣтъ, слышатели! не естество, но естества Творецъ, творяй въ насъ добро и зиждяй зло, по писанію (Исаи XLV, 7), главною всѣмъ симъ

непріятнымъ событіемъ есть причиною. Онъ естество содержитъ въ своемъ послушаніи и полагаетъ, какіе хочетъ, ему предѣлы; Онъ и сдѣлалъ пыпѣ, чтобъ оно, оставя прежній свой порядокъ на сіе время, новый и ужасный видъ на себе приняло; Онъ, говорю, то-есть, Который призираетъ на землю и творитъ ю трястися, по Псаломщику (псал. CIII, 32), и котораго море и вѣтры послушаютъ, по Евангелію (Матѳ. VIII, 26), привелъ въ такое смущеніе обѣ сіи стихіи. А понеже Богъ и естество ничего напрасно не дѣлаютъ, какъ то и самые языческіе признали философы, то уже слѣдуетъ намъ помышлять, что непремѣнно и помянутыя нечальныя руки Божіей дѣйствія нѣкоторую у себе имѣютъ причину. И въ семъ-то состоять будутъ сегодняшнія краткія мои примѣчанія. Впрочемъ, я не намѣренъ пущаться въ глубину сію безъ разсужденія. Я не смѣю испытывать совершенно, что единому Богу извѣстно; но только хочу сказать, что все сіе сдѣлано ради того, чтобъ устрашить насъ грѣшныхъ и отвесть отъ беззаконій нашихъ, которые такъ сильно укоренились и разумножились въ насъ, что кажется, всѣ прешедшіе вѣки въ томъ уступить настоящимъ должны. Чего ради и въ заглавіе сей моей бесѣды за благо разсудилось мнѣ положить оныя Давидовы слова: „Днесь аще гласъ его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ!“ Ежели бо толь громкій и грозный гласъ Божій, гласъ, говорю, сокрушающій каменіе и стрясающій гору, не чувствителенъ сердцамъ нашимъ сдѣлается, то уже, конечно, не можно будетъ насъ почитать за человѣковъ, по развѣ за нѣкоторую самыхъ нечувственныхъ вещей нечувственнѣйшую тварь.

„Но надобно мнѣ напередъ васъ увѣрить, что грѣхи наши подали причину, чтобъ такія зла навелъ Богъ на землю. А чѣмъ же бы я васъ увѣрилъ? Увѣряю живымъ и дѣйствительнымъ словомъ Божіимъ, то-есть священнымъ писаніемъ. Посмотрите вы, въ книгѣ Второзаконія, въ главѣ 30, что тамъ Богъ говоритъ чрезъ Моисея ко Израилю? Аще, говоритъ, послушаешь ты заповѣдей Господа Бога твоего, поживеши и умножишися, и благословитъ ти Господь; аще ли же не послушаете, возвѣщаю вамъ, яко погибелію погибаете. И въ книгѣ Левитской, въ главѣ 28, говоритъ: Аще не послушаете Мене, положу вамъ небо аки желѣзно и землю яки медяну, и во ничто будетъ вся крѣпость ваша. Что жъ и Давидъ? Многи, говоритъ, раны грѣшному. Да и, дѣйствительно, испытайте, и важное, что навело страшный оный при Ное потопъ на вселенную: не грѣхи ли человѣческіе? Что Содому и Гомору попалило: не грѣхи ли? За что Даѳана и Авирона земля пожерла: не за грѣхи ли? За что Іерусалимъ невозвращаемому разоренію подпалъ? также не за грѣхи ли? И сіе я говорю о причинѣ золъ всякихъ вообще. Слышите же и что особливо о землетрясеніи сказалъ Златоустъ святый? Какъ однажды приключившееся во времена его землетрясеніе уже престало, вскорѣ онъ послѣ того имѣлъ къ народу прекрасную бесѣду о причинѣ зла сего, и въ ней, между прочимъ, сказалъ такъ: „Другіи вси ради землетрясенія страхомъ объяты были, а я ради вины землетрясенія. Они боялись, чтобъ градъ не палъ и не погибъ, а я, что Богъ на насъ гнѣвался, содрогалъ. Вина бо землетрясенія есть Божій гнѣвъ, гнѣва же Божія вина суть

грѣхи папи". Вотъ что Златоустъ говоритъ! И требуемъ ли еще мы яснѣйшаго преположенной истинѣ свидѣтельства?

„Но не подумалъ бы уже кто, послушая сего, что тѣ люди, которые погибли совсѣмъ или нѣкоторыи хотя впредь претерпѣли при помянутыхъ нынѣшнихъ страшныхъ обстоятельствахъ, одни грѣшны были, а мы праведны, что сохранились цѣлы отъ зла. Нельзя того заключить отсюда. Нельзя сказать, что тотъ пророкъ, котораго Богъ льву на растерзаніе отдалъ за одно то, что противъ приказа его совратился съ пути своего откушать хлѣба у другого пророка (3 кн. Царствъ XIII), или Оза, который за неподобающее прикосновеніе къ кивоту Божію палъ предъ всѣми внезапно мертвъ (2 кн. Царствъ VI), грѣшнѣйшіе были паче тѣхъ, которые повседневно преступаютъ заповѣди Божіи и касаются дерзновенно языкомъ своимъ завсегда не только вещей какихъ божественныхъ, но и самой чести Божіей, однакожъ не умираютъ того же самаго времени, нижe львы, исходя изъ пустыни, растерзаютъ ихъ. Такимъ образомъ не можно утвердить, и чтобъ несчастливы и оныи люди достойнѣйши паче насъ были такого наказанія Божія. Но думать намъ надобно, что, можетъ-быть, для того здѣсь насъ Богъ не наказываетъ, понеже блюдетъ на вѣчное мученіе, по слѣ оныхъ словъ Петровыхъ: вѣсть Господь нечестивыя на день судный мучимы блюсти (2 Петр. II, 9). или что, можетъ-быть, уже и подъ нами подводятся тѣ подкопы, которые подорвали бѣдныхъ тѣхъ жизнь или благополучіе. Можетъ-быть, уже и на насъ простерта страшная рука Божія, которую на себѣ почувствовали прочіе край; но ждетъ еще, не устра-

шимся ли мы пхъ примѣромъ и не пробудимся ли отъ сна нашего стукомъ, который потрясъ толь великую часть вселенныя.

„Внемлемъ, что сказалъ Христосъ іудеемъ, когда они пришли къ нему и разсказывали о галилеянахъ, какъ о достойныхъ такой казни грѣшникахъ. Не думайте, сказалъ, будто сіи галилеяне паче всѣхъ грѣшнѣйшіи были, что такъ пострадали; но знайте, что ежель и вы, смотря на нихъ, не покаетесь, вси такожде погибнете (Лук. XIII, 2—3). Тамъ же приводитъ онъ и другой еще имъ примѣръ. Какъ вы разсуждаете, говоритъ, и о тѣхъ осьмнадесяти человѣкахъ, которыхъ паденіемъ своимъ умертвилъ столпъ Силоамскій? Не мните ли, яко тіи должнѣйшіи бяху паче всѣхъ живущихъ во Іерусалимѣ? Ни, глаголю вамъ, но аще не покаетеся, вси такожде погибнете (Лук. XIII, 4—5). Которое мѣсто, толкуя нѣгдѣ, святый Златоустъ говоритъ такъ: Показываетъ вотъ здѣсь намъ Христосъ явственно, что оныи осьмнадесять человѣкъ установлены были отъ Бога прочимъ въ примѣръ и устрашеніе! Наказывается бо всякъ за свои собственныя беззаконія, но бываетъ то самое инымъ спасенія виною; то-есть, чтобъ отъ наказанія другого безумныій премудрѣйшимъ сдѣлался. Понеже бо Богъ не всѣхъ здѣсь наказываетъ, но даетъ время на покаяніе; однакожъ, не всѣхъ и до будущей казни блюдетъ, чтобъ многіи Промысла Его не отметали! Видимъ убо мы здѣсь явственно, что и прочіи іудеи не лучшіи были отъ побитыхъ столпомъ тѣмъ, но хотѣлъ ихъ Богъ не вдругъ казнить, но по части, для того, чтобы до которыхъ еще казнь не дошла, устрашены погибелію своихъ ближнихъ, могли обра-

титься къ нему, чего онъ единственно отъ всякаго грѣшника желаетъ, по оному: не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися, и живу быти ему. И коль же мы счастливы, примѣтьте отсюда, слышатели! что Богъ въ показаніе праведнаго своего суда избралъ сосуды иные, а не насъ; намъ еще оставилъ время, чтобъ могли ихъ примѣромъ пользоваться. Не могъ ли бо онъ насъ на то употребить, чтобъ тѣхъ устрашилъ? Какъ теперь съ ними поступилъ, чтобъ мы въ страхъ пришли—сами разсудите!

„Но убо смотри жъ ты всякъ, кто бъ ты таковъ ни былъ, помилованный въ семъ случаѣ грѣшникъ! Не неради о такомъ богатствѣ благости и долготерпѣнія Божія, показанномъ на тебѣ! Когда тебя Богъ столь прилежно зоветъ къ покаянію, не ожесточай день отъ дня сердца твоего, да не соберешь себѣ гнѣвъ въ день гнѣва, подобный событшемуся на несчастливыхъ оныхъ, или и того еще ужаснѣйшій. Вѣдь то всякому, чаю, ни мало не сумнительно, что мы всѣ равныя у Бога дѣти; равно Богъ печется о всѣхъ, какъ о единомъ, говоритъ Августинъ. Ежели убо Богъ погибшихъ оныхъ людей, не пощадилъ, конечно, и наши беззаконія, жесточайшею некою казнію наказать во гнѣвѣ своемъ не преминетъ (Лук. XXI). Убойся убо, и паки я говорю: убойся, человѣкъ, праведнаго суда Божія! убойся тѣхъ казней, которыя на другихъ видишь, да не и на тебѣ тѣжде искусишь!

„Буде ли жъ мало кому сего ко устрашенію нечувственной души его, то можетъ еще и иное на сіи вѣдомости сдѣлаться примѣчаніе, которое лишь только хочу я воспомянуть, страшусь сердцемъ, ужасаюся мыслію, трепещу всѣми удами. А что

оно такое? А вотъ то, что сіи трусы и пагубы, о которыхъ теперь намъ рѣчь, еще суть явственнымъ знаменіемъ скораго на землю пришествія Христова. Тако бо сказалъ Христосъ въ Евангеліи о своемъ пришествіи, когда спрашивали его ученики, какое предъ тѣмъ знаменіе будетъ. Будутъ, рече, тогда трусы велики по мѣстамъ, и глады, и пагубы, будутъ знаменія въ солнцѣ, и лунѣ, и звѣздахъ, и на земли туга (печаль) языкомъ отъ печаяннаго шума морского и возмущенія (Матѳ. XXIV). Я разумѣю, что нѣкоторые теперь стали помышлять въ сердцахъ своихъ. Они хотятъ мнѣ противъ сего примѣчанія сказать, что и прежде сего трясенія земли и разлитія водъ морскихъ бывали; однакожъ, Христосъ еще и доднесь не пришелъ. Но бывали, правда, трясенія и возмущенія морскія, да не таковыя. Смотрите теперь, сколько селъ, сколько городовъ, сколько и цѣлыхъ острововъ или со всѣмъ погибло, или крайне повредилось въ толь краткомъ времени! Довольно ли того, что сами тѣ, которые, можетъбыть, о послѣднемъ разореніи міра сего никогда не думали, принуждены теперь признавать, будто вся натура пришла въ безпорядокъ и, слѣдовательно, грозитъ паденіемъ и совершеннымъ своимъ разрушеніемъ? Впрочемъ, не можетъ никто затѣмъ усумнѣваться о истинѣ евангельскаго предвозвѣщенія, что, напримѣръ, третіи уже мѣсяцъ тому, какъ помянутыя начались въ Европѣ и Африкѣ трясенія, а Христова еще пришествія нѣтъ, понеже и самъ Христосъ не называетъ ихъ такими знаками, за которыми непосредственно слѣдуетъ кончина вѣка. Вся, рече, сія еще суть начало болѣзнемъ, а не у (а еще не) кончина. Но только

говоритъ, что не укоснитъ уже послѣ сего судъ Его. Отъ смоковницы, рече, научитеся притчи, егда уже вѣтвіе ея будетъ зелено, и извратитъ листвіе: знакъ есть, что близъ есть жатва; тако и вы, егда сіи трусы и пагубы видите, вѣдите, яко близъ есть при дверехъ день Мой (Матѳ. 32—33).

„Памятуемъ мы сіе, слышатели, и поступимъ, какъ требуютъ такія отъ насъ примѣчанія! Ежель кого не устрашаетъ первое, да устрашитъ второе! ежели не второе—первое! А болѣе ничего вамъ я теперь не скажу: только еще повторю, ради памяти, оныи пророческія слова: „Днесь аще гласъ Господа, зовущаго насъ на покаяніе, услышите, о люди. не ожесточите сердецъ вашихъ!“ и тѣмъ кончу днешнюю мою бесѣду. Аминь“.

Съ особенною силою Гедеонъ Криновскій нападалъ на распущенность нравовъ въ современномъ ему обществѣ. Корень этой распущенности онъ находилъ въ совершенной небрежности о правильномъ воспитаніи дѣтей. „Многіе нынѣ родителіи, говоритъ онъ въ словѣ на 4-ю недѣлю Великаго поста, не только дѣтей своихъ отъ праздности, дающей поводъ къ грѣхамъ, также и отъ непотребныхъ забавъ всякихъ не отвращаютъ, но еще и совѣтуютъ имъ то, чтобы цвѣтъ юности ихъ отъ трудовъ не увядалъ. А другіе хотя и въ науки отдаютъ ихъ, да въ какія?—въ такія, что стыдно въ семъ святомъ мѣстѣ и помянать о нихъ! А къ познанію Бога истиннаго и къ достойному Того жъ почтенію надлежащаго искусства завесть къ нихъ отнюдь не стараются, и не только не стараются, но еще противное сему вкореняютъ,

когда не Евангеліе Христово, не законъ Божій, но амурныя пѣсни книжицы въ руки ихъ съ самаго младенчества втираютъ: не правдѣ и благочестію, но ябедамъ и обманамъ учатъ и всякихъ пороковъ въ себѣ самихъ подаютъ образъ! И чего ихъ изъ такихъ ожидать дѣтей, кромѣ что волковъ хищныхъ, пардовъ лютыхъ, либо другихъ какихъ скотовъ и звѣрей безчеловѣчныхъ? Удивляемся мы, когда того ненасытнаго сребролюбца, того безмѣрнаго тщеславца, того плотоугодника великаго видимъ, а не помышляемъ, что нельзя имъ такими и не быть, понеже родители ихъ таковы были: да какіе сами были, такихъ и дѣтей учить старались". Въ словѣ на недѣлю 21-ю по Пятидесятницѣ, Гедеонъ, объяснивъ слабость воздѣйствія слова Божія лѣностію и невнимательностію слушателей, говоритъ: „какъ сѣмя, на путп повержепное, легко ногами мимоходящихъ бываетъ попираемо, такъ и лѣнивый слушатель ничего столько не презираетъ, какъ слово Божіе. Охотнѣе ему читать Телемака, нежели Христово Евангеліе; пріятнѣе всегда онъ слушаетъ, гдѣ о псовыхъ ловлях, о конныхъ заводахъ и подобныхъ вещахъ разговоръ имѣютъ, нежели гдѣ христіанскому житію наставляютъ; лѣнивые христіане, когда комедія, хотя чрезъ цѣлую продолжается ночь, ни мало не скучаютъ; а когда проповѣдь, хотя чрезъ часъ одинъ, или часа менѣе предлагается, описать нельзя, какая имъ скука. Переминаютъ ногами, потираютъ руками, повертываются на всѣ стороны, другъ на друга взглядываютъ и другъ съ другомъ перешептываютъ... Пристали къ симъ лѣнивымъ и праздполюбивымъ слушателямъ и тѣ, которые будто и со вниманіемъ стоятъ во время

проповѣди, но ничего болѣе притомъ, развѣ слогъ проповѣдническій примѣчаютъ; напримѣръ, выборны ли его слова, красно ли сочиненіе, не отстаетъ ли отъ матеріи, наблюдаетъ ли риторическія правила и подобная; а не разсуждаютъ того, что пришли они не въ Демосѳенову или Цицеронову школу, но въ Христову, гдѣ не учатъ словамъ, а дѣламъ". Въ словѣ въ недѣлю 3-ю Великаго поста, обличая слушателей въ беззаботности о спасеніи души, Гедеонъ говоритъ: „есть ли у насъ домъ—огораживаемъ, покрываемъ и всевозможными образы отъ воздушныхъ защищаемъ напастей. Суть ли хорошіе сосуды,—перемываемъ, перетираемъ и чистимъ ихъ почти ежедневно. Суть ли въ саду красныя и плодовитыя деревья, - поливаемъ ихъ, обрѣзываемъ и еще сторожей приставляемъ, чтобъ не поломали птицы вѣтвей ихъ. Что много; мы и о статуяхъ, которыя у насъ при палатахъ, или въ садахъ, не забываемъ, чтобъ ихъ морозъ не повредилъ, сукнами, или чѣмъ инымъ, обертываемъ ихъ, чтобъ вѣтеръ не поломалъ, различныя укрѣпленія желѣзныя отвнѣ дѣлаемъ, чтобъ отъ древности вида своего онѣ не могли измѣнить, на всякій годъ ихъ починиваемъ, покрашиваемъ, позлащаемъ, не жалѣя никакого на то иждивенія. А о душѣ ни малѣйшаго попеченія нѣтъ въ насъ: цѣла ли она, или повреждена, одѣта или нага, сыта или голодна, спросить никогда и на умъ не придетъ".

Изъ числа другихъ проповѣдниковъ замѣчательны: преемникъ преосвященнаго Амвросія Юшкевича по каѳедрѣ, *Стефанъ Калиновскій*, ректоръ Сергіевской семинаріи, *Кириллъ Флоринскій*, ректоръ Кіевской академіи, потомъ епископъ костромской,

наконецъ, петербургскій *Сильвестръ Кулябка; Платонъ Малиновскій*, — съ 1742 г. епископъ саркій, и съ 1748 г. архіепископъ московскій; учитель Московской академіи *Порфирій Крайскій*, бывшій наставникомъ Ломоносова въ краснорѣчіи, и *Гедеонъ Антонскій;* въ 1750 годахъ на поприщѣ катихизаторства въ Москвѣ отличался молодой учитель академіи, *Петръ Левшинъ,* будущая знаменитость вѣка Екатерины II, — Платонъ митрополитъ московскій. Имъ изданъ былъ впослѣдствіи катихизисъ въ большомъ и маломъ видѣ. Катихизаторство явилось однимъ изъ средствъ къ религіозному образованію.

Все религіозное образованіе дворянъ и другихъ чиновъ, по словамъ синодальнаго представленія 1743 года въ Сенатъ, ограничивалось только чтеніемъ Часослова и Псалтири, и то еще въ дѣтствѣ, при обученіи грамотѣ. Въ отвѣтъ на это представленіе правительство издало указъ, чтобы всѣ родители обучали дѣтей катихизису по букварю Прокоповича, съ нерадивыхъ родителей установлено брать штрафъ въ 10 рублей; при опредѣленіи на службу всѣхъ молодыхъ людей экзаменовать велѣно въ знаніи катихизиса; въ академіяхъ Кіевской и Московской издавна существовала особая должность катихизаторовъ, которые должны были каждое воскресенье изъяснять догматы и правила ученія православной Церкви съ церковной каѳедры и въ аудиторіяхъ передъ литургіей; тотъ же обычай былъ и въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, напримѣръ, Тропцкой и Казанской. Въ 1755 году вышелъ краткій катихизисъ для обученія дѣтей. а въ 1757—58 годахъ другой катихизисъ въ двухъ

частяхъ вышепоименованнаго знаменитаго катихизатора П. Левшина.

О личности и трудахъ преосвященнаго *Симона Тодорскаго*, архіепископа псковскаго, память уже извѣстно.

Въ церковно-историческомъ родѣ замѣчательны труды *Никодима Селія*. Онъ былъ по происхожденію датчанинъ, очень ученый человѣкъ; обратился изъ лютеранства въ православіе и по пріѣздѣ въ Россію (1722 г.) долгое время состоялъ учителемъ Петербургской семинаріи потомъ постригся въ монахи. Въ Россіи онъ съ любовью занялся изученіемъ русской исторіи. Въ 1736 году въ Ревелѣ явилось обширное сочиненіе его (на латинскомъ языкѣ): „О писателяхъ политической и церковной исторіи Россіи". Потомъ онъ написалъ: „Зерцало россійскихъ государей" отъ Рюрика до Елизаветы; 5 книгъ „о Россійской іерархіи", въ которыхъ помѣстилъ свѣдѣнія о русскихъ іерархахъ, соборахъ, монастыряхъ, училищахъ и святыхъ; наконецъ, „Словарь чудотворныхъ иконъ".

13) Состояніе науки, искусства, просвѣщенія и литературы въ царствованіе Елизаветы Петровны.

Великій преобразователь Россіи, императоръ Петръ Первый, во все время своего царствованія усердно заботился объ учрежденіи школъ, о переводѣ книгъ, собраніи минераловъ, объ устройствѣ анатомическихъ кабинетовъ, зоологическихъ музеевъ, завелъ библіотеку въ нѣсколько тысячъ томовъ, и всѣ эти научныя пособія предоставилъ въ общее пользованіе; они были для каждаго открыты; всякій приглашался посѣщать ихъ и пріобрѣтать полезныя свѣдѣнія.

Заложенныя Петромъ основы научнаго образованія въ Россіи были столь прочны, что никакія препятствія, встрѣтившіяся впослѣдствіи, никакія неблагопріятныя условія не могли остановить развитія научныхъ знаній въ нашемъ отечествѣ при первыхъ преемникахъ великаго государя; въ царствованіе же императрицы Елизаветы Петровны науки, искусства и просвѣщеніе утверждены на столь широкихъ основаніяхъ, что ея царствованіе можно считать временемъ расцвѣта ихъ.

Заботы государыни коснулись прежде всего высшаго образованія въ Россіи. Высшимъ разсадникомъ просвѣщенія была Академія Наукъ. Академіей наукъ обыкновенно называютъ общество ученыхъ людей, которымъ доставлены всѣ средства и способы къ самому глубокому изученію всевозможныхъ отраслей человѣческаго знанія. Обязанность и назначеніе академіи — подвигать науку, заниматься разслѣдованіемъ темныхъ мѣстъ и не вполнѣ рѣшенныхъ вопросовъ науки. Каждое такое открытіе отражается полезнымъ образомъ на наукѣ всѣхъ странъ и народовъ, и составляетъ славу той страны, гдѣ оно совершено. О такомъ родѣ дѣятельности ученыхъ думалъ и Петръ Великій, когда предполагалъ учредить въ Россіи Академію. Но онъ хотѣлъ, кромѣ того, чтобы члены Академіи, занимаясь преподаваніемъ въ гимназіи при ней, изготовляли учителей и учебныя руководства для русскихъ школъ. Главный сотрудникъ государя въ этомъ дѣлѣ, лейбъ-медикъ Блюментростъ, по порученію царя, вступилъ въ переписку со всѣми знаменитостями науки въ Германіи и Франціи, приглашая ихъ въ Россію. Первые ученые, къ которымъ онъ обратился, были знаменитые Лейбницъ

и Вольфъ, великія свѣтила того времени. Они не приняли приглашенія Блюментроста, но нѣсколько другихъ заграничныхъ ученыхъ прибыли въ Петербургъ, и Академія, по смерти государя, была открыта въ декабрѣ 1725 года и президентомъ Академіи назначенъ былъ тотъ же лейбъ-медикъ Блюментростъ.

Академія Наукъ не вполнѣ оправдала ожиданія своего основателя, — приготовленіе въ академической гимназіи учителей и составленіе учебныхъ руководствъ тло неудовлетворительно; но это произошло по весьма простой причинѣ: академики-иностранцы не знали русскаго языка, а русскіе ученые въ рѣдкихъ случаяхъ знали иностранные языки.

Чтобы дать возможность имѣть своихъ учителей и распространить образованіе въ народѣ, въ царствованіе Елизаветы Петровны приняты были соотвѣтственныя мѣры и составленъ былъ обширный планъ народнаго просвѣщенія.

Молодая Академія на первыхъ порахъ, конечно, мало могла сдѣлать для распространенія народнаго образованія; зато она много создала для науки вообще и для познанія Россіи. Для любознательныхъ академиковъ-иностранцевъ отечество наше, которое они знали подъ именемъ Московіи, было любопытнѣйшею страною; для чести науки и для славы собственной они желали ее изучить и описать. Въ этомъ отношеніи они вѣрно выполняли завѣщаніе основателя Академіи, такъ какъ Петръ I, несомнѣнно, положилъ первыя начала изученія Россіи. Въ разное время онъ снаряжалъ ученыя экспедиціи для изслѣдованія Каспійскаго моря, Сибири, Алеутскихъ острововъ; во всѣхъ этихъ

мѣстностяхъ дѣланы были астрономическія наблюденія, ученыя описанія, составлялись географическія карты, которыя исправили много старинныхъ неправильныхъ понятій о видѣ, положеніи и свойствахъ различныхъ частей Россіи. Савва Рагузинскій и профессоръ Ленцъ, ѣздившіе въ Китаи, сдѣлали описаніе совершенному ими пути; это прибавило много новыхъ свѣдѣній къ тому, что знала Европа о всѣхъ означенныхъ странахъ. Академикъ Мессершмидтъ сдѣлалъ ученое описаніе Сибири. Академія, наконецъ, увѣнчала всѣ эти завоеванія науки обширною экспедиціей, которую снарядила она въ 1733 году и которая продолжалась 10 лѣтъ.

Означенная экспедиція состояла изъ слѣдующихъ лицъ — естествоиспытателя Гмелина, астронома Делиля и географа-историка Миллера; всѣ они составили себѣ въ ученомъ мірѣ громкую извѣстность. Къ нимъ было присоединено нѣсколько молодыхъ русскихъ студентовъ, между которыми должно назвать Крашенинникова, описавшаго еще совершенно неизслѣдованную въ то время Камчатку. Экспедиція эта, обратившая на себя вниманіе всей образованной Европы, отправилась для изслѣдованій и въ Сибирь; Овцынъ и Муравьевъ были отправлены для изслѣдованія пути рѣкою Обью изъ Тобольска до Сѣвернаго океана и морского пути до Архангельска. Делиль и Гмелинъ сдѣлали множество важныхъ наблюденій касательно климата, растительности, почвы и другихъ физическихъ свойствъ этого малоизвѣстнаго тогда края.

Миллеръ изучалъ обычаи и повѣрья тамошнихъ жителей, собралъ историческія извѣстія и возратился въ Петербургъ съ богатымъ запасомъ по-

знаній, которыми и теперь дорожатъ ученые. Въ то же время ученый Байеръ дѣлалъ изысканія о первыхъ временахъ нашей исторіи, относительно которыхъ онъ высказалъ и установилъ правильныя понятія, доказавши, что варяги-руссы были норманы. Наконецъ, два смѣлые наши моряка—Берингъ и Чириковъ—доказали, что Сѣверный и Восточный океаны непосредственно соединены между собою, и что Азія отдѣляется отъ Америки Беринговымъ проливомъ, въ чемъ сомнѣвались тогдашніе географы.

Такъ какъ при всѣхъ этихъ многосложныхъ и многотрудныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ члены Академіи Наукъ не имѣли возможности приготовлять къ академической гимназіи еще и русскихъ учителей и писать учебныя руководства, то недостатокъ высшаго преподаванія при Академіи и надлежало восполнить отдѣльнымъ отъ нея высшимъ училищемъ. Извѣстный любитель наукъ и покровитель просвѣщенія въ Россіи, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ горячо отнесся къ осуществленію этого дѣла и составилъ проектъ учрежденія въ Россіи университета. 12 января 1755 года, по его проекту, государыня императрица Елизавета Петровна повелѣла основать первый въ Россіи университетъ—въ Москвѣ. Университетъ учреждался для дворянъ и разночинцевъ, по примѣру европейскихъ университетовъ, гдѣ наукою пользуются свободно люди всякаго званія. Въ университетѣ, при его основаніи, были три факультета — юридическій, медицинскій и философскій, и при нихъ 10 профессоровъ. Пользу отъ основанія университета Шуваловъ видѣлъ въ томъ, что „университетъ, выпуская образованныхъ людей, дастъ возможность завести при участіи ихъ

и по другимъ городамъ училища, отъ которыхъ и въ отдаленныхъ мѣстахъ среди простого народа истребятся суевѣрія, расколы и тому подобныя ереси, происходящія отъ невѣжества; съ другой стороны, университетъ дастъ также возможность замѣнить русскими наставниками учителей - иностранцевъ, вовсе не способныхъ и не знающихъ своего дѣла. Такъ какъ высшее дворянство воспитывало тогда своихъ дѣтей дома, то и приглашало, за неимѣніемъ русскихъ учителей, воспитателями разныхъ иностранцевъ; сначала приглашали нѣмцевъ, а въ царствованіе Елизаветы Петровны стали выписывать французовъ. Но что это были за воспитатели? Объ этихъ педагогахъ - французахъ въ указѣ объ учрежденіи Московскаго университета говорится слѣдующее: „въ Москвѣ у помѣщиковъ находится на дорогомъ содержаніи великое число учителей, большая часть которыхъ не только наукамъ обучать не могутъ, но и сами къ тому никакихъ началъ не имѣютъ; многіе, не сыскавши хорошихъ учителей, принимаютъ къ себѣ людей, которые лакеями, парикмахерами и иными подобными ремеслами всю свою жизнь препровождали“. Московскій университетъ, говорится въ указѣ, дастъ возможность замѣнить этихъ иностранныхъ педагоговъ достойными и свѣдущими въ наукахъ русскими наставниками. Домашніе же учители - иностранцы должны были подвергаться экзамену.

Для приготовленія студентовъ къ университету, при немъ основаны были двѣ гимназіи,—одна назначалась для дворянъ, другая же—для разночинцевъ. Но, вступивъ въ университетъ, студенты всѣхъ свободныхъ состояній объединялись; не допускались въ университетъ только крѣпостные.

Первымъ куратором, или попечителемъ, университета и гимназій былъ основатель ихъ П. И. Шуваловъ.

Учредить первый русскій университетъ именно въ Москвѣ, а не въ иномъ какомъ-либо городѣ, заставили государыню слѣдующія соображенія. Въ древней нашей столицѣ проживало весьма значительное число дворянъ и разночинцевъ, дѣти которыхъ сильно нуждались въ образованіи; множество помѣщиковъ, проживавшихъ здѣсь, вынуждено было платить большія деньги домашнимъ учителямъ-иностранцамъ, которые, какъ выше сказано, вовсе были необразованы и къ воспитанію дѣтей не способны. Съ другой стороны, Москва, занимая срединное положеніе въ государствѣ, представляла собою сравнительно близкій пунктъ и для окружающихъ ее губерній, изъ которыхъ каждому, ищущему образованія, легче было пріѣхать въ нее, чѣмъ, напримѣръ, въ болѣе отдаленный Петербургъ. Каждый, пріѣхавшій въ Москву для поступленія въ университетъ, легко могъ отыскать въ ней или родственниковъ, или знакомыхъ и при помощи ихъ удобно устроиться; и вообще, относительно содержанія, Москва отличалась въ то время дешевизною.

Въ слѣдующемъ 1756 году при Московскомъ университетѣ начала издаваться газета „Московскія Вѣдомости“, по образцу „Петербургскихъ Вѣдомостей“, издававшихся при Академіи Наукъ.

Заботы П. И. Шувалова о распространеніи образованія и утвержденіи наукъ и художествъ въ Россіи не ограничились основаніемъ въ Москвѣ университета и гимназіи; онъ сильно старался объ открытіи и другихъ учебныхъ заведеній въ раз-

ныхъ мѣстахъ обширнаго нашего отечества. Въ 1757 году послѣдовалъ докладъ Московскаго университета, стараніями того же Шувалова, о необходимости учредить въ Петербургѣ Академію Художествъ для образованія русскихъ архитекторовъ, живописцевъ и скульпторовъ; въ 1758 году объ учрежденіи гимназіи въ Казани, также о необходимости учредить гимназіи и школы въ губерніяхъ, и Сенатъ поручилъ ему составленіе штатовъ и плановъ. Въ 1761 году велѣно выдавать двойное жалованье лѣкарямъ, желающимъ отправиться за границу для усовершенствованія себя въ медицинѣ; въ Петербургѣ и Москвѣ учреждены школы для обученія повивальному искусству. Не оставлены были безъ школьнаго образованія обитатели даже такихъ отдаленныхъ мѣстностей, какъ Украина и Оренбургъ.

Что касается основанія въ Россіи Академіи Художествъ, то мысль объ учрежденіи ея восходитъ еще къ Петру Великому. Мудрый преобразователь, несмотря на то, что болѣе заботился о полезномъ, нежели объ изящномъ, обращалъ серьезное вниманіе на внѣшнюю обстановку въ европейскомъ вкусѣ. Такъ, онъ назначилъ особое лицо для наблюденія за постройками зданій, директора строеній; посылалъ молодыхъ людей учиться за границей архитектурѣ и вызывалъ иноземныхъ архитекторовъ; при немъ приглашенъ былъ изъ Франціи знаменитый Леблонъ, который построилъ въ Петербургѣ дворецъ и фонтаны. Петръ любилъ также украшать картинами и статуями дворцы; подражая ему, тоже дѣлали и царедворцы. При Петрѣ появился первый русскій живописецъ-художникъ Никитинъ, тогда какъ до тѣхъ поръ были только иконописцы.

Наконецъ, при Петрѣ стали появляться представители и другихъ искусствъ, напримѣръ, музыканты и даже цѣлые оркестры.

Для образованія своихъ архитекторовъ, живописцевъ и скульпторовъ, еще Анна Іоанновна думала основать „академію ремеслъ“, предполагая расходовать на содержаніе ея двѣнадцать тысячъ рублей, но Остерманъ, какъ свидѣтельствуетъ Татищевъ, помѣшалъ этому: „по нѣкоей ненависти указъ, приготовленный къ подписанію, уничтожилъ“.

Наконецъ, при Елизаветѣ Петровнѣ, благодаря стараніямъ просвѣщеннаго Шувалова, изданъ былъ въ 1757 году указъ, въ которомъ говорилось: „необходимо должно установить Академію Художествъ; плоды ея не только составятъ славу здѣшней имперіи, но и принесутъ великую пользу въ отношеніи казенныхъ и частныхъ работъ, за которыя посредственные иностранные художники получаютъ большія деньги и, обогатясь, возвращаются на родину, не оставивъ по сіе время ни одного русскаго ни въ какомъ художествѣ, который бы умѣлъ что дѣлать“. Шуваловъ былъ сдѣланъ главнымъ начальникомъ и этого высшаго учебнаго заведенія.

Государыня Елизавета Петровна должна была съ особеннымъ сочувствіемъ отнестись къ учрежденію въ Россіи Академіи Художествъ, такъ какъ она имѣла страсть ко всѣмъ вообще искусствамъ и художествамъ и въ особенности къ зданіямъ постройкамъ. Лѣтній дворецъ Петра Великаго и даже Зимній дворецъ императрицы Анны Іоанновны уже не удовлетворили ея и казались ей тѣсными. На мѣстѣ послѣдняго она начала строить нынѣшній Зимній дворецъ.

При ней же построенъ обширный, изящный, великолѣпный дворецъ въ Царскомъ Селѣ и по ея приказанію перестроенъ дворецъ ораніенбаумскій. Вельможи Елизаветы Петровны, подражая вкусу государыни, построили также нѣсколько прекрасныхъ домовъ для себя; таковы, напримѣръ, дома канцлера Воронцова (нынѣ Пажескій корпусъ) или графа Разумовскаго (нынѣ Аничкинъ дворецъ). Дома, построенные вельможами Елизаветы, отличались обширностью и красивыми фасадами; едва ли можно, напримѣръ, вообразить что-нибудь болѣе благородно-изящное, какъ указанные выше дома Воронцова и Разумовскаго. И вообще Петербургъ, еще недавно основанный, незадолго передъ тѣмъ пустынный, по большей части состоявшій изъ деревянныхъ построекъ, необыкновенно украсился; дворцовая набережная, при Елизаветѣ Петровнѣ, насколько можно судить по сохранившимся отъ того времени рисункамъ и гравюрамъ, представляла уже сплошной рядъ огромныхъ каменныхъ зданій. Тогда же построено было прекрасное зданіе и Академіи Художествъ.

Въ этой роскоши прекрасныхъ зданій Елизаветинскаго царствованія проглядываетъ то, чего не бывало прежде, именно—художественность вкуса. Лучшія постройки того времени образовали особый художественный стиль, творцомъ котораго былъ у насъ графъ Растрелли - иностранецъ, которымъ Россія имѣетъ право гордиться. Построенные имъ дворцы и дома отличались не только красивыми фасадами, но и удобствами въ отношеніи внутренняго расположенія и красивою внутри отдѣлкою. Нѣкоторыя украшенія внутри комнатъ, напримѣръ, рисунки цвѣтовъ и фигуръ, привле-

кають до сихъ поръ вниманіе художниковъ. Вельможи старались украшать свои дома и другими произведеніями живописи, художественными картинами, которыя выписывали отъ заграничныхъ мастеровъ за дорогую цѣну.

Къ числу величественныхъ и извѣстнѣйшихъ архитектурныхъ памятниковъ царствованія Елизаветы Петровны относятся и великолѣпные храмы Петербурга—соборъ Смольнаго монастыря и церкви Владимірской Божіей Матери и Николы Морского.

Хотя большая часть вышеуказанныхъ зданій построена и устроена была иностранными художниками, только временно, такъ сказать, гостившими въ Россіи, но подъ ихъ руководствомъ подготовлялись наши родные художники, и подъ ихъ вліяніемъ распространялся въ русскомъ обществѣ изящный вкусъ. Такъ, церковь Николы Морского построена была ученикомъ Растрелли—Чевакинскимъ, и подъ его же руководствомъ образовывался строитель Академіи Художествъ—Кокоринов.

Изъ другихъ искусствъ въ царствованіе Елизаветы Петровны особенное развитіе въ Россіи получило искусство сценическое, такъ что въ 1756 году открытъ былъ даже постоянный театръ. Исторія возникновенія театра въ Россіи восходитъ еще къ Петру Великому.

При Петрѣ построена была такъ называемая „Комедійная храмина“ на Красной площади въ Москвѣ, куда всякій могъ приходить, и гдѣ уже разыгрывались комедіи; но со времени перенесенія резиденціи въ Петербургъ, московскій театръ пришелъ въ упадокъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны дворъ и публику увеселяли преимущественно нѣмецкіе и италіанскіе актеры и пѣвцы.

При Елизаветѣ Петровнѣ также почти еженедѣльно давали спектакли во дворцѣ иностранныя труппы актеровъ—французовъ, нѣмцевъ и итальянцевъ. Придворные спектакли подали мысль устроить подобныя же представленія въ кадетскомъ корпусѣ. Императрица живо интересовалась ими и часто на нихъ присутствовала. Эти спектакли служили средствомъ къ развитію въ молодыхъ людяхъ сценическихъ дарованій и вкуса къ сценѣ, къ драматическому искусству и, вообще, къ развитію литературныхъ талантовъ. Дѣйствительно, изъ числа кадетъ-актеровъ нѣкоторые сдѣлались болѣе или менѣе извѣстными писателями, какъ, напримѣръ, Сумароковъ. Александръ Петровичъ Сумароковъ (1718—1777) преимущественно прославился своими трагедіями и комедіями; за комедіи его называли „бичомъ пороковъ“. Однакоже, дворъ и высшее петербургское общество пока довольствовались только придворными и кадетскими спектаклями; по недостатку актеровъ Сумароковъ не могъ и думать ставить своихъ пьесъ ни въ Петербургѣ ни въ Москвѣ. Но чего не додумались устроить въ столицахъ, то появилось въ провинціи.

Въ это время, въ нѣкоторой дали отъ обѣихъ столицъ, въ Ярославлѣ, сама собою, безъ всякихъ приказаній и поощреній, образовалась русская труппа. Купеческій сынъ Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ (онъ же и Полушкинъ), человѣкъ, по талантамъ выдававшійся изъ ряда людей обыкновенныхъ, и труппу собралъ и театръ устроилъ. Онъ учился въ Ярославской семинаріи, основанной въ 1747 году митрополитомъ Арсеніемъ Мацѣевичемъ, малороссомъ по происхожденію. Въ семинаріи Ярославской, по примѣру Кіевской ака-

деміи, нерѣдко бывали представленія духовнаго содержанія. Они произвели сильное впечатлѣніе на молодого купца. Когда же ему потомъ удалось побывать въ Петербургѣ и увидѣть на кадетской сценѣ представленіе съ декораціями, надлежащимъ освѣщеніемъ и машинами, то Волковъ пришелъ въ изумленіе отъ восторга. Будучи человѣкомъ въ высшей степени чуткимъ ко всему художественному, будучи живописцемъ, музыкантомъ и скульпторомъ, и притомъ самоучкою, Волковъ въ то же время обладалъ тѣмъ постоянствомъ и терпѣніемъ, безъ которыхъ самыя даровитыя натуры ни до чего не достигаютъ. Волковъ до малѣйшей подробности изучилъ матеріальную сторону сценическаго искусства, то-есть устройство машинъ, расположеніе кулисъ, декорацій, всей сценической обстановки; возвратясь въ Ярославль, онъ выпросилъ у родственника (у котораго тогда жилъ) пустой кожевенный сарай; въ этомъ помѣщеніи онъ устроилъ партеръ, сцену и составилъ труппу изъ подобныхъ ему купеческихъ, мѣщанскихъ, подъяческихъ и церковническихъ сыновей. Когда онъ далъ представленіе, то привелъ въ восторгъ всѣхъ зрителей. Смышленый и практическій Ѳедоръ Григорьевичъ, видя, что ярославское народонаселеніе неудержимо стремится на его представленія, назначилъ за нихъ плату — по пятаку за первыя мѣста — и такимъ образомъ мало-по-малу накопилъ сумму, на которую могъ выстроить, въ 1752 году, общественный театръ для тысячи зрителей.

Не удивительно, что скоро заговорили объ ярославскомъ театрѣ и въ Петербургѣ, гдѣ вошло въ моду давать балы со спектаклями въ частныхъ

домахъ. Государыня Елизавета Петровна повелѣла Сенату послать указъ въ провинціальную ярославскую канцелярію о вызовѣ Волкова съ его трупою въ Петербургъ; указъ этотъ полученъ былъ въ Ярославлѣ 12 января 1752 года. „Во исполненіе высочайшаго именного указа, велѣно ярославскихъ купцовъ: Ѳедора Григорьевича Волкова (онъ же и Полушкинъ) съ братьми, Гавриломъ и Григорьемъ, которые въ Ярославлѣ содержатъ театръ и играютъ комедіи, и кто имъ еще для того какъ изъ купечества, такъ и изъ приказныхъ и изъ прочихъ чиновъ потребны будутъ, и принадлежащее къ игранію комедій ихъ платье отправить въ С.-Петербургъ съ присланнымъ съ тѣмъ указомъ Сенатской роты подпоручикомъ Дашковымъ, и для скорѣйшаго всего того привозу какъ подъ нихъ, такъ и подъ платья ямскія подводы и на нихъ прогонныя деньги, сколько надлежитъ, дать". Волковъ былъ призванъ въ канцелярію и показалъ, что „сверхъ братьевъ его, Гаврилы и Григорья, потребны къ комедіи ярославской провинціальной канцеляріи канцеляристы: Иванъ Иконниковъ, Яковъ Поповъ, писчикъ Семенъ Куклинъ, присланные изъ консисторіи для отдѣленія въ канцеляріи изъ церковниковъ — Иванъ Дмитревскій, Алексѣй Поповъ, ярославецъ, посадскій человѣкъ Семенъ Скачковъ, да живущіе въ Ярославлѣ изъ малороссіянъ — Демьянъ Галикъ, Яковъ Шумскій; а подъ свозъ ихъ и платья надлежитъ ямскихъ 19 подводъ, шестеры сани, 6 рогожъ, веревокъ 50 саженъ".

Государыня пожелала видѣть представленіе ярославскихъ актеровъ на дворцовой своей сценѣ и была ими отмѣнно довольна.

Нѣкоторые изъ ярославскихъ актеровъ найдены годными даже и для столичнаго театра. Въ іюлѣ того же года Сумароковъ сообщилъ генералъ-прокурору слѣдующее повелѣніе ея величества: „взятыхъ изъ Ярославля актеровъ—заводчика Ѳедора Волкова, ширчиковъ Ивана Дмитревскаго, Алексѣя Попова оставить здѣсь, а остальныхъ, если захотятъ, отправить обратно въ Ярославль, при чемъ Иконниковъ и Яковъ Поповъ пожалованы въ коллежскіе регистраторы". Есть извѣстіе, что оставленныхъ въ Петербургѣ актеровъ приготовляли, давали имъ дополнительное образованіе, и, дѣйствительно, изъ нихъ выработались замѣчательные исполнители театральныхъ пьесъ. Когда черезъ четыре года (въ 1756 году) изданъ былъ указъ объ учрежденіи публичнаго театра, и первымъ его директоромъ и единственнымъ почти драматическимъ писателемъ сдѣлался Сумароковъ, тогда изъ актеровъ Волковъ, по свидѣтельству современниковъ, оказался артистомъ „талантливымъ, а его другъ и сотрудникъ Дмитревскій—великимъ".

Благодаря насажденію и развитію наукъ и искусствъ въ Россіи, произошла въ нашемъ обществѣ нѣкоторая перемѣна въ смыслѣ смягченія и облагорожепія нравовъ и обычаевъ; нельзя отрицать вліянія просвѣщенія на русское общество того времени; однакоже, такъ какъ вліяніе это было еще довольно кратковременно, то и перемѣну можно было замѣтить преимущественно внѣшнюю, большой же внутренней перемѣны къ лучшему при слабыхъ началахъ просвѣщенія еще не могло быть. Доказательствомъ служило присутствіе въ нашемъ обществѣ внутреннихъ враговъ, на которыхъ горько жаловалась императрица Ели-

завета Петровна и въ концѣ своего царствованія. „Законы,—писала она,—исполненія своего не имѣютъ отъ внутреннихъ общихъ непріятелей, которые свою безаконную прибыль присягѣ, долгу и чести предпочитаютъ, съ какимъ прискорбіемъ видимъ мы это и чувствуемъ, что вкоренившееся зло пресѣченія не имѣетъ. Несытая алчба корысти до того дошла, что нѣкоторыя мѣста, учрежденныя для правосудія, сдѣлались торжищемъ, лихоимство и пристрастіе—предводительствомъ судей, потворство и упущеніе ободреніемъ безаконникамъ". Продолжали свирѣпствовать и другого рода внутреніе враги,—въ разныхъ мѣстахъ государства, попрежнему, злодѣйствовали въ значительныхъ размѣрахъ грабители и разбойники. Очевидно, что въ тогдашнемъ обществѣ происходила борьба старыхъ понятій съ новыми, новый порядокъ вытѣснилъ старые обычаи и нравы, Россія находилась въ переходномъ періодѣ отъ старины къ европейскому строю жизни. Эта борьба понятій отразилась и въ тогдашней русской литературѣ.

Русская литература новаго періода нашей исторіи началась сатирами Кантемира (1708—1744). Этотъ писатель-вельможа явился передовымъ бойцомъ въ ряду поклонниковъ Петра и созданнаго имъ новаго порядка. Кантемиръ старался представить въ смѣшномъ видѣ людей, толковавшихъ о вредѣ, какой происходитъ будто бы въ обществѣ отъ науки, и старался показать, что одно своекорыстіе и личные счеты заставляютъ этихъ лицемѣровъ жалѣть о старомъ времени и порицать все новое. Кантемиръ старался показать важность образованія, которое усугубляетъ природныя силы человѣка, молодого равняетъ со ста-

рикомъ по мудрости; сатирикъ вооружается противъ тѣхъ отцовъ, которые копятъ богатство и пренебрегаютъ воспитаніемъ дѣтей, а послѣ горюютъ, когда сынъ, выросши, дѣлается негоднымъ человѣкомъ. Цѣль воспитанія, цѣль всѣхъ наукъ и искусствъ, по убѣжденію Кантемира, состоитъ въ томъ, чтобъ сердце юноши утвердить въ добрыхъ правахъ, создать его полезнымъ отечеству, любезнымъ между людьми и всегда желательнымъ средп благороднаго и умнаго общества. Прославляя науку, введенную Петромъ, Кантемиръ необходимо долженъ былъ прославлять и самого Петра, трудами котораго принесены были къ намъ изъ чужихъ краевъ благородные нравы, нужныя искусства и полезныя знанія.

Другимъ, болѣе громкимъ, пѣвцомъ Петра Великаго и славныхъ дѣлъ его былъ знаменитый Ломоносовъ. Жизнь и труды этого ученаго, оратора и поэта столь замѣчательны, что заслуживаютъ особаго и болѣе подробнаго изложенія.

14) М. В. Ломоносовъ.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ былъ сынъ крестьянина, занимавшагося рыбнымъ промысломъ. Онъ родился въ деревнѣ Денисовкѣ, Куроостровской волости, недалеко отъ города Холмогоръ, Архангельской губерніи, въ 1712 году.

Отъ матери своей, дочери дьячка, и отъ крестьянина Ивана Шубнаго въ дѣтствѣ выучился онъ грамотѣ настолько хорошо, что могъ читать Апостолъ и пѣть на клиросѣ въ своей приходской церкви. Кромѣ того, онъ досталъ грамматику Смотрицкаго, ариѳметику Магницкаго и Псалтирь, переложенную въ стихи іеромонахомъ Симеономъ

Полоцкимъ. Эти книги пробудили въ душѣ Ломоносова сильное желаніе учиться. Особенно заинтересовала его переложенная въ стихи Псалтирь; рѣчь стихотворная Ломоносову нравилась; ему и самому хотѣлось писать стихи, и онъ спрашивалъ своихъ деревенскихъ учителей, не могутъ ли они научить его этому искусству. Но учителя отказывались отъ обученія стихотворству и говорили, что этому учатъ только въ Москвѣ.

Съ этихъ поръ въ головѣ Ломоносова крѣпко утвердилась мысль — во что бы то ни стало пробраться въ Москву и поступить тамъ въ училище, гдѣ обучаютъ не только стихотворству, но и латинскому языку и всѣмъ наукамъ. Но какъ достигнуть Москвы, какъ оставить родительскій домъ? Объявить о своемъ желаніи отцу Ломоносовъ не могъ и думать; отецъ — крестьянинъ не могъ понять, оцѣнить и уважить стремленія сына къ образованію; ему и то не нравилось въ сынѣ, что онъ очень много времени отдаетъ книгамъ; а съ тѣхъ поръ, какъ этотъ неграмотный человѣкъ, по смерти матери Ломоносова, женился на безграмотной, завистливой и злой крестьянкѣ, она не только сама мѣшала занятіямъ Ломоносова, но вооружала на молодого пасынка и своего мужа. Конечно, Ломоносову нечего было и думать, что его отецъ выразитъ согласіе и дастъ пособіе на поѣздку въ Москву. Впослѣдствіи самъ Ломоносовъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ изобразилъ годы обученія и тяжелое положеніе въ родительскомъ домѣ: „я имѣлъ отца, хотя по натурѣ добраго человѣка, однако, въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую, завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, пред-

ставляя, что я всегда сижу попустому за книгами. Для того многократно я принуждень быль читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и теряѣть стужу и голодъ, пока я уиѣлъ въ „Спасскія школы“, т.-е. въ Москву.

Но книги не могли занимать собою все время Ломоносова. Онъ долженъ былъ оставлять ихъ, чтобы помогать отцу въ работѣ. Отецъ Ломоносова, занимаясь рыбнымъ промысломъ, часто бралъ съ собою своего единственнаго сына и далеко увозилъ его отъ своей деревни. Самъ Ломоносовъ говоритъ, что онъ многократно бывалъ у Бѣлаго моря для покупки соли къ отцовскимъ промысламъ. Бѣлое море и Сѣверный Ледовитый океанъ, сѣверное сіяніе и вся вообще величественная природа сурового сѣвернаго края могла только еще болѣе воспламенить въ сердцѣ Ломоносова любовь къ познанію природы и ея тайнъ. Онъ стремился къ свѣту знанія, къ наукѣ, которая объяснила бы ему дѣйствіе силъ природы,—и это чудное сѣверное сіяніе, и появленіе блеска молніи въ темной тучѣ, и раскаты грома, и свистъ вѣтра, и вой бури... И вотъ восемнадцатилѣтній юноша, наконецъ, рѣшается на смѣлый шагъ: онъ тайкомъ отъ отца достаетъ себѣ паспортъ, выпрашиваетъ у одного крестьянина китайчатое полукафтанье да три рубля денегъ, покидаетъ родительскій кровъ и ночью уходитъ пѣшкомъ въ Москву вмѣстѣ съ обозомъ рыбы, при которомъ находились его земляки...

Добравшись до Москвы, Ломоносовъ почувствовалъ себя одинокимъ среди обширнаго и многолюднаго города. Первую ночь онъ провелъ въ саняхъ: на утро, увидѣвъ храмъ Божій,

опустился опъ на колѣни и со слезами началъ молиться Господу, прося у него помощи. Услышалъ Милосердный Владыка горячую молитву юноши благочестиваго и послалъ ему добраго человѣка на помощь. Пришелъ къ обозу покупатель за рыбой и сталъ къ продавцамъ обращаться съ разспросами касательно товара; присмотрѣлся къ нему Ломоносовъ и узналъ въ немъ одного изъ своихъ земляковъ. Оба обрадовались пріятной встрѣчѣ, и землякъ позвалъ Ломоносова къ себѣ въ домъ, предлагая у себя временный ему пріютъ. Разговорившись съ Ломоносовымъ, землякъ скоро узналъ, зачѣмъ тотъ прибылъ въ первопрестольную столицу, и указалъ ему на одного знакомаго монаха, который можетъ быть полезенъ для Ломоносова. Монахъ принялъ самое искреннее участіе въ судьбѣ крестьянскаго сына, искавшаго съ такимъ самоотверженіемъ пути къ образованію, и помогъ юношѣ поступить въ Спасскія школы, иначе называемыя Заиконоспасскою академіей. Не безъ затрудненій, не безъ препятствій обошлось поступленіе Ломоносова въ академію. Какъ сына крестьянскаго, его нельзя было по уставу принять въ духовно-учебное заведеніе; поэтому Ломоносовъ рѣшился назваться поповичемъ; къ счастью его, тогда не спрашивали метрическихъ свидѣтельствъ. Говорятъ, что впослѣдствіи Ломоносовъ покаялся въ сообщеніи невѣрныхъ свѣдѣній о своемъ происхожденіи знаменитому вождю „ученой дружины“, преосвященному Ѳеофану Прокоповичу, архіепископу новгородскому. Мудрый и милостивый владыка не только простилъ Ломоносова, но и обѣщалъ ему свое покровительство и защиту.

Новая жизнь встрѣтила Ломоносова крайне не-

гостепріимно. Много лишеній и огорченій пришлось ему вытерпѣть въ школѣ, и нужно было имѣть непоколебимое мужество и твердость духа, чтобы благодушно и кротко перенести многія искушенія, скорби и мученія изъ любви къ наукѣ и просвѣщенію. Ломоносовъ самъ разсказываетъ о своемъ бѣдственномъ положеніи въ Спасскихъ школахъ, изображая слѣдующую картину: „Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ прегильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолимую силу имѣли. Съ одной стороны, отецъ, никогда дѣтей, кромѣ меня, не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужія расхитятъ. Съ другой стороны, несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ за денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и на другія нужды. Такимъ образомъ, жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны, пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди своихъ дочерей за меня выдадутъ, которые и въ мою бытность предлагали; съ другой стороны, школьники, малыя ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латынѣ учиться“.

Но ни рѣчи отца, ни бѣдность, ни насмѣшки со стороны малыхъ ребятъ не поколебали великой души Ломоносова. Не получивъ дома никакихъ подготовительныхъ свѣдѣній къ латинскому языку, конечно, онъ долженъ былъ поступить въ низшіе

классы; но онъ учился съ такимъ усердіемъ, столь ревностно, что вскорѣ опередилъ всѣхъ своихъ товарищей и въ годъ прошелъ три класса, въ чемъ и обнаружились его необычайныя дарованія. Ломоносовъ выучился и искусству стихосложенія, и тѣмъ заслужилъ отъ учителя похвалу. Онъ не только отлично училъ всѣ уроки, но удѣлялъ много времени на чтеніе книгъ. Въ библіотекѣ Спасскихъ школъ было собраніе сочиненій духовныхъ, твореній святыхъ отцевъ; Ломоносовъ съ отмѣннымъ усердіемъ читалъ творенія святого Василія Великаго, одного изъ знаменитѣйшихъ вселенскихъ учителей. Съ одинакимъ усердіемъ и прилежаніемъ изучалъ онъ и свѣтскія и духовныя науки. Но онъ чувствовалъ преимущественное призваніе къ изученію естественныхъ наукъ, которыя въ духовной Заиконоспасской академіи преподавались менѣе подробно, нежели богословскія. Учителя-малороссіяне нахвалили ему Кіевскую академію и наговорили ему, что тамъ означенныя науки преподаются значительно лучше. Ломоносовъ, для основательнаго изученія естествознанія, отправился въ Кіевъ, но и тамъ не нашелъ должнаго удовлетворенія своей любознательности. Послѣ пяти лѣтъ обученія въ Спасскихъ школахъ и одного года въ Кіевѣ, Ломоносовъ посланъ былъ для довершенія образованія въ гимназію, которая устроена была при Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. Прибывши на казенный счетъ въ петербургскую академическую гимназію, Ломоносовъ обнаружилъ передъ новыми своими наставниками такія дарованія, познанія и прилежаніе, что невольно обратилъ на себя особенное ихъ вниманіе.

Въ 1736 году Ломоносовъ, вмѣстѣ съ двумя

товарищами отправленъ былъ за границу для изученія разныхъ наукъ, преимущественно же наукъ естественныхъ. Прежде всего отправился онъ въ Германію, въ марбургскій университетъ, гдѣ занимался науками подъ руководствомъ знаменитаго философа Вольфа. По отзывамъ этого профессора Ломоносовъ занимался съ большимъ успѣхомъ математикой, философіей и особенно физикой. Потомъ Ломоносовъ отправился въ Саксонію для изученія горнаго дѣла, то-есть искусства находить и добывать желѣзную руду и другіе металлы, и для усвоенія всѣхъ наукъ, которыя относятся до горнаго дѣла.

Горное дѣло Ломоносовъ изучалъ за границей очень усердно. Неоднократно въ своихъ сочиненіяхъ вспоминаетъ онъ о тамошней природѣ, о тамошнихъ горныхъ заводахъ и о способахъ добыванія металловъ изъ-подъ земли.

„За моремъ при осматриваніи рудниковъ,—говоритъ онъ,—мнѣ въ гору опускаться случалось почти прямо внизъ до сорока лѣстницъ, каждая по четыре сажени. Ниже итти не пускала вода, потому что тогда одолѣла около семи лѣстницъ“. Должно-быть, сильна была любознательность Ломоносова, если онъ на 160 саженъ спускался въ землю, лишь бы узнать подземные слои и видѣть, какъ образуются руды.

Съ какою настойчивостью и съ какимъ прилежаніемъ добивался Ломоносовъ точныхъ свѣдѣній по горному дѣлу, видно изъ слѣдующаго. Въ Германіи, около рудныхъ горъ, на одномъ косогорѣ онъ имѣлъ терпѣніе различить, отмѣтить для себя и вычислить тридцать разныхъ наслоеній земли, чтобы научиться узнавать, гдѣ и какимъ

образомъ искать въ глубинѣ земли всякіе металлы. Потому-то и успѣхи Ломоносова прямо удивляли его нѣмецкихъ наставниковъ. Одинъ изъ нихъ такъ отзывался о своемъ талантливомъ ученикѣ: „Ломоносовъ воспользовался науками и будетъ полезенъ отечеству“. Не менѣе поражала нѣмецкихъ ученыхъ и геніальная натура Ломоносова, великія духовныя дарованія его: „Ломоносовъ кажется одареннымъ чрезвычайнымъ, бойкимъ умомъ, у него къ наукамъ большая охота и любознательность“. Такъ отзывался о Ломоносовѣ нѣмецкій ученый.

Дѣйствительно, таланты Ломоносова были обширны и многообразны. Мало того, что онъ поражалъ нѣмецкихъ профессоровъ любовью и усердіемъ къ изученію наукъ естественныхъ: онъ поразилъ и всю Россію, прославивъ въ Петербургѣ изъ-за границы такіе превосходные стихи, какихъ никто до него не писалъ и которые даже въ настоящее время не утратили своего достоинства. Стихотвореніе свое Ломоносовъ написалъ по случаю побѣды русскихъ войскъ надъ турками и взятія Хотина, при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1739 году. Императрица получила стихотвореніе Ломоносова отъ президента Академіи Наукъ, барона Корфа, съ гордостью представившаго государынѣ удивительное произведеніе ученика Академіи. Императрица пришла въ восхищеніе отъ стиховъ, приказала отпечатать нѣсколько экземпляровъ и раздала ихъ самымъ приближеннымъ къ себѣ особамъ на одномъ изъ пышныхъ собраній двора. Чтобы понять, почему стихи Ломоносова привели всѣхъ въ восторгъ, необходимо знать, что до Ломоносова наши стихотворцы писали весьма негармоничными и непріятными для слуха

стихами. Для примѣра, приведемъ небольшіе отрывки стиховъ Кантемира и Третьяковскаго. Вотъ какъ писалъ Кантемиръ объ истинномъ счастіи:

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ волнъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и точитъ надежну
Стезю добродѣтели, къ концу неизбѣжну.

Третьяковскій прославлялъ слѣдующимъ образомъ императрицу Анну Іоанновну:

Воспѣвай же, лира, пѣснь сладку,
Анну, то есть благополучну,
Къ вящему всѣхъ враговъ упадку,
Къ несчастію во вѣки тѣмъ скучну.

И вдругъ, послѣ такихъ неудачныхъ попытокъ стихотворства, раздался голосъ Ломоносова, воспѣвшаго взятіе Хотина въ слѣдующихъ стихахъ:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ
Въ долинѣ тишины глубокой.
Внимая нѣчто, ключъ молчитъ,
Который завсегда журчитъ
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы,
Далече дымъ въ поляхъ курится...

Эта гармоническая, музыкальная „ода“ Ломоносова, то-есть „хвалебная пѣснь“, составила эпоху, переворотъ въ исторіи русскаго языка, литературы и поэзіи. То, чего такъ сильно желали и ожидали отъ русскихъ ученыхъ и стихотворцевъ, и не могли дождаться, то-есть живой, гладкой и музыкальной рѣчи русской, это было получено отъ бѣднаго студента, занимавшагося за границей горнымъ дѣломъ. Вмѣстѣ съ одой, Ломоносовъ прислалъ въ Академію Наукъ и письмо о прави-

лахъ россійскаго стихотворства. Такимъ образомъ, Ломоносовъ явился первымъ истиннымъ стихотворцемъ въ Россіи и первымъ учителемъ правильнаго русскаго стихосложенія.

Въ 1741 году, лѣтомъ, Ломоносовъ возвратился въ Россію, уже извѣстный въ Петербургѣ и своею одою и отличными о немъ отзывами его нѣмецкихъ наставниковъ. По волѣ Елизаветы Петровны, въ началѣ 1742 года онъ былъ опредѣленъ адъюнктомъ, т.-е. преподавателемъ въ Академію Наукъ, гдѣ обязанъ былъ объяснять слушателямъ физическую географію, химію и натуральную исторію о рудахъ, также обучать своихъ учениковъ стихотворству и штилю, т.-е. правильному и изящному слогу. Такимъ образомъ, съ самаго начала академической службы Ломоносова, преподаваніе наукъ естественныхъ пошло у него рядомъ съ занятіями словесными науками и поэзіей. Въ 1745 году Ломоносовъ получилъ въ Академіи мѣсто профессора химіи.

Въ 1746 году Ломоносовъ началъ читать въ Академіи публичныя лекціи по опытной физикѣ на русскомъ языкѣ. Слушать его лекціи собиралось многочисленное общество военныхъ и гражданскихъ лицъ, приходилъ даже самъ президентъ Академіи съ нѣкоторыми придворными кавалерами и другими знатными особами. На такую высоту знанія поднялся даровитѣйшій изъ членовъ Академіи, первый русскій ученый, овладѣвшій вполнѣ европейскою наукою и создавшій для нея ученый русскій языкъ! Онъ привлекъ въ академическую аудиторію слушателей изъ самыхъ разныхъ слоевъ общества и изъ самыхъ высшихъ его сферъ.

Помимо публичныхъ лекцій, Ломоносовъ про-

должалъ трудиться въ лабораторіи, дѣлалъ химическіе, опыты, относящіеся къ окрашиванію стеколъ, приготовлялъ разные матеріалы — соли, спирты, берлинскую лазурь и венецейскій баканъ.

Ломоносовъ въ своихъ сочиненіяхъ вездѣ высказывалъ мысль о необходимости изученія природы, т.-е. видимаго міра. Онъ говорилъ, что изученіе природы пробуждаетъ въ человѣкѣ мысль о Богѣ. „Испытаніе натуры трудно,—говоритъ онъ,—однако пріятно, полезно свято. Чѣмъ больше таинства ея разумъ постигаетъ, тѣмъ вящшее увеселеніе чувствуетъ сердце. Чѣмъ глубже до самыхъ причинъ столь чудныхъ дѣлъ проницаетъ разсужденіе, тѣмъ яснѣе показывается непостижимый всего бытія Создатель. Его всемогущества, величества и премудрости видимый сей міръ есть первый, общій, неложный и неумолчный проповѣдникъ“. Въ другомъ мѣстѣ Ломоносовъ говоритъ: „Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой—свою волю. Первая—видимый міръ сей, имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ Божественное всемогущество. Вторая книга—священное писаніе“.

Каждый предметъ, находящійся въ природѣ, занималъ Ломоносова. О каждомъ изъ нихъ онъ высказываетъ свое мнѣніе. У него есть цѣлая книга, въ которой онъ разсуждаетъ о золотѣ, серебрѣ, мѣди, оловѣ, желѣзѣ, свинцѣ, мышьякѣ, цинкѣ, ртути, сѣрѣ, каменномъ углѣ, нефти, смолѣ, квасцахъ, купоросѣ, соли, селитрѣ,—о томъ, что такое хрусталь, кремень, слюда, магнезія,—что такое руды золотыя, серебряныя, свинцовыя, оло-

вяныя, мѣдныя, желѣзныя, ртутныя. Въ этой книгѣ онъ подробно говоритъ о томъ, какъ золото и серебро отъ свинца отдѣлять, какъ серебро отъ мѣди отдѣлять.

Разсмотрѣвши разныя вещества, находящіяся въ землѣ, какъ то: черноземъ, торфъ, уголь, Ломоносовъ съ благоговѣйнымъ чувствомъ восклицаетъ: „И натура есть нѣкоторое евангеліе, благовѣствующее неумолчно Творческую силу, премудрость и величество. И не токмо небеса, но и нѣдра земныя повѣдаютъ славу Божію“.

Видимое нами небо занимало Ломоносова не менѣе земли. Онъ объяснялъ своимъ современникамъ, что такое солнце, что такое планеты, что такое кометы, измѣрялъ вышину и ширину видимаго имъ на родинѣ, близъ Архангельска, сѣвернаго сіянія.

Ломоносовъ до такой степени преданъ былъ своимъ любимымъ занятіямъ, изученію природы, что какъ бы отрекся отъ міра и всѣхъ развлеченій, всѣхъ компаній. Въ 1855 году онъ писалъ Ивану Ивановичу Шувалову слѣдующее: „Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ успокоенія: для того, оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостьми или съ домашними препровожденія времени, картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ, *отъ чего я уже давно отказался*, затѣмъ, что не нашелъ въ немъ ничего, кромѣ скуки“. Черезъ девять лѣтъ онъ писалъ тому же вельможѣ подобное же письмо: „по разнымъ наукамъ у меня столько дѣла, что я *отказался отъ всѣхъ компаній*; жена и дочь моя привыкли сидѣть дома. И по сіе время мы ужились въ единодушіи“.

Чтобы яснѣе понять беззавѣтную преданность Ломоносова наукамъ естественнымъ и ту настойчивость, съ которою онъ трудился на поприщѣ изслѣдованія природы, остановимся нѣсколько подробнѣе на его занятіяхъ мозаикой и электричествомъ.

Мозаикою называется искусство дѣлать изъ разноцвѣтныхъ стеколъ или камешковъ картины или образа. Въ древности у насъ процвѣтало это искусство, заимствованное отъ грековъ II въ настоящее время мы удивляемся мозаичнымъ изображеніямъ въ Кіево-Софіійскомъ соборѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ древнѣйшихъ храмахъ Россіи. Въ новыя же времена искусство это было совершенно забыто въ Россіи. Живопись совершенно вытѣснила мозаику, между тѣмъ мозаика имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства, даже имѣетъ важное преимущество передъ живописью въ отношеніи прочности рисунка, такъ сказать, неизгладимость его. Достоинство мозаики состоитъ въ томъ, что мозаичные образа и картины не уничтожаются и не портятся ни отъ сырости ни отъ времени. По словамъ Ломоносова, „ветхой древности грызенья не боится“ мозаика. Ломоносовъ, можно сказать, первый возобновилъ это искусство у насъ въ прошломъ столѣтіи. Поводомъ его занятіямъ мозаикою послужило слѣдующее обстоятельство. Въ домѣ графа Воронцова онъ увидѣлъ однажды картину мозаическую, привезенную изъ Рима, которая изображала плачущаго апостола Петра. Въ душу Ломоносова тотчасъ же запала мысль самому заняться мозаикой. Сначала онъ началъ производить небольшія подѣлки, на дому у себя, и работа его увѣнчалась успѣхомъ. Онъ довольно

искусно составилъ мозаичную икону Божіей Матери, которую и поднесъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. По прошествіи нѣкотораго времени, Ломоносовъ уже написалъ просьбу въ Сенатъ, чтобы ему дозволено было завести фабрику для мозаичнаго дѣла. Сенатъ уважилъ просьбу Ломоносова и не только далъ ему право завести фабрику, но и отвелъ ему село Ополье, Копорскаго уѣзда, съ разными угодьями. Ломоносовъ завелъ фабрику, и мозаичное дѣло пошло въ ходъ. Ломоносовъ занимался мозаикою весьма долго; никакіе труды не могли отвлечь его отъ этого искусства. Плодомъ его занятій была большая картина, изображающая Петра Великаго во время сраженія подъ Полтавою. Эта картина значительныхъ размѣровъ —въ три сажени ширины и двѣ съ половиною вышины. Разноцвѣтными стеклышками на ней изображены не только самъ Петръ, но и сотрудники его; Меншиковъ, Шереметевъ и князь Голицынъ. Картина эта находится въ Академіи Художествъ.

Другимъ любимымъ занятіемъ Ломоносова было изученіе дѣйствій грозы; наблюденіе надъ этими дѣйствіями привело Ломоносова къ устройству у насъ впервые громоотвода. Видя въ настоящее время громоотводы на зданіяхъ, т.-е. длинные желѣзные шесты, отводящіе смертоносную силу молніи и грома по пруту въ землю, мы должны знать, что ставить такіе громоотводы впервые научилъ русскихъ Ломоносовъ. Ломоносовъ старался внушить своимъ слушателямъ мысль, что ставить громоотводы не грѣшно; что Богъ далъ человѣку разумъ, дабы онъ искалъ средствъ къ избавленію себя отъ смертоносныхъ громовыхъ ударовъ:

„Симъ предпріятіемъ“, т.-е. громоотводомъ, „не уповаю, слушатели, чтобы въ васъ негодованіе или боязнь нѣкоторая родилась. Ибо вы вѣдаете, что Богъ далъ и дикимъ звѣрямъ чувство и силу къ своему защищенію; человѣку, сверхъ того, далъ прозорливое разсужденіе къ предвидѣнію и отвращенію всего того, что жизни его вредить можетъ. Не одинъ молніи на оную (жизнь) устремляются, но и многія иныя повѣтрія, наводненія, трясенія земли, бури, которыя не меньше насъ повреждаютъ, не меньше устрашаютъ. И когда лѣкарствами отъ моровой язвы, плотинами отъ наводненій, крѣпкими основаніями отъ трясенія земли и бурь обороняемся, то притомъ не думаемъ, якобы мы дерзостнымъ усиліованіемъ гнѣву Божію противились; того ради какую мы можемъ видѣть причину, которая бы намъ (беречься) отъ громовыхъ ударовъ запрещала? Напротивъ того, сколько намъ дано и позволено, не перестанемъ осматривать все, къ чему умное око проникнуть можетъ“.

Ради изученія громовой силы Ломоносову нужно было заказать особую громовую машину; не могли добыть столяра для устройства этой машины, Ломоносовъ вмѣсто нея, поставилъ на кровлѣ шестъ, который привлекалъ къ себѣ грозовую силу; къ этому шесту Ломоносовъ, не боявшійся смертоносной силы грозы, прикасался топоромъ, чтобы видѣть дѣйствія этой громовой и грозовой силы, которую теперь зовутъ электричествомъ. Насколько опасны были такіе опыты, показываетъ слѣдующій случай, когда Ломоносовъ едва не подвергся смерти изъ любви своей къ наукѣ.

Ломоносовъ занимался наблюденіемъ надъ силою грома и молніи во время страшной грозы. Въ одно съ нимъ время наблюдалъ эту силу его товарищъ по службѣ, профессоръ Рихманъ. И вотъ въ то самое время, когда и Рихманъ и Ломоносовъ слѣдили за громовою силою, профессоръ Рихманъ убитъ былъ на мѣстѣ сильнымъ ударомъ молніи.

По этому поводу Ломоносовъ писалъ къ Шувалову, отъ 26 іюля 1753 года: „Что я нынѣ къ вашему превосходительству пишу, — за чудо почитайте... Господина профессора Рихмана громомъ убило, въ тѣхъ же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ то же самое время. Сего іюля въ 26-е число, въ первомъ часу пополудни, поднялась громовая туча, громъ былъ нарочито силенъ, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрѣвъ, не видѣлъ я ни малаго признаку электрической силы. Однако, пока кушанье на столъ ставили, дождался нарочитыхъ изъ проволоки искръ, и къ тому пришла моя жена и другія; и какъ я, такъ и онѣ, безпрестанно и до проволоки и до привѣшеннаго прута дотыкали, затѣмъ, что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, противъ которыхъ покойный профессоръ Рихманъ со мною споривалъ. Внезапно громъ чрезвычайно грянулъ въ самое то время, когда я руку держалъ у желѣза, и искры трещали. Всѣ отъ меня прочь побѣжали. И жена просила, чтобы я шелъ прочь. Любопытство удержало меня еще двѣ или три минуты... Громовая сила почти перестала. Только я за столомъ сидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно дверь отворилъ человѣкъ покойнаго Рихмана, весь въ слезахъ и

въ страхѣ запыхавшись. Онъ чуть выговорилъ: „профессора громомъ зашибло“. Въ самой возможной скорости, какъ силъ было много, пріѣхавъ, увидѣлъ, что онъ лежитъ бездыханенъ. Мнѣ и минувшая въ близости моя смерть, и его блѣдное тѣло, и бывшее съ нимъ наше согласіе и дружба, и плачъ его жены, дѣтей и дому—столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшагося парода не могъ ни на что дать слова или отвѣта, смотря на то лицо, съ которымъ я за часъ сидѣлъ въ конференціи... Итакъ, Рихманъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что электрическую громовую силу отвратить можно на шестъ съ желѣзомъ, который долженъ стоять на пустомъ мѣстѣ, въ которое бы громъ билъ, сколько хочетъ“.

Среди этихъ трудовъ по наукамъ естественнымъ Ломоносовъ находилъ время заниматься также изученіемъ русскаго языка, литературою и поэзіей. Онъ сочинилъ Россійскую грамматику, участвовалъ въ составленіи Россійскаго лексикона, раскрылъ значеніе церковно-славянскаго языка для русскаго въ своемъ разсужденіи: „О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ“. Ломоносовъ любилъ русскій языкъ, называя его „моремъ, едва имѣющимъ придѣлы“. Въ началѣ грамматики Ломоносовъ сравнивалъ нашъ языкъ съ другими иностранными языками и находилъ его совершеннѣе всѣхъ. Ломоносовъ любилъ тотъ языкъ, которымъ говоритъ нашъ простой народъ; любилъ приводить обороты народной рѣчи. Не совѣтуя и не дозволяя пестрить русскую рѣчь иностранными словами, Ломоносовъ другимъ совѣтовалъ и самъ любилъ обращаться къ языку церковно-славянскому.

Языкъ церковно-славянскій необходимъ для того, кто хочетъ придать своей рѣчи силу, важность и великолѣпіе. Рѣчь, украшенная выраженіями, заимствованными изъ языка церковно-славянскаго, по ученію Ломоносова, получаетъ характеръ высокаго стиля или возвышеннаго слога.

Ломоносовъ сочинилъ нѣсколько похвальныхъ рѣчей, именно государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ, съ переводомъ текста русскаго на латинскій, и императору Петру Великому.

Ломоносовъ горячо, всѣмъ сердцемъ любилъ великаго преобразователя Россіи; онъ не только въ похвальномъ словѣ, но и въ разныхъ сочиненіяхъ своихъ прославлялъ дѣла Петра. Онъ описывалъ подробно трудовую жизнь великаго царя, его любовь къ просвѣщенію, его благочестіе и заботы о Церкви. Съ умиленіемъ разсказываетъ Ломоносовъ, какъ государь пѣлъ въ церкви на клиросѣ, читалъ Апостолъ, какъ онъ встрѣчалъ мощи св. Александра Невскаго, самъ на кормѣ управляя судномъ и поручивъ генераламъ работу веслами. Съ удивленіемъ разсказываетъ Ломоносовъ о простотѣ Петра, о кроткомъ его обращеніи съ подданными, его общедоступности: „Часто межъ подданными своими просто обращался, часто нѣмцу свободно было просто встрѣтиться, слѣдовать, итти вмѣстѣ, зачать рѣчь, кому потребуется. Какое увеселеніе за столомъ его было! Спрашиваетъ, слушаетъ, отвѣчаетъ, разсуждаетъ, какъ съ друзьями. Въ коль малыя хижины художниковъ вмѣщалъ свое величество; и самыхъ низкихъ, но искусныхъ и вѣрныхъ рабовъ ободрялъ своимъ посѣщеніемъ! Коль часто съ ними упражнялся въ художествахъ, т.-е. ремеслахъ и въ трудахъ“.

Указывая въ концѣ своего похвальнаго слова Петру на его разнообразные труды, Ломоносовъ, какъ бы теряется въ мыслях, силъ не находитъ обнять своимъ умомъ все величіе подвиговъ Петра. Вотъ это замѣчательное мѣсто въ рѣчи: „Я въ полѣ межъ огнемъ (на полѣ битвы); я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными машинами; я при строеніи городовъ, пристапей, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я между стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго морей и самаго океана духомъ обращаюсь (мысленно путешествую) и вездѣ Петра Великаго вижу—въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени, и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе,—и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча“.

Императрицу Елизавету Петровну Ломоносовъ прославлялъ за то, что она поддерживала и продолжала дѣла Петра Великаго, утверждала въ Россіи науки и искусства, насажденныя ея державнымъ отцомъ, и ограждала счастье подданныхъ миромъ. Эти мысли выражены Ломоносовымъ и во многихъ одахъ, посвященныхъ государынѣ. Имя Елизаветы Петровны вездѣ связывается съ именемъ Петра Великаго въ этихъ одахъ.

Вотъ одна изъ замѣчательныхъ картинъ, написанная Ломоносовымъ, гдѣ изображается, какъ насаждены были въ Россіи Петромъ науки, какъ онѣ развиваются подъ покровительствомъ Елизаветы, чего отъ русскихъ ученыхъ ожидаетъ отечество, и какъ въ мирное царствованіе государыни науки утвердятъ счастіе и благоденствіе Россіи.

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!

* * *

Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель мира искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни:
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка;
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію варварствомъ попранну,
Съ собой возвысилъ до небесъ.
Тогда божественны науки,
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки
Къ сему Монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ.
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

* * *

О, вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать!

* * *

Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ—утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха;
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ;
Въ покоѣ сладки и трудѣ.

Похвальная ода эта оканчивается обращеніемъ къ императрицѣ, которой испрашивается отъ Бога помощь противу враговъ, нарушающихъ миръ и препятствующихъ спокойному процвѣтанію наукъ и благоденствію въ Россіи.

Тебѣ, о милости источникъ,
О, ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ тебя возстать войною.

Когда государыня прибыла послѣ коронаціи изъ Москвы въ Петербургъ, Ломоносовъ привѣтствовалъ ее слѣдующими благожеланіями:

Какой пріятный зефиръ вѣетъ
И нову силу въ чувства льетъ?
Какая красота яснѣетъ,
Что всѣ умы къ себѣ влечетъ?
Мы славу дщери зримъ Петровой,
Зарей торжествъ свѣтящу новой,
Благословенна вѣчно буди!
Вѣщаетъ Ветхій деньми къ ней:
И всѣ твои съ тобою люди,
Что ввѣрилъ власти я твоей!
Мой образъ чтятъ въ тебѣ народы—
И отъ меня вліянный духъ;
Въ безчисленны промчится роды
Доброть твоимъ неложный слухъ.
Тобой поставлю судъ правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой заслугамъ мзду дарить!

Привѣтствуя отмѣну смертной казни императрицею, Ломоносовъ писалъ:

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью караешь,
Безъ гнѣва злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь!

На прибытіе изъ Гольштиніи наслѣдника престола Петра Ѳеодоровича Ломоносовъ написалъ

такое привѣтствіе, въ которомъ изображено избавленіе Елизаветою Петровною Россіи отъ господства иноземцевъ и учрежденіе престолонаслѣдія въ потомствѣ Петра Великаго:

Дивится нынѣ вся вселенна
Премудрымъ Вышняго судьбамъ,
Что отъ напастей злыхъ спасенна
Россія зритъ конецъ бѣдамъ,
И что уже Елизавета
Златыя въ ону вводитъ лѣта,
Избавивъ отъ насильныхъ рукъ.
Красуются Петровы стѣны,
Что къ нимъ его приходитъ внукъ.

Бракосочетаніе Великаго князя Петра Ѳеодоровича съ принцессою Екатериною Алексѣевною Ломоносовъ привѣтствовалъ такими стихами:

Исполнилъ Богъ свои совѣты
Съ желаніемъ Елизаветы.
Красуйся свѣтло, Русскій родъ—
Се паки Петръ съ Екатериной
Веселья общаго причиной.

Кромѣ стихотвореній, посвященныхъ государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ или написанныхъ по случаю важныхъ событій, въ то время происшедшихъ въ Россіи, Ломоносовъ написалъ много и другихъ поэтическихъ произведеній. Особеннаго вниманія заслуживаютъ его религіозныя стихотворенія, а именно переложенія нѣкоторыхъ мѣстъ изъ книги Іова и нѣкоторыхъ псалмовъ Давида. Для образца приведемъ нѣсколько стиховъ изъ того и другого переложенія.

Вотъ какъ поэтъ нашъ изложилъ въ стихахъ то мѣсто изъ Іова, гдѣ самъ Богъ говоритъ о своемъ всемогуществѣ:

Кто море удержалъ брегами,
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремится далѣ не велѣлъ?

Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою.
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвинулъ океанъ?

Псаломъ Давида изложенъ Ломоносовымъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Хвалу Всевышнему Владыкѣ
Потщися, духъ мой, возсылать:
Я буду пѣть въ гремящемъ ликѣ
О немъ, пока могу дышать.
Никто не уповай вовѣки
На тщетну власть князей земныхъ.
Ихъ тѣ жъ родили человѣки,
И нѣтъ спасенія отъ нихъ.
Когда съ душою разлучатся,
И тлѣнна плоть ихъ въ прахъ падетъ.
Высоки мысли разрушатся
И гордость ихъ и власть минетъ.
Господь пришельцевъ сохраняетъ
И вдовъ пріемлетъ и сиротъ,
Онъ дерзкій грѣшныхъ путь скончаетъ,
Въ Сіонѣ будетъ въ родъ и родъ.

Помимо поэзіи, Ломоносовъ занятъ былъ и учеными изслѣдованіями относительно благосостоянія и процвѣтанія наукъ въ Россіи. Великій умъ его озабоченъ былъ мыслію, какъ бы всѣмъ русскимъ людямъ открыть путь къ свѣту образованія. „Коли Богъ далъ мнѣ умъ и талантъ,—писалъ онъ,—вывелъ изъ рыбачьей хижины въ царскіе чертоги, помогъ мнѣ стать въ ряду съ первыми учеными людьми моего вѣка, то вѣрно для того, чтобъ я могъ быть полезенъ отечеству, чтобъ я трудился для Россіи родной своей“. Касательно просвѣщенія Русской земли Ломоносовъ разсуждалъ такъ, что всѣ сословія въ нашемъ народѣ—и крестьяне, и духовные, и дворяне одинаково должны быть озарены свѣтомъ науки, знанія. Заботясь о просвѣщеніи простого народа, онъ писалъ: „Главное дѣло состоитъ въ томъ, что вездѣ, гдѣ

только есть церковь, должны священники и причетники учить грамотѣ, за общую плату всего прихода, и не давать бѣгать по улицамъ малымъ ребятамъ, кои еще ни въ какую работу не годятся. Мнѣ кажется, отъ пяти по десяти, а иногда до двѣнадцати лѣтъ могутъ сколько-нибудь грамотѣ научиться и закону". Что касается высшихъ сословій, то онъ подалъ мысль Ивану Ивановичу Шувалову основать въ Москвѣ университетъ, который, дѣйствительно, и былъ открытъ, какъ мы знаемъ, въ 1755 году. Онъ уговаривалъ того же просвѣщеннаго вельможу открыть университетъ и въ Петербурѣ.

Всматриваясь внимательно въ жизнь и труды Ломоносова, мы видимъ, что онъ работалъ непрерывно и безъ-устали на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ науки и искусства; вездѣ являлся онъ полезнѣйшимъ и плодотворнымъ изслѣдователемъ, и всѣ труды его направлены были къ одной возвышенной цѣли—какъ бы принести сколько возможно болѣе пользы, блага, счастія отечеству.

Не только русскіе образованные вельможи, какъ, напримѣръ, Шуваловъ и Воронцовъ, съ величайшимъ почтеніемъ относились къ личнымъ достоинствамъ и заслугамъ Ломоносова, но и вся грамотная Русь слышала о немъ, знала объ его талантахъ, удивлялась уму его. Познаніямъ и способностямъ великаго русскаго естествоиспытателя, ученаго и поэта дивились и заграничные ученые, пораженные обширнымъ его умомъ.

Наконецъ, и съ высоты царскаго престола щедро ниспосылались милости для поощренія Ломоносова въ ученыхъ трудахъ и занятіяхъ искусствами. Императрица Елизавета Петровна неодно-

кратно награждала Ломоносова денежными суммами сверхъ получаемаго имъ жалованья. Разъ она приказала выдать ему полный годовой окладъ содержанія, неоднократно выдавала по тысячѣ рублей за его стихотворенія. Кромѣ того, она подарила ему мызу и приблизила его ко двору. Вотъ какъ произошло это событіе, составившее одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней Ломоносова. Послѣ произнесенія Ломоносовымъ въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ похвальнаго слова Елизаветѣ Петровнѣ (1749 г.), государыня пожелала видѣть Ломоносова, чтобы лично отблагодарить оратора за одно изъ лучшихъ его произведеній.

Въ первое время, когда Шуваловъ объявилъ Ломоносову объ этой милости императрицы, сердце его затрепетало отъ радости, но потомъ, сѣвши въ каретѣ съ Шуваловымъ по дорогѣ къ Царскому Селу, гдѣ проводила государыня въ этотъ годъ лѣто, онъ не могъ не испытывать нѣкотораго волненія чувствъ, въ виду необычайнаго представленія императрицѣ. Когда увидѣлъ онъ въ великолѣпномъ дворцѣ прекрасную дочь великаго монарха, онъ, точно очарованный, стоялъ неподвижно и въ безмолвіи; между тѣмъ императрица съ привлекательною добротою и любезностью сказала ему: „я въ долгу у васъ, г. Ломоносовъ. Вы такъ хорото умѣете хвалить меня, а я еще ни разу не поблагодарила васъ за это. Примите же теперь мое благоволеніе“. Съ этими словами привѣтливая государыня подала ему руку.

Въ неизъяснимомъ восторгѣ упалъ Ломоносовъ на колѣни и едва могъ выразить свою глубокую благодарность: сердце его было слишкомъ полно, а это всегда препятствуетъ краснорѣчивому выра-

женію чувствъ. Елизавета Петровна понимала его чувства и, продолжая милостиво разговаривать съ нимъ, съ участіемъ стала разспрашивать его о женѣ и дочери его. Незабвенный для Ломоносова разговоръ съ царицею окончился такою милостью, какой онъ и не ожидалъ: государыня подарила ему помѣстье близъ Петербурга, на берегу Финскаго залива. Оно называется „Коровалдаи“.

Впослѣдствіи, по волѣ Екатерины II, Ломоносову назначенъ былъ пожизненный пенсіонъ. Около Почтамтскаго мостика, на Мойкѣ, Ломоносовъ имѣлъ свой домъ съ садомъ, гдѣ и трудился въ уединеніи и тишинѣ.

Обезпеченный и осыпанный милостями царскими, спокойно предавался своимъ занятіямъ Ломоносовъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1765 году.

Незадолго до смерти Ломоносова, императрица Екатерина II, глубоко уважавшая Михаила Васильевича, узнала о постигшей его болѣзни и рѣшилась его навѣстить. Въ сопровожденіи княгини Дашковой она поѣхала къ Ломоносову на домъ, желая облегчить страданія скучавшаго и тосковавшаго Ломоносова. Императрица неожиданно для хозяина вошла въ его комнату, когда онъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости у большого стола, на которомъ были разложены его книги и разные приборы для занятій. Услышавши привѣтъ императрицы: „Здравствуйте, Михайлъ Васильевичъ!“ онъ вскочилъ, какъ-будто очнувшись отъ сна. „Я пріѣхала навѣстить васъ, прослышавъ, что немогете или паче грустите“. Нѣсколько минутъ Ломоносовъ не могъ сказать ничего, потомъ воскликнулъ: „Нѣтъ, государыня, не я нездоровъ, не я

грустенъ: больна и грустна душа моя".—„Полѣчите ее,—отвѣтила Екатерина,—полѣчите живымъ перомъ своимъ. Привѣтствуя меня съ новымъ годомъ, вы сказали, что также усердствуете ко мнѣ, какъ и къ дочери Петра Великаго".—„Нѣтъ, не перо, а сердце мое писало",—отвѣчалъ Ломоносовъ:

Твой трудъ для насъ обогащенье,
Мы чтимъ стѣною подвигъ твой;
Твой разумъ—наше просвѣщенье,
И неусыпность—нашъ покой.

Слезы блеснули въ очахъ Екатерины и она сказала: „Вѣрю, вѣрю, Михаилъ Васильевичъ, а чтобы еще болѣе удостовѣрить меня, то завтра пріѣзжайте ко мнѣ откушать хлѣба-соли". Затѣмъ императрица осматривала мозаическія работы и разные для науки инструменты, бесѣдуя съ нимъ о любимыхъ его занятіяхъ.

Передъ смертью Ломоносовъ говорилъ: „Я не тужу о смерти; пожилъ, потерпѣлъ, и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ".

Вскорѣ послѣ его смерти, графъ М. И. Воронцовъ соорудилъ на свой счетъ прекрасный мраморный памятникъ на его могилѣ, на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Въ 1798 году императоръ Павелъ I освободилъ отъ подушнаго оклада и отъ рекрутской повинности на вѣчныя времена родственниковъ Ломоносова крестьянскаго сословія. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ Ломоносову поставленъ памятникъ въ Архангельскѣ, а при императорѣ Александрѣ II былъ торжественно отпразднованъ въ 1865 году столѣтній юбилей со дня смерти Ломоносова. Въ Москвѣ, предъ университетомъ, осно-

вапнымъ по мысли Ломоносова, воздвигнуть памятникъ Ломоносову—на возвышеніи поясное изображеніе, или бюстъ его. Чтобы на вѣчныя времена утвердить память о Ломоносовѣ въ сердцахъ русскихъ людей, императоръ Александръ II повелѣлъ ежегодно выдавать въ память Ломоносова тысячу рублей серебромъ изъ государственнаго казначейства за лучшую книгу на русскомъ языкѣ; эта сумма называется „Ломоносовскою премією“.

15) Внѣшнія дѣла.

Въ царствованіе Елизаветы Петровны Россія вела двѣ войны. Первая война была со Швеціей, а вторая съ Пруссіей.

а) *Шведская война.* Шведы не могли забыть Ништадтскаго мира, и имъ хотѣлось возвратить завоеванную Петромъ Великимъ часть Финляндіи. Война открылась въ Финляндіи въ 1741 году. Главнокомандующимъ русской арміи былъ старый генералъ Ласси, а помощникомъ его—генералъ Кейтъ. Къ удивленію, шведы, жаждавшіе войны въ теченіе многихъ лѣтъ и не перестававшіе о ней твердить, оказались менѣе къ ней подготовленными, нежели русскіе, которые не ждали и не желали войны; небольшая армія наша вступила въ Финляндію прежде, чѣмъ шведскій главнокомандующій Левенгауптъ, старый боевой товарищъ Карла XII, успѣлъ прибыть со шведскими войсками для защиты этой области. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Ласси быстро подступилъ къ Вильмапстранду, на голову разбилъ небольшой отрядъ шведскій и занялъ эту крѣпостцу. Когда же Левенгауптъ высадился на Финскій берегъ, то наступившая осень не дозволила ему дѣйствовать,

и объ арміи, по тогдашнему обычаю, расположились на зимнихъ квартирахъ.

Шведы надѣялись продолжать войну съ успѣхомъ, воодушевляемые желаніемъ возвратить потерянное ими 25 лѣтъ тому назадъ; въ этихъ надеждахъ поддерживалъ шведовъ Шетарди, французскій посолъ при нашемъ дворѣ; онъ настойчиво подстрекалъ шведовъ къ продолженію военныхъ дѣйствій, увѣряя ихъ, будто императрица Елизавета охотно согласится на нѣкоторыя уступки. Однако, надежды эти оказались тщетными и пустыми мечтами: ни сама государыня, ни Бестужевъ, нашъ министръ иностр. дѣлъ, не хотѣли и слышать объ уступкѣ даже малѣйшей части завоеваній Петра Великаго.

Съ наступленіемъ весны война возобновилась. Ласси двинулъ свою армію впередъ. Страна, по которой онъ долженъ былъ проходить, изрѣзана горами и покрыта лѣсами, на каждомъ шагу встрѣчались препятствія, которыя могли остановить наше наступленіе, если бы шведы приняли мѣры къ защитѣ или оборонѣ мало доступныхъ мѣстъ. Но Левенгауптъ стоялъ въ Фридрихсгамѣ и не только не принялъ мѣръ къ загражденію намъ пути, но даже не возвелъ укрѣпленій вокругъ города, въ которомъ находились всѣ его запасы. Когда Ласси приблизился, шведскій главнокомандующій генералъ долженъ былъ взорвать свои пороховые погреба, сжечь хлѣбные магазины и покинуть городъ со множествомъ пушекъ и другихъ предметовъ, которыхъ нельзя было скоро истребить, и началъ поспѣшно отступать. Нейшлотъ, Тавастгусъ и Кексгольмъ, поочередно оставляемые имъ, были заняты русскимъ войскомъ. Левенгауптъ отсту-

пилъ еще дальше, къ Гельсингфорсу, и неизвѣстно, гдѣ бы могло окончиться и чѣмъ бы сопровождалось это страшное отступленіе, если бы Ласси не сдѣлалъ невозможнымъ дальнѣйшаго уклоненія шведовъ отъ битвы. Напъ главнокомандующій обошелъ шведскую армію и вынудилъ ее или пробираться силой, или положить оружіе и сдаться (1742).

Какъ ни велико было разстройство шведской арміи, вслѣдствіе долгаго и постояннаго ея отступленія, но она готова была на самыя отчаянныя усилія, чтобы избѣгнуть рѣдкаго въ военной исторіи позора. Самъ же шведскій главнокомандующій разсудилъ иначе и подписалъ условія сдачи русскимъ всего своего войска; эта постыдная сдача была тѣмъ позорнѣе, что армія напа не превышала войска шведскаго. На основаніи подписанныхъ условій, шведской пѣхотѣ дозволено было сѣсть на корабли и возвратиться въ Швецію; кавалерійскія войска должны были направиться туда же чрезъ Торнео, а полкамъ, выставленнымъ финляндцами, было предоставлено разойтись по домамъ, чѣмъ они и поспѣшили воспользоваться, будучи недовольны господствомъ надъ ними шведскаго правительства. Но этимъ еще не кончились несчастія шведовъ; буря потопила часть ихъ кораблей, перевозившихъ возвращавшуюся шведскую пѣхоту, а дальнѣйшій путь, болѣзни, осень, наступившая вскорѣ послѣ этого, истребили кавалерію, слѣдовавшую сухимъ путемъ на родину. Между тѣмъ Ласси готовился сѣсть на корабли, чтобы внести войну въ самую Швецію.

Всѣми этими неудачами народная гордость была страшно оскорблена, и весь народъ требо-

валъ суда надъ Левенгауптомъ; преданный въ руки правосудія, старый сподвижникъ Карла XII признанъ былъ виновнымъ въ тяжкихъ преступленіяхъ и казненъ смертію. Между тѣмъ шведское правительство принуждено было вступить съ нами въ переговоры. Долго тянулись совѣщанія и споры; только, наконецъ, лѣтомъ 1743 года подписанъ былъ въ г. Або трактатъ, по которому наша граница была подвинута къ сѣверу до Нейшлота, со включеніемъ и этого города, къ западу же, по берегу Финскаго залива, до рѣки Кюмени и Фридрихсгама включительно.

Это завоеваніе отдаляло шведскую границу отъ Петербурга на 300 слишкомъ верстъ и, слѣдовательно, обезпечивало нашу новую столицу отъ внезапныхъ нападеній шведовъ; съ другой стороны, оно прибавляло къ русскимъ владѣніямъ часть морского берега, безъ обладанія которымъ плаваніе по Финскому заливу не могло быть для насъ вполнѣ безопасно. Такимъ образомъ, выгоды мира, заключеннаго въ г. Або, были весьма существенны. Кромѣ того, еще ранѣе окончательнаго заключенія мира, именно, когда неудачи преслѣдовали шведскую армію одна за другой, русское вліяніе въ Швеціи уже значительно усилилось; такъ что преданная союзу съ Россіей партія, одержавъ верхъ на сеймѣ, настояла, чтобы наслѣдство шведскаго престола, по смерти бездѣтной шведской королевы Ульрики-Элеоноры, было формально предложено молодому голштинскому принцу, Петру Ѳеодоровичу. Но въ это время онъ былъ вызванъ въ Россію для наслѣдованія престола въ случаѣ кончины Елизаветы Петровны и, конечно, не пожелалъ ѣхать въ Швецію.

Тогда шведы, по предложенію Елизаветы Петровны, въ условія мирнаго договора включили обѣщаніе, что назначатъ шведскимъ наслѣдникомъ престола родного дядю великаго князя Петра Ѳеодоровича, голштинскаго принца Адольфа-Фридриха. Это обѣщаніе шведскаго сената имѣло весьма важное значеніе для Россіи: Адольфъ-Фридрихъ, какъ слѣдовало ожидать, подавалъ надежды сдѣлаться добрымъ нашимъ сосѣдомъ и вѣрнымъ союзникомъ.

б) *Прусская война.* Въ XVIII вѣкѣ среди европейскихъ державъ возвысилось новое государство—Пруссія. Исторія прусскаго государства заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ державы, сосѣдней съ нашимъ отечествомъ и соединенной съ нимъ многими важными взаимоотношеніями.

Происхожденіе Пруссіи таково. Издавна на нижнемъ теченіи Вислы обитало литовское языческое племя „пруссы“; своими набѣгами они часто безпокоили сосѣдей своихъ, поляковъ. Въ XIII вѣкѣ одинъ удѣльный польскій князь призвалъ въ свою землю рыцарей католическаго нѣмецкаго ордена „Тевтонскаго“. Не желая выносить опустошительныхъ набѣговъ язычниковъ-пруссовъ, онъ просилъ рыцарей, чтобы они смирили безпокойныхъ сосѣдей и обратили ихъ въ католическую вѣру. Тевтонскіе рыцари, разгромивши пруссовъ, изъ земли ихъ „Пруссіи“ образовали Орденское владѣніе, которымъ и началъ править магистръ рыцарскаго Тевтонскаго ордена, въ зависимости отъ польскаго князя. Въ XVI вѣкѣ, именно въ 1525 году, магистръ тевтонскихъ рыцарей, отрекся отъ католичества со всѣмъ своимъ орденомъ, принялъ реформацію и превратилъ орденскія земли

въ свѣтское владѣніе „Прусское герцогство“, оставаясь въ зависимости отъ Польши. Въ XVI вѣкѣ Прусское герцогство, по наслѣдству, досталось Бранденбургскому курфюрсту (одному изъ князей—избирателей германскаго императора), происходившему изъ дома Гогенцоллерновъ. Въ XVII вѣкѣ Фридрихъ-Вильгельмъ, прозванный великимъ курфюрстомъ, уничтожилъ зависимость своего Прусскаго герцогства отъ Польши, а его преемникъ Фридрихъ I, въ слѣдующемъ XVIII вѣкѣ, принялъ королевскій титулъ, возложилъ на себя въ Кенигсбергѣ королевскую корону и устроилъ въ Берлинѣ свою резиденцію и столицу, придавши ей особенный блескъ. Преемникъ его Фридрихъ-Вильгельмъ, пріобрѣлъ часть Помераніи и увеличилъ количество своего войска, доведя его до 70 тысячъ человѣкъ. Сынъ и преемникъ этого короля, Фридрихъ II (1740—1786), современникъ императрицы Елизаветы Петровны, возвысилъ Пруссію на степень великой державы и заслужилъ въ исторіи названіе великаго.

Причины, побудившія императрицу Елизавету Петровну начать съ Фридрихомъ II войну, были слѣдующія. Фридрихъ II, стремясь къ увеличенію своихъ владѣній, вступилъ въ борьбу съ Австріей; побѣдивъ австрійцевъ, онъ отнялъ у нихъ Силезію. Марія-Терезія, императрица австрійская, желая возвратить утраченную область, не рѣшалась одна вступать въ борьбу съ Фридрихомъ и заключила союзъ съ Франціей. Кромѣ того, она обратилась за помощью и къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Елизавета Петровна, отличавшаяся глубокимъ благочестіемъ, вообще не питала расположенія къ Фридриху за его вольнодумство

и несдержанность въ словахъ и поступкахъ; но и помимо этого личнаго нерасположенія къ Фридриху, государыня была твердо убѣждена, что прусскій король есть самый опасный врагъ Россіи. Дѣйствительно, доселѣ Россія окружена была слабыми и незначительными государствами; теперь же въ сосѣдствѣ съ ней явилась новая и могущественная Пруссія; король ея началъ обнаруживать завоевательныя стремленія, началъ увеличивать свои владѣнія на счетъ сосѣдей во что бы то ни стало, не разбирая средствъ; успѣлъ уже обидѣть и обобрать Австрію, союзницу Россіи; къ невыгодѣ Россіи, онъ сталъ заводить сношенія съ нашими сосѣдями и грозилъ русскимъ интересамъ: въ Польшѣ, Турціи, Швеціи и Курляндіи. Понятно, что для охраненія своихъ интересовъ, Россія не могла долго сохранять мирныхъ отношеній къ Пруссіи, и государыня Елизавета Петровна сочла необходимымъ поддержать противъ Пруссіи Австрію, а вмѣстѣ съ нею и обиженную Фридрихомъ Саксонію.

Помимо всѣхъ этихъ соображеній, прибавлялись еще и новыя. Блестящія способности Фридриха II и неразборчивость средствъ при достиженіи цѣлей дѣлали могущество Пруссіи еще болѣе опаснымъ, еще болѣе усиливали раздраженіе русскихъ, заставляя ихъ быть постоянно въ натянутомъ положеніи, вѣчно готовиться къ какой-нибудь неожиданности, военной или дипломатической. Опасаясь происковъ Пруссіи въ Швеціи, Польшѣ и Курляндіи, государыня могла опасаться за всѣ пріобрѣтенія своего отца, Петра Великаго. Это постоянное опасеніе и раздраженіе утвердили Елизавету Петровну въ той мысли, что прусскаго

короля необходимо окружить цѣпью союзовъ и сократить его силы при первомъ удобномъ случаѣ. Такимъ образомъ, участіе Россіи въ военныхъ общеевропейскихъ дѣйствіяхъ противъ прусскаго короля, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ *Семилѣтней войны* (1756 — 1763), было вызвано глубокими, основательными соображеніями.

Семилѣтняя война начата была за сохраненіе политическаго равновѣсія европейскихъ державъ, и она сдержала Фридриха II въ его властолюбивыхъ стремленіяхъ. Благодаря твердости и настойчивости Елизаветы, силы прусскаго короля были сокращены, по крайней мѣрѣ, настолько, что впослѣдствіи, по смерти Елизаветы Петровны, Екатерина II уже не встрѣтила въ этихъ ослабленныхъ силахъ препятствія для достиженія своихъ цѣлей. Сверхъ этого важнаго значенія Семилѣтней войны, она была еще для Россіи хорошею военною школою, изъ которой вышли знаменитые русскіе полководцы, сдѣлавшіе царствованіе Екатерины II блестящимъ и славнымъ въ военномъ отношеніи.

Въ октябрѣ 1756 года Фридрихъ II началъ Семилѣтнюю войну, вторгнувшись въ Саксонію и овладѣлъ Дрезденомъ. „Я не боюсь моихъ враговъ—ни Австріи ни Франціи, —говорилъ онъ, —если только Россія останется спокойною; но что я буду дѣлать, если придется воевать еще съ русскими?“ Опасенія его сбылись: въ 1756 году 83.000 русскаго войска, подъ начальствомъ фельдмаршала графа Апраксина, перешли прусскую границу; заявъ пограничный городъ Мемель, Апраксинъ двинулся къ Кенигсбергу; 30-го августа Апраксинъ при Гроссъ-Эгерсдорфѣ разбилъ на голову прус-

ское войско, бывшее подъ начальствомъ Левальда; но вмѣсто того, чтобы воспользоваться побѣдою и и итти дальше, фельдмаршалъ началъ отступать въ Польшу. Послапники австрійскій и французскій сильно жаловались императрицѣ на этотъ поступокъ Апраксина, въ которомъ замѣчалось намѣреніе щадить прусскаго короля. Императрица приказала Апраксину явиться въ Петербургъ и дать отчетъ въ своемъ поведеніи. Всѣ бумаги Апраксина были отобраны у него, и тогда открылось, что онъ дѣйствовалъ съ согласія своего пріятеля, канцлера Бестужева. Недоброжелатели канцлера обвиняли его въ томъ, что онъ, дѣйствуя по соображеніямъ своей выгоды и по личнымъ расчетамъ, совѣтовалъ Апраксину отступать. Въ то время императрица Елизавета Петровна была опасно больна, и всѣ отчаялись въ ея выздоровленіи. Бестужевъ, разсчитывая на скорую перемѣну правленія и ожидая отъ великаго князя Петра Ѳеодоровича, будущаго государя, дружелюбнаго отношенія къ Фридриху, соотвѣтственно съ этимъ давалъ совѣты и указанія графу Апраксину. Апраксинъ былъ отданъ подъ судъ, но умеръ отъ апоплексическаго удара, не дождавшись окончанія суда. Бестужевъ былъ также арестованъ и, послѣ произведеннаго надъ нимъ слѣдствія, удаленъ отъ занимаемой должности и сосланъ въ деревню, а канцлеромъ назначенъ графъ М. Воронцовъ.

Въ 1758 году русское войско, подъ начальствомъ Фермора, вступило во второй разъ въ восточную Пруссію и заняло Кенигсбергъ, жители котораго должны были присягнуть на подданство Елизаветѣ Петровнѣ, и въ городѣ введено было русское управленіе. Казаки и калмыки страшно

опустошали непріятельскія владѣнія. 14-го августа при Цорндорфѣ Ферморъ встрѣтился съ самимъ прусскимъ королемъ. Произошло упорнѣйшее и убійственное сраженіе, которое возобновлялось два раза. Побѣда осталась нерѣшенною, но Фридрихъ былъ пораженъ стойкостью русскихъ и сказалъ: „ихъ перебить легче, чѣмъ убить“.

Въ 1759 году предпринятъ былъ третій походъ въ Пруссію подъ начальствомъ графа Салтыкова. Сраженіе произошло 1-го августа между Франкфуртомъ-на-Одерѣ и Кунерсдорфомъ. Пруссаки, которыми предводительствовалъ самъ Фридрихъ II, дрались отчаянно; самъ король нѣсколько разъ бросался въ атаку; подъ нимъ были убиты двѣ лошади, платье его было прострѣлено; тѣмъ не менѣе ни распорядительность, ни личный примѣръ Фридриха — ничто не помогло пруссакамъ одержать побѣду; напрасно пытались они всѣми средствами сломить русскихъ; войска наши не только выдержали и отразили всѣ натиски враговъ, но и сами нанесли имъ такое страшное пораженіе, что они, выбившись изъ силъ, бросились въ постыдное бѣгство. Побѣдители взяли 28 знаменъ и 172 пушки. Говорятъ, что озлобленный Фридрихъ, смотря на позорное бѣгство своихъ войскъ, въ отчаяніи воскликнулъ: „неужели ни одно ядро не поразитъ меня?“ Послѣ этого страшнаго пораженія гибель Пруссіи казалась неизбѣжной. Владѣнія Фридриха начали переходить въ руки его противниковъ, такъ что король считалъ себя погибшимъ и началъ думать о самоубійствѣ, какъ единственномъ средствѣ спасти свою честь.

Фридрихъ II, который намѣревался уничтожить русское войско и, въ минуту успѣха на лѣвомъ

крылѣ, уже поторопился послать въ Берлинъ гонца съ вѣстью о побѣдѣ, — теперь, послѣ пораженія прусской арміи, едва спасся отъ смерти или плѣна, и этимъ спасеніемъ былъ обязанъ ротмистру Притвицу, который съ 40 гусарами успѣлъ отвезти его невредимымъ съ поля сраженія. Фридрихъ въ такихъ выраженіяхъ увѣдомилъ графа Финкельштейна о положеніи дѣлъ: „Наши потери очень значительны; отъ арміи въ 48.000 человѣкъ у меня въ эту минуту не остается и 3000. Все бѣжитъ, и у меня нѣтъ больше власти надъ войскомъ. Въ Берлинѣ хорошо сдѣлаютъ, если подумаютъ о своей безопасности. Жестокое несчастіе: я его не переживу. Послѣдствія битвы будутъ хуже, чѣмъ сама битва: у меня нѣтъ больше никакихъ средствъ, и, сказать правду, я считаю все потерянымъ. Я не переживу потери моего отечества. Прощай навсегда“.

Фридрихъ, на время своей тяжкой болѣзни, сдалъ начальство надъ войскомъ генералу Финку съ инструкціей: такъ какъ несчастная армія не въ состояніи биться съ русскими, то пусть, по крайней мѣрѣ, нападетъ на Лаудона, командира австрійскаго корпуса, если тотъ пойдетъ на Берлинъ.

Елизавета Петровна, получившая въ Петергофѣ извѣстіе о преславной побѣдѣ, одержанной надъ самимъ прусскимъ королемъ, поспѣшила въ Петербургъ; въ церкви Зимняго дворца отслуженъ былъ молебенъ, при пальбѣ изо всѣхъ пушекъ вокругъ крѣпости и адмиралтейства. Салтыковъ былъ произведенъ въ фельдмаршалы, а остальные генералы получили земли, чины, ордена и другія отличія. Марія-Терезія прислала Салтыкову брильянтовый перстень, табакерку, осыпанную брильянтами, и

пять тысячъ червонцевъ; остальнымъ генераламъ пожаловала денежныя награды и цѣнные подарки.

Битва при Кунерсдорфѣ, въ которой русскіе самымъ блистательныхъ образомъ проявили свою храбрость, надолго оставалась въ ихъ памяти и въ воспоминаніяхъ пруссаковъ. Союзники наши, австрійцы, не могли не замѣчать, какъ въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ проходили они вмѣстѣ съ русскими, жители Пруссіи вездѣ отдавали преимущество послѣднимъ—и въ отношеніи ихъ храбрости въ битвахъ, и въ отношеніи великодушія ихъ среди побѣжденныхъ враговъ.

Въ 1760 году русскіе, подъ начальствомъ Чернышева, заняли столицу Прусскаго королевства—Берлинъ. Городъ долженъ былъ заплатить полтора милліона талеровъ контрибуціи и двѣсти тысячъ талеровъ на войско. Два дня, 29-го и 30-го сентября, побѣдители занимались сборомъ контрибуціи, забраніемъ королевской казны и очисткою арсеналовъ и магазиновъ; всѣ пороховыя мельницы около Берлина были разорены до основанія, равно какъ и литейные, пушечные дворы; потсдамскіе и близъ Шпандау находившіеся ружейные и шпажные заводы также были уничтожены. Королевскій же замокъ и другія публичныя зданія въ Берлинѣ остались нетронутыми. Такъ какъ Берлинъ былъ занятъ только съ финансовою цѣлью, чтобы посредствомъ контрибуціи, взятой съ него, облегчить тяжесть военныхъ расходовъ, поэтому, какъ только добыча была получена, съ 30-го сентября на 1-е октября русскія войска оставили Берлинъ.

Походъ 1761 года былъ совершенъ подъ начальствомъ Бутурлина; въ это время въ Помераніи, въ разныхъ стычкахъ, началъ отличаться бу-

дущій великій полководецъ Суворовъ, а молодой графъ Румянцевъ, тоже будущая знаменитость, взялъ крѣпость Кольбергъ. Фридрихъ II употребилъ всѣ усилія, чтобы отстоять Кольбергъ; но 1-го декабря Румянцевъ окончательно отбилъ герцога Евгенія Вюртембергскаго, который старался доставить въ Кольбергъ съѣстные припасы, послѣ чего крѣпость принуждена была сдаться. Русскіе, овладѣвъ Кольбергомъ, взяли 2903 человѣка плѣнныхъ и 146 пушекъ.

Посылая въ Петербургъ ключи Кольберга, Румянцевъ писалъ императрицѣ: „Благополучіе мое тѣмъ паче велико, что по времени считаю я сіе первое приношеніе сдѣлать къ торжественному дню рожденія вашего императорскаго величества, теплыя возсылая молитвы ко Всевышнему о цѣлости неоцѣненнаго вашего здравія, о долголѣтнемъ государствованіи и ежевременномъ приращеніи славы державъ вашего императорскаго величества, толиками побѣдами увѣнчанной“.

Средства Фридриха были истощены; единственная его союзница, Англія, готова была его покинуть. Пруссіи и королю ея грозила гибель неизбѣжная... Какъ вдругъ все перемѣнилось: въ арміи получено было извѣстіе о кончинѣ императрицы Елизаветы Петровны и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣніе новаго императора о прекращеніи всѣхъ военныхъ дѣйствій противъ короля прусскаго.

16) Болѣзнь и кончина императрицы Елизаветы Петровны.

Еще осенью 1755 года состояніе здоровья государыни Елизаветы Петровны было дурно: она харкала кровью, задыхалась, постоянно капляла, и у ней опухли ноги. Въ 1756 году здоровье имне-

ратрицы нисколько не поправилось: начали всѣ ждать печальной развязки. 8 сентября 1758 года, въ праздникъ Рождества Богородицы, Елизавета Петровна, жившая въ Царскомъ Селѣ, пошла къ обѣднѣ въ приходскую церковь, но въ началѣ службы почувствовала себя дурно и одна вышла изъ церкви. Однако, она не въ силахъ была дойти до дворца и упала на землю; два часа лежала безъ чувствъ, окруженная врачами и придворными, не смѣвшими что-либо предпринять.

Въ началѣ 1761 года болѣзненное состояніе государыни было столь значительно, что она могла слушать доклады только лежа на постели. Лѣтомъ здоровье Елизаветы Петровны совершенно разстроилось, припадки болѣзни дѣлались все чаще и чаще, и слабость, которая за ними слѣдовала, продолжалась все долѣе и долѣе, такъ что она по нѣскольку дней оставалась безъ сознанія. Страдая тяжелыми болѣзненными припадками, набожная государыня переносила мученія съ христіанскою твердостью, безропотно покоряясь волѣ Всевышняго. Совершенно больная она была перевезена въ концѣ лѣта изъ Петергофа въ Петербургъ. 17-го ноября государыня почувствовала лихорадочные припадки, но, принявъ лѣкарство, совершенно оправилась и занялась дѣлами. 3-го декабря государыня черезъ кабинетъ-секретаря Олсуфьева объявила Сенату свои высочайшія повелѣнія. 12-го декабря императрицѣ стало опять дурно: возобновились жестокое кровохарканіе и кашель. Врачи рѣшили отворить кровь и очень испугались, замѣтивъ сильно воспаленное состояніе ея. Несмотря на то, чрезъ нѣсколько дней Елизавета Петровна, казалось, оправилась. 20-го декабря императрица

чувствовала себя особенно хорошо; но на третій день, 22-го числа, въ 10 часовъ вечера, начался прежній припадокъ—капель съ сильнымъ кровохарканьемъ; врачи замѣтили и другіе признаки, по которымъ сочли своимъ долгомъ объявить, что здоровье государыни императрицы въ опасности. Выслушавъ это объявленіе, 23-го числа Елизавета Петровна исповѣдывалась и пріобщилась; 24-го числа, совершено было надъ нею таинство елеосвященія. Такъ подготовлялась благочестивѣйшая императрица къ предстоящей кончинѣ земной своей жизни, продолжавшейся 52 года, и къ переходу въ міръ загробный.

Между тѣмъ болѣзнь настолько усилилась, что вечеромъ Елизавета Петровна заставляла дважды читать отходныя молитвы, повторяя сама ихъ за духовникомъ. Предсмертная агонія продолжалась всю ночь и большую половину слѣдующаго дня. Великій князь Петръ Ѳеодоровичъ и великая княгиня Екатерина Алексѣевна находились постоянно при постели умирающей. Въ четвертомъ часу пополудни, 25-го декабря, въ праздникъ Рождества Христова, отворились двери изъ спальни въ пріемную, гдѣ собирались высшіе сановники и придворные: всѣ поняли, что это значило. Вышелъ старшій сенаторъ, князь Никита Юрьевичъ Трубецкій, и объявилъ, что императрица Елизавета Петровна скончалась и государствуетъ его величество императоръ Петръ III. Отвѣтомъ были рыданія и стоны на весь дворецъ. Новый императоръ отправился на свою половину, а императрица Екатерина Алексѣевна осталась при тѣлѣ покойной императрицы. Она усердно выполняла всѣ обязанности, предписываемыя православною Церковью от-

носительно почившей государыни до самаго ея погребенія.

17) Значеніе царствованія Елизаветы Петровны.

Раскрывая значеніе царствованія императрицы Елизаветы Петровны, знаменитый нашъ историкъ С. М. Соловьевъ говорилъ слѣдующее: „Обыкновенно повторяли, что время, протекшее отъ смерти Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II, есть время печальное, недостойное изученія; но при болѣе внимательномъ изученіи русской исторіи, подобные взгляды повторяться болѣе не могутъ. Наука заставляетъ насъ съ особеннымъ любопытствомъ углубиться въ изученіе посредствующей эпохи,—посмотрѣть, какъ Россія продолжала жить новою жизнью послѣ Петра Великаго; какъ разбиралась она въ матеріалѣ преобразованія безъ помощи геніальнаго императора; какъ нашлась въ своемъ новомъ положеніи, при его свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ“.

На западѣ, гдѣ многіе безпокоились при видѣ новой могущественной державы, внезапно явившейся на востокѣ Европы, утѣшали себя тѣмъ, что это явленіе преходящее, что оно обязано своимъ существованіемъ волѣ одного сильнаго человѣка и кончится вмѣстѣ съ его жизнію. Ожиданія не оправдались именно потому, что новая жизнь русскаго народа не была созданіемъ одного человѣка. Поворота назадъ быть не могло, ибо ни отдѣльный человѣкъ, ни цѣлый народъ не возвращается изъ юношескаго возраста къ дѣтскому, и изъ зрѣлаго возраста къ юношеству; но могли быть и должны были быть частныя отступленія отъ пре-

образовательнаго плана, вслѣдствіе отсутствія одной сильной воли.

Но болѣе печальныя слѣдствія имѣло отступленіе отъ мысли Петра Великаго относительно иностранцевъ. Самая сильная опасность при переходѣ русскаго народа изъ древней исторіи въ новую заключалась въ отношеніи къ чужимъ народамъ, опередившимъ въ дѣлѣ знанія, у которыхъ поэтому надобно было учиться. Въ этомъ-то ученическомъ положеніи относительно чужихъ живыхъ народовъ и заключалась опасность для силы и самостоятельности русскаго народа; ибо какъ соединить положеніе ученика съ свободою, самостоятельностью въ отношеніи къ учителю, какъ избѣжать при этомъ подчиненія, подражанія? Тутъ-то Петръ и оказалъ великую помощь своему народу, сокращая сроки ученія, не оставляя долго русскихъ людей въ страдательномъ положеніи учениковъ, употребляя неимовѣрныя усилія, чтобъ относительно внѣшнихъ, по крайней мѣрѣ, средствъ дать своему народу превосходство надъ образованными сосѣдями; это было сдѣлано устройствомъ войска и флота, блестящими побѣдами и важными пріобрѣтеніями, ибо это дало вдругъ русскому народу почетное мѣсто въ Европѣ, подняло его духъ, избавило отъ вреднаго приниженія при видѣ опередившихъ въ цивилизаціи народовъ. Петръ держался постоянно правила: поручать русскимъ высшія мѣста военнаго и гражданскаго управленія, и только второстепенныя могли быть заняты иностранцами.

Отъ этого-то важнаго правила уклонились по смерти Петра. Птенцы его завели усобицы, начали вытѣснять другъ друга, ряды ихъ разрѣдѣли, а

этимъ воспользовались иностранцы и пробрались до высшихъ мѣстъ. Народный духъ страдалъ во время бироновщины, чувствовалась измѣна основному, жизненному правилу великаго преобразователя, чувствовалось иго съ Запада, болѣе тяжкое, чѣмъ прежнее иго съ Востока, иго татарское.

Отъ этого ига избавила Россію дочь Петра Великаго. *Россія пришла въ себя.* На высшихъ мѣстахъ управленія снова явились русскіе люди, и когда на мѣсто второстепенное назначали иностранца, то Елизавета спрашивала: „*Развѣ нѣтъ русскаго?— иностранца можно назначить только тогда, когда нѣтъ способнаго русскаго*“.

Народная дѣятельность расцвѣтывается уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ; банки являются на помощь землевладѣльцу и купцу. На востокѣ начинается сильная разработка рудныхъ богатствъ; торговля съ Средней Азіею принимаетъ обширные размѣры; южныя степи получаютъ населеніе изъ-за границы,—населеніе, однородное съ главнымъ населеніемъ, поэтому легко съ нимъ сливающееся, а не чуждое, которое не переваривается въ народномъ тѣлѣ; учреждается генеральное межеваніе; народъ, пришедшій въ себя, начинаетъ говорить отъ себя и про себя, и является литература, является языкъ, достойный говорящаго о себѣ народа; являются писатели, которые остаются жить въ памяти и мысли потомства; является народный театръ, журналъ, въ старой Москвѣ основывается университетъ. Человѣкъ, гибнувшій прежде подъ топоромъ палача (послѣ уничтоженія смертной казни въ 1744 году), становится полезнымъ работникомъ въ странѣ, которая, болѣе чѣмъ какая-либо другая, нуждалась въ рабочей силѣ; пытка

заботливо отстраняется при первой возможности, и, такимъ образомъ, на практикѣ приготовляется ея уничтоженіе; для будущаго времени приготовляется новое поколѣніе, воспитанное уже въ другихъ правилахъ и привычкахъ, чѣмъ тѣ, которыя господствовали въ прежнія царствованія, — воспитывается, приготовляется цѣлый рядъ дѣятелей, которые сдѣлаютъ знаменитымъ царствованіе Екатерины II.

Но, говоря о значеніи царствованія Елизаветы, мы не должны забывать характеръ самой Елизаветы. Веселая, беззаботная въ ранней молодости, она должна была пройти черезъ тяжкую школу испытаній и прошла ее съ пользою. Крайняя осторожность, сдержанность, вниманіе, умѣнье обходиться съ людьми — эти качества, пріобрѣтенныя Елизаветою въ царствованіе Анны; эти качества принесла она и на престолъ, не потерявъ добродушія, снисходительности, такъ называемыхъ патріархальныхъ привычекъ, любви къ искренности, простотѣ отношеній. Наслѣдовавъ отъ отца умѣнье выбирать и сохранять способныхъ людей, она призвала къ дѣятельности новое поколѣніе русскихъ людей, знаменитыхъ при ней и послѣ нея, и умѣла примирять ихъ дѣятельность. При этомъ, разумѣется, большую службу служила ей осторожность, заставлявшая ее не вдругъ рѣшать дѣла по внушенію того или другого лица, но выслушивать и другихъ, соображать ихъ мнѣнія, думать и долго думать. „Я долго думаю“, говорила Елизавета, „но если разъ на что-нибудь рѣшилась, то не оставлю дѣла, не доведши его до конца“.

Вѣроятно, во время Семилѣтней войны были люди, которые толковали: зачѣмъ это Россія вмѣ-

шалась въ такую долгую и разорительную войну изъ-за Австріи и Саксоніи? Но не такъ думала дочь Петра Великаго, для которой скоропостижный прусскій король, не разбиравшій средствъ для своего усиленія, былъ самымъ опаснымъ врагомъ Россіи. Елизавета относительно Востока не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока не были сожжены корабли, построенные англичанами на Каспійскомъ морѣ для Персіи; точно такъ же относительно Запада она не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока не были сокращены силы прусскаго короля, который нападеніемъ своимъ на Саксонію вполнѣ оправдалъ взглядъ на него русскаго двора. Силы прусскаго короля были сокращены, благодаря твердости и энергіи Елизаветы, и если не были такъ сокращены, какъ бы она того желала, то достаточно были сокращены для того, чтобы впослѣдствіи Екатерина II не встрѣтила въ нихъ препятствія для достиженія своихъ цѣлей; кромѣ этого важнаго значенія Семилѣтней войны для Россіи, она была школою, изъ которой вышли русскіе полководцы, сдѣлавшіе царствованіе Екатерины II столь блестящимъ въ военномъ отношеніи. Такимъ образомъ, воздавая должное Екатеринѣ II, не забудемъ, какъ много внутри и внѣ было приготовлено для нея Елизаветою.

V) Петръ III.

(1761—1762).

Преемникъ императрицы Елизаветы Петровны Петръ III Ѳеодоровичъ былъ государь добродушный, но недальновидный. Хотя онъ и издалъ нѣсколько благодѣтельныхъ правительственныхъ

распоряженіи, но вообще не сумѣлъ снискать народнаго расположенія.

Изъ внутреннихъ узаконеній его замѣчательны слѣдующія. Прежде всего при немъ дворянство освобождено отъ обязательной службы и получило право служить только по своей охотѣ. Впрочемъ, правительство удержало за собою право призывать дворянъ на службу отечеству въ случаяхъ исключительныхъ; кромѣ того дворяне обязаны были заботиться о воспитаніи своихъ сыновей—отдавать ихъ въ правительственныя школы или обучать дома. Далѣе, Петръ III уничтожилъ тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію и запретилъ произносить ненавистныя „слово и дѣло“. Этимъ прекращались ложные доносы по злобѣ и клеветы на невинныхъ людей; сверхъ того, запрещено преслѣдованіе раскольниковъ, а тѣмъ изъ нихъ, которые бѣжали за границу, позволено было возвратиться; наконецъ, многимъ вельможамъ, сосланнымъ въ Сибирь, объявлено было помилованіе и дано дозволеніе возвратиться въ прежнія мѣста ихъ жительства: въ числѣ возвращенныхъ былъ и знаменитый Минихъ.

Несмотря на всѣ эти милости, русскимъ казались крайне непріятны и оскорбительны отступленія Петра III отъ предначертаній и предпріятій Петра Великаго и Елизаветы Петровны. Вопреки политикѣ почившей государыни, Петръ III, немедленно по вступленіи своемъ на престолъ, изъ неумѣреннаго почтенія къ военнымъ доблестямъ Фридриха II, прекратилъ съ нимъ войну, отказался отъ всѣхъ нашихъ завоеваній, велѣлъ русскимъ войскамъ, стоявшимъ въ Помераніи, сдать свои магазины войскамъ Фридриха, послалъ вспо-

моженіе разореннымъ войною пруссакамъ и даже заключилъ тѣсный союзъ съ Фридрихомъ. Окончивъ, такимъ образомъ, безъ всякой пользы для Россіи одну войну, Петръ задумалъ немедленно начать новую войну съ Даніей изъ-за Голштиніи, не обѣщавшей Россіи рѣшительно никакихъ выгодъ.

Безмѣрное поклоненіе Фридриху, благоговѣніе передъ всѣмъ прусскимъ, предпочтеніе оказываемое войскамъ голштинскимъ и вообще иностраннымъ предъ русскими—возбуждали общее неудовольствіе, которое усилилось до крайней степени, вслѣдствіе нерасположенія Петра III къ своей супругѣ, Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Между тѣмъ императрица умѣла пріобрѣсти всеобщее уваженіе и любовь своими блестящими способностями, развитыми образованіемъ и своею преданностью русскимъ интересамъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, послѣ кратковременнаго царствованія, продолжавшагося не болѣе полугода, Петръ III долженъ былъ отказаться отъ престола въ пользу государыни Екатерины Алексѣевны и вскорѣ послѣ того умеръ на 35-мъ году своей жизни.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Ближайшіе преемники Петра Великаго до императрицы Екатерины II (1725—1762) 3
I) Екатерина I 8
II) Петръ II.
1) Судьба Меншикова 18
2) Господство Долгорукихъ. 36
3) Болѣзнь, кончина и погребеніе Петра II. 43
4) Замѣчательныя изъ дѣлъ правленія Петра II 46
III) Анна Іоанновна.
1) Владычество Бирона 48
2) Дѣла внутреннія и внѣшнія 53
3) Болѣзнь Анны Іоанновны, назначеніе Бирона правителемъ, кончина императрицы и послѣдовавшія за тѣмъ событія 58
IV) Елизавета Петровна.
1) Восшествіе государыни на престолъ. 61
2) Первыя милости новой государыни 62
3) Утвержденіе престолонаслѣдія въ потомствѣ Петра Великаго 65
4) Коронація императрицы Елизаветы Петровны 66
5) Бракосочетаніе наслѣдника престола, великаго князя Петра Ѳеодоровича и великой княгини Екатерины Алексѣевны 69
6) Дворъ Елизаветы Петровны 77
7) Внутреннія распоряженія 81
8) Попеченіе Елизаветы Петровны о дѣлахъ церковныхъ. 86
9) Состояніе Церкви православной и православныхъ русскихъ людей въ польскихъ владѣніяхъ 94
10) Распространеніе христіанства среди инородцевъ въ Россіи. 96
11) Заботы императрицы о школахъ для образованія духовенства 101
12) Замѣчательнѣйшіе изъ духовныхъ дѣятелей, современныхъ Елизаветѣ Петровнѣ 109
13) Состояніе науки, искусства, просвѣщенія и литературы въ царствованіе Елизаветы Петровны 126
14) М. В. Ломоносовъ 142
15) Внѣшнія дѣла: а) Шведская война 169
б) Прусская война 173
16) Болѣзнь и кончина императр. Елизаветы Петровны. 181
17) Значеніе царствованія Елизаветы Петровны 184
V) Петръ III 188

коп.

29. **Никонъ, святѣйшій патріархъ всероссійскій** (съ портр.). Сост. Г. Георгіевскій. 30
30. **Праздничныя службы и церковныя торжества въ старой Москвѣ.** Сост. Г. Георгіевскій 30
31. **Двѣнадцатый годъ.** Сост. Троицкій. 60
32. **Низложеніе Наполеона** 60
33. **Смутное время.** Очерки и разсказы. Сост. Г. Георгіевскій. 30

III. Отдѣлъ географическій.

34. **Русская земля.** Томъ I. Сѣверный край. Съ рисунками и картою. Сост. Я. Рудневъ. 45
35. **Тоже.** Томъ II. Финляндія, озерная область и Прибалтійскій край. Съ картою. Сост. Я. Рудневъ. 35
36. **Тоже.** Томъ III. Волга-матушка. Сост. Н. Благовидовъ. Съ картою. 40
37. **Тоже.** Томъ IV. Пріуральскій край. Сост. П. Н. Луповъ. Съ картою 30
38. **Тоже.** Томъ V. Очерки Малороссіи, съ рисун. и картою. 30
39. **Тоже.** Томъ VI. Привислинскій край. По Весину, сост. Я. И. Рудневъ. Съ 4 рисун. и картою. 30
40. **Тоже.** Томъ VII. Бѣлорусско-литовское полѣсье. Сост. Я. И. Рудневъ. Съ картою 30
41. **Тоже.** Томъ VIII. Центральная промышленная область. Сост. Я. И. Рудневъ. Съ 18 рисун. и картою 30
42. **Тоже.** Томъ IX. Степной край. Сост. Я. И. Рудневъ. Съ картою. 40
43. **Тоже.** Томъ X. Очерки Восточ. Сибири. Сост. И. Дроздовъ. 40
44. **Москва.** Ея святыни и памятники. Съ 20 рисунками . . 45
45. **Христоворъ Колумбъ.** Очерки изъ исторіи географическихъ открытій. Сост. Рудневъ. 25

IV. Отдѣлъ литературный.

46. **І. Наумовичъ**, протоіерей. а) **Псалтырникъ.** Повѣсть. . . 20
47. б) **Четыре путеводителя доброй жизни** 20
48. в) **Сироты**. 20
49. г) **Завѣтныя три липы** 20
50. д) **Максимъ-Богачъ или Судъ Божій**. 30
51. е) **Повѣсти и разсказы изъ галицко-русской жизни**. . . . 50
52. **Избранныя сочиненія А. С. Пушкина.** Томъ I, съ портр. А. С. Пушкина, біографіей и объяснительными примѣчаніями, сост. А. Г. Филоновымъ 35
53. **Тоже.** Томъ II. Евгеній Онѣгинъ. Сказки. Драмат. сочин. 30
54. **Тоже.** Томъ III. Повѣсти. Журнальныя статьи. 30
55. **Басни и баснописцы.** Съ жизнеописаніями и примѣчаніями А. Филонова. Съ портр. И. А. Крылова. 25
56. **Народная поэзія.** Былины, пѣсни, духовные стихи. Сост. А. Оксеновъ 30
57. **Во славу Божію.** Сборникъ духовныхъ стихотвореній. Сост. А. Оксеновъ 30
58. **Герои древней Греціи.** Томъ I (Иліада). Сост. Сениговъ. 30
59. **Томъ II** (Одиссея). Сост. І. Сениговъ. 30

коп.

60. **Н. В. Гоголь.** Его жизнь и литературная дѣятельность съ образцами изъ его соч. Сост. П. В. Смирновскій. Томъ I. 35
61. **Тоже.** Томъ II. 40
62. **Историческія стихотворенія** съ примѣч. и объясн. статьями. Сост. А. Оксеновъ. Томъ I 30
63. **Тоже.** Томъ II. 40
64. **Жизнь и приключенія Робинзона Крузо.** Соч. Де-Фо. Полный перев. съ англ. М. Съ 6 рисун. въ текстѣ. Томъ I и II. 50
65. **Старецъ Евстаѳій** или воспоминанія моего дѣтства. Соч. Льва Мелисъ, въ 3-хъ частяхъ. Перев. съ ново-греческаго О. Л. Съ рисун. 40
66. **Драматическія сочин.** Н. А. Полевого изъ русской исторіи. 30
67. **Повѣсти и разсказы.** К. Икскуль. Томы I и II по . . . 25

V. Отдѣлъ сельско-хозяйственный.

68. **Сельскій огородъ.** Плодовый и ягодный садъ. Съ 45 рис. Сост. В. Н. Маракуевъ 30
69. **Сельско-хозяйственныя бесѣды.** Сост. Ѳ. Тарапыгинъ. Томъ I. Полеводство. 30
70. **Тоже.** Томъ II. Скотоводство. Съ рисун. 30
71. **Практическое пчеловодство.** Соч. Кована. Перев. съ англ. В. Маракуева. Съ 95 рисун. 30

VI. Отдѣлъ музыкально-пѣвческій.

72. **Сельскіе хоры.** Сборникъ для школьнаго и народнаго пѣнія: I. Гимны. II. Духовные стихи. III. Пьесы разнаго содержанія. IV. Народныя пѣсни. V. Пѣсни и хоры западныхъ и южныхъ славянъ.—Съ вступительною статьею объ организаціи школьныхъ и народныхъ хоровъ и съ русскимъ перев. славянскихъ пѣсенъ. №№ 68 75
73. **Церковные хоры.** Сборн. нотныхъ пѣснопѣній для школьнаго пѣнія. Часть I. Пѣснопѣнія всенощнаго бдѣнія (въ перед.). №№ 31. 60
74. **Тоже.** Часть II. Литургія. 75

При выпискѣ полнаго состава „Приходской Библіотеки“ дѣлается до 30% скидки.

Съ требованіями обращаться: 1) въ контору Товарищества **Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ**, Большая Лубянка, д. страх. о-ва „Россія“; 2) въ Издательскую Комиссію Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ, С.-Петербургъ, Кабинетская, 13. **Тамъ же и розничная продажа.**

Цѣна 30 коп.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина.

Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ.

2007041532